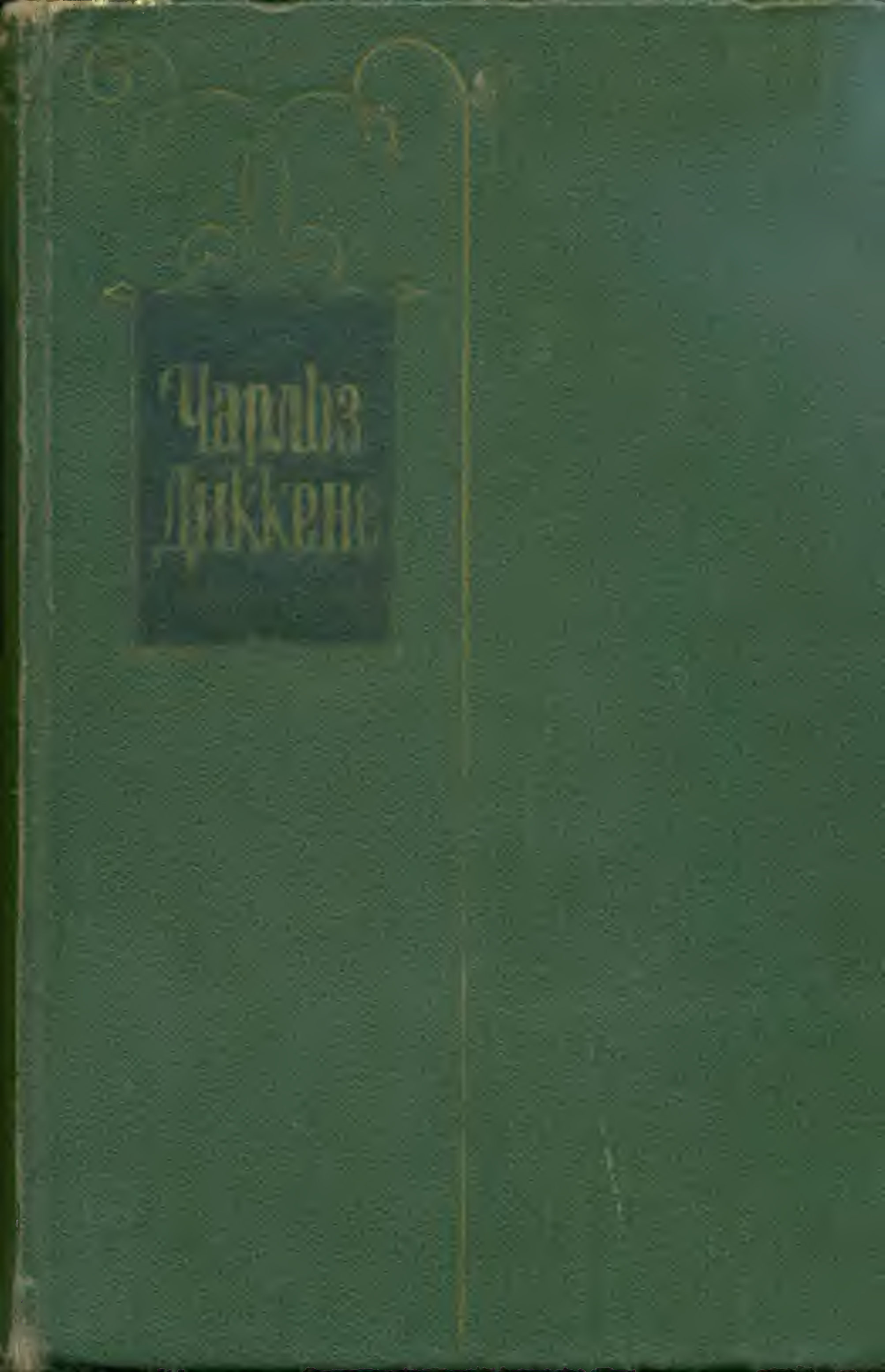

Чарльз
Диккенс

ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

Под общей редакцией
А. А. АНИКСТА и В. В. ИВАШЕВОЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1963

ЧАРЛЬЗ
ДИККЕНС

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ

ПИСЬМА

1833—1854

Переводы с английского

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1963

CHARLES DICKENS

LETTERS

1833—1854

Редактор переводов
Я. РЕЦКЕР

ПИСЬМА

1

РИЧАРДУ ЭРЛУ*

Кавендиш-сквер, Бентик-стрит, 18,*
четверг, 6 июня 1833 г.

Сэр, надеюсь Вы простите, что я взял на себя смелость обратиться к Вам с покорнейшей просьбой. Но поскольку Вы были так добры, что с похвалой отозвались о моих способностях репортера, поскольку Вы имели случай читать мои заметки и можете судить о моей добросовестности и прочем, я счел возможным обратиться к Вам с просьбой сугубо личного характера. Все свои надежды я возлагаю на Вашу доброту, ибо единственное, что может послужить извинением моего поступка,— естественное желание расширить круг моих обязанностей.

Во время перерыва между сессиями у меня почти совсем не бывает работы. Нужно ли говорить, что у меня чрезвычайно мало оснований желать, чтобы подобное состояние продолжалось и впредь. Зная, что в ходе исполнения возложенных на Вас обязанностей Вам, очевидно, нередко приходится уделять часть своего внимания организации разного рода комитетов и комиссий, которым

требуются услуги стенографиста, я решил взять на себя смелость просить Вас рекомендовать меня в качестве стенографиста, если Вы, конечно, сочтете возможным удовлетворить мою просьбу. Поверьте, сэр, я понимаю, как высоко следует ценить рекомендацию, полученную от Вас, и надеюсь никогда не дать Вам повода пожалеть, что она была дана недостойному.

Не смею долее докучать Вам, сэр, и еще раз прошу простить меня за обращение к Вам с просьбой. Могу ли я надеяться, что Вы не сочтете ее слишком большой дерзостью с моей стороны и, следовательно, совершенно недостойной Вашего внимания?

Ваш преданный слуга.

2

ГЕНРИ КОЛЛЕ*

Бентик-стрит,
вторник утром, декабрь 1833 г.

Дорогой Колле,

Я намерен, заручившись любезным согласием Вашим и Вашей супруги, как-нибудь вечерком на этой неделе посетить Вас. Впрочем, пишу я Вам не затем, чтобы торжественно возвестить столь важную новость, а чтобы просить миссис К. сообщить мне свое мнение об одном моем очерке (первом из целой серии), появившемся в последнем номере журнала «Ежемесячник» (не спутайте с «Новым ежемесячником»!). У меня нет лишнего экземпляра, который я бы мог Вам послать, но если журнал попадется Вам на глаза, разыщите в нем мой очерк. Это — тот самый, который Вы видели у меня на столе, только название его из «Воскресенья за городом» превратилось в «Обед на Поплар-Уок». Я знаю (или по крайней мере мне так кажется), что Вы не без интереса относитесь ко всему, что касается меня, и поэтому решаюсь сделать Вам сие тщеславное сообщение.

Передайте мои наилучшие пожелания миссис К. «Итак, покамест больше ни слова», мой дорогой Колле, от искренне Вашего...

От волнения моя рука так дрожит, что я ни одного слова не могу написать разборчиво.

1

ГЕНРИ КОЛЛЕ

Бентик-стрит,
пятница утром, 1834 г.

Дорогой Колле, только вчера вечером я вернулся от дядюшки из Норвуда *, где провел всю прошлую неделю в трудах и заботах и куда сегодня снова должен вернуться. Мне не передали Вашего письма, и поэтому я не буду иметь удовольствия встретиться с Вами в пятницу вечером, ведь я узнал о приглашении слишком поздно.

Редакция «Вора» оказала мне честь *, выбрав для своего журнала из всех представленных статей мою, и теперь Вы сможете прочесть ее там, пожертвовав всего лишь тремя пенсами (если, конечно, уже не истратили двух шиллингов и шести пенсов).

Я получил в высшей степени любезное и лестное предложение от «Ежемесячника» писать для этого журнала, но насколько эти джентльмены спешат получить статью, настолько же не чувствуют никакой спешки, когда речь заходит о презренном металле *. Однако я договорился с ними, и если наш журнал закроется, следующей моей статьей будет «Любительские театры», после чего я напишу «Лондон ночью». Покончив с этим, я, благословясь, приступлю к серии статей, для которой уже довольно давно собираю заметки и которая будет называться «Наш приход». Если статьи эти будут иметь успех, хотя печатать их все-таки немного опасно, я отдам «Ежемесячнику» свой новый роман, который хочу начать, чтобы они печатали его небольшими частями. Если же с ними ничего не выйдет, попробую договориться с «Метрополитэн».

Не знаю, надолго ли мне придется задержаться в Норвуде, и, как мне ни хочется увидеть Вас, не могу сказать, когда мы сможем встретиться. Но как только я вернусь, пусть даже на один вечер, я немедленно явлюсь в Ньюингтон и непременно воспользуюсь случаем навестить Вас дома. Заботы (в виде массы статей, планов и проектов) и радости (в виде пары прелестных черных глаз) требуют,

чтобы я вернулся в Норвуд. Это, конечно, очень властный голос, и я должен повиноваться.

Пожалуйста, передайте от меня привет Энн (надеюсь, у меня уже есть на это право). Мне будет очень приятно, если Вы согласитесь подумать над моей просьбой. Когда возникнет необходимость заполнить вакантное место крестного отца для юной леди или юного джентльмена (кому бы из них он ни понадобился), пожалуйста, имейте в виду мою скромную кандидатуру. Намекните об этом поделикатнее своей «хозяюшке».

Жду ответа с особенным нетерпением.

Ваш верный и преданный друг.

4

МИСС КЭТРИН ХОГАРТ*

Фернивалс-инн,
четверг вечером, 29 октября 1835 г.

Моя дорогая Кэти,

Уже скоро восемь, а я и не принимался за очерк; я даже не придумал еще темы. Надеюсь, ты простишь мне краткость этой записки и поверишь, что она вызвана единственно желанием поскорее увидеть тебя завтра утром.

Посылаю с Джорджем (который любезно согласился передать эту записку) вместо Фреда *, отлучившегося по делам, книжку, в которой имеется «Жизнь Сэведжа» *. Я загнул страницу. Пожалуйста, читай внимательно; я не сомневаюсь, что тебе с твоим вкусом это должно очень понравиться. Если же будешь читать небрежно, книга может показаться сухой. Я написал Макроуну * относительно «Руквуда» *, и уверен, что завтра уже получу книгу.

Сердечный привет матушке и Мэри. Напиши же, как и что.

Всегда твой, моя любимая...

6

ДЖ. П. ХУЛЛА*

Фернивалс-инн, 13,
пятница вечером, 6 ноября 1835 г.

Дорогой сэр, к сожалению, обязанности, связанные с моей работой в «Кроникл», помешают мне иметь удовольствие увидеться с Вами завтра. Не могу уговариваться с Вами и на следующий день, так как, возможно, буду опять занят в газете. Как только я узнаю наверное, что в моем распоряжении появится час-другой (а это, скорее всего, может случиться либо в четверг, либо в пятницу), буду умолять Вас о свидании, с тем чтобы обсудить один весьма важный вопрос.

Я надеюсь убедить Вас в необходимости отказаться раз и навсегда от Вашего венецианского замысла, и вместо него всю пьесу сделать английской. По правде сказать, ни одна из сценок, какие я набросал для оперы под названием «Гондольер», мне не нравится; а когда я вспомню, каким успехом пользовались многие из наших старых английских опер и как они в самом деле были хороши, меня все больше тянет взяться за какой-нибудь простенький сельский сюжет. Мне нравится в этой идее то, что такая пьеса не потребовала бы больших расходов и вместе с тем дала бы возможность использовать множество эффектных положений. Для «Гондольера», с другой стороны, понадобятся статисты в большом количестве и довольно дорогие декорации. Прибавьте к этим соображениям и то, что мы с Вами гораздо легче и успешней могли бы работать над английской пьесой, где все действуют и разговаривают, как люди, которых мы привыкли встречать и о которых привыкли разговаривать каждый день. Я думаю, что Вы со мной согласитесь.

У меня тут есть небольшой рассказ, который я еще не печатал и который, по-моему, было бы нетрудно переделать в пьесу. Если Вы одобрите мою мысль, я осуществлю ее в один миг, если же нет, примусь разрабатывать Ваш первоначальный замысел, но должен откровенно

признаться, что в Англии я себя чувствую дома, Венеция же для меня и впрямь чужбина.

Если Вы найдете время поразмыслить над всем этим, у Вас, вероятно, к нашей встрече будет уже готовое решение.

Искренне Ваш.

6

ДЖОНУ МАКРОУНУ

Фернивалс-инн,
среда, после обеда, 9 декабря 1835 г.

Сэр! Ни пробной страницы, ни корректур я не получал. Надеюсь, что больше задержек уже не будет и что мы оба — я и Крукшенк * вскоре получим все. Не соблаговолите ли Вы сообщить мне, что Вы успели сделать?

Я чрезвычайно польщен Вашим мнением о Ньюгете — ни в настоящем, ни в будущем ничьи похвалы не могут доставить мне больше радости, чем Ваша. Те два места, о которых Вы говорите, я пропустил не случайно, а сознательно и решил отказаться от них по зрелом размышлении. Что касается миссис Фрай *, я увидел в редакции какую-то квакершу и, повернувшись к Вам, сказал в шутку: «Вот миссис Фрай»; но была ли то в самом деле она или еще какая-нибудь добрая квакерша, каких много на свете,— одному богу известно; я даже не уверен в том, что она жива; а если даже жива, то она, должно быть, старше той дамы, которую мы с Вами видели. Теперь насчет Кухни. Я не знаю, в каком другом месте я мог бы ввести этот эпизод, не ослабляя эффекта последующего описания. Я решил его выпустить, на всякий случай,— ведь какие-нибудь щепетильные глупцы, которые смотрят на вещи иначе, чем мы с Вами, могут найти нечто отталкивающее, отвращающее в самой идее. Когда я получу корректуру, я еще раз взгляну на это место и попробую вставить его куда следует en passant [1].

И последнее, об исправительном доме. Я писал Крукшенку и просил его дать мне записку к Честертону *,

---

[1] Мимоходом *(франц.)*.

чтобы еще раз побродить по тюрьме. Впрочем, я бы предпочел не описывать ее здесь. Тюремное заключение сроком на один год, каким бы суровым оно ни было, никогда не вызовет того острого интереса у читателя, какой вызывает смертный приговор. Топчак не может завладеть человеческим воображением в той же мере, что и виселица; Хогарт, например,— а его суждением не следует пренебрегать, так как у него многолетний опыт,— говорит, что, по его мнению, еще один тюремный очерк может ослабить эффект первого.

Всегда и искренне Ваш.

7

ДЖОНУ МАКРОУНУ

Четверг утром,
7 января 1836 г.

Дорогой сэр,

Я не стал заниматься сочинением нового заглавия для очерков, и поэтому большая часть книги, если не вся книга, уже набрана. С техникой этого дела я незнаком и, признаться, не понимаю, как можно заменить слова: «Очерки Боза», когда они значатся уже на каждой странице,— не уничтожая всего тиража. Если Вам придет в голову какое-нибудь другое заглавие, сообщите, пожалуйста, я буду рад и подумаю; единственное соображение, которое заставляет меня держаться за мое старое заглавие,— это то, что оно скромное и простое — два качества, которыми начинающему писателю не следует пренебрегать. Джордж Крукшенк заходил ко мне в понедельник и сказал, что к концу недели пришлет мне записку с приглашением провести у него вечер и посмотреть его офорты. Он, должно быть, даст о себе знать либо сегодня вечером, либо завтра, и тогда я тотчас зайду к Вам.

Я чрезвычайно польщен суждением Эйнсворта о «Посещении Ньюгетской тюрьмы» и его очевидным сочувствием к нашим делам. Видел ли он «Черную вуаль»?

Искренне Ваш.

Не пора ли давать объявление? Все меня об этом спрашивают.

8

ТОМАСУ БИРДУ*

Вторник днем,
2 февраля 1836 г.

Мой дорогой Бирд,

Леметр заходил ко мне сегодня утром, чтобы поговорить о том, что нам делать, и я предложил ему следующий план, с которым он тут же согласился. Партию несогласных составляете Вы, я, Леметр, Гарфилер и Уотс. Пусть завтра днем, когда все приготовления к сессии будут окончены, один из нас (я не возражаю против того, чтобы это был я) скажет, что мы пятеро хотим поговорить с Истхопом *,— само собой разумеется, что с теми, кто уже поставил свою подпись, мы не будем входить ни в какие контакты. После этого мы скажем, что, поскольку среди нас возникли разногласия, мы хотели бы получить вполне определенный ответ и уяснить себе, будут ли те, кто отказался поставить свою подпись, уволены по истечении срока настоящего договора. Если ответ будет утвердительный, то мы письменно выразим наш протест и объявим о своем намерении заключить первый же годовой контракт, который нам предложит любая редакция. Если же Истхоп не станет настаивать на своем, то подписываться мы не будем, зато выразим готовность пойти навстречу любому приемлемому для нас предложению, если таковое не будет касаться продолжительности наших контрактов и оградит нас от повторения неприятностей, на которые мы жалуемся.

Завтра вечером я иду в «Адельфи» *. Нашей редакции оставили отдельную ложу, в которой будет место и для Вас, если Вы захотите сопровождать меня и Хогартов. Но в любом случае, поскольку встреча назначена на пять, Вы обедаете со мной ровно в три.

Всегда Ваш.

9

ЧЕПМЕНУ И ХОЛЛУ*

Фернивалс-инн,
четверг вечером, 18 февраля 1836 г.

Господа, позвольте сообщить вам, что наконец-то я принялся за «Пиквика», которому суждено будет предстать

перед читателем во всем величии и блеске своей славы *. Первая глава будет готова завтра. Мне очень хотелось бы напечатать своего «Чудака» *. Если у вас нет возражений, я был бы счастлив передать его вам. Стоит ли говорить, что вы — единственные, кто знает о его существовании. Но спешу вернуться к своему «Пиквику»...

Искренне ваш.

10

МИСС ХОГАРТ

Фернивалс-инн,
воскресенье вечером, 21 февраля 1836 г.

...Только что посадил Пиквика и его друзей в рочестерский дилижанс, и они чувствуют себя превосходно, в обществе нового персонажа, весьма непохожего на всех, доселе мной описанных, который, льщу себя надеждой, будет иметь успех. Прежде чем лечь спать, я хочу доставить их с бала в гостиницу,— а это, я думаю, совершится *в лучшем случае* во втором или третьем часу ночи. Издатели нагрянут с утра, так что мне, как видишь, остается одно: приковать себя к письменному столу.

11

ТОМАСУ БАРРОУ

Четверг, 31 марта 1836 г.

Дорогой дядя,

Огромный успех моей книги * и та репутация, которую благодаря ей я приобрел среди издателей, дают мне возможность обзавестись своим домом раньше, чем я предполагал. Поэтому я назначил на будущую пятницу свою свадьбу с мисс Хогарт, дочерью джентльмена, не так давно прославившего себя замечательной работой в области музыки. Мистер Хогарт — задушевный друг и компаньон сэра Вальтера Скотта и один из самых выдающихся литераторов Эдинбурга.

Ни одному из членов моей семьи я не представил бы свою жену с такой гордостью, как Вам, но я вынужден сказать — и я уверен, что Вы не будете на меня за это в обиде,— что не могу этого сделать по той же причине, по которой мне приходится в течение столь долгого времени отказывать себе в удовольствии видеться с Вами. Если, будучи холостым, я не мог посещать дом моего родственника, в который был закрыт доступ моему отцу, то я не смогу этого делать и став женатым, точно так же, как я не могу видеться ни с одним из моих родственников, которые относятся к отцу иначе, чем ко мне.

Мне горько говорить об этом в особенности Вам, с которым у меня связано столь многое. Я не могу забыть, как когда-то в детстве был Вашим другом и сиделкой во время Вашей долгой и изнурительной болезни, я никогда не перестаю вспоминать о тех многочисленных знаках любви и участия, которыми Вы дарили меня впоследствии.

Милый дядя, когда я говорю, что буду безмерно счастлив, если Вы дадите мне возможность снова видеться с Вами, и между нами возродятся те сердечные и дружеские отношения, которых я столь искренне желаю, я надеюсь, что Вы не поймете меня превратно. Я не прошу Вас изменить свое решение — я считал бы, что я унизил себя такой просьбой. Но я думаю, что время, быть может, смягчило Вашу непреклонную враждебность... Я могу забыть несправедливость (в этом я ничуть не сомневаюсь) по отношению к моему отцу. Я не могу, однако, быть здесь беспристрастным судьей, поскольку не в силах относиться к этим делам без предвзятости, а потому я и не могу позволить себе осудить Ваше решение.

Ни одно обстоятельство моей жизни не причинило мне такой боли, как невозможность видеться с Вами и с тетушкой. Мне остается лишь добавить, что содержание этого письма известно одной только тете Чарльтон, которой я написал на ту же тему, и заверить Вас, что при любых обстоятельствах я всегда останусь в душе

Вашим нежно любящим племянником.

12

РОБЕРТУ СЕЙМУРУ*

Ферниваллс-инн,
четверг вечером, 14 апреля 1836 г.

Сэр,

Я собирался написать Вам, как я ценю все, что Вы сделали для нашего общего друга мистера Пиквика и насколько результаты Вашей работы превзошли все мои ожидания. Я счастлив, что могу поздравить Вас, наших издателей, и самого себя с полнейшим успехом нашего предприятия.

А теперь у меня появилась еще одна причина беспокоить Вас. Вот в чем дело. Судьба «Рассказа странствующего актера» * меня очень волнует, тем более что многие из моих друзей-литераторов, суждению которых я привык верить, считают, что этот рассказ произведет сильное впечатление. Я видел Ваш эскиз к гравюре для этого рассказа. Рисунок мне кажется превосходным, но все же он не совсем передает мою мысль; а мне так хочется достигнуть возможного совершенства, что я решаюсь просить Вас сделать еще один рисунок. Я буду чрезвычайно рад видеть Вас, а также новый эскиз, когда Вы его закончите. С этой целью я пригласил Чепмена и Холла зайти ко мне вечером в воскресенье (мой единственный свободный вечер!) выпить по стаканчику грога, в надежде что и Вы присоединитесь к ним.

Попытаюсь объяснить, чего бы мне хотелось. Женщина, по-моему, должна быть моложе, а «мрачный субъект» тем более, не говоря уже о том, что у Вас он получился слишком несчастным. Вся гравюра была бы интереснее, если бы в фигуре рассказчика ощущалось больше сочувствия и заботливого внимания к больному, а сам больной, хоть он у меня изможденный, умирающий, не должен производить отталкивающее впечатление. Обстановку Вы изобразили *превосходно*.

Я позволил себе представить свои замечания на Ваше рассмотрение в полной уверенности, что Вы не истолкуете превратно чувство, которое движет мною. Надеюсь, что Вы будете в состоянии посетить меня в воскресенье вечером.

Искренне Ваш.

13

ДЖОНУ МАКРОУНУ

Фернивалс-инн, 15,
среда утром, 12 октября 1836 г.

Дорогой Макроун, что Крукшенк сумасшедший — я знаю давно, поэтому его письмо меня не удивило нисколько. Если Вы продолжаете с ним общаться, то очень меня обяжете, передав ему, что меня очень рассмешило его предложение править мою рукопись и что, если бы она попала в его руки, я бы сохранил его поправки, как «литературный курьез». Я самым решительным образом считаю, что он может отправиться к черту; и поскольку книга эта до некоторой степени моя, я положительно протестую против того, чтобы он к ней притрагивался.

Я не уверен, что она вообще нуждается в иллюстрациях, а если нуждается, то мне кажется, что лучше бы их дать моему художнику по «Пиквику», ибо он уже завоевал расположение публики благодаря вышеупомянутому бессмертному джентльмену. Об этом следует еще подумать, и, конечно, Вам виднее.

Я убежден, что на то время, пока миссис Макроун лежит в своей комнате наверху, Вам было бы полезно провести часок-другой у нас, и Кэтрин просит передать, что она всей душой согласна со мной. Дайте знать, когда соберетесь, чтобы я был дома и освободился от работы. На днях я повстречал Холланда * на улице, и, так как он был явно рад видеть старого сотрудника, я пригласил его сегодня к обеду. Не знаю, почтете ли Вы за честь или нет, но во всяком случае надеюсь, что Вы примете наше приглашение встретиться с ним за нашим столом.

Берегите миссис Макроун. Зачем Вы позволили ей так рано спускаться вниз к обеду? Кэтрин с нетерпением ожидает вестей о том, что ее здоровье пошло на поправку. Надеюсь, что Вы пришлете нам сегодня благоприятный бюллетень.

Преданный Вам...

14

ЧЕПМЕНУ И ХОЛЛУ

Фернивалс-инн,
вторник вечером, 1 ноября 1836 г.

Господа, ваше любезное письмо доставило мне огромное удовлетворение, и не столько оттого, что вы сообщаете в нем об успехе «Пиквика» и о связанных с ним для меня выгодах (хотя они и велики), сколько из-за духа доброжелательства, которым ваше сообщение пронизано, и лестных выражений, в которые вы его облекли.

Я отлично сознаю, что у мистера Пиквика в последнее время наметилась какая-то затяжная болезнь, симптомы которой продолжают грозно нарастать. Смею вас заверить, что в болезни наступил кризис и что отныне она пойдет на убыль. Не желая давать громкие обещания, я постараюсь доказать вам, на этой же неделе, что настроен весьма серьезно. Умоляю вас не забывать двух обстоятельств: первое, что у меня много других дел, и второе, что не каждый день удается заставить свой дух взмыть на пиквикианскую высоту. И хотя, благодарение богу, у меня забот не больше, чем у других, вы не поверите, как часто со мной бывает такое, что я сяду, с тем чтобы начать следующий выпуск, и вдруг чувствую полную свою несостоятельность, и тогда, вместо того чтобы принуждать себя писать, я поступаю гораздо умнее: отхожу от стола и жду. Незачем, я думаю, говорить, что я всей душой заинтересован в успехе своей книги и горжусь ею. Если бы мне суждено было прожить еще сто лет и каждый год написать по три романа, я ни одним из них не гордился бы так, как горжусь «Пиквиком», ибо чувствую, что он сам пробил себе дорогу, и надеюсь,— не стану скрывать! — что и много лет спустя, когда высохнут и рука моя, и перья, которые она держала, «Пиквик» найдет себе место на пыльных полках, рядом с творениями более достойными.

Впрочем, довольно о «Пиквике», поговорим о моем будущем. Я был бы бесчувственным и тупым писакой, если бы у меня могла зародиться хотя бы отдаленнейшая мысль расторгнуть нашу приятную и дружескую связь. Итак,

я настоящим назначаю и избираю Уильяма Холла и Эдварда Чепмена, проживающих в доме № 186 по Стрэнду, а также их наследников, душеприказчиков, управляющих и правопреемников издателями всей моей продукции, покуда газеты не объявят о моем последнем издании — в одном томе, в деревянном переплете, с медными пластинками; и вместе с драгоценнейшим другом, который даст это объявление, я надеюсь, что нескоро еще выйду в столь уникальном издании.

Я собирался в заключение сказать, как я ценю, как высоко я ценю ваше безупречное отношение ко мне. Но так как я боюсь расчувствоваться, если дам себе волю, то добавлю лишь, что остаюсь, господа, преданным вам Чарльзом Диккенсом.

15

ДЖОНУ ИСТХОПУ

Фернивалс-инн, 15,
пятница утром, 18 ноября 1836 г.

Сэр,

Было бы чрезвычайно несправедливо с Вашей стороны усмотреть в том, что третьего дня я не возвратился в редакцию, хотя бы малейшую долю неуважения. Я оставил миссис Диккенс в лавке неподалеку, и так как я затратил на ожидание в редакции и поход на Сесиль-стрит больше времени, нежели рассчитывал, я побоялся дольше оставлять ее одну среди чужих. Я ведь знал, что смогу удовлетворительным образом объяснить Вам причину, по которой я не возвратился в редакцию (впрочем, я не думал, что Вы придадите этому значение). А после этого я не являлся оттого, что был очень болен и несколько дней не выходил из дому, и потом был вынужден все свое время, день и ночь, посвятить наверстыванию того, что за это время упустил.

Позвольте заверить Вас со всей почтительностью, что Вы ошибаетесь, полагая, будто я забыл о своем обязательстве снабжать Вас очерком еженедельно. Я просто-напросто продолжал действовать так же, как и прежде, когда писал свои очерки. У нас была такая же договоренность тогда, как и теперь, но иногда я писал по два очерка

в неделю, иногда ни одного, сообразуясь как с собственными интересами, так и с интересами газеты. Мне казалось, что «Кроникл» не пострадает, если я пропущу очередной выпуск, хотя бы потому, что в это время шла ревизия судов. Надо полагать, что у газеты не было недостатка в материале, ибо я помню случай, когда мой очерк пролежал в редакции три дня, прежде чем к нему притронулись. Мне остается только добавить, что с превеликим удовольствием верну Вам шесть гиней, и жалею только о том, что не имею возможности возвратить при этом все гроши, которые мне выплатила газета сверх моего репортерского жалованья, хотя я их более чем заработал.

Я думал было просто уйти, без объяснений, а натянутый и резкий тон Вашего предыдущего письма считать за одно из проявлений чувства, столь естественного у хозяина, когда слуга извещает его о своем намерении покинуть его и предложить свои услуги другому. Теперь, однако, скажу Вам в том же духе откровенности и честности, в котором выражаете Вы свои чувства ко мне, что я ожидал от издателей «Морнинг кроникл» письменного признания моих заслуг. Теперь я уже могу сказать, что всякий раз, выполняя важные, экстренные поручения газеты, я проделывал то, что до меня считалось невозможным, а после меня вряд ли кто станет делать, и подчас в своем рвении к интересам газеты рисковал собственным здоровьем и пренебрегал личными удобствами.

Все время, что я работал в газете, всякое особенно трудное и беспокойное задание обычно поручалось мне: в самый разгар зимы я с места в карьер пускался в путешествие на сотни миль; после душной, многолюдной комнаты садился в сырой дилижанс и писал в нем ночь напролет, несся во весь опор и в любых, подчас самых неподходящих условиях записывал речи чрезвычайной важности. Думал ли я, когда изо всех сил стремился выполнить порученное мне задание и затмить другие газеты (что удавалось мне не раз), у которых в распоряжении было вдвое больше средств,— думал ли я, что в награду услышу лишь сожаление о том, что мне довелось две-три недели насладиться отдыхом, да опасение, что к концу двухгодичной службы мне переплатили шесть фунтов и шесть шиллин-

гов! Впрочем, к большому моему удовлетворению, мне стало известно, что всюду, в редакциях всех лондонских газет, знают о моей деятельности, все мои коллеги одобряют ее и готовы о ней поведать всему свету; таким образом, имея опору в уважении и расположении к себе редакторов, а также репортеров, я в состоянии обойтись и без благодарности *хозяев,* хоть и чувствую себя глубоко уязвленным их неожиданным обращением со мной.

Смею Вас заверить, сэр, что, действуя таким образом, Вам вряд ли удастся подвигнуть Ваших сотрудников на то, чтобы они делали что-либо сверх своих прямых обязанностей, вряд ли удастся удержать у себя молодых людей, которые, лишь только перед ними забрезжат другие возможности, поспешат расстаться с этой тяжелой и неблагодарной профессией, и Вам вряд ли удастся найти им подходящих преемников.

Остаюсь, любезный сэр, преданный Вам.

16

ДЖОНУ ПЕЙНУ КОЛЬЕРУ*

Пятница утром,
6 января 1837 г.

Дорогой Кольер,

Я очень обязан Вам за то, что Вы ради меня так хлопочете. Поверьте, ни один человек не охвачен столь искренним желанием быть со всеми в добрых отношениях, как я. И все же я не могу написать мистеру Истхопу и поблагодарить его за внимание, ибо я не могу взять назад ни одного слова из того письма, на которое он жалуется. Кстати, что за странная манера жаловаться на письмо еще до того, как оно написано и даже задумано. Кроме того, мне кажется, что единственным реальным основанием для его жалоб является то обстоятельство, что перспектива вечно писать репортажи для «Кроникл» не показалась мне самой заманчивой из всех возможных для меня перспектив.

Я предупредил о своем уходе гораздо раньше, чем было необходимо, и этим причинил себе денежный ущерб.

Я знал, что в течение некоторого времени мне неизбежно придется оставаться без дела, но мне не хотелось извлекать для себя выгоду из установленной владельцами системы, и потому я предупредил их сразу же. Я вел себя с ними абсолютно честно и не считаю себя обязанным в чем-то оправдываться или искупать какую-то свою вину.

Мне бы очень хотелось, чтобы Вы прочли то письмо, на которое жалуется мистер Истхоп, и послание, предшествующее этому письму. Сейчас я прикован к мистеру Пиквику и никуда не могут выйти, но во вторник утром я надеюсь быть на свободе и попытаюсь застать Вас дома.

Могу добавить, что, когда я писал Вам по поводу «Альманаха» * Бентли, у меня не было даже самого отдаленного намерения просить о какой-нибудь рецензии, которая отклонялась бы от общепринятого образца; еще менее намеревался я просить о любезности мистера Истхопа, зная, как трудно добиться рецензии в газете, где полдюжины владельцев и агентов тянут каждый в свою сторону, причем каждый из них старается за себя. Зная Вашу доброту и дружеское расположение ко мне, я обратился к Вам с просьбой.

Примите, мой дорогой Кольер,
уверение в моей глубочайшей преданности.

17

УИЛЬЯМУ ДЖЕРДАНУ*

Ферниваллс-инн,
суббота утром <*январь 1837 г.*>

Сэр,

Посылаю Вам корректуру «Джона Ричардсона» *, которую Вы, я надеюсь, соблаговолите выправить и тотчас мне возвратить.

Из-за обилия материала мне пришлось ее немного пощипать, однако, я надеюсь, Вы не сочтете, что я Вашу статью испортил. Подобную дружескую услугу мне пришлось оказать самому себе, из-за чего в прошлом месяце я оказался в весьма невыгодном положении.

Преданный Вам.

18

У. ГАРРИСОНУ ЭЙНСВОРТУ

Даути-стрит, 48,
понедельник утром, 8 мая 1837 г.

Дорогой Эйнсворт, я должен сообщить Вам печальную весть о том, что вчера днем у меня на руках скончалась сестра миссис Диккенс, та, с которой Вы встречались у нас в доме и с которой вместе обедали в среду. Накануне она была с нами в театре в наилучшем состоянии здоровья, но ночью ей неожиданно стало плохо, и сейчас ее уже нет с нами. Она была нашим верным другом с самого дня свадьбы, душой и украшением нашего дома. Поэтому Вы поймете, дорогой Эйнсворт, как тяжело мы переживаем эту ужасную потерю.

С уважением.

19

ДЖОРДЖУ ТОМПСОНУ*

Даути-стрит, 48,
понедельник, 8 мая 1837 г.

Дорогой сэр, я должен сообщить Вам печальную и горестную весть о том, что вчера в три часа дня умерла Мэри. Накануне вечером она была с нами в театре, но ночью ей неожиданно стало плохо, и днем она скончалась у меня на руках. Тело ее лежит у нас в доме, и миссис Хогарт, которая присутствовала при ее смерти, все время находится без сознания.

Мы немедленно вызвали врачей, мы использовали все средства, которые только могло предложить искусство врачей и подсказать наша собственная тревога. Но наша дорогая девочка пала жертвой ужасного недуга. Врачи считают, что в течение долгого времени у нее развивалась болезнь сердца. Общее состояние ее здоровья и в особенности эта ужасная скоропостижная смерть позволяют мне думать, что они правы.

Вы не можете себе представить, в какое горе повергло нас это страшное событие. С самого дня нашей свадьбы она была душой нашего дома, внося в него мир и радость. Я не хотел бы обидеть более близких родных и старых друзей, но смерть этой девушки, чьей красотой и редкими душевными качествами восхищались все, кто ее знал,— невозместимая потеря для нас, оставившая в душе пустоту, которую ее друзьям никогда не удастся заполнить.

Искренне Ваш.

20

У. ГАРРИСОНУ ЭЙНСВОРТУ

Хемпстед, Норт Энд, ферма Коллинз,
среда вечером, 17 мая 1837 г.

Дорогой Эйнсворт, меня так глубоко потрясла смерть девушки, которой была отдана моя самая глубокая и нежная (после жены) привязанность, что мне, конечно, пришлось отказаться от мысли закончить все, что я намечал на этот месяц, и попытаться отдохнуть две недели. Чтобы сменить обстановку, я снял маленький домик и приехал сюда подышать воздухом в тишине.

Надеюсь, здешняя дорога доходит почти до самого Вашего дома. Пожалуйста, приезжайте к нам и проложите путь. Вы не представляете, как я был бы рад видеть Вас именно сейчас. Я написал Вам наш адрес, и теперь слово за Вами. Большой привет дамам.

Искренне Ваш.

21

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ*

Кале, гостиница Риньоль,
2 июня 1837 г.

Вы не можете себе представить, дорогой Форстер, в каком состоянии мы приехали сюда сегодня утром. Дамы чувствовали себя вполне сносно, но мне было ужасно скверно. В тот миг, когда пароход наш собирался отчалить

от пристани Дувра, запыхавшийся посыльный вручил мне письмо от Вас и номер «Экзаминера» *, который поистине спас меня от страшных приступов тошноты и не дал мне погрузиться в бездну отчаяния, охватившего мою душу, когда у меня «синь моря под ногами, лазурь над головой». Я всегда считал «...и всюду тишина, куда б я ни поехал» Барри Корнуэла (иначе Проктера) * прекрасным выражением уныния, навеваемого путешествием по морю. Я-то знаю, какая бывает ни с чем не сравнимая тишина, когда мне приходится плыть на пароходе.

Но поговорим о серьезном. Как мне благодарить Вас за Вашу прекрасную рецензию? Вы так глубоко и тонко понимаете все, что я хотел выразить, и для меня это дороже самых громких, но отвлеченных похвал, которые мне когда-либо расточались,— это все, что я могу Вам сказать. Вы знаете, как высоко я всегда ценил Ваше мнение, ибо что, как не взаимная симпатия, положила начало нашей дружбе, которую, я надеюсь, мы сохраним до самой смерти. Ваши рецензии наполняют меня не только благодарностью, но и гордостью, так что смотрите не вскружите мне голову.

Дальше мы поедем дилижансом и побываем в Генте, Брюсселе, Антверпене и сотне других мест, чьи названия я забыл, а если бы и вспомнил, все равно не смог бы написать без ошибок. Сегодня днем мы наняли ландо и поехали в парк, где бывают танцы,— видели бы Вы, как старались танцующие, особенно женщины, которые кажутся удивительно славными в своих коротких пышных юбках и чепчиках.

Некий джентльмен в голубом сюртуке и шелковых перчатках взял нас под свое покровительство, как только мы вышли из гостиницы. Он даже прошелся в вальсе с какой-то чрезвычайно нарядной дамой, снисходительно показав нам, как его следует танцевать по-настоящему,— танцевал он и вправду отлично. Вернувшись в гостиницу, мы позвонили, чтобы принесли туфли, и тут оказалось, что наш коридорный — тот самый джентльмен. Как все это похоже на Францию, правда?

Думаю, что мы, с божьей помощью, вернемся домой в воскресенье или в понедельник утром, и как только при-

едем, я постараюсь повидаться с Вами — по крайней мере как только оправлюсь от морской болезни. А пока я кляну себя за рассеянность, потому что забыл отправить свое письмо Бентли и потерял черновики. Этой же почтой я отправляю ему другое письмо примерно того же содержания.

Миссис Д. и Браун * шлют Вам сердечный привет.

Ваш искренний и верный (надеюсь, Вы никогда не усомнитесь в этом) друг.

[*В это письмо была вложена следующая копия письма к Бентли*]:

22

РИЧАРДУ БЕНТЛИ

<2 июня 1837 г.>

Дорогой сэр, я написал Вам несколько строк утром в день нашего отъезда, но в спешке и суете забыл его отправить. Пишу Вам отсюда снова, потому что дело это чрезвычайно для меня важно и потому что я хочу, чтобы Вы имели возможность всесторонне обдумать его, прежде чем дадите мне ответ.

Вы не раз говорили мне о своем самом искреннем желании достойно вознаградить меня, когда речь шла о моем первом романе, и у меня нет никаких сомнений, что это именно так. Нужно ли говорить, что, принимая во внимание события, которые имели место после заключения нашего договора, изменение в моем положении, а также растущую популярность моих произведений, вряд ли Вам или мне может показаться возможным издавать эти последние на каких-либо иных условиях.

Прошу Вас обдумать все это и сообщить мне точно, на какой основе и на каких условиях Вы предлагаете мне сотрудничать с Вами.

Вы чрезвычайно меня обяжете, если пришлете мне копию нашего договора *, которой у меня никогда не было.

Я надеюсь вернуться к следующему воскресенью.

Примите и пр.

23

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Даути-стрит, 48,
пятница утром, июнь 1837 г.

Мой дорогой Форстер,

Я позволяю себе прислать Вам прилагаемые выпуски «Альманаха» просто так, без всяких видов на печатный отзыв на них,— ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем,— но потому, что мне очень хочется, чтобы Вы знакомились со всем, что я пишу, возможно скорее. Это может показаться тщеславием, но, право же, здесь не то. Поверьте, мне доставляет огромное наслаждение знать, что Вы продолжаете читать мои писания, и я просто не могу выразить Вам, как велико для меня удовольствие слышать из Ваших уст, что бедняга «Оливер» трогает Вас,— для меня это высшая похвала.

Искренне Ваш.

Жду Вас во вторник, не забудьте.

24

У. Г. УИЛСУ*

Даути-стрит, 48, Мекленбург-сквер,
среда утром, июнь 1837 г.

Мистер Диккенс просит мистера У. Г. Уилса принять уверения в совершенном к нему почтении и извинить за то, что присланный им очерк не был возвращен ему тотчас же. Это произошло по чистой случайности. Мистер Диккенс был бы рад принять его, если бы в нашей периодической печати за последние годы не появилось так много заметок на эту тему (переводы и т. д.). Любопытно, что перед ним в настоящую минуту лежат три статьи, присланные в редакцию «Альманаха», авторы которых разделяют то самое заблуждение, о котором пишет мистер Уилс.

Мистеру Диккенсу очень понравилась поэтичная сказка мистера Уилса, и он предполагает поместить ее в июньском номере журнала. Что бы ни прислал мистер Уилс для «Альманаха», мистер Диккенс будет счастлив уделить все свое внимание его работам немедленно.

25

ДЖОНУ ТЕЙЛОРУ СИННЕТУ

Даути-стрит, 48,
среда утром, июнь 1837 г.

Мистер Чарльз Диккенс свидетельствует свое почтение мистеру Синнету и имеет честь уведомить его о том, что он обнаружил перевод «Голубого чуда», чрезвычайно схожий с тем, который был прислан мистером Синнетом для «Альманаха». Перевод этот появился около двух лет тому назад в дешевом повременном издании, именуемом «Скиталец».

Само собой разумеется, мистер Диккенс уверен в том, что мистер Синнет не был осведомлен о наличии другого перевода упомянутого выше произведения, но так как в интересах редактируемого мистером Диккенсом издания в высшей степени важно не допускать подобных ошибок, мистер Диккенс хотел бы знать, может ли мистер Синнет поручиться в том, что присланное им «Новогоднее приключение» еще не появлялось нигде в английском обличье.

26

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Даути-стрит, Мекленбург-сквер,
пятница вечером, июнь 1837 г.

Мой дорогой Форстер,

Полчаса назад я узнал из достоверного источника (а именно от переплетчика «Пиквика»), что Макроун намерен предпринять новое издание моих «Очерков» в ежемесячных выпусках почти такого же размера и точно такого же формата, что и «Записки Пиквикского клуба».

Мне нечего говорить Вам, что здесь — прямое ущемление моих интересов и что я отнюдь не желаю, чтобы публика решила, будто я воспользовался успехом Пиквика и навязываю ей свою старую работу в новом платье, чтобы набить себе карман. Моей репутации, разумеется, тоже будет причинен ущерб — хотя бы потому, что мое имя будет распубликовано по городу в связи с тремя разными книгами одновременно *. Так как Вам известны обстоя-

тельства, при которых я был вынужден продать свое авторское право, и так как я знаю, что могу рассчитывать на Вашу доброту, позвольте мне просить Вас зайти к Макроуну и передать ему в самой энергичной и категорической форме мой протест. Я хотел бы напомнить ему, сколько он уплатил за эти книги, сколько распродал их и сколько выгоды он, несомненно, извлек из торговли ими. Я хотел бы также напомнить ему, что, когда он приобрел право на них, он ни словом не намекал — ни сам, ни через своего представителя — о своем намерении печатать их таким образом. Я хотел бы, чтобы Вы затем воззвали к его честности и чувству справедливости и спросили, будет ли он настаивать на осуществлении своего замысла после того, что Вы ему сказали?

Я считаю необходимым прибавить, и это не угроза, произнесенная в сердцах, а зрелое, обдуманное решение,— что если это новое издание увидит свет, я помещу во всех газетах объявление, что оно выходит не только без моего согласия, но и несмотря на мой решительный протест; что мне оно не приносит ни малейшего дохода и что я убедительно и настоятельно прошу всех моих друзей и всех, кто сочувствует мне, не покупать это издание. Где бы ни появлялось объявление о нем, я всюду буду печатать это свое заявление.

Остается еще прибавить следующее: если Макроун скажет, будто предварительные расходы по этому изданию мешают ему отступиться от своего замысла, имейте в виду, что Чепмен и Холл, которым известно мое отношение к этому делу, охотно перекупят авторское право и при расплате примут в расчет и эти издержки.

Если Вы возьмете на себя это дело, Вы тем самым навсегда обяжете, мой дорогой Форстер, Вашего преданного слугу.

27

ТОМАСУ ХЕЙНСУ*

Даути-стрит, 48, Мекленбург-сквер,
суббота, 3 июня 1837 г.

Сэр,

Нас должен был познакомить наш общий друг, Бирд, но ему никак не удавалось с Вами встретиться, и вот я

решаюсь представиться сам в качестве «Боза». Я не сомневаюсь, что, когда Вы узнаете причину моего нетерпения, Вы отнесетесь к нему сочувственно.

В следующем выпуске «Оливера Твиста» я намерен вывести судью; в поисках судьи, который своей жестокостью и грубостью заслужил бы того, чтобы его «показать», я, разумеется, набрел на мистера Лейнга, прогремевшего на весь Хеттон-гарден. Я достаточно о нем наслышан, но я хочу описать его наружность, для чего мне необходимо его повидать, а это (к счастью или несчастью, не знаю) до сих пор мне не удавалось.

И вот мне пришло в голову, что, может быть, под Вашим покровительством мне посчастливилось бы как-нибудь утром проникнуть на минуту в суд Хеттон-гарден. Если бы Вы нашли возможным мне помочь, я был бы в самом деле очень Вам обязан.

В настоящее время я живу в Хемпстеде, но если Вы напишете мне по моему городскому адресу, сообщив, когда мне можно к Вам прийти или когда Вам будет угодно прийти ко мне, я пе заставлю себя ждать. Независимо от того, окажетесь ли Вы в состоянии помочь мне или нет, я буду рад воспользоваться случаем познакомиться с Вами.

Искренне Ваш.

28

ДЖОРДЖУ БИДНЕЛЛУ*

Даути-стрит,
понедельник вечером, июль 1837 г.

Сэр,

Я умышленно не отвечал до сих пор на Вашу записку, для того чтобы Вы могли с чистой совестью сказать, что ничего от меня не получали, в случае если мистеру Кларку вздумалось бы Вас об этом спросить.

И вот почему: если бы я, хотя бы и в самой незначительной степени, позволил себе использовать полученные таким образом сведения, то, как бы я ни украсил эти факты своей фантазией, в один прекрасный день — может быть, после моей смерти — свету стало бы известно, что я не являюсь единственным автором «Записок Пиквикского клуба» и что некий джентльмен из тюрьмы на Флитстрит прекрасно помнит, как он почти слово в слово рас-

сказывал то-то и то-то, и так далее. Короче говоря, я предпочитаю в этих случаях прибегать к собственной фантазии. Историю самого мистера Кларка я вложил в уста башмачника, который расскажет ее в следующем номере; во всем, что я пишу о Флит-стрит,— только это и взято мной непосредственно из жизни. Вымышленные истории выставляют общественное зло в еще более ярком свете, в них не задеваешь личностей, и можно избежать миллиона нелепостей, в которые неминуемо впадаешь, когда пользуешься рассказом какого-нибудь живого лица об обидах, которые ему довелось претерпеть.

Если из того же источника Вы получите еще какие-либо сообщения, скажите, пожалуйста, что первый рассказ Вы мне передали, и дело с концом.

Передайте мой нижайший поклон миссис и мисс Бидвелл.

Искренне Ваш.

29

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Даути-стрит,
вторник утром, июль 1837 г.

Дорогой Форстер, сижу я дома в куртке и домашних туфлях и не могу никуда выйти, как тот самый скворец, которого сейчас почти совсем забыли.

Я спешу «как на пожар», и, думаю, следующая часть «Пиквика» превзойдет все написанное мной о нем. Жду Вас в час.

Если у Вас есть знакомые в соборе св. Павла, пожалуйста, пошлите туда кого-нибудь и попросите, чтобы там не звонили так громко в колокол, потому что я почти не слышу, как в голову мне приходят мысли и что они говорят.

Искренне Ваш.

30

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Бродстэрс,
3 сентября 1837 г.

...Мне сейчас гораздо лучше, и я надеюсь, что смогу приступить к восемнадцатому выпуску «Пиквика». Вы только тогда поймете, как мне было плохо, когда я со-

общу Вам, что целых 24 часа у меня во рту не было ни капли пива!!! И все-таки я выдержал это испытание... Я обнаружил, что у хозяина «Альбиона» имеется запас восхитительной голландской водки (но что Вам до того, ведь Вы не понимаете моих страданий!) и что живущий напротив меня сапожник — католик, который каждое утро проводит полтора часа за молитвой в задней комнате. Во время отлива я дошел по песчаной отмели до Рамсгета, а когда вода поднялась, сидел там, пока холод не пробрал меня до костей. Я видел леди и джентльменов, которые гордо шествуют по земле, не отягощая своих ног обувью, и резвятся в море, не обременяя своего тела купальными костюмами. Я видел солидных джентльменов, которые часами разглядывают в мощные подзорные трубы пустоту и, наконец, увидев облачко дыма, воображают, что за ним скрывается пароход, и уходят домой, совершенно довольные собой и вполне счастливые. Я обнаружил, что в доме у другого нашего соседа живут под одной крышей, вместе с прочей мебелью, его собственная жена и еще одна особа,— жена совершенно слепая и глухая, а особа пьет горькую. И если Вы все-таки дочитаете это письмо до конца, то Вам-то уж станет ясно, что я подписываюсь не только на периодические издания, но и на письма (может быть, хоть это обстоятельство отчасти объяснит, почему письмо такое длинное и бессвязное).

31

Т. Н. ТАЛЬФУРУ*

Даути-стрит,
среда вечером, октябрь 1837 г.

Марри *, полагая, что от одного упоминания в «Квортерли» * всякий молодой человек должен непременно сойти с ума от радости, прислал мне вчера выпуск этого журнала. Сдается мне, что Хейуорд * никак не может забыть того, что я в свое время отклонил его дружбу. Впрочем, я на рецензию не в обиде, и многое в ней нахожу справедливым, а то, что не нахожу справедливым, вероятно, тоже справедливо, ибо я не могу себя считать в этом деле беспристрастным судьей.

Трудно, я думаю, сыскать писателя, у которого было бы меньше авторского тщеславия, чем у меня, и если я и дорожу мнением публики, то это оттого, что сочинительство для меня является, к сожалению, не только призванием, но и ремеслом.

При всей Вашей скромности Вам совсем незачем краснеть, вспоминая «другое дело», и я только жалею, что не знаю лучшего способа заверить Вас в том, что являюсь вашим искренним, сердечным и преданным другом.

32

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Брайтон,
пятница, 3 ноября 1837 г.

...Сегодня чудесный день, и мы этим воспользовались, а до этого ветер был такой сильный, поднимались такие штормы, что Кэт едва осмеливалась нос высунуть на улицу. В среду налетел настоящий ураган, он разбивал стекла, срывал ставни, сшибал людей с ног и задувал огонь в очагах, вселяя страх и ужас в сердца. Несколько часов кряду в воздухе было черно от шляп (подержанных), кои, если верить слухам, были сорваны ветром с голов неосторожных пассажиров во всех концах города, а впоследствии старательно подобраны рыбаками. Как гласила афиша, Чарльз Кин * должен был играть в «Отелло» «по случаю бенефиса миссис Сефтон, любезно согласившись отложить свой отъезд в Лондон на один день». Не знаю, добрался ли до театра он сам, но уверен, что никто, кроме него, туда не попал. Сегодня вечером дают «Медовый месяц», и я по этому случаю решил поддержать старуху драму. У нас тут прекрасная гостиная с огромным итальянским окном и видом на море, но брат нашего Б., который обещал показать мне местные достопримечательности, ни разу не появлялся, вследствие чего мое представление об этом месте несколько сужено и ограничивается павильоном, молом и морем. Впрочем, я довольствуюсь последним, и если только ко мне не присоединится некое лицо мужского пола (а как по-вашему, присоединится или нет?), то, по всей видимости, круг моих знакомств не расширится.

Я рад, что Вам нравится последний выпуск Оливера, и особенно рад, что Вы отмечаете первую главу. Я возлагаю большие надежды на Нэнси. Если только мне удастся написать ее так, как я задумал, и если еще один персонаж, который должен служить ей контрастом, получится, тогда мне уже, пожалуй, не страшен ни мистер....., ни его дела. По вечерам я с трудом удерживаюсь — так и тянет расправиться с Феджином и компанией; но так как я приехал сюда отдыхать, я не поддаюсь соблазну и со всем прилежанием предаюсь труднейшему занятию — праздности. Читали ли Вы (впрочем, конечно, читали) «Историю сатаны» Дефо? Какая великолепная вещь! Я купил ее за пару шиллингов вчера утром и не могу от нее оторваться. Надо было быть такими безмозглыми гениями, как мы, чтобы не предвидеть, что ответит М. Передайте ему сердечный привет от меня. Но вот идет X. Я должен быть на репетиции его оперы. Это будет лучше всякой комедии. Кстати о комедиях. Надпись «Проезда нет» все еще мозолит мне глаза, когда я бываю на той улице. Я взял билеты на следующий вторник. Мы будем дома к шести, и я надеюсь увидеть Вас хотя бы вечером. Боюсь, что восемь пенсов покажется Вам чрезмерно большой ценой за такое письмо *; впрочем, если самые горячие уверения в дружбе и преданности и радость, которую я ожидаю от встречи с Вами, чего-нибудь да стоят, бросьте их на чашу весов вместе с сотней добрых пожеланий и еще одним сердечнейшим заверением в том, что я и т. д. и т. п. Остаюсь Ваш *Чарльз Диккенс*. Для завитушки не хватило места — в следующий раз, когда буду писать Вам, пририсую ее.

33

МИССИС ХЬЮЗ

Лондон, Даути-стрит, 48,
понедельник, 29 января 1838 г.

Сударыня,

Я прочитал статью, которую Вам было угодно прислать мне, и, к прискорбию своему, должен сообщить Вам, что использовать ее не могу. Сочинения такого рода не

подходят для «Альманаха», редактором которого я являюсь, начать же новую серию я сейчас не в состоянии.

Я надеюсь, что Вас не обидит мое сообщение: я глубоко тронут, поверьте, тем теплым, поистине женским чувством, которое пронизывает Вашу небольшую повесть, а также похвальными причинами, побудившими Вас написать ее.

Если позволительно мне дать Вам совет, то я самым искренним и настоятельнейшим образом хотел бы убедить Вас поискать каких-либо других средств помочь Вашему другу. Вы не можете себе представить, сколько забот и неприятностей Вы уготовите себе, если вступите на путь писательства, сколько досады и горечи проникнет в Вашу жизнь, судя по Вашему письму, столь уединенную. Никакое денежное вознаграждение, поверьте, никогда не возместит Вам потери душевного покоя.

Я верну Вам рукопись, как только Вы укажете мне, куда и как ее направить. Позвольте мне уверить Вас, что эти несколько слов я набросал со всей искренностью, ибо тон Вашего письма таков, что я не мог ограничиться сухим деловым ответом.

Остаюсь, сударыня, Вашим покорным слугой.

34

КРУКШЕНКУ

<Январь 1838 г.>

Мой дорогой Крукшенк, на очаге должен быть *маленький* чайник, а на столе маленький черный чайник для заварки с подносом и прочим и жестяная баночка для хранения чая — на две унции. Кроме того, висит шаль, а перед очагом — играет кошка с котятами.

Всегда преданный Вам.

35

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

9 февраля 1838 г.

...Первая глава «Николаса» окончена. Пришлось повозиться, но мне кажется, что она удалась...

36

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

<Февраль 1838 г.>

...Только меня выкинет на берег и я принимаюсь мужественно атаковать «Оливера», как поднимается волна моей ежемесячной работы и затягивает меня снова в море рукописей...

37

РИЧАРДУ БЕНТЛИ

11 февраля 1838 г.

...Я много думал последнее время о «Барнеби Радже». Гримальди * отнял столько времени от короткого промежутка, который у меня был между окончанием «Пиквика» и началом новой работы, что, боюсь, я не доведу ее к намеченному мною сроку до такого состояния, которое удовлетворило бы меня и годилось бы для Вас. Я хотел бы, чтобы Вы поразмыслили над следующим предложением: не кажется ли Вам, что Вам было бы выгоднее, а мне много проще начать печатать «Барнеби Радж» в «Альманахе» тотчас по окончании «Оливера Твиста» и выпускать его в течение того же срока, что и предыдущий роман, с тем чтобы впоследствии издать его в трех томах? Рассудите сами. Для того чтобы «Альманах» удержался на том же уровне, необходимо продолжать печатать в нем какую-либо мою повесть,— после того, как закончится «Оливер». Если я засяду за «Барнеби Раджа» и примусь писать его урывками в свободное время (а учитывая мои многочисленные обязательства, таким образом я мог бы окончить его очень нескоро), ясно, что я никак не могу одновременно начать какой-либо новый роман в выпусках для «Альманаха». Писать три разные повести сразу, давая в печать ежемесячно по большой порции каждой, было бы не по плечу самому Скотту. Между тем, если мы начнем публиковать «Барнеби» в «Альманахе», мы восполним брешь, которая образуется с окончанием «Оливера», а у Вас будет еще то преимущество, что новая работа

безусловно поднимет цену на «Оливера Твиста». Поразмыслите об этом на досуге. Я действительно пекусь о том, чтобы поступить наилучшим образом не только по отношению к себе, но и к Вам, и если бы Вы приняли мое предложение, все материальные выгоды были бы на Вашей стороне...

38

ФОРСТЕРУ

21 февраля 1838 г.

...Вчера написал двадцать страниц «Николаса»,— остается еще четыре на утро (встал в восемь!),— и заказал лошадь на час.

39

ФОРСТЕРУ

9 марта 1838 г.

...Вчера до обеда обдумывал «Оливера», но как только я принялся за него всерьез, меня позвали к Кэт *. Впрочем, я успел сделать восемь страниц и надеюсь сегодня утром довести их число до пятнадцати.

40

ДОКТОРУ КЮНЦЕЛЮ*

Даути-стрит,
понедельник вечером, июль 1838 г.

Дорогой сэр,

Держите, пожалуйста, «Английских писателей», сколько Вам угодно. Я жалею только о том, что этот сборник не столь полон и занимателен, как мне бы того хотелось.

К стыду своему, должен признаться, что в постоянной спешке чуть не забыл о Вашей просьбе. Чтобы не забыть ее совсем, расскажу Вам сейчас же «все, что мне известно».

Я родился седьмого февраля 1812 года в Портсмуте, английском портовом городе, замечательном главным образом большим количеством грязи, евреев и матросов.

Отец мой по долгу службы — он числился в расчетной части Адмиралтейства — был вынужден время от времени менять место жительства, и таким образом я двухлетним ребенком попал в Лондон, а в шесть лет переехал в другой портовый город, Чатам, где прожил лет шесть или семь, после чего снова вернулся в Лондон вместе со своими родителями и полдюжиной братьев и сестер, из которых я был вторым.

Свое образование я начал кое-как и без всякой системы у некоего священника в Чатаме, а закончил в хорошей лондонской школе,— длилось оно недолго, так как отец мой был небогат и мне рано пришлось вступить в жизнь. Свое знакомство с жизнью я начал в конторе юриста, и надо сказать, что она показалась мне довольно убогой и скучной. Через два года я оставил это место и в течение некоторого времени продолжал свое образование сам в Библиотеке Британского музея, где усиленно читал; тогда же я занялся изучением стенографии, желая испытать свои силы на поприще репортера — не газетного, а судебного, в нашем церковном суде. Я хорошо справлялся с этим делом, и меня пригласили работать в «Зеркале парламента» — листке, который в ту пору был посвящен исключительно дебатам; затем я сделался сотрудником «Морнинг кроникл», где работал до появления первых четырех или пяти выпусков Пиквикских записок; на страницах этой же газеты впервые увидела свет большая часть моих коротких очерков. Кое-что появлялось в старом «Ежемесячном журнале». Должен Вам сказать, что в «Морнинг кроникл» я был на хорошем счету благодаря легкости пера, работа моя весьма щедро оплачивалась, и расстался я с газетой в тот период, когда Пиквик начал достигать апогея своей славы и популярности.

Моя дальнейшая карьера Вам известна. Но раз уж Вы взялись собирать сведения для моей «Жизни и приключений», прибавлю, что в детстве я был страстным читателем и к десяти годам имел порядочное представление о наших романистах, сочинял трагедии, которые давал

разыгрывать своим сверстникам, в школе прославился тем, что постоянно получал призы и, должно быть, имел незаурядные способности; женат я на старшей дочери мистера Хогарта из Эдинбурга, известного двумя трудами о музыке и тесной дружбой с сэром Вальтером Скоттом; в настоящее время, имея двадцать семь лет от роду, я надеюсь, с божьей помощью, сохранить еще на много лет здоровье, бодрость духа, силу воображения и упорство (в той мере, в какой я ими обладаю сейчас).

Возможностей для наблюдений у меня было много. С детских лет я познакомился с жизнью, жил в Лондоне, не раз пускался путешествовать по Англии и побывал почти во всех ее уголках, немного поездил по Шотландии, еще меньше по Франции, но где бы ни был, держал глаза широко открытыми. Я надеюсь, что в скором времени какой-нибудь благодатный ветер занесет меня и в Германию.

Ну вот, я рассказал столько о себе в этом одном письме, сколько, наверное, и за двадцать лет не рассказал бы. Если Вы можете разобраться в моем беспорядочном рассказе, а главное, заинтересовать им кого-либо, то Ваше искусство, дорогой сэр, выше темы, которую Вам было угодно избрать.

Если это может утешить немецких дам, расскажите им, что у меня двое детей.

«Очерки», я забыл сказать, вышли отдельной книжкой, которая пользовалась удивительным успехом и выдержала несколько изданий.

41

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Вторник вечером,
август 1838 г.

...Работаю по-прежнему вовсю. Нэнси больше нет. Вчера вечером я показал то, что сделал, Кэт, и она пришла в неописуемое «расстройство чувств»; это подтверждает мое собственное ощущение и дает мне надежду на успех. Как только отправлю Сайкса в преисподнюю, представлю эту часть на Ваш суд...

42

ДЖОРДЖУ КРУКШЕНКУ

Даути-стрит,
суббота утром <август 1838 г.>.

Мой дорогой Крукшенк,

После того как я написал сцену побега Сайкса, я убедился в том, что она не подходит для иллюстрации. Сцена эта так сложна, в ней такое обилие фигур, такое бурное действие да еще факелы, что на маленькой картинке невозможно дать даже отдаленное представление о ней.

Жду Вас с эскизами. Когда встретимся, поговорим о возможной замене этого эпизода. Я кончу (с божьей помощью) на следующей неделе. Всегда преданный Вам.

43

У. Ч. МАКРИДИ*

Даути-стрит,
понедельник утром <ноябрь 1838 г.>.

Мой дорогой Макриди, я не виделся с Вами уже несколько недель, потому что надеялся при нашей следующей встрече собственноручно принести Вам «Фонарщика» (сейчас он был бы уже окончен). Но мне пришлось сначала заняться «Никльби», над которым я работаю в настоящее время и которого, как это ни печально, не в силах написать так же быстро, как все остальное, в чем я убедился, старательно и ревностно поработав над этой книгой весь последний месяц. Как бы там ни было, но она должна быть сдана не позже 24-го (утешение весьма сомнительное), и в тот момент, когда она будет готова, я займусь фарсом. Боюсь называть определенный день, но ручаюсь, что в ноябре Вы его получите. В этом Вы можете положиться на мое слово. Посылаю Вам копию фарса, который я написал для Гарлея в связи с его уходом из Друри-Лейн. В этом фарсе Гарлей играл что-то около семидесяти раз. Это его лучшая роль. Если, паче чаяния, Вы заинтересуетесь им, то я без труда смогу внести необходимые изменения, касающиеся места и времени действия.

Поверьте, Ваша просьба написать для Вас фарс была для меня столь лестной и так меня обрадовала, что, будь

у меня столько же времени, сколько желания, я бы писал, и писал, и писал без конца, фарс за фарсом, комедию за комедией, до тех пор, пока не вышло бы что-нибудь стоящее. Вы совершенно правы, когда говорите, что верите в мои добрые намерения. Но Вы не можете себе представить, а я не в силах выразить, какой горячий интерес и участие вызывает у меня Ваше дело.

Примите, мой дорогой Макриди, уверение в моей вечной преданности.

P. S. Ради бога, не вообразите, что я нахожу в моем «Чудаке» какие-то достоинства или хоть сколько-нибудь им заинтересован.

44

ФРЕДЕРИКУ ЙЕТСУ*

Ноябрь 1838 г.

В случае если предварительные переговоры будут закончены к нашему обоюдному согласию, я предполагаю подготовить «Оливера Твиста» для сцены ко дню открытия следующего сезона.

Если мне не изменяет память, миссис Онор я никогда не видел, но уже одно то обстоятельство, что она «миссис», сразу наводит на мысль, что для Оливера Твиста она окажется слишком громоздкой.

Если его должна играть особа женского пола, пусть это будет бойкая девочка лет тринадцати — четырнадцати, не больше, иначе это будет выглядеть нелепо. Не думаю, что до Вашей следующей премьеры какой-нибудь театр сможет перехватить нашу идею. Во всяком случае, спектакль этот следует ставить в весьма необычной манере, ибо, в отличие от «Пиквика», роман характеризуется запутанной и сложной интригой. Меня очень радует, что никто не слыхал, как я намереваюсь поступить в конце книги с ее персонажами, потому что в настоящее время я и сам еще толком не знаю, как мне с ними поступить. Я твердо уверен, что, объединив свои силы (я в качестве автора, вы — в качестве исполнителя роли еврея), мы нанесем неотразимый удар всем своим конкурентам.

45

МИССИС С. К. ХОЛЛ*

Даути-стрит,
29 декабря 1838 г.

Моя дорогая миссис Холл,

Я весьма благодарен Вам за Ваше милое письмо и интересный случай, который Вы к тому же превосходно изложили. Я поместил его вместе с рукописью первых глав «Никльби», и там и буду держать его как свидетельство верности моей картинки.

Поверьте, что гнусность этих йоркширских учителей невозможно преувеличить и что я даже немного сгладил страшную действительность, разбавив ее, насколько мог, юмором, чтобы не оттолкнуть читателя слишком уж мерзкой картиной. А негодяя, о котором говорите Вы, я, представьте себе, видел! Фамилия его — Шоу, дело это слушалось, насколько я помню, лет восемь или десять назад, и, если я не ошибаюсь, после этого было еще одно, возбужденное родителями несчастного ребенка, которого Шоу ранил в голову перочинным ножиком, испачканным в чернилах, вследствие чего у мальчика сделалась опухоль и он умер. Когда я ездил в те края, кругом лежал глубокий снег. Подле школы стоит старая церковь, и в первой же могиле, о которую я споткнулся в тот унылый зимний вечер, покоится прах мальчика, прожившего на свете восемнадцать томительных лет и скончавшегося, как гласит надпись, «преждевременно» (я думаю, сердце не выдержало — так, «преждевременно», падает верблюд, когда на него навьючивают еще один, последний тюк) в этом проклятом месте. Мне кажется, что тень этого мальчика тут же и навеяла мне образ Смайка.

Я поехал под вымышленным именем, на всякий случай заручившись у одного столичного адвоката письмом к его коллеге, проживающему в Йоркшире; в письме говорилось, что некая вдова, приятельница адвоката, хочет поместить своих мальчиков в йоркширскую школу в надежде таким образом разжалобить жестокосердых родственников. Йоркширский стряпчий дал мне рекомендательные письма в две-три школы, но в тот же вечер явился ко мне в гостиницу, где я остановился, и, страшно конфузясь,

с запинкой на каждом слове — это был большеголовый, плосконосый малый с красной физиономией — сообщил мне, проявив при этом неожиданную для человека с такой внешностью чувствительность, что весь день его мучила совесть и что в эти печальные места не следует отправлять сирот; затем, умоляя меня не выдавать его, он сказал, что лучше определить их куда угодно — в конюхи, на побегушки или просто бросить на произвол судьбы,— лишь бы не сюда! И это — стряпчий, сытый, деловой человек, грубый йоркширец!

Миссис Диккенс и я будем рады видеть Вашего друга, о котором Вы пишете,— это мы вдвоем обращаемся к вам обоим; что касается меня, я рассчитываю на Вашу снисходительность и умоляю Вас простить мне эту длинную историю — ибо Вы сами виноваты в том, что я принялся рассказывать ее Вам.

Преданный Вам.

46

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

21 января 1839 г.

...Вы, вероятно, уже поняли из прежних моих слов, что у меня зреет подобное намерение. Я знаю, что Вы не станете меня отговаривать. *Иного выхода нет*. Я ничуть не выдумываю, когда говорю, что в настоящее время я просто не могу писать эту повесть. Огромная прибыль, которую «Оливер» доставил и продолжает доставлять издателям; жалкая, нищенская сумма, которую я за него получил (меньше того, что сплошь да рядом выручают сочинители романов, у которых покупателей от силы полторы тысячи); мысль об этом и сознание, что мне предстоит такой же тяжелый рабский труд на тех же условиях поденщика; сознание, что мои книги обогащают всех, кто с ними связан, кроме меня самого, и что в самом зените своей славы и в расцвете сил я вынужден барахтаться все в тех же цепях и тратить свою энергию понапрасну для того, чтобы другие могли набить себе карманы, в то время как своей семье я с трудом обеспечиваю образ жизни, мало-мальски приличествующий ее положению в обществе,— все это удручает меня и лишает бодрости; зажа-

тый в подобные тиски, я не могу — не могу и не стану — начинать новую повесть; я должен перевести дух; дождаться лета, провести какое-то время на свежем воздухе, без забот, и тогда, может быть, я приду в более спокойное и подходящее состояние. Словом, «Барнеби Раджу» придется обождать с полгода. Если бы не Вы, я и вовсе его бросил. Ибо я торжественно заверяю Вас, что считаю себя свободным — перед богом и людьми — от таких односторонних обязательств после всего того, что я сделал для тех, кто связал меня ими. Сеть, которой меня оплели, так мешает мне, так мучает и так ожесточает меня, что я только и думаю о том, как бы — любой ценой, мне уже безразлично, какой! — ее порвать. Но я не поддаюсь этому желанию. Единственное, чего я требую,— это чтобы мне дали отсрочку, столь обычную в литературных соглашениях; и заявляю, что в течение шести месяцев после окончания «Оливера» в «Альманахе» я отказываюсь от каких бы то ни было обязательств, связанных с новой работой, и обещаю как можно энергичней разделаться со старой...

47

ЛЭМЕНУ БЛЭНЧАРДУ*

Даути-стрит, 48,
утро субботы 9 февраля <1839 г.>.

Дорогой Блэнчард!

Позвольте от души поблагодарить Вас за Ваш интерес к этому фабричному делу и за Ваши хлопоты, а также за присылку письма мистера Колберна к Вам, которое я возвращаю.

Этот господин совершенно прав, когда утверждает, что «Барнеби Радж» не имеет никакого отношения ни к фабрикам, ни к неграм — будь они черными, белыми или цветными. Это повесть о бунтах восьмидесятых годов прошлого века, когда фабрик, столь пышно расцветших тридцать лет спустя, еще и в помине не было; и в ней нет, да и быть не может, никаких намеков на хлопковых лордов, хлопковых рабов или на что-либо еще, связанное с хлопком.

Что касается объявления, то это вопрос вкуса. А так

как тут замешана дама, то полагаю, вкус должен быть наипревосходнейшим. Но как бы то ни было, меня это совершенно не трогает, и я, не вняв ни одному из сотен настойчивых советов и требований написать мистеру Колберну, предоставляю ему мирно следовать избранным им путем. Если миссис Троллоп даже и заблагорассудится считать имя Тиклас Тиклби более звучным, чем Майкл Армстронг, это не наградит меня бессонницей и не испортит мне аппетита.

Остаюсь, как всегда, искренне Ваш.

48

МИССИС КАТБЕРТ

Лондон, Даути-стрит, 48,
пятница, 22 февраля 1839 г.

Сударыня!

В ответ на Ваше письмо от 15-го сего месяца прошу позволения сообщить Вам, что, поскольку я ушел из альманаха Бентли и связан теперь лишь с одним периодическим изданием, для которого сам и пишу, я не имею возможности выполнить Вашу просьбу и принять предлагаемые Вами статьи.

Могу также добавить, что в ежемесячные журналы посылают большое количество неподписанных оригинальных статей, и если какие-нибудь из них отвечают вкусу издателя и целям его журнала, их нередко принимают. Я уверен, что любой солидный литературный журнал заплатит за статьи. Тот журнал, в котором я до недавнего времени выполнял обязанности редактора, всегда так делал.

Ваш покорный слуга.

49

УИЛЬЯМУ МАКРИДИ

Даути-стрит,
воскресенье, апрель 1839 г.

Мой дорогой Макриди,

Я возьму, если угодно, три дюжины этого замечательного шампанского; большое спасибо, что вспомнили обо мне.

Я бы не должен сожалеть о Вашем уходе *, и, однако, сожалею о нем, искренне и от души, и за себя и за тысячи других, оставшихся без театра,— во всяком случае, без Вашего театра. Я самым искренним образом убежден, что мы на долгие, томительные годы лишились этого несравненного наслаждения. Если позволительно подшучивать над собственным горем, то я хотел бы привести слова портсмутского критика труппы Краммеля, который сказал: «Как тонкое воплощение поэтической грезы и реализация человеческой интеллектуальности, озаряющая своим золотистым светом мгновения, когда мы погружаемся в мечту, и открывающая перед нашим духовным взором новый, волшебный мир, драма исчезла с лица земли, исчезла бесследно». С тем странным, безотчетным чувством, в силу которого человек на похоронах своего лучшего друга, чью смерть он искренне оплакивает, может находить что-то комичное в красноносом, кривом гробовщике, с каким-то кладбищенским остроумием отзываюсь и я на Ваше сообщение! Впрочем, поразмыслив, я нахожу некоторое утешение в надежде, что теперь, когда Вы освободились от столь тягостной работы, Вы можете возвратиться к занятиям, которые Вам больше по душе, а свободное время проводить в веселом и непринужденном общении с друзьями. В длинном списке последних навряд ли найдется кто-либо, кто бы больше гордился этим званием и испытывал бы большую благодарность за тот запас чарующих воспоминаний, который Вы пополняли с его мальчишеских лет, чем, мой дорогой Макриди, всегда преданный Вам.

50

ДЖОРДЖУ КЕТТЕРМОЛУ*

Питершэм, Элм коттедж,
среда утром, 1839 г.

Мой дорогой Кеттермол,

Отчего «Певерил» * осужден валяться на пыльных полках в городе, в то время как моя прекрасная кузина, а Ваша прекрасная супруга пребывает в блаженном неведении его достоинств? Увы, он там, но долго так про-

должаться не будет, ибо я собираюсь в субботу наведаться домой, откуда привезу его и тотчас отправлю к Вам.

Среди небольшого числа книг, которые я имею здесь, я думаю, что больше всего Вам подошли бы присланные мне в саквояже: итальянские и немецкие романисты (удобные тем, что их можно в любую минуту раскрыть и в любую — отложить; а мне сдается, что Вы не будете сидеть за книгами подолгу), два сборника Ли Ханта * (обладающие тем же достоинством), Гуд * (полностью), «Легенда о Монтрозе» и «Кенилворт», которого я перечитал только что с еще большим удовольствием, чем прежде, и которого по этой причине полагаю таким же интересным для других. Гольдсмит, Свифт, Филдинг, Смоллетт и британские эссеисты всегда у меня «под рукой», а следовательно, и у Вас.

Вы знаете все, что я хотел бы сказать Вам в связи со вчерашним знаменательным событием; но Вы и представить себе не можете, что я хотел бы сказать по поводу того, как прелестно выглядела и держалась Ваша «хозяюшка», о которой я тут вчера вечером распространялся пространно и красноречиво. Впрочем, я чувствую себя связанным в этом отношении, ибо сильно подозреваю, что она читает это письмо, заглядывая через Ваше плечо (готов побиться об заклад, что Вы уже раза три оборачивались, пока читали!), и поэтому скажу только то, что я всегда от души, мой дорогой Каттермол, предан вам обоим.

Мой слуга (а он и Ваш слуга, на все время, что Вы здесь) ожидает, не будет ли от Вас каких-нибудь приказаний.

51

ФОРСТЕРУ

Питершэм,
июль 1839 г.

...Я бы не прочь начать с тридцать первого марта 1840 года новое повременное издание, в котором весь материал печатался бы впервые и которое бы выходило раз в неделю, причем цена за выпуск была бы три пенса, а известное количество выпусков, собранное в книжку, продавалось бы отдельно в регулярные промежутки

времени. Чтобы дать Вам представление о характере задуманного мной издания, может быть, лучше всего просто назвать «Болтуна», «Спектейтора» * и гольдсмитову «Пчелу» *; с той только разницей, что наше издание должно быть общедоступней и в выборе тем, и в манере изложения.

Я думаю, что начать нужно, по примеру «Спектейтора», с какой-нибудь шутливой истории, которая объяснила бы, каким образом возникло наше издание; ввести читателя в небольшой клуб или просто представить горсточку персонажей и затем развивать историю их жизни из выпуска в выпуск, постоянно вводя новые персонажи; воскресить мистера Пиквика и Сэма Уэллера, причем последний может с успехом время от времени делать какие-либо сообщения от своего имени; помещать забавные очерки на злобу дня, высмеивающие все, достойное осмеяния; откликаться на текущие события и внести как можно большее разнообразие жанров — статьи, очерки, приключения, письма от вымышленных корреспондентов и так далее.

В довершение к этому общему плану могу прибавить, что я постарался бы открыть в журнале различные отделы, чтобы определенные темы, как прожилки в мраморе, пронизывали его. Так, сюда можно было бы с успехом втиснуть очерки, посвященные меблированным комнатам, о которых я уже давно подумываю и поговариваю; мне также пришло в голову дать серию рассказов о Лондоне, где бы встречались описания города,— таким, каким он был много лет назад, каков сейчас и каким станет в далеком будущем; я бы назвал эту серию, скажем, «Досуги Гога и Магога», построил бы ее наподобие «Тысячи и одной ночи», заставив Гога и Магога в Гильдхолле рассказывать друг другу свои истории по ночам и обрывать их на рассвете. В этой мысли, если ее развить как следует, таятся почти неисчерпаемые возможности для шуток, веселья и занимательных рассказов.

Еще я бы предложил начать,— с тем чтобы время от времени продолжать ее,— сатирическую серию под видом перевода летописи какого-нибудь варварского государства, с описанием судопроизводства в этой вымышленной стране и отчетом о деяниях ее мудрецов. Назначение этой серии

(которую я представляю себе, как нечто среднее между «Путешествиями Гулливера» и «Гражданином мира») * — взять под обстрел наших судей, деревенских и городских, и не давать сим достойным мужам ни отдыха, ни сроку.

О количестве материала, который бы я писал сам в каждом выпуске, можно будет договориться. Разумеется, я взял бы на себя известные обязательства. Никто, кроме меня, не может развить именно эти идеи, но, конечно, мне нужна будет помощь и понадобится еще материал и другого рода. Можно договориться заранее о характере этого материала, но я оставляю за собой исключительное право выбрать себе помощников и контролировать каждый выпуск без постороннего вмешательства,— все равно как если б это были выпуски «Пиквика» или «Никльби».

Чтобы придать новизну и занимательность этому предприятию, я согласен был бы отправиться в любое, заранее определенное время (летом, например, или осенью, когда уже накопится достаточно материала для последующих номеров, а если нужно, то и раньше), либо в Ирландию, либо в Америку, и там написать серию очерков о местах и людях, которые увижу, со всевозможными мифами, легендами и преданиями края, в духе «Альгамбры» Вашингтона Ирвинга *. Я бы хотел, чтобы одним из условий этой работы было появление этой серии в будущем отдельной книгой, вместе с другими, дополняющими ее (если это будет признано целесообразным); ту же оговорку я хотел бы сделать в отношении серии Гога и Магога, как, впрочем, относительно всякой другой серии, осуществленной мной.

Вот примерный набросок проекта, который я задумал. Я готов хоть сейчас приступить к переговорам, разъяснить свою мысль, обдумать возможные предложения и начать разрабатывать детали. Я ничего не говорю ни о новизне подобной мысли в наше время, ни о ее шансах на успех. Конечно, я считаю, что они велики, очень велики; на мой взгляд, эта идея таит в себе неисчерпаемые возможности, иначе я не стремился бы связать себя такими обширными обязательствами.

Я взялся бы за это предприятие на следующих условиях: я буду издателем этого труда и буду получать долю

прибыли. Сверх этого, за ту часть каждого выпуска, которую я напишу сам, я буду получать соответствующее вознаграждение. Немедленно по выходе номера в свет мои сотрудники, участвующие в нем, получают по моей записке вознаграждение, размер которого должен быть оговорен заранее. Или, если издателям угодно, я согласен получать от них определенную сумму за весь выпуск целиком, с тем чтобы по собственному усмотрению оплачивать работу моих сотрудников. Разумеется, я потребовал бы, чтобы, как в этих платежах, так и вообще в расходах, связанных со всем изданием, мне ни перед кем не приходилось бы отчитываться и чтобы деньги, выплаченные мне таким образом, не принимались в расчет при определении моей доли прибыли. Само собой разумеется, что путевые расходы, если мне придется путешествовать, должны будут составлять особую статью.

Я хотел бы, чтобы наши друзья издатели хорошенько поразмыслили над всем вышеизложенным и затем сообщили бы мне свои соображения...

52

МИССИС ГОДФРИ

Питершэм, Элм коттедж,
четверг, 25 июля 1839 г.

Сударыня,

Рассказов, которые Вы мне прислали, вполне достаточно, чтобы составить небольшой томик и напечатать его, с тем чтобы Вы взяли на себя его распространение. Я могу тотчас передать его в типографию,— но я бы предложил Вам исключить рассказ о подушке для булавок, так как у читателей, на мой взгляд, он особенного успеха иметь не будет, а для Ваших целей и без него довольно материала.

Хорошо было бы рассказать побольше о личности самого Браунинга и о девочках, к которым обращен его рассказ. Этот пробел я могу восполнить сам, если Вам угодно. Для того чтобы детям все стало ясно, потребуется совсем немного слов, и так как я пометил места, где следовало бы их ввести, мне, быть может, легче их написать, чем Вам.

Я пишу Вам это письмо, чтобы сообщить, что Вашу рукопись получил, и узнать, угодно ли Вам, чтобы Ваша фамилия, равно как и наименование Вашей школы стояли на титульном листе (я полагаю, что угодно); а заодно мне хотелось бы спросить Вас, не кажется ли Вам, что тот самый класс людей, чьим мнением Вам следовало бы особенно дорожить, может оскорбиться — и не без основания — кое-какими местами в Вашем рассказе?

Не получается ли, что повесть написана не столько в поучение детям, сколько в осуждение родителей? Не думаете ли Вы, что, когда Вы говорите о бабушке, Вы стоите на очень зыбкой почве? Ведь во многих семьях взаимоотношения с бабушкой — больной вопрос, и, предлагая детям (а ведь дети что ни прочтут, непременно применяют к себе) решать этот вопрос так безоговорочно в пользу бабушки и против родителей, Вы поступаете не совсем осмотрительно и рискуете потерять расположение публики. Конечно, Вам лучше судить, но я знаю, что Вы не обидитесь, а, напротив, поблагодарите меня за то, что я поделился с Вами некоторыми сомнениями, которые возникли у меня, когда я читал Ваши рассказы.

Есть еще один вопрос, который всегда вызывает у меня чувство настолько острое и сильное, что (не смея настаивать на том, чтобы Вы меняли что-нибудь у себя, ибо это всего лишь мое личное мнение, и тут нельзя сказать с определенностью, что один из нас прав, а другой не прав) я не могу обойти его молчанием. Я решительнейшим образом возражаю против обращений к Всевышнему по самым незначительным поводам; впрочем, многие превосходные люди считают такие призывы необходимыми в воспитании детей — у меня же они неизменно вызывают непреодолимое отвращение. На мой взгляд, чудовищно преподносить детям источник бесконечной доброты и милосердия в виде мстительного и грозного бога, готового обрушить на них страшную кару за малейшие проступки, по существу неизбежные в их возрасте — а ведь это он сам в великой мудрости своей предначертал им быть детьми, прежде чем они сделаются мужчинами и женщинами! Я решительно возражаю против стремления внушать страх смерти детям, еще не достигшим сознательного возраста, и испытываю ужас перед суровыми догма-

тами, которые им преподносят,— ведь у них хватит разумения только на то, чтобы сообразить, что если бог в самом деле так неумолим, как его изображают, то и родители их и большая часть родственников и знакомых обречены на вечную погибель; и если бы мне предложили выбирать из двух зол, я бы, не задумываясь, предпочел, чтобы мои дети ни разу не раскрывали Библию или молитвенник, ни разу не вступили бы в храм божий и усвоили бы основы веры, созерцая природу и всю доброту и милосердие великого творца ее, нежели чтобы они восприняли религию в столь суровом ее толковании.

Уверяю Вас, сударыня, что я вижу, сколько зла и горя порождается ежедневно этим роковым заблуждением, и поэтому совесть моя не позволяет мне молчать, и я всякий раз, при малейшем намеке на это заблуждение, вынужден заявлять свой самый решительный протест.

Остаюсь, сударыня, преданный Вам.

53

ДЖОНУ ОВЕРСУ*

Бродстэрс,
27 сентября 1839 г.

Дорогой мистер Оверс!

Я не имею оснований возражать против того, чтобы Вы познакомили издателя «Тейтс мэгезин» или «Блэквудс» с содержанием моего письма к Вам относительно Ваших «Песен» или (если оно у Вас под рукой) с самим письмом.

Я бы ответил Вам раньше, но вот уже несколько месяцев я не в городе и кочую с места на место, так что и Ваше письмо получил с опозданием; по той же причине я до сих пор не возвратил Вам Вашей пьесы. К концу следующей недели я вернусь в город и тогда отправлю ее Вам.

К сожалению, должен сказать,— я бы не говорил, если б не знал, что Вы желаете от меня прямого ответа, и если б не чувствовал, что должен его дать,— что о самой пьесе я не могу отозваться одобрительно. Работа Ваша весьма похвальна и делает Вам честь, но не доставила бы ни карману Вашему, ни репутации никаких выгод, если

бы была напечатана — ставить же ее на сцене, по-моему, не будут никогда.

Не говоря о том, что в стихах попадаются самые неожиданные инверсии или, как говорится, телега впряжена впереди лошади и что у Вас встречаются слова, не существующие в нашем языке,— не говоря о погрешностях, которые можно бы легко устранить, порочен самый сюжет и характеры,— а это уже, на мой взгляд, неисправимо. Отец — такой дурак, злодей — такой уж злодей, героиня так невероятно доверчива, а обман так бесхитростно прозрачен, что читатель никак не может сочувствовать Вашим персонажам в их беде. У Вас почти нет действия, а так как характеры (кроме полного своего неправдоподобия) ничем не примечательны, диалоги скоро приедаются и утомляют. Я читал пьесу очень внимательно, да и не так уж давно, и, однако, уже сейчас не могу припомнить, чтобы одно лицо отличалось от другого — манерой ли речи или мыслями, которые оно высказывает. Есть, впрочем, два исключения: девица и злодей; из них первая слишком добродетельна, а второй — обычный злодей, говорящий многоточиями и междометиями, и постоянно сам себя перебивающий.

Я чрезвычайно высоко ценю Ваши усилия и понимаю, какие трудности Вам приходится преодолевать, и мне бы очень не хотелось, чтобы у Вас укоренилось мнение, будто Вас затирают, будто Вы — жертва обстоятельств, будто достойный труд — лишь оттого, что он принадлежит Вашему перу,— не может получить признания. Я убежден, что если бы эта пьеса была написана Шериданом Ноулсом * или сэром Эдвардом Бульвером *, ее все равно бы не поставили. Говорю с полным убеждением, потому что знаю кое-что о жизни обоих этих джентльменов, и мне известно несколько случаев, когда им пришлось выдержать дружескую критику и осуждение. Вспомните, как трудно написать хорошую пьесу, как мало людей преуспели в этом, сколько их потерпело крах, какая ничтожная горстка пробует свои силы на этом поприще, а из тех, кто пробует, тоже ведь не всякий решится представить свою попытку на суд людской!

Поразмыслите над всем этим, и тогда мои слова не покажутся Вам ни обескураживающими, ни обидными —

к тому же Вы не должны забывать, что я высказываю всего лишь свое личное мнение и могу ошибаться не хуже любого другого.

Искренне Ваш.

54

МАКРИДИ

Даути-стрит,
пятница вечером, 25 октября 1839 г.

Мой дорогой Макриди,

Наконец-то я получил книгу, всю книгу и только книгу * (пока без переплета, а это важная штука!), и направляю ее Вам с этим письмом! Красный цвет выражает мой румянец стыда по поводу ее яркого одеяния; золотой обрез — все блистательные комплименты, которых я Вам не произношу; а сама книга — мое сердце на протяжении двадцати месяцев, которое принадлежало Вам весь этот короткий срок по той причине, что оно принадлежит Вам всегда.

Я собирался было поблагодарить Вас в этом письме за Ваше участие к Бернету * и рассказать, какие отвратительные кошмары меня преследуют каждую ночь: то я ищу сиделку, которую никак невозможно разыскать, то обрываю звонок у дверей врача, которого никак не добудиться, то еду в коляске, в которую впряжена неподвижная лошадь, и колеса вертятся на месте. Но что такое мои переживания по сравнению с Вашими! Три к... десяти, скажем,— считая прошлые, настоящие и будущие.

Засвидетельствуйте, пожалуйста, мое уважение миссис и мисс Макриди и верьте, мой дорогой Макриди, в постоянную преданность Вашего друга.

55

ФОРСТЕРУ

9 января 1840 г.

...Я приду к Вам обедать. Я собирался было провести вечер в полном одиночестве и размышлении (как и вчера), но, пожалуй, мне лучше все же выйти, а то как бы работа без отдыха и срока в самом деле не довела бы меня до

отупения. Список заглавий заготовлен и у меня, но я, кажется, уже остановился на окончательном — или почти окончательном — варианте. Хочу начать книгу рассказом моего старого чудака, живущего в своем диковинном домишке. Среди прочих чудачеств он описывает свою привязанность к старинным стенным часам, заключенным в диковинный футляр; он рассказывает, как после долгих вечеров, проведенных наедине с этими часами, он привык к их голосу, словно к голосу друга; и всякий раз, как они бьют ночью, ему кажется, будто они заверяют его, что дверь его спальни по-прежнему охраняет неунывающий страж; а всякий раз, как он посмотрит в сторону часов из своего угла у камина, «черты лица» на пыльном циферблате словно теряют свою суровость и отвечают ему приветливым взглядом. Затем я намерен рассказать, что в старом, темном, глубоком, тихом чулане, где хранятся гири от часов, лежат кипы старинных рукописей, которые он время от времени читает, причем и читая он не забывает о часах; затем объясню, что клуб свое наименование принял для того, чтобы подчеркнуть пунктуальность своих членов, а также в честь привязанности основателя клуба к своему молчаливому другу. Итак, книгу я назову либо «Часы старика Хамфри», либо «Часы мистера Хамфри»; вначале помещу гравюру, изображающую мистера Хамфри на фоне его часов, и объясню что и как. Все собственные писания Хамфри будут помечены: «Возле часов»,— и у меня есть кой-какие соображения по поводу вставных рассказов. Я думал об этом весь вчерашний день и часть ночи, пока не лег. Я чувствую, что мне удастся развить этот замысел, и очень им увлечен...

56

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Девоншир-террас, 1, Йорк-гейт,
вторник, 4 февраля <1840 г.>

Сегодня утром я увидел процессию * и разрыдался. Моя жена меня раздражает. Я возненавидел своих родителей. Мне опротивел мой дом. У меня стали появляться

какие-то мысли, то о Серпентайне, то о Риджент-кэнел, то о бритвах на верхнем этаже, то об аптеке на нашей улице. Я подумываю о том, чтобы отравиться за столом у миссис ***, повеситься на груше в нашем саду, о том, чтобы отказаться от еды и уморить себя голодом, о том, чтобы сорвать повязку, когда мне пустят кровь от простуды, броситься под кеб на Нью-роуд, убить Чепмена и Холла и таким образом войти в историю. (Тогда она, наверное, обо мне узнает, быть может, она подпишет приказ о моем аресте, или это пустая мечта?) А иногда я подумываю о том, чтобы стать чартистом и возглавить какое-нибудь кровавое нападение на дворец и собственноручно спасти ее — о том, чтобы стать кем угодно, только не тем, кем я был до сих пор, и сделать что угодно, но не то, что я делал.

Ваш обезумевший друг.

57

ДЖОНУ ОВЕРСУ

Девоншир-террас, 1,
воскресенье вечером, 12 апреля 1840 г.

Дорогой мистер Оверс.

Очень благодарен Вам за Вашу записку и добрые пожелания. Когда я обдумывал свой проект, мне и самому не раз приходила в голову мысль о возможности возникновения чувства, о котором Вы говорите; однако нет причины предполагать, что здесь есть что-нибудь серьезное (совсем напротив!), и так как я не считаю, чтобы для такого чувства имелись сколько-нибудь разумные или справедливые основания — ибо нельзя ведь заставить человека верить другому,— то я и решил предоставить все времени. Вы, верно, сетуете на меня за то, что я не прочитал Ваш рассказ раньше. Но я был так занят, что только несколько дней назад мог взглянуть на него. Я, безусловно, советую Вам предложить его куда-нибудь, хоть мне кажется, что по сравнению с тем Вашим рассказом он, пожалуй, слабее — во всех отношениях, кроме одного: он более сжатый, более цельный, и в этом — весьма существенном —

отношении Вы добились больших успехов. Эпизод с ночным колпаком хорош, и его не мешало бы, пожалуй, развить; впрочем, он кажется немного растянутым, хоть, может быть, все это так и было на самом деле. Кроме того, заключительные строки, посвященные этой женщине, на мой взгляд, не достигают цели, и вот почему.

Для того чтобы читатель заинтересовался Вашими героями, необходимо заставить его либо полюбить, либо возненавидеть их. У Вас же главное действующее лицо — совершенное ничтожество; так что даже сомнение берет: его ли это ребенок или еще чей-нибудь? Признаться, исходя из всего, что Вы о нем рассказываете, я склоняюсь к последней версии. И вследствие этого, читая всю сцену, не испытываю того чувства, которого от меня ждут.

Но предложить рассказ, конечно, следует, и да поможет Вам бог! Если его примут, я порадуюсь едва ли не больше, чем Вы сами.

Преданный Вам.

58

ДЖОНУ ОВЕРСУ

Девоншир-террас,
апрель 1840 г.

...Всю прошлую неделю я был очень занят,— увы, не делом, а развлечениями, но все же сел исправлять Вашу повесть. Это оказалось почти невозможным — мне необходимо иметь Вас под рукой, так как без глубокого знакомства с вещью трудно сократить ее в той мере, в какой нужно, чтобы она сделалась годной для печати...

К сожалению, такой работы, о какой Вы пишете, у меня нет. Я никогда не переписываю, правка у меня небольшая, и я ее делаю тут же, когда пишу. Впрочем, я получил записку от Эйнсворта, в которой имеется кое-что, может быть, небезынтересное для Вас. Я объясню Вам, в чем дело, при встрече...

59

ЛИ ХАНТУ

Девоншир-террас,
вторник, 12 мая 1840 г.

Мой дорогой Хант,

Целая толпа благодарностей! Они так и наступают друг дружке на пятки и самым приятным образом спотыкаются одна о другую,— итак, толпа благодарностей за нашу с Вами сельскую прогулку, за обед, за неупоминание о счете и о маленькой коренастой игрушечной на вид рюмочке, которую Вы скинули со стола локтем и разбили во время Ваших беспечных разглагольствований. Что касается апострофа, я бы не поднял руку на него ни за что на свете, и покажите мне наборщика, который посмеет его смазать!

Я был бы счастлив пожать руку Вашему сыну; но в тот день, когда он заходил ко мне, я гулял в деревне с Маклизом *, проделывая все то, что проделали Вы,— только с меньшим блеском. Конечно, поглощал баранью отбивную, запивал ее пивом и смеялся, как разносчик угля,— и все это на Твикенем Айленд в Пирожном Доме, где я имел возможность постичь географию по практической методе и где даже самым неразвитым умам открывается самым наглядным и приятным образом мудрость, гласящая, что «остров есть участок суши, окруженный со всех сторон водой».

О господи, как мне знакома эта комната! Помните, какой в ней странный воздух, какой-то холодный, чуть отдающий на лестничной площадке пивом и песком? А комод, полный чистого белья неслыханной белизны? А маленькая груда чистых плевательниц в углу, возле камина? Они походили на окаменевшие треуголки и, казалось, должны были украшать головы каких-нибудь давно умерших чудаков, которые некогда сидели тут да покуривали. А дребезжанье колокольчика, чуть фальшивящего — как те колокольчики, что подвязывают овцам (верно, он так долго прислушивался к ним из своей сонной тиши, что наконец и сам уподобился им по звуку?). А скрип проволоки, заглушающий этот колокольчик? Все, все это сейчас передо мной. И, закрыв глаза, я переношусь вниз, в буфет,

где содовая вода извлекается из-под скамьи у окна, на которой обычно в погожий вечер сидит хозяин, туда, где лимоны висят рядами каждый в своей сеточке; туда, где хранится знаменитый сыр в плетеной корзине, а рядом — огромные запасы печенья, где стоят эти прекрасные бутылки с наливкой. Вы с ними знакомы? На них зеленой, синей и желтой краской нарисовано великое множество виноградных гроздьев и какой-то невероятный бант, поддерживающий ярлык с наименованием напитка. Один сорт назывался «Ловим». О небо, что означает это «Ловим»? Имеет ли оно какое-нибудь отношение к мяте, или это еще одно наименование напитка богов? Ах, Хант, я так обленился, и все из-за Вас! В глазах солнце, в ушах жужжанье лугов, на ногах пыль, а в коридоре — типографский мальчишка, благоухая паровозом, весь в чернильной испарине, дремлет в ожидании «рукописи».

Скажите Вашему сыну, что я пожму ему руку, даже если он явится ко мне без письма. И поверьте, всегда — душевно и искренне Ваш.

60

ФОРСТЕРУ

Бродстэрс,
17 июня 1840 г.

...Уже четыре часа, а я сел работать в половине девятого. Я весь высох, и, право же, у меня все основания броситься вниз головой со скалы,— впрочем, прежде чем решиться на такую роскошь, надо немного разбогатеть. От пятнадцатого выпуска, который я сегодня начал, я ожидаю очень многого. Там у меня люди идут через весь город и по его окраинам, и места, по которым они проходят, весьма характерны и не похожи друг на друга. Если бы я встретил подобное описание у какого-нибудь другого писателя, оно бы, пожалуй, произвело на меня большое впечатление. Странники мои, разумеется, старик и девочка. Мотив красивый...

61

ДЭНИЭЛУ МАКЛИЗУ

Девоншир-террас,
среда, 22 июля 1840 г.

Мой дорогой Маклиз,

У Кэт гостит некая девица, к которой я испытываю непреодолимое отвращение и от которой должен бежать. Что, если нам пообедать в каком-нибудь укромном кабачке и сходить потом в театр? Тем более что обещанная статья в «Экзаминер» лежит тяжелым грузом на моей совести. Если да, то не зайдете ли Вы за мной в четыре или когда хотите, чем раньше, тем лучше. Если нет, то куда мне деваться от этой страшной особы? Эта девица — настоящий «старый моряк». Она «останавливает меня своим сверкающим взором», и я не могу отвести от него своих глаз. Сейчас чудовище находится в столовой, и, хотя я сижу у себя в кабинете, я чувствую ее через перегородку. Вид у нее чинный и ледяной, грудь гладкая и тугая, как сахарная голова; она говорит без запинки, эрудиция ее необъятна, зовут ее Марта Болл. Этим утром она завтракала в столовой, а я заперся у себя в кабинете, где и справил свою одинокую трапезу. Вчера вечером я вышел и с отчаянья — лишь бы ее не видеть! — пошел и постригся. О господи!

Ваш несчастный друг.

P. S. Как по-вашему, Девис — натура увлекающаяся, пылкая? (Я имею в виду нашего восторженного скульптора.) Как Вы думаете, если его пригласить сюда, можно будет устроить, чтобы он увез это невероятное существо? Она отличается удивительно ровным рельефом со всех сторон, и с нее можно было бы вылепить грифона или еще какое-нибудь легендарное чудище.

P. P. S. А то пусть бы он вылепил ее бюст, несколько «усугубив» его. Я бы чувствовал себя в какой-то мере отомщенным.

62

С. ХАРФОРДУ*

Лондон, Девоншир-террас, 1,
Йорк-гейт, Риджент-парк,
14 октября 1840 г.

Сэр,

Я бы ответил на Ваше письмо тотчас же, если бы оно попало ко мне своевременно. Но меня два месяца не было в городе, а так как письма, адресованные мне на издательство, обычно мне не пересылаются (ибо они редко представляют для меня интерес, а, напротив, таковы, что я стремлюсь их избегать), то я только нынче утром получил Ваше письмо.

Обширная переписка, которую я веду сверх других моих дел, отнимает у меня много времени, и поэтому в эпистолярном разговоре я вынужден быть кратким. Во-первых, позвольте мне заявить, что я искренне и от души интересуюсь работой и стремлениями всякого молодого человека. А во-вторых, если Вы пожелаете, чтобы я прочитал Ваши стихи — все ли, или только избранные,— я готов это сделать.

Должен, однако, прибавить, что примусь за чтение с тяжелым сердцем, ибо заранее знаю, что не могу быть Вам полезен. Расположение, которым я пользуюсь у своих издателей, распространяется только на меня лично. Как бы они ни ценили меня, моя рекомендация ничего не стоит, ибо не сулит им прибыли; и я не могу припомнить, чтобы она хоть раз кому-либо помогла. Таким образом, Вы меня поставите перед печальной необходимостью либо сообщить Вам, что я не вижу никакого преимущества у Ваших произведений над теми тысячами, что годами прозябают в состоянии личинок, то есть в рукописи, тщетно надеясь взлететь бабочками в печати, либо — что стихи, на мой взгляд, очень хороши, но я ничем помочь не могу. Впрочем, если даже один из этих двух ответов в состоянии дать Вам хоть малейшее удовлетворение, поверьте, я буду счастлив Вам его доставить.

Преданный Вам.

63

С. ХАРФОРДУ

Девоншир-террас, Йорк-гейт,
25 ноября 1840 г.

Сэр,

Я прочитал стихи, которые Вы мне прислали и которые я Вам возвращаю с этим письмом, и, в соответствии с Вашей просьбой, сообщаю Вам свое мнение о них. Я отнюдь не считаю свое мнение безошибочным и не хотел бы, чтобы Вы его таким считали; я не ожидаю и, уж во всяком случае, не стремлюсь к тому, чтобы Вы придавали ему какое бы то ни было значение.

Начну с приятного и скажу все, что имею сказать в похвалу. Вы сообщаете мне, что очень молоды и еще что у Вас есть занятие, которое берет большую часть времени, так что Вы можете отдаваться творческим порывам лишь украдкой. Любовь к добру и красоте и желание выражать это чувство похвальны, весьма похвальны в человеке, находящемся в обстоятельствах, подобных Вашим. Такая любовь должна доставлять счастье Вам самому, даже если она бессильна осчастливить человечество, и я ни в коем случае не стал бы обескураживать Вас в Ваших трудах, столь достойных и облагораживающих душу. Поиски совершенства, каким бы ни идти к нему путем, лишь бы его озарял свет правды,— вообще говоря, занятие превосходное, и, подобно поискам философского камня, оно увенчается множеством непредвиденных открытий, даже если Вы и не достигнете той единственной цели, которую поставили себе сами.

Кроме того, мне кажется, у Вас много хороших мыслей, которые Вам иногда удается выразить просто и удачно, Вы испытываете любовь к природе и всему живому и, разумеется,— ибо, это непременные спутники мысли,— вы обладаете глубиной чувства и даром проникновения.

С другой стороны, Вам еще предстоит многому научиться. Ваш стих подчас жёсток и неправилен, мысль вычурна и неестественна, а в образах больше благозвучия, чем смысла. Первый грех могут устранить лишь время и чтение; что касается остальных двух, я отметил те случаи,

которые бросились мне в глаза. Чарами разлучить тигра с коварством, кровь, бьющую фонтаном, обвить цепкими пальцами (задача, кстати сказать, почти непосильная), заставить солнце развевать знамя своего плаща, а птичек задыхаться от блаженства, чеканить слова огнем, разрывать человека в клочья с помощью цепей, осенять чело дамы знаменем любви — все это так похоже на бессмыслицу, что я иного слова и не подберу. Это верно, что в творениях наших величайших поэтов можно найти самые неожиданные и чудовищные образы; не следует, однако, забывать, что велики они были не благодаря этим пятнам, а несмотря на них, что на каждую подобную неудачу у них приходится множество прекрасных и величественных мыслей, перед которыми меркнет все остальное. Не подражайте эксцентричностям гения, а старайтесь следовать за ним, когда он парит на большой высоте. Угнаться за ним трудно, но он выведет Вас в более высокие сферы.

Слишком много у Вас говорится о волшебных странах и волшебстве, чрезмерно часто, на мой вкус, упоминаются нервы и сердечные струны, избыток отчаянья, а также таинственных побуждений в груди, которые лучше бы там и оставались. Поэту не следует вечно толковать о своем недовольстве жизнью и внушать другим, что они должны быть недовольны ею. Предоставьте Байрону его мрачное величие, а сами стремитесь услышать:

В деревьях — речь, в ручье журчащем — книги,
В камнях — науку, и во всем — добро *.

В «Последнем сне молодого художника» очень меня порадовало начало; бег времени и наступление утра изображены очень красиво; описание комнаты и всей ее будничной обстановки произвело на меня большое впечатление. Но право же, в конце поэмы Вы совсем извратили его истинную цель и смысл. Если б у Вас портрет оказался источником утешения для умирающего, залогом будущей встречи на небе, если бы Ваш герой умирал как бы в присутствии ангела, им самим сотворенного, ангела, который навевал бы ему сладостные грезы, и умирающему казалось бы, что та, с которой списан портрет, сидит возле его ложа, озаряя темную дорогу Смерти, и если бы он

простер к ней руку для последнего пожатия и тихо безмятежно опочил,— вот тогда, если бы Вы все это изобразили, получилась бы картина трогательная и чувствительная. Когда же Вы изображаете, как он борется со всеми ужасами, сопровождающими Смерть, вопит о злых духах и летучих мышах, когда глаза у него лезут на лоб, а из горла вырывается предсмертный клекот — то получается просто омерзительный, страшный конец. Тут нет ни красоты, ни морали, ничего, кроме отталкивающего и неприятного впечатления. Если бы он был героем эпической поэмы в семидесяти книгах, в каждой строке которой он выступал бы как существо более демоническое, чем сам Люцифер, Вы вряд ли могли бы его наказать более страшной кончиной. Я очень хотел бы, чтобы Вы переделали эту вещь заново, в том духе, в каком я говорю. И тогда я с удовольствием еще раз просмотрю ее.

В «Увядших листьях», по-моему, начало прелестно. Дальше похуже, а конец несколько приближается (не по манере, а по смыслу) к известной песне мистера Ловера, основанной на ирландском предании. Она называется, если не ошибаюсь, «Трилистник с четырьмя листками». Ода к луне — очень хороша. Свое суждение о Ваших способностях я должен был составить на основании того немногого, что Вы мне показали.

Вот Вам, в кратких словах, мой совет. Я не думаю, чтобы Вам удалось найти издателя для сборника Ваших произведений, разве что Вы отпечатаете его за свой счет; но даже если бы у Вас были на это средства, то очень скоро — если только в Вас есть что-то настоящее — придет время, когда Вы от души раскаетесь, что поторопились печататься. Так, как пишете Вы, пишут многие, а иные пишут и получше. И если Вы надеетесь обогнать их или занять какое бы то ни было место в рядах поборников Славы, то уверяю Вас, от того, что Вы запрете эти излияния в стол, Ваше продвижение вперед не замедлится ничуть. Вместе с тем я не вижу причин, почему бы Вам не послать какую-нибудь небольшую вещь — «Художника», скажем, но только не в теперешнем его состоянии — в такой журнал, как «Блэквудс», и я не вижу причин,— помимо тех, что существуют всегда,— по которым бы его там могли не принять и не напечатать. Если соберетесь,

непременно перепишите стихи простым, незатейливым почерком и на достаточно большом листе бумаги, чтобы они все на нем уместились — иначе никто читать не станет. И не пишите редактору, кто Вы, ибо ему до этого мало дела, а публике и того меньше.

Я не берусь сказать на основании тех образцов, какие Вы представили, считаю ли я, что Вы когда-либо сделаетесь великим человеком, и оделил ли Вас бог качествами, необходимыми, чтобы стать таковым. Многие на моем месте почли бы за священный долг отговорить Вас от вступления на зыбкое поприще Поэзии, но я не стану,— вопервых, оттого, что знаю, что Вы все равно меня не послушаете, а во-вторых,— откуда мне знать, может быть, оно принадлежит Вам по праву? Поэтому я ограничиваюсь замечаниями, которые приходят мне в голову, когда я читаю Ваши сочинения, и указываю Вам путь, какой Вам лучше всего избрать,— тот путь, по которому я следовал сам, когда мне был двадцать один год, путь, который обычно избирает большинство писателей, еще не достигнувших известности и не испытавших еще своих сил.

Поскольку Вы еще не достигли известности и не испытали своих сил, нет ни малейшего вероятия, чтобы моя рекомендация могла принести Вам пользу. Я бы не мог сказать издателю, что книга Ваша окупится (а он первым делом спросил бы меня об этом); я не мог бы даже сказать ему, что она привлечет к себе внимание публики. Я ознакомился всего с несколькими страницами, и если бы я ему сказал о них то, что сказал Вам, он ничего больше не захотел бы знать, и, поблагодарив меня самым искренним образом, отклонил бы предложенную ему честь, прибавив, что он весьма польщен моим вниманием.

Правильно ли Вы поступаете, спрашиваете Вы, посвящая столько времени тому, что может в конечном счете оказаться неудачей? Если Вы испытываете при этом душевную горечь или отвращение к Вашему основному делу, Вы поступаете, безусловно, неправильно. Если же у Вас хватает духовных сил спокойно исполнять свой долг, а к этим Вашим занятиям относиться как к отдыху и утешению, то никто не вправе лишать Вас этого, и Вы поступаете правильно. Решить этот вопрос можете только Вы, и больше никто. Впрочем, решить его нетрудно. После того,

как Вы тщательно отделаете какую-нибудь свою вещь и будете ею довольны сами, сделайте пробу, о которой я Вам говорил. Если в одном месте не выйдет, посылайте в другое. Если после десятка таких проб Вы с каждым новым провалом начнете испытывать досаду и разочарование, заприте Ваши сочинения в стол, сожгите перо и благодарите небеса, что Вам не приходится зарабатывать себе на хлеб с его помощью.

Преданный Вам.

64

БУЛЬВЕР-ЛИТТОНУ

Девоншир-террас, 1, Йорк-гейт,
12 декабря 1840 г.

Дорогой сэр Эдвард.

Позвольте поблагодарить Вас за комедию *, которую я получил нынче утром.

Как я сказал Макриди, когда он прочитал мне ее несколько недель тому назад, я не помню, со времени «Добродушного человека» *, пьесы, которая бы отличалась такой правдивой, умной и своеобразной обрисовкой характеров; теперь же, когда я познакомился с нею еще лучше, я еще более глубоко убедился в этом.

Вы, вероятно, уже угадали, что я был на спектакле в прошлый вторник. От души поздравляю Вас с блистательным успехом у публики и надеюсь, что он побудит Вас и впредь следовать тем же путем. Я убежден, что тут Вы единственный в своем роде.

Преданный Вам.

65

ДЖОРДЖУ КЕТТЕРМОЛУ

Девоншир-террас, 1,
понедельник, 13, 1840 г.

Дорогой Кеттермол,

Я хочу обсудить с Вами одно чрезвычайно важное дело. Мой новый журнал, вернее, его первый номер выйдет в свет в субботу, 28 марта; и поскольку его надо будет

посылать в Америку и в Германию — а это значит, что он должен быть подготовлен заранее,— он находится в работе уже сейчас, точнее, я начал им заниматься в прошлую субботу. Журнал будет издаваться не только ежемесячными выпусками по шиллингу за штуку, но и еженедельными по три пенса за выпуск. Моя цель при этом — расстроить планы наших соперников и сделать журнал как можно более современным. Что касается его содержания, то у меня есть оригинальный замысел, позволяющий коснуться множества тем. Название — «Часы мистера Хамфри».

Теперь вот что. Размышляя о том, как усовершенствовать свой журнал, я подумал и об иллюстрациях и решил помещать гравюры по дереву в тексте, а не на отдельных страницах. Мне бы хотелось знать, не согласились ли бы Вы сделать небольшой эскизик для гравюры — вы вполне можете обойтись тушью,— а размером он может не превышать тот клочок бумаги, который я вкладываю в этот конверт. Тема: старинная, необычного вида комната, обставленная старомодной елизаветинской мебелью: в том углу, где камин, причудливые старые часы, принадлежащие мистеру Хамфри. Никаких фигур. Эту гравюру я помещу на вступительной странице.

Кроме того, я хочу знать,— а поскольку Чепмен и Холл мои компаньоны, то я могу без всяких церемоний задать Вам этот вопрос, а Вы мне на него без церемонии ответите,— сколько Вам надо заплатить за такую работу, и не захотите ли Вы (если она Вас заинтересует) время от времени повторять эту забаву, и если да, то на каких условиях? Должен сказать, что я намерен также привлечь к подобной же работе Маклиза и что репродуцирование рисунков, выжженных и гравированных по дереву, будет осуществляться первоклассно. Опыт прошлого дает нам основания предполагать, что журнал будет пользоваться огромным успехом и популярностью. Я надеюсь, что, когда я поделюсь с Вами своими замыслами, Вы и сами убедитесь, что у нас непочатый край отличных тем.

Мне бы очень хотелось потолковать с Вами об этом деле, и я предпочел бы, чтобы Вы сами назначили мне место и время свидания. Мы могли бы встретиться здесь, или в Вашем доме, или в «Атэнеуме» *. Но я думаю, что

первое было бы лучше всего, так как здесь у меня под рукой все бумаги. Если Вы согласны позавтракать у меня, скажем, во вторник или в среду, то за две минуты я скажу Вам больше, чем мог бы написать в двадцати письмах, подобных этому, несмотря на то что я старался писать так деловито и глупо, как положено.

Все эти грандиозные приготовления, разумеется, должны храниться в величайшей тайне, иначе на сцену выскочит сразу пятьдесят мистеров Хамфри. А посему черкните мне записочку, как подобает уважаемому джентльмену, и передайте мой нижайший поклон Вашей уважаемой супруге.

Примите уверения, мой дорогой Кеттермол, в моей постоянной и искренней преданности.

66

ДЖОРДЖУ КЕТТЕРМОЛУ

Девоншир-террас,
21 декабря 1840 г.

Мой дорогой Джордж,

Кит, Одинокий Джентльмен и мистер Гарленд отправляются навестить девочку и прибывают туда ночью. Перед этим шел снег. Кит, оставя их, подбегает к старому дому и, держа в одной руке фонарь, а в другой — клетку с птичкой, в нерешительности останавливается в нескольких шагах от двери. В окне — том самом, где предполагается комната девочки,— горит свет, а сама девочка (разумеется, неведомо для гостей, которые приехали ее проведать и полны надежды) лежит в ней мертвая.

Если Вам трудно втиснуть в картину Кита, не ломайте себе голову над этим.

Преданный Вам.

67

КЕТТЕРМОЛУ

22 декабря 1840 г.

Дорогой Джордж,

Девочка лежит мертвая в спаленке, за ширмой. Зима, поэтому цветов нет; но по ее груди, по подушке и по всей

постели могут быть разбросаны веточки остролистника с ягодами и тому подобная дикорастущая зелень. Окно заросло плющом. Можно, если хотите, посадить возле нее того мальчика, с которым она говорила об ангелах; но мне кажется, что получится больше тишины и покоя, если она будет совершенно одна. Я хотел бы, чтобы была выражена вся красота безмятежного покоя и чтобы во всем сквозило счастье, если такое возможно в смерти.

Девочку похоронили в самой церкви, и старик, который никак не поймет, что она умерла, возвращается на ее могилу и долго сидит там, ожидая, чтобы вновь пуститься с нею в путь. Его посох с мешком, ее маленький капор с корзиночкой и пр. лежат возле него. «Она придет завтра»,— говорит он всякий раз, когда темнеет, и печально отправляется домой. Я думаю, что песочные часы помогли бы передать мысль; можно какие-нибудь ее вещички перекинуть ему через колено или дать в руку.

Эта повесть разрывает мне сердце, и я не могу собраться с духом, чтобы окончить ее.

Всегда и вечно всей душой Ваш.

68

ДЖОНУ ОВЕРСУ

Девоншир-террас,
среда, 30 декабря 1840 г.

Дорогой мистер Оверс,

До сих пор я никак не мог найти время, чтобы прочитать Ваше сочинение. Но вот наконец прочел и считаю, что это хорошая журнальная статья — не забывайте, что я говорю сейчас так, как если бы ничего не знал ни об авторе ее, ни об обстоятельствах, при которых она писалась,— и ничуть не хуже других статей подобного рода. Если Вы немножко подправите помеченные мною места и подержите статью у себя, пока не окончите вторую, я тем временем подумаю, куда бы ее лучше пристроить.

Если говорить по существу, я возражаю против того, чтобы Уота Тайлера * изображали этаким отъявленным злодеем, так как мятежник этот действовал из чистых побуждений и заслуживает некоторого сочувствия, и я ду-

маю, что если бы я жил в его время, то, может быть, и сам размозжил бы голову сборщику налогов, и, уж во всяком случае, поступивший таким образом был бы в моих глазах чем-то вроде полубога. Ни один отец не станет мириться с тем, чтобы над его дочерью совершалось насилие, даже если насильник является государственным чиновником; и ни один настоящий мужчина не согласится спокойно на это смотреть.

Поэтому даже если бы Уот Тайлер и его сторонники, в пылу страстей, сожгли город и лили кровь как воду, то и тогда бы я отнесся к их памяти с некоторым почтением.

В остальном же я очень доволен Вашей работой и серьезнейшим образом считаю, что Вы поразительно продвинулись. Остерегайтесь писать для публики то, что щепетильность помешала бы Вам произнести вслух, где бы то ни было. Предположим, что миссис Скатфидж и на самом деле разделась догола — я, собственно, в этом и не сомневаюсь, — и все же мне очень не хотелось бы сообщать об этом ее поступке нашим барышням, родившимся в девятнадцатом веке.

Преданный Вам.

69

ФОРСТЕРУ

Пятница, 7 января 1841 г.

...Кончил ли я? Кончил ли??!!! Господь с Вами, до вечера среды я никак не кончу. Я только вчера начал, и должен Вам сказать, что галоп здесь не годится. Получается превосходно, мне кажется, но сам я — несчастнейший из несчастных! На меня словно легла черная тень, и я с трудом продвигаюсь вперед. Я боюсь подойти к этому месту еще больше, чем Кит; больше, чем мистер Гарленд; и гораздо больше, чем Одинокий Джентльмен. Я еще долгое время буду не в состоянии оправиться. Никто не будет так тосковать по ней, как я. Мне все это так больно, что я даже выразить не могу всего, что чувствую. Старые раны начинают кровоточить всякий раз, когда я думаю, как об этом писать: что же будет, когда я начну писать, одному богу известно. Утешение, которое находил школьный

учитель, на меня, как я ни стараюсь, не оказывает должного действия. Когда я думаю об этой печальной повести, мне кажется, что Мэри умерла всего лишь вчера.

Не знаю, как быть с завтрашним обедом,— может быть, Вы пришлете узнать с утра? Так было бы лучше всего. Я отказался от нескольких приглашений на эту и на следующую неделю, решив никуда не ходить, пока не кончу. Боюсь потревожить состояние, которое мне удалось в себе вызвать, чтобы не пришлось создавать его заново...

70

С. ХАРФОРДУ

Девоншир-террас,
15 января 1841 г.

Сэр,

Мне хочется сказать несколько слов в ответ на Ваше письмо от девятого. Времени у меня мало, поэтому буду краток.

Я и не ожидал, что Вы тут же согласитесь с моим мнением. Я думаю, что года через три Вы будете более расположены согласиться со мной, а через пять лет, самое большее, мы с Вами сделаемся уже полными единомышленниками.

Вы, по-видимому, забываете, что я не могу знать Вас так хорошо, как знаете себя Вы, и что поэтому мне трудно судить о размерах Вашего дарования. Ведь чувства, которые Вам — по собственному Вашему признанию — не удалось выразить с должной силой, мне неведомы вовсе, ведь я не жил Вашими мыслями, я всего-навсего прочитал несколько строк Вашего сочинения, и только в каком-то очень исключительном случае я мог бы о человеке, с которым так мало знаком, как с Вами, сказать себе: «Это — поэт!»

Вы хотите, чтобы я окончательно сказал, следовать ли Вам по избранному Вами пути дальше или оставить его навсегда. Этого я Вам сказать не могу. У меня нет четкого представления о Ваших возможностях. Того, что Вы мне прислали, недостаточно, чтобы я мог судить. И я убежден, что любой человек, если только он сознает всю ответствен-

ность, которая на него возлагается, посмотрев эти Ваши сочинения, сказал бы Вам точно то же, что и я.

В ответ на кое-какие замечания, которые я позволил себе, Вы говорите, что не просматривали и не выправляли свою рукопись. Должен сказать, что в этом Вы не правы и поступаете неразумно. Ведь для того, чтобы я мог ответить на Ваш вопрос, мне важно знать не только каковы Ваши мысли, но и умеете ли Вы их выразить. Как же я могу об этом судить, приняв на веру Ваше заявление, что Вы можете писать правильным стихом, но не желаете утруждать себя этим? Я допускаю, что есть поэты в душе,— верно, их немало, людей, которые *чувствуют* стихи, но нас-то с Вами интересует только одно: можете ли Вы *писать* стихи?

Напрасно Вы думаете, что отвращение к такой по существу легкой работе, как перечитывание и исправление собственных писаний, является непреложным свойством поэтического темперамента. Талант истинный, за что бы он ни принимался, все делает хорошо; а тот, кто постоянно начинает что-нибудь и, не доведя дело до конца, бросает, не есть истинный талант, уверяю Вас!

За последние пять лет я не помню случая, чтобы хоть один молодой человек, посылая мне свое сочинение, не сообщал при этом, что оно является его худшим, а что лучшие лежат у него дома.

Говорю Вам искренне, что отношусь к Вам с сочувствием и хотел бы, чтобы Вы — воздав этим должное и себе, и мне — представили на мой суд лучшее, на что Вы способны; я же, если только найду это возможным, буду счастлив подбодрить и обнадежить Вас. Я бы хотел видеть «Сон молодого художника» с другим концом (то есть в первоначальном его варианте); и если Вы не найдете случай доставить мне эти две поэмы, то я, быть может (если только посещу Эксетер следующим летом — а я думаю туда съездить), получу их из Ваших рук.

Надеюсь, что ни это мое, ни предыдущее письмо Вы не поймете превратно. Может быть, я кажусь Вам жестоким, но поверьте, мною движет одно лишь доброжелательство. Вы не знаете, Вы и понятия не имеете о (тщательно скрываемом обычно) горестном положении молодых людей, которые в еще более ранней своей молодости ошиблись в

призвании и сделались вследствие этого последними нищими от литературы. Мне же приходится наблюдать это явление изо дня в день. Именно потому, что я знаю, какую горечь и боль порождают подобные ошибки, потому что, окидывая мысленным взором путь, на который Вы хотите вступить, я вижу эти зловещие последствия, мне так необходимо получить правильное представление о Ваших возможностях, прежде чем поддержать Вас в Вашем роковом намерении.

Если мое предыдущее письмо Вас не совсем удовлетворило, то это оттого, что меня не удовлетворили образцы, Вами присланные, которых к тому же было слишком мало. Впрочем, если бы стихи, присланные Вами, попались мне на глаза случайно, я бы, наверное, прочитал их с удовольствием. К этому я ничего прибавить не могу, разве только то, что я каждый день читаю сочинения, которые мне кажутся ничуть не хуже Ваших. Вы говорите, что можете писать лучше. Я хочу получить возможность сказать о Вас то же самое.

Я с большим огорчением узнал, что Вы хворали, и от души надеюсь, что здоровье Ваше начало поправляться. Позвольте Вас заверить, что Ваша откровенность не нуждается ни в оправдании, ни в извинениях и что я остаюсь преданный Вам.

71

ФОРСТЕРУ

17 января 1841 г.

...Не могу Вам передать, как приятно мне было Ваше вчерашнее письмо. Я чувствовал, что Вам понравились главы, которые я прочитал Вам в четверг вечером, но для меня было большой радостью получить такое убедительное и щедрое подтверждение этого чувства. Вы знаете, как низко я оценил бы собственный труд, пусть бы его кругом расхваливали все, если бы при этом молчали те, чьим мнением и одобрением я дорожу. Ваши слова о том, что моя концовка трогает и задевает Вас так сильно, для меня важнее, чем тысяча сладчайших голосов со стороны. Когда я впервые, следуя *Вашему ценному совету,* стал продумы-

вать именно такой финал повести, мне захотелось написать его так, чтобы люди, которым привелось столкнуться со смертью, могли читать последние страницы с чувством некоторой умиротворенности и почерпнуть в них утешение.

...После того как Вы вчера вечером ушли, я взял свой пюпитр к себе наверх и писал до четырех часов утра, пока не кончил всю вещь. С грустью думаю, что все эти люди потеряны для меня навеки, и сейчас мне кажется, что я уже не способен так привязаться к новым персонажам.

72

БЭЗИЛУ ХОЛЛУ*

Девоншир-террас,
28 января 1841 г.

Сэр,

Это верно, что я не мастер изображать из себя достопримечательность, и я в самом деле испытываю непобедимое отвращение к этому занятию. Но право, в истории с мисс Эджворт, которую я повидал бы с удовольствием, Вы меня обижаете. Все дело в том, что когда я начинаю новую повесть, я никак не могу позволить себе оторваться в утренние часы от работы. Я всеми помыслами и устремлениями тянусь еще к только что законченной книге, мне трудно войти в новую колею, по которой предстоит продвигаться, а тут еще болезни близких, тревога за них, а тут еще всевозможные приглашения, от которых нельзя отказаться, которые не оставляют мне ни одного свободного вечера... В настоящее время я отдыхаю один раз в неделю, а именно — во вторник. Поэтому-то в разговоре с Вами я и назвал вторник.

Если бы время от времени я не замыкался так решительно, чтобы писать, или просто размышлять, то «Часы» в конце концов остановились бы. И если бы в такое время меня позвала к себе сама королева, я бы отказался и не пошел.

Мне не хочется, чтобы Вы уезжали с превратным мнением обо мне, и потому посылаю Вам это письмо.

Всегда преданный Вам.

73

ДЖОРДЖУ КЕТТЕРМОЛУ

Девоншир-террас,
четверг вечером, 28 января 1841 г.

Мой дорогой Джордж,

Вчера я посылал к Чепмену и Холлу за второй темой для 2-го выпуска «Барнеби», но оказалось, что они отправили его Брауну.

Первую тему к 3-му выпуску я пошлю Вам либо в субботу, либо, самое позднее, в воскресенье утром. Кроме того, я просил Чепмена и Холла направить Вам корректуры предыдущих глав для справок.

Я хочу знать, чувствуете ли Вы воронов вообще, и понравится ли Вам, в частности, ворон Барнеби? Так как Барнеби — идиот, я задумал выпускать его только в обществе ворона, который неизмеримо мудрее его. С этой целью я изучал свою птицу и думаю, что мне удастся из нее сделать весьма любопытный персонаж. Возьметесь ли Вы за такой сюжет, когда ворон сделает свой дебют?

Преданный Вам.

74

ТОМАСУ ЛЕТИМЕРУ

Девоншир-террас,
13 марта 1841 г.

...Интересно — я всегда считал, что за «Лавку древностей» заслуживаю наивысший балл и что ни один из моих романов так отчетливо не представлялся мне весь — по композиции и общему замыслу,— как этот, с самого начала. Умиротворенность, пронизывающая всю эту вещь, есть результат сознательно поставленной цели; я хотел, чтобы на книге с первых страниц лежала тень преждевременной смерти. Мне кажется, что я всегда буду любить эту книгу больше всех, какие написал и напишу. Вот и все, что касается моих писаний...

75

ВЭЗИЛУ ХОЛЛУ

Девоншир-террас,
вторник вечером, 16 марта 1841 г.

Мой дорогой Холл,— я чувствую, что это и есть тот случай, когда juniores priores [1], и, видно, мне следует дружеским обращением к Вам разбить лед с одного удара.

До вчерашнего вечера я никак не мог собраться с духом и прочитать повесть леди де Ланси *, и если бы не Ваше письмо, наверное, так бы и не собрался. С первого взгляда на рукопись, которую Вы так любезно мне предоставили, я почувствовал, какая в ней заключена страшная правда, и я в самом деле, из чистого малодушия, не решался раскрыть ее.

Проработав над «Барнеби» весь день, я пошел часа на два бродить по самым убогим и страшным улицам в поисках впечатлений для дальнейшей работы над повестью. И вот, часам к десяти я принялся за рукопись. Сказать, что чтение этого поразительного и потрясающего рассказа составило эпоху в моей жизни, что я не позабуду ни одного слова в нем, что я не могу отделаться от впечатления, произведенного им и что я в жизни не встречал ничего более искреннего, трогательного, ничего, что бы вызывало такую живую картину перед глазами,— значит ничего не сказать. Я — и муж, и жена, и убитый мужчина, и оставшаяся в живых женщина, и Эмма, и генерал Дандас, и доктор, и ложе больного — все и вся (за исключением прусского офицера, да будет он проклят!). Все то, что я до сих пор считал за шедевры, что прежде поражало меня силой чувства, теперь кажется мне пустым. Даже если я проживу еще пятьдесят лет, отныне и до самой моей смерти описанные здесь сцены будут сниться мне с ужасающей реальностью. И всякий раз, когда зайдет при мне разговор о каком-нибудь сражении, перед моими глазами непременно всплывет вся эта повесть. Так и вижу герцога, как он в рубашке без мундира стоит перед офицером в парадной форме или, как он, спешившись, подходит к храброму солдату, сраженному пулей.

---

[1] Младшие впереди *(лат.)*.

Вот разительное доказательство могущества этого удивительного человека, Дефо: чуть ли не в каждой строке повествования я словно узнаю его руку. У Вас не было такого чувства? Как она поехала в Ватерлоо, не думая ни о чем, кроме препятствий, которые нужно преодолеть; как заперлась в комнате, чтобы не слышать ничего, как не подошла к двери, когда раздался стук; как по бурной радости, которая ее охватила, когда она узнала, что он в безопасности, поняла, до какой степени ее терзали тревоги и сомнения; ее страстное желание быть вместе с ним, все это описание хижины и обстановки в ней; их ежедневные ухищрения, чтобы не умереть с голоду; и как она легла рядом с ним и оба *уснули;* и его решение бросить военную службу и начать спокойную жизнь; и ее грусть, когда она увидела, с каким аппетитом он ест перед самой своей гибелью, и потом описание его гибели,— до сих пор я думал, что такая высокая правдивость в литературе по плечу одному этому необыкновенному человеку.

Я ничего не говорю о всех этих прекрасных и нежных картинах — как она каждый день думает о своем счастье, как надевает ему на грудь ордена перед банкетом, как выходит ночью на балкон, как смотрит на отряды солдат, исчезающие за воротами, как возвращается потом к больному. Здесь все — торжественное вдохновение, а святыни касаться не должно. И позволю себе лишь повторить, со всей энергией, на какую я способен, всю меру которой передать на бумаге невозможно, что я от самой глубины души благодарен Вам за то, что Вы мне дали прочитать эту повесть, которая произвела на меня неизгладимое впечатление. Отныне столь знакомые мне места, по которым путешествовала Ваша сестра, для меня священны; и если будет на то воля божья, я намерен следующим же летом исходить их вдоль и поперек, чтобы вновь пережить эту печальную историю, на том самом месте, где она происходила. Вы не станете смеяться надо мной, я уверен. Мой пыл, когда он пробужден чем-нибудь подобным, угасает не скоро.

Вспоминаете ли Вы то место, где она отказывается верить, что он жив,— после тех мук, которые ей причинила весть о его гибели? Ее поведение показалось бы мне противоестественным, если бы я не прочитал о нем в повести.

Она запечатлелась в моей душе навеки, но в письме я не прибавлю больше ничего к немногим и несовершенным словам, набросанным впопыхах; впрочем, две вещи еще: во-первых, Кэт все время, что я писал Вам, страшно мешала мне своими рыданиями над рукописью и только что вышла из комнаты, в полном отчаянии, а во-вторых, если когда-нибудь наступит такое время, что Вы решитесь позволить другу переписать для себя эту повесть, вспомните обо мне.

После этой рукописи все на свете кажется ничтожным,— во всяком случае, мне, который находится под непосредственным впечатлением повести леди де Ланси (для Вас она не имеет той силы новизны),— и, однако, должен сообщить, что ворон мой сдох. Он недомогал несколько дней, как нам казалось, не очень серьезно; он даже стал поправляться, как вдруг появились признаки рецидива, которые вынудили меня послать за медицинским светилом (неким Херрингом, торговцем птицами, проживающим на Нью-роуд). Он тотчас прибыл и дал больному основательную дозу касторки. Это было в прошлый вторник. В среду утром больной принял еще одну порцию касторки и чашку тепловатой каши, которую он поел с большим аппетитом и воспрянул духом настолько, что ущипнул конюха, и пребольно! В полдень, ровно в двенадцать, он начал прохаживаться по конюшне с видом сосредоточенным и серьезным — и вдруг покачнулся! Это повергло его в задумчивость. Он остановился, покачал головой, прошел несколько шагов, еще раз остановился, крикнул с удивлением и укором в голосе: «Здорово, старуха!» — и умер.

Он оставил довольно большой капитал (в виде сырных корочек и полупенсовиков), который на всякий случай разместил в разных местах сада. Я не уверен, что мы не имеем дело с отравлением. За несколько недель до его смерти люди слышали, как мясник выкрикивал ему вслед слова угрозы,— кроме того, покойный украл перочинный ножик у плотника, известного мстительностью своего характера; ножик так найден и не был. По этим причинам я приказал, прежде чем сделать из покойника чучело, произвести вскрытие. Результаты еще неизвестны. Медицинское светило объявило мне о смерти ворона с величайшим тактом, сообщив, что «с этой чертовски хитрой

птицей приключился чертовски неожиданный казус», тем не менее я был чрезвычайно потрясен. Что касается неожиданности этого казуса, то выясняется, что ворон, не достигший двухсот пятидесяти лет, например, считается младенцем. Если так, то моему ворону, можно сказать, предстояло только родиться через пару столетий, ибо ему было всего два-три года.

Я бы хотел знать что-нибудь об обещанном сюрпризе — когда он прибудет, что это такое, словом, все, чтобы оказать ему достойный прием. Не знаю, как получилось, что я, который славлюсь тем, что либо не пишу вовсе, либо произвожу самые коротенькие образцы эпистолярного искусства, вдруг так расписался. Да,— вот уже шестая страница! Не стану же начинать седьмую и потому шлю поклон всему Вашему дому от всех моих домочадцев и пребываю преданный Вам.

Я очень рад, что «Барнеби» Вам нравится. У меня грандиозные замыслы, но пока мне негде с ними развернуться.

76

ДЖОНУ СКОТТУ, РЕДАКТОРУ «УТРЕННИХ ОБЪЯВЛЕНИЙ»

Девоншир-террас, Йорк-гейт,
Риджент-парк,
22 марта 1841 г.

Сэр,

Не могу и выразить, как меня порадовало Ваше теплое и приветливое письмо; я благодарен Вам за него безмерно.

Мне было очень больно услышать от Вас, что кто-то говорил, будто я забываю старых друзей и товарищей, больно, хотя я и знаю, что это не так,— все мои поступки и помыслы опровергают подобное утверждение. Те, кто знает меня лучше других, знают также лучше других, как тяжело мне слышать подобное обвинение и как оно несправедливо. Больше всего на свете я презираю и ненавижу людей, которые кичатся своей удачей. И я чувствовал бы себя глубоко несчастным, если бы мог допустить

мысль, что мои дети когда-нибудь поверят, будто я был повинен в подобной низости.

К счастью, хотя я приобрел множество новых друзей, я со своих школьных дней не потерял ни одного старого. Наиболее приятные и лестные для меня письма — это те, в которых содержатся поздравления друзей, с которыми расстояние или случай разлучили меня на много лет. Поверьте мне, что, начиная с моего маленького, бледнолицего учителя, который научил меня различать буквы (представьте себе, он каким-то чудом на днях появился у меня, в превосходной сохранности), и кончая друзьями более поздней поры, сыгравшими меньшую роль в моей жизни, я ни разу, особенно в последние годы, ни единого разу не отнесся к кому-либо холодно или свысока. Мне свойственно испытывать теплые чувства ко всем, с кем я был знаком в менее счастливые для себя годы; и всякий, кто возводит на меня напраслину в этом отношении, либо оскорбляет меня намеренно — из зависти и недоброжелательства, либо слишком легко соглашается с утверждением, в лживости которого он мог бы убедиться, не затратив на это особого труда.

Слова мои бессильны и несовершенны, но я все же хочу еще раз сказать, как я Вам благодарен за Ваше откровенное письмо. Я сохраню его вместе с теми приятными мне письмами, о которых я уже говорил, и я надеюсь, прежде чем умру, увеличить их число подобными же весточками — даже от тех, кто сейчас так во мне ошибается.

Если, читая «Часы», Вам вдруг покажется, что какие-то страницы написаны особенно весело, поверьте, прошу Вас, что в этом веселье повинны Вы, и поверьте также, что я остаюсь искренне преданный Вам.

77

С. ХАРФОРДУ

Девоншир-террас, 1,
1 апреля 1841 г.

Сэр,

Поправки, внесенные Вами в рукопись, которую я Вам возвращаю, на мой взгляд, весьма удачны. Я больше не имею возражений и прочитал ее с большим удовольствием.

Надеюсь, что Вы не сочтете меня чрезмерно придирчивым, если я предложу Вам заменить слово «крик» на стр. 5 «стоном», «вздохом» или «ропотом»,— на мой взгляд, это больше вяжется с общим духом Вашего сочинения. На стр. 7 «запачканный» — не совсем удачно. Лучше бы «запятнанный». И я, возвращаясь к стр. 5 еще раз, хотел бы видеть что-нибудь вроде «добрая женщина» вместо «эй, женщина!», когда он обращается к няне. Впрочем, это целиком дело вкуса.

По-моему, больше ничего менять не надо, и я буду счастлив получить от вас переписанный экземпляр, как только Вам будет удобно доставить его мне.

На Вашем месте я послал бы рукопись Блеквуду (только не падайте духом, если получите отказ) — с запиской примерно такого содержания: «С. X. свидетельствует свое уважение издателю «Блеквудс мэгезин» * и почтительно просит его прочитать прилагаемое весьма короткое сочинение, которое он посылает, полный робости и неверия в себя». Чем короче подобные послания, тем лучше; когда мне приходилось редактировать журнал, я помню, что чья-нибудь скромная записка вдруг привлекала мое внимание после того, как океаны вздора повергали меня в такое отупение, что я уже еле различал буквы.

Примите мои лучшие пожелания и поверьте, что я остаюсь преданный Вам.

78

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

5 апреля 1841 г.

...Не стесняйтесь вычеркивать все, что покажется Вам преувеличенным. Мне трудно судить, где я пересолил, а где нет. Сейчас я пытаюсь сделать очень спокойный выпуск, для контраста с предыдущим, без которого, однако, нельзя было обойтись. Надеюсь, что получится хорошо. Сам я, впрочем, в плохом состоянии для работы. Я рад, что по Вашему мнению это написано сильно. Я вставил кое-что, чтобы лучше оттенить ворона...

79

ПРЕПОДОБНОМУ ТОМАСУ РОБИНСОНУ

Девоншир-террас, 1, Йорк-гейт,
Риджент-парк,
четверг, 8 апреля 1841 г.

Дорогой сэр,

Весьма признателен Вам за Ваше интересное письмо.

Радость, которую оно мне доставило, ничуть не меньше от того, что я во многих весьма существенных вопросах расхожусь с доктриной, которую исповедуете Вы. В любви к добродетели и ненависти к пороку, в нетерпимости к жестокости и желании побуждать людей к добру и милосердию, сходятся все, кто тем или иным путем стремится быть угодным творцу. Я думаю, что дорог, ведущих в рай, больше, чем полагает каждая секта в отдельности; но путь, не украшенный этими цветами, не может туда привести никого.

Поэтому мне особенно лестно было получить письмо от Вас. Оно мне в высшей степени приятно. Я благодарю Вас за него от души и горжусь, что заслужил одобрение человека, который сам претерпел в детстве еще больше, чем мое бедное дитя.

В то время как Вы на своем поприще обучаете людей милосердию,— науке, которую постигли в печальные годы своего детства, я на своем буду бороться с жестокостью и деспотизмом, этими врагами всех божьих созданий, всех вероучений и моральных устоев, буду бороться, пока мысль моя не утеряет силу, а сам я — способность ее выражать.

Преданный Вам.

80

ВАШИНГТОНУ ИРВИНГУ

Девоншир-террас, 1,
21 апреля 1841 г.

Дорогой сэр!

Нет на свете человека, который мог бы доставить мне большую радость, чем та, которую доставили мне Вы своим письмом от тринадцатого числа прошлого месяца. Нет писателя среди ныне живущих,— да и среди

покойных их немного,— чьим одобрением я бы так гордился, как Вашим. Я говорю это с полной искренностью, ибо все, написанное Вами, у меня не только на полках, но в памяти и в сердце. Если бы Вы могли знать, с каким горячим чувством я пишу Вам это письмо, оно бы доставило Вам радость,— но я надеюсь, что, даже смутно догадываясь о теплоте руки, которую я протягиваю Вам через широкие просторы Атлантики, Вы прочитаете его не без удовольствия.

Я был бы счастлив, если бы в Вашем драгоценном для меня письме мог прочитать хотя бы намек на то, что Вы собираетесь в Англию. Но его нет. Я держал письмо на расстоянии вытянутой руки, я смотрел на него с птичьего полета, не говоря о том, что несколько раз просто перечитывал его, но ни этим путем, ни с помощью микроскопического исследования такового намерения не обнаружил. С каким наслаждением отправился бы я с Вами — как, собственно, и отправлялся в мечтах, и сколько раз! — и в Бретань, и в Истчип, и в Грин-Арбор-корт, и в Вестминстерское аббатство! Мы бы поехали с Вами в Брейсбридж Холл на империале последнего дилижанса. Как бы я хотел обменяться с Вами впечатлениями об этом ободранном красноносом джентльмене в непромокаемой шляпе, что сидит в гостинице «Мейсонс-Армс», в той девятиугольной комнате, и о Роберте Престоне, и о вдове торговца сальными свечами, к чьей гостиной я уже давно привык, как к собственной, и обо всех этих чудесных местах, по которым я бродил и которыми бредил, когда был очень маленьким и очень одиноким мальчиком. У меня было бы что порассказать и об этом удальце Алонзо де Охеда, которого невольно любишь больше, чем он этого заслуживает, и было бы что порасспросить об одной мавританской легенде и о судьбе несчастного бедняги Бодавиля. Дитриха Никкербоккера я затаскал до смерти в своем кармане, и тем не менее я был бы несказанно счастлив, если бы мог показать Вам его бренные останки.

Я так привык связывать Ваш образ с самыми приятными и счастливыми своими мыслями и с часами, свободными от трудов, что — послушный закону притяжения — доверчиво и не задумываясь бросаюсь в Ваши объятия. На кончике моего пера так и толпятся всевозможные во-

просы, как бывает с людьми, которые встречаются после длительной разлуки. Я не знаю, с чего начать, чего не говорить вовсе, и мне все время хочется перебить себя, чтобы еще раз сказать, как я рад, что наступил этот день.

Мой дорогой Вашингтон Ирвинг, не знаю, как и выразить свою беспредельную признательность за Вашу сердечную, щедрую похвалу, как рассказать о том глубоком и непреходящем удовлетворении, которое она мне доставляет. Я надеюсь, что Вы мне напишете еще много писем, и что у нас завяжется регулярная переписка. Сейчас я только это и могу сказать. После первых двух-трех писем я постепенно приду в себя и начну писать более связно.

Вы знаете это чувство, когда письмо написано, запечатано и отослано! Я буду представлять себе, как Вы читаете его, как отвечаете на него,— между тем как на самом деле оно будет еще лежать на почте. Десять шансов против одного, что, раньше чем самое быстроходное судно может достигнуть Нью-Йорка, я уже примусь за следующее письмо к Вам.

Как Вы думаете, любят ли чиновники, работающие на почте, получать письма? Я сомневаюсь. У них, должно быть, вырабатывается ужасающее равнодушие. Ну, а уж почтальон, тот, конечно, вовсе очерствел. Представляете, как он приносит письмо, адресованное себе? Ведь ему не приходится вздрагивать от стука в дверь!

Ваш преданный друг.

81

ФОРСТЕРУ

3 июня 1841 г.

...Соломон прибегает у меня к одному из тех энергичных выражений, которые порой под влиянием сильного потрясения вырываются у людей самых обыкновенных. Поступайте с этим, как найдете нужным. Что бы вы ни говорили о Гордоне *, он, должно быть, в глубине души был добрый человек и по-своему любил отверженных и презренных. У него был скромный доход, на который он и жил; известно, что он помогал нуждающимся, разоблачил

попытку министра купить место в парламенте и сделал много добрых дел в Ньюгете. Он всегда выступал на стороне народа, и в той мере, в какой ему позволял туман, царивший в его голове, пытался разоблачать коррупцию и цинизм, процветающие в обеих партиях. От своего безумия он не получал никаких выгод, да он их и не искал. Современники, даже в самых свирепых нападках на него, признают за ним эти достоинства: и моя совесть не позволила бы не воздать ему должного, тем более что нельзя забывать, в какое гнусное (политически) время он жил. В тюрьму он был посажен по обвинению в клевете на королеву французскую; между тем французское правительство с жаром добивалось его освобождения, и я думаю, что оно и добилось бы его, если бы не лорд Гранвилль...

82

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Лох-Эрн-Хэд,
понедельник, 5 июля 1841 г.

...В субботу вечером у нас были дела — мы толпились в переполненном театре, а вчера утром в половине восьмого покинули Эдинбург и в сопровождении Флетчера отправились в так называемую гостиницу Стюарта, в девяти милях от Калландера. Мы не заказали комнаты заранее, вследствие чего спальня у нас должна была одновременно служить гостиной; тут весьма пригодился мой талант распихивать мебель по углам. Флетчер спал в конурке с тремя стеклышками, которые составляли часть целого окна — остальные три стекла приходились по ту сторону перегородки, за которой спал еще кто-то. Утром Флетчер сказал мне, что у него были страшные кошмары и что он, должно быть, ужасно кричал ночью. Незнакомец, как Вы сами понимаете, чуть забрезжило, сел в коляску и погнал вскачь. Так как мы очень устали (в прошлую ночь мы спали не больше трех часов), то поднялись только в десять часов, а в половине двенадцатого миновали Троссакс и добрались до Лох-Катрин, и вчера вечером, после чая, я прошелся до озера пешком. Трудно передать, какое это прекрасное зрелище! Дождь был такой, какой только и бывает в здешних краях. Мы довели Кэт до скалистого

перевала, чтобы показать ей остров, принадлежащий Деве Озера, но после первых же пяти минут Кэт сдалась, и мы ее оставили в месте более живописном, нежели уютном, на попечении Тома, который держал над ее головой зонт, а сами полезли дальше наверх. Когда мы вернулись, Кэт уже сидела в карете. Мокрые до нитки, мы были вынуждены ехать еще двадцать четыре мили. Флетчер очень мил, и он чрезвычайно полезный спутник во всех этих диких местах. Его привычка заглядывать на кухню и в буфет, несколько обременительная в Бродстэрсе, здесь пришлась весьма кстати. Так как нас ожидали не раньше шести, камины еще не затопили. Вы бы умерли со смеху, если бы могли видеть, как Флетчер (главный виновник этого недоразумения) носился из гостиной в обе спальни и обратно с огромными мехами в руках и попеременно с их помощью раздувал во всех очагах огонь. В огромной шотландской шапке и белом плаще он был до того уморителен, что даже перо Неподражаемого * бессильно его изобразить...

Гостиницы здешние представляют собой странное зрелище, как снаружи, так и внутри. Наша, например, с дороги производит впечатление белой стены, в которую по ошибке вставили окна. Впрочем, у нас хорошая гостиная, на первом этаже, не меньше, чем мой кабинет дома (только потолок пониже). Зато размеры спален таковы, что после того, как скинешь сапоги, двигаться по комнате становится рискованно — все ноги поотшибешь! Во всей Верхней Шотландии нет таза, который вмещал бы мою физиономию целиком; нет ящика, который можно было бы выдвинуть после того, как вы уложили в него вещи; нет грелки, в которую можно было бы налить достаточно воды для того, чтобы смочить зубную щетку. Домишки убоги и бедны неописуемо. Еда (для тех, кто в состоянии оплатить ее) «сносная», как сказал бы М.: овсяные лепешки, баранина, рагу, форель из озера, слабенькое пиво в бутылках, апельсиновое варенье и виски. Последний напиток я поглощаю до пинты в день. Погода — то, что здесь называют «мягкая»,— а это означает, что небо превратилось в огромную трубу, из которой без перерыва хлещет вода: так что и вино действует здесь, как вода...

(Я намерен завтра поработать и надеюсь до отъезда еще раз написать Вам отсюда. Какие дурацкие выборы!

Предпочесть Бульверу Сибторна — клянусь небом, это национальный позор!.. Недаром Сатана обошел Линкольн в своем полете. Тамошние обитатели показались слишком тупыми даже для него...) Не стану досаждать Вам описанием всяких «бенов» и «лохов», но страна эта поистине удивительная. Если б Вы видели, как здесь сегодня расхаживали туманы, как на склонах гор возлежали облака; если б Вы видели эти глубокие узкие долины, высокие утесы, бурные водопады, ревущие ручьи в глубоких ущельях! Гостиница зажата между высокими горами, верхушки которых затерялись в облаках, а перед нашими окнами уныло тянется двенадцатимильное озеро. Может быть, в следующем своем письме я воспарю до великого, в этом же ограничиваюсь смешным. Так или иначе, всегда Ваш.

83

ФОРСТЕРУ

Далмалли,
воскресенье, 11 июля 1841 г.

...Вас удивит этот адрес, так как он не был предусмотрен маршрутом. Но если бы Вы знали, какая невероятная цепь приключений на суше и на воде привела нас сюда, Вы бы удивились еще больше. Если на Вас сейчас надета шляпа, снимите ее, дабы Ваши волосы могли встать дыбом беспрепятственно. Чтобы добраться из Баллихулиша (принужден прибегать к такому правописанию этого слова всякий раз, когда нет поблизости Флетфера, а он сейчас куда-то вышел) в Обан, приходится дважды пользоваться паромом, один из которых пересекает рукав моря, шириной в восемь или десять миль. На этот паром погружаются пассажиры, экипажи, лошади, и все это в случае благоприятной погоды с грехом пополам доставляется на тот берег. Однако вчера утром поднялся такой сильный ветер, что хозяин гостиницы, предоставивший нам лошадей, которому мы заранее оплатили всю дорогу до Обана (тридцать миль), в ту самую минуту, когда мы собирались уже трогаться, поднялся к нам, возвратил деньги и честно объявил, что переправиться не удастся. Пришлось повернуть вспять и проделать все тридцать пять миль через Гленко

и Инверуран до места под названием Тиндрун, откуда дорога протяженностью в двенадцать миль ведет в Далмалли, в шестнадцати милях от Инверури. Итак, мы повернули назад, и в бурю, дождь и ветер, поехали по той же дороге, по которой третьего дня ехали сюда... По правде сказать, я был рад снова очутиться в этом ужасном Гленко. Если он и тогда произвел сильное впечатление, то сейчас он меня потряс. Всю ночь лил дождь, он продолжал лить и тогда, когда мы туда въехали, и лил так, как ни в каком другом месте никогда не льет. По всей долине, все десять миль, кипел и пенился поток, во все стороны летели брызги, и казалось, что это клубится дым от множества гигантских костров. Вода скатывалась с гор и холмов, с дьявольской стремительностью неслась вдоль дорог и исчезала в ущельях скал. Подчас при взгляде на горы казалось, что они набиты серебром и кое-где потрескались. Другие — словно покрылись испариной от смертельного страха. Третьи уже просто, без всяких компромиссов и водоразделов, превратились в один сплошной, ревущий, оглушительный и устрашающий поток. Короче говоря, такого *спэта* (местное словечко) не бывало уже много лет, и звуки эти и зрелище не поддаются никакому описанию. Форейтору было явно не по себе, а постоянный рев и грохот пугал лошадей (и не удивительно!); одна из них шарахнулась, когда мы подъехали к обрыву,— еще вот столечко — и мы скатились бы вниз... в эту же минуту отказал тормоз, и нам пришлось обходиться в дальнейшем без него, то есть время от времени вылезать и, вцепившись в задок кареты, не давать ей слишком быстро катиться бог знает куда. Ну вот, таким-то приятным образом мы добрались снова до Кингсхауса, проделав эти шестнадцать миль за четыре часа. Сзади, в багажник, на котором сидел Том, к этому времени набралось столько воды, что пришлось раздобыть буравчик и просверлить несколько отверстий внизу, чтобы ее выпустить. Лошади, которые должны были везти нас дальше, паслись на склонах гор, милях в десяти от нас, и три-четыре человека с голыми коленками отправились их разыскивать, а мы тем временем пытались просушить свою одежду у очага. Наконец мы снова пустились в путь — без тормоза и со сломанной рессорой (на десять миль вокруг нельзя было раздобыть кузнеца) — и так по-

тащились по направлению к Инверуран. На протяжении первых трех миль мы успели побывать в канаве, выскочить из нее и потерять одну подкову. Все это время дождь лил не переставая; было очень ветрено, очень холодно, очень туманно и чрезвычайно неуютно. Мы перевалили через Блэкмаунт и пришли к месту, которое проезжали накануне, где по скалистому руслу мчался стремительный ручей. Надо Вам сказать, прошлой зимой через сию речку был перекинут мост, но он подломился во время оттепели, и так его с тех пор не починили; и вот путешественникам приходится пересекать реку по мосткам, сколоченным из неотесанных сосновых досок, положенных прямо на камни; для лошадей и экипажей где-то поодаль имеется брод. Так как мостки эти весьма шатки (в чем мы имели возможность убедиться накануне) и так как на них не мудрено поскользнуться, а идти по ним не доставляет ни малейшего удовольствия, поскольку они снабжены всего лишь дрожащей жердочкой с одной стороны, и ничем не ограждены от бушующего потока с другой, Кэт решила остаться в карете, доверяя более колесам, нежели собственным ногам. Мы с Флетчером вышли, но как только карета отъехала, я снова принялся убеждать Кэт пойти с нами; ибо я видел, что воды прибавилось, что поток от дождя набух и что последние полчаса форейтор посматривал на него с видимым беспокойством. Мои доводы подействовали: и вот Флетчер, Кэт, Том и я стали пересекать реку, в то время как карета проехала еще примерно четверть мили берегом, в поисках брода. Мостки так шатались, что можно было идти только по двое, но и тогда казалось, что они держатся на пружинках. А уж ветер, а уж дождь!.. соберите все ветры и дожди, какие Вам довелось перенести в Вашей жизни, в один порыв — и у Вас будет отдаленное представление об этом разгуле стихии! Когда мы благополучно добрались до противоположного берега, к нам подъехал какой-то всадник довольно дикого вида в широченном пледе, в котором мы узнали нашего хозяина гостиницы; не обращая на нас никакого внимания, он стремительно пронесся мимо, с развевающимся на ветру пледом, выкрикивая что-то на своем кельтском наречии форейтору, который находился еще на том берегу, и жестикулируя при этом самым отчаянным обра-

зом. К нему присоединился и тоже принялся жестикулировать еще один человек столь же дикого вида, который прибыл пешком, более короткой дорогой, шлепая по колено в грязи и воде. Когда мы сообразили, в чем дело, мы (то есть Флетчер и я) стали карабкаться вслед за ними, между тем как форейтор, карета и лошади погрузились в воду так, что виднелись только конские морды и сам мальчишка — форейтор. К этому времени пантомима всадника и пешего сделалась неистовой, так как шум воды совершенно заглушал их голоса — они могли бы с таким же успехом быть глухонемыми. Мне становилось дурно при одной мысли о том, что мне пришлось бы пережить, если бы Кэт сидела в это время в карете. Карету завертело, как большой камень, мальчик смертельно побледнел, лошади рвались, брызгались и фыркали, словно морские чудовища, а мы кричали изо всех сил, чтобы форейтор бросил лошадей и карету к черту и спасался бы сам,— как вдруг наступил порядок (они выбрались на мель) и все — экипаж, лошади и форейтор, качаясь и шатаясь, выбрались на сушу. Вода с них так и струилась. У нас был довольно странный вид, уверяю Вас, когда, отирая лица и сбившись в кучку вокруг кареты, мы стали оглядывать друг друга! Оказалось, что всадник наблюдал за нами в телескоп, пока мы шли, и, зная, как здесь опасно и что у нас карета, помчался галопом, чтобы указать форейтору единственный брод. Но к тому времени, как он подъехал, форейтор уже вошел в воду не там, где следовало, и только чудом не утонул (вместе с каретой, лошадьми и нашими вещами). Чем не приключение?

Мы все двинулись дальше, в гостиницу, причем дикий всадник поскакал вперед — распоряжаться, чтобы затопили камин. Там мы обсушились, сменили белье и поужинали яичницей с беконом и овсяными лепешками, запивая все виски. Гостиница представляет собой собрание небольших сараев; в одном из них сгрудилось до пятидесяти шотландцев, причем все до единого были пьяны... Тут были и погонщики скота, и музыканты, и рабочие, которых загнала сюда непогода, заставив прервать строительство охотничьей сторожки для лорда Бредальбейна, чье имение находится где-то поблизости. Был среди них и обойщик. Он сюда прибыл три дня назад, для того чтобы оклеить

обоями лучшую комнату в гостинице — собака ньюфаундлендской породы могла бы уместиться в ней почти целиком. В первые же полчаса после своего прибытия и до той минуты, когда пришли мы, он был безнадежно и бесповоротно пьян. Все они валялись как попало и на чем попало — на полу, на лавках, кое-кто — на чердаке; иные, завернувшись в плед, лежали вокруг очага, в котором горел торф, кто на столах, кто под столом. Мы заплатили по счету, от души поблагодарили хозяина, дали его ребятишкам по монетке и, отдохнув часок, отправились дальше. К десяти вечера мы добрались сюда и были вне себя от радости, обнаружив тут почти английскую гостиницу с настоящими постелями (до сих пор приходилось спать только на соломе) и всевозможным комфортом. Здесь мы позавтракали сегодня в половине одиннадцатого, а в три отправляемся в Инверури, где пообедаем. Кажется, самая трудная часть путешествия позади, чему я чрезвычайно рад. Кэт шлет нежный привет. Я надеюсь, что завтрашняя почта доставит мне в Инверури письмо от Вас. Я вчера писал в Обан и просил тамошнего почтмейстера пересылать туда все письма, какие будут поступать на наше имя. Привет Маку.

84

МИССИС МЭРИ ХЭРНАЛЛ

Девоншир-террас, Йорк-гейт,
Риджент-парк,
21 июля 1841 г.

Сударыня,

Я только что вернулся из Шотландии, где провел несколько недель, и теперь у меня накопилось столько писем, что я вынужден отвечать на Ваше письмо короче, чем хотелось бы.

Примите мою искреннюю благодарность и за письмо Ваше и за приглашение, в нем заключенное. Вряд ли я когда-либо буду в состоянии воспользоваться им, но знайте, что я его принимаю так же, как и миссис Диккенс с детьми,— Вы правы, их у меня четверо.

Имейте в виду, я свое обещание не позабыл, и когда

бы Вам ни случилось возвратиться в Лондон, я непременно постараюсь, если даст бог, с Вами повидаться.

Ваше замечание относительно слепого в «Барнеби» — вполне естественное и законное — лишний раз доказывает все несовершенство той системы публикации, случайной и беспорядочной, к которой я прибегнул,— такие доказательства я получаю в той или иной форме каждый день. Когда я задумывал это эпизодическое лицо, которое не призвано играть большую роль в повести, я руководствовался инстинктивным желанием напомнить зрячим, что они не вправе ожидать от людей, лишенных зрения, нравственного совершенства и добродетелей, которыми сами они, во всеоружии всех органов чувств, не обладают. Люди, привыкшие злоупотреблять всеми дарами, которыми их наградило небо, почему-то требуют, чтобы те, кого небо лишило одного из драгоценнейших благ, несли свой крест с радостным смирением. Ведь если мы смотрим на слепого, который свернул с прямой дороги, как на чудовище, мы по всей справедливости должны бы помнить, что когда зрячий поступает дурно, он во много раз грешнее своего несчастного собрата — хотя бы потому, что злоупотребил своим изумительным даром. Словом, я хотел показать, что воля божия не только в том, что она лишает одних зрения, но и в том, что других наделяет им, и что мы недостаточно представляем себе печальное существование людей, которые совершают свой земной путь во мраке, и считаем, что они должны быть лучше нас, что несчастье их будто бы обязывает к этому. Для нас несчастье — оправдание поступков, а для них оно должно быть источником добродетели. Но ведь это та самая справедливость, которую богатые навязывают бедным, и я не могу с ней мириться.

Все это Вы поняли бы и сами, если бы перед духовным Вашим взором была вся книга, целиком. Я же могу раскрывать свой замысел перед Вами только постепенно, шаг за шагом и уже после того, как у Вас сложилось кое о чем определенное мнение.

Верьте, что для меня величайшая радость и наслаждение знать, что я в силах утешить Вас или развлечь. Верьте также и тому, что, принимая непритворное участие в Вашем благополучии, остаюсь, сударыня, преданным Вам.

85

ФОРСТЕРУ

Бродстэрс,
13 августа 1841 г.

...Каким я, однако, становлюсь радикалом! С каждым днем я все больше укрепляюсь в истинных принципах.

Море тут, что ли, виновато, не знаю, а только это так...

...Слава богу, что существует такая вещь, как Вандименова земля. Это — мое единственное утешение. Интересно, какой бы из меня вышел колонист? Интересно, если бы я, со своей головой, руками, ногами и здоровьем, отправился в какую-нибудь новую колонию, удалось ли бы мне вынырнуть и всплыть на верх общественного молочника и добраться до самых сливок? Думаю, что да...

86

МАКРИДИ

Бродстэрс,
вторник, 24 августа 1841 г.

Мой дорогой Макриди,

От всей души благодарю Вас за Вашу добрую записку, в которой Вы говорите о бедняге Оверсе. Не могу сказать Вам, как я рад был узнать, что он оказался достойным всех этих забот.

Что за молодчина этот Эллиотсон *! Он продержал Оверса у себя целый час и был так внимателен, словно перед ним сам принц Альберт; он составил подробнейшие инструкции и оставляет Вуда в городе на то время, что уедет сам, с тем чтобы тот его наблюдал. Затем он исписывает четыре странички письма — все об этом человеке, говоря, что к своему старому ремеслу он вернуться не может, ибо оно требует затраты физической силы (а ему нельзя заниматься физическим трудом). Что же нам с ним делать? Он говорит: «Вот, для начала, пять фунтов».

Ей-богу, ради того, чтобы иногда слышать подобное, я, кажется, согласен терпеть Джонсов в течение пяти лет! А когда я подумаю, что какой-нибудь мерзавец, омрачающий светлый лик мирозданья, пописывающий в грязной гнусной газетенке, всякая прогнившая насквозь и погряз-

шая в пороке шавка, которую и били, и пинали, и в конуру загоняли, гордо гарцует раз в неделю под вывеской редакторского «мы», когда всякий подонок ничего, кроме отвращения, у честных людей не вызывающий, этакое рвотное зелье, именуемое прессой, может безнаказанно нападать на таких людей, называя их плутами, дурнями и мошенниками,— когда я вспоминаю все это, я начинаю ломать перья от ярости и стискиваю зубы до боли.

Вот я и испортил себе настроение на весь день, и, наверно, придется пойти гулять,— если только не окажется, что писание этого письма привело меня в чувство. Впрочем, так оно и есть! Всегда, мой дорогой Макриди,

Ваш преданный друг.

87

ФРЕДЕРИКУ ДИККЕНСУ

Бродстэрс,
воскресенье, 12 сентября 1841 г.

Мой дорогой Фред,

Протокол в самом деле не очень обнадеживающий. Если бы я думал, что мой приезд в город мог бы тебе помочь, я бы немедленно прибыл. Но мне совершенно невозможно просить тори о чем бы то ни было. Они-то, наверное, обрадовались бы, если бы я к ним обратился; но мне слишком дороги честь, принципы и правда, чтобы я стал просить о каком-то содействии тех людей, политику которых я презираю и ненавижу. Это связало бы мне руки, заткнуло бы рот, лишило бы мое перо честности, и я чувствовал бы себя опутанным самыми недостойными путами.

Приехал ли Арчер? Если да, то говорил ли ты с ним? Если нет, когда его ждут? Конечно, тебе следует с ним поговорить. Я ведь и прежде считал, что ты не оказал ему должного почтения. А то, ей-богу, с чего бы ему было тебя невзлюбить?

Если ты думаешь — а я не вижу, почему бы тебе не спросить об этом мистера Арчера прямо,— что ничего недостойного нет в том, чтобы обратиться с прошением в Министерство финансов, я напишу тебе текст прошения. Если же тебе кажется, что этого почему-либо не следует

делать, что это не принято, то лучше всего, по-моему, просто ждать и надеяться.

Я бы огорчился не меньше твоего, если бы ты упустил эту возможность. Дай мне знать со следующей почтой.

Всегда твой любящий.

88

ДЖОНУ СКОТТУ

Бродстэрс,
понедельник, 13 сентября 1841 г.

Сэр,

Меня сильно поразили некоторые места трагедии в последних ее действиях; они очень хороши и замечательно драматичны.

Но она очень неровна, и я боюсь, что первые два действия совершенно несценичны. К тому же стихи хромают самым плачевным образом, в них подчас встречаются такие диковинные инверсии, что не сразу даже докопаешься до смысла; пьеса вызывает много серьезных возражений. Автора нет в живых, между тем как возражения эти бьют по самому существу пьесы. Если бы он был жив, он бы внес, я уверен, необходимые поправки и мог бы рассчитывать на заслуженный успех.

Мне кажется, что характеры двух братьев могли бы быть более контрастны, они недостаточно противопоставлены друг другу. Фадилла, которая появляется один-единственный раз в любовной сцене, производит впечатление странное и неприятное. Перенеситесь воображением в кресла, где сидят зрители, и Вы тотчас поймете, что Макрин и Макриан, все участие которых в развитии сюжета сводится к бесконечному диалогу, нестерпимо надоели бы после первого же своего появления. И я не уверен в том, что следовало упоминать Африканца — он представлен вначале, поэтому ожидаешь, что он будет иметь какое-то влияние на дальнейший ход пьесы. Затем, мне кажется, что Макрин ничего не сделал и не сказал такого, что давало ему право убить главного героя; и я не думаю, чтобы герой мог подняться в глазах народа после сцены с Фадиллой. С другой стороны, мать — образ поистине трагический и во второй половине пьесы производит большое впечатление.

При данных обстоятельствах я не чувствую себя вправе причинять мистеру Макриди боль и досаду, которую, я знаю, он бы ощутил, если бы был вынужден отклонить пьесу, рекомендованную ему мною. И все же я хотел бы, чтобы он ознакомился с этой трагедией, ибо, хотя я знаю, что в настоящее время стол его завален более удачными пьесами, я знаю также, что среди них есть множество и таких, которые значительно слабее этой.

Если позволите мне дать Вам совет, то вот как следует, по-моему, поступить: послать пьесу к нему домой (Кларенс-террас № 5, Риджент-парк) с коротенькой запиской, в которой бы говорилось, что автора уже нет в живых, что Вы хотите помочь его вдове и детям и просите его прочитать пьесу. В довершение я бы еще, пожалуй, намекнул, что последние три действия значительно удачнее первых двух — на случай, если он решит не читать дальше второго действия.

Так как я сам в ближайшее время не собираюсь в город и поблизости нет никого, кто бы отправлялся в Лондон, посылаю Вам рукопись с почтовой каретой и надеюсь что Вы любезно сообщите мне о ее благополучном прибытии.

Ваш преданный.

89

ДЖ. ШЕРЗ

Виндзор,
17 ноября 1841 г.

Сэр,

Имею честь подтвердить получение Вашего письма. Я остановился здесь на несколько дней, и мне его сюда переслали.

Как Вы, верно, уже убедились сами, материал, имеющий отношение к гордоновским беспорядкам, присылать мне поздно, и Вы, конечно, понимаете, что при использовании его в целях литературных приходится — а по мере продвижения повествования это становится уже неизбежно — отбрасывать много обстоятельств, связанных с данной темой, как бы занятны и типичны они ни были сами по себе.

Анекдоты, сообщенные Вами, именно такого характера, но я тем не менее весьма благодарен Вам за то, что Вы

захотели поделиться ими со мной, а рассказ о трубочисте меня очень позабавил — он очень курьезен и своеобразен.

Примите, пожалуйста, мою благодарность как за рассказы, так и за Ваше любезное письмо.

Преданный Вам.

90

ДЖОНУ БРЭДФОРДУ

Девоншир-террас, 1,
23 ноября 1841 г.

...Я прочитал Вашу книжечку... Она мне очень понравилась... Я очень не люблю, когда мое мнение о той или иной книге публикуется в печати — мне это кажется самонадеянностью, а также насилием над общественным вкусом. И я всегда прошу помнить, что мои высказывания не рассчитаны на огласку. Но Ваша просьба и тон Вашей последней записки так меня растрогали, что у меня не хватает духа распространить на Вас свой обычный запрет. И если Вы не можете обойтись без моего мнения... будьте так добры, скажите просто, не цитируя меня, что я был доволен Вашей работой...

91

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

У берегов Ньюфаундленда,
понедельник, 17 января 1842 г.

...Нас восемьдесят шесть пассажиров; со времен Ноева ковчега на море не бывало такого диковинного собрания божьих тварей. В кают-компанию, после первого дня, я ни разу не заходил, ибо там шум, запах и духота невыносимые. На палубе я побывал всего лишь один раз — и был удивлен и разочарован незначительностью открывавшейся панорамы. Море, пребывающее в вечном движении, поразительно и, вероятно, с воздуха или с какой-нибудь высокой точки показалось бы величественным. Но когда взи-

раешь на него с этих мокрых колеблющихся палуб в такую погоду, как сейчас, и в таких обстоятельствах, как наши, то, кроме головокружения и неприятных переживаний, ничего не испытываешь. Я был рад повернуться к нему спиной и спуститься вниз.

Я обосновался с самого начала в дамской половине — помните, я Вам писал? Опишу Вам остальных обитательниц ее, и как мы проводим время.

Итак, обитатели: я, Кэт и Энн * — в те редкие мгновения, когда она не лежит в постели. Забавная шотландочка, некая миссис П., супруга ювелира из Нью-Йорка. Он женился на ней в Глазго три года назад и бросил ее на другой день после свадьбы, ибо (это обстоятельство он от нее утаил) он был кругом должен. С той поры она жила все время с матерью; а сейчас, в сопровождении двоюродного брата, решила поехать к нему на год, на испытательный срок. Если к концу года ей там не понравится, она намерена возвратиться в Шотландию. Миссис Б., лет двадцати; ее муж едет этим же пароходом. Он — молодой англичанин, осевший в Нью-Йорке, а по ремеслу, насколько я мог выяснить,— торговец шерстью. Они женаты две недели. Мистер и миссис К., удивительно нежная парочка, завершают каталог. Миссис К.— так я решил — дочь владельца пивной, а мистер К. удирает с ней, с кассой, с часами, которые стояли на камине, матушкиными золотыми часиками, всегда висевшими у нее в изголовье в особом мешочке, и прочим скарбом. Все женщины — хорошенькие, необыкновенно хорошенькие. Нигде и никогда не доводилось мне видеть столько красивых лиц, собранных вместе.

Теперь насчет качки: я забыл сказать, что, когда мы играем в вист, мы вынуждены класть взятки в карман, чтобы не потерять их; кроме того, раз пять или шесть на протяжении роббера нас сбрасывает со стульев, мы выкатываемся из всех дверей и продолжаем катиться, покуда нас не подберут официанты. Это настолько в порядке вещей, что во все время этой операции мы ни на минуту не теряем важности и, когда нас снова водворяют по диванам, продолжаем разговор либо игру с того места, на котором они оборвались.

Что касается новостей, их у нас больше, чем можно было ожидать. Вчера в кают-компании некто проиграл

четырнадцать фунтов в двадцать одно, другой напился пьяным еще до окончания обеда, третий чуть не ослеп, ибо официант брызнул ему в глаза соусом из-под омара, а четвертый поскользнулся на палубе, упал и потерял сознание. Кок вчера с утра напился (получивши доступ к виски, которое было слегка разбавлено соленой водой), и капитан приказал боцману поливать его из пожарной кишки, покуда он не запросит пощады, которой, кстати сказать, он, по-видимому, так и не допросился, так как его приговорили четыре ночи кряду стоять на вахте без плаща и лишили грога. За обедом было разбито четыре дюжины тарелок. Один официант нес жаркое на блюде и свалился с лестницы, сильно повредив себе ногу. За ним следом свалился второй официант и подбил себе глаз. Пекарь заболел, кондитер тоже. Тогда подняли с постели какого-то нового человека, он тоже очень болен, сунули его в малюсенькую конурку на палубе, между двумя бочонками, и приказали — причем капитан все время стоял над душой, — чтобы он раскатал тесто для пирога; он же со слезами на глазах уверяет, что ему в его нынешнем состоянии совершенно невозможно даже смотреть на тесто. Двенадцать дюжин бутылок портера сорвались откуда-то и сейчас отчаянно перекатываются над нашими головами по палубе. Лорд Малгрейв (красивый малый, между прочим, да и вообще молодчина) побился об заклад с двадцатью пятью пассажирами, чьи каюты, как и его собственная, находятся в носовой части корабля, так что добраться до них можно, только пройдя через всю палубу, что достигнет своей каюты первым. Все поставили свои часы по капитанским и, завернувшись в плащи и нахлобучив на себя штормовые шляпы, двинулись в путь. Море с такой силой ринулось на судно, что им пришлось стоять, держась за поручни возле кожуха правого гребного колеса ровно *двадцать пять минут;* их обдавало волнами, и они не решались ни идти вперед, ни возвращаться, опасаясь, как бы их не смыло за борт... В течение двух или трех часов мы совсем было потеряли надежду на спасение; и, устремившись мыслями к Вам, к детям и ко всем, кто нам дорог, стали ожидать конца. Я уж и не надеялся, что переживу этот день и, уповая на бога, старался смириться со своей судьбой. Мысль о верных и преданных друзьях, которых

мы оставляли, служила нам большим утешением, мы знали, что нашим малюткам не угрожает нужда... Новости! Полдюжины убийств на суше не так бы нас занимали, как эти...

92

ФОРСТЕРУ

21 января.

Мы входили в гавань Галифакс в среду вечером; дул небольшой ветерок, ярко светила луна; уже виднелся маяк у входа в гавань, и управление было передано лоцману; мы сидели и мирно играли в карты, в отличном расположении духа (так как вот уже несколько дней было довольно спокойно, мы наслаждались почти сухими палубами и еще кое-какими неслыханными удобствами), как вдруг наше судно село на мель! Все, конечно, бросились на палубу. Люди (то есть экипаж, подумайте только!) принялись разуваться и снимать куртки, готовясь пуститься вплавь к берегу; лоцман был вне себя; пассажиры растерянны; переполох невозможный. Впереди с рычанием вздымались волны; берег — всего в нескольких сотнях ярдов; буруны подхватили судно и понесли его, несмотря на то что был дан задний ход и приняты все меры, чтобы остановиться. На пароходах, оказывается, нет обычая держать якорь наготове. А когда его стали бросать, оказалось, что он не в порядке, и в следующие полчаса мы пускали ракеты, зажигали синие фонари, давали залпы, и все без ответа, хотя берег был так близко, что мы видели, как раскачиваются ветви деревьев. Мы крутились, и каждые две минуты матрос бросал лот; глубина все уменьшалась; все, кроме Хьюэтта, были в полной растерянности. Наконец удалось бросить якорь; тогда спустили шлюпку и отправили ее на берег с четвертым помощником капитана, лоцманом и четырьмя матросами — узнать, где мы стоим. Лоцман об этом не имел ни малейшего представления; но Хьюэтт прикоснулся мизинцем к какой-то точке на карте, ни на минуту не сомневаясь, что мы находимся именно здесь, словно он с младенческих лет тут жил (на самом деле он сюда попал впервые). Когда час спустя вернулась шлюпка,

оказалось, что он совершенно прав. Из-за внезапного тумана и глупости лоцмана мы очутились в так называемом Восточном проходе. Мы попали на отмель и оказались в *единственном безопасном месте* — естественной запруде, окруженной мелями, скалами и всевозможными рифами. В четвертом часу ночи, после этого сообщения, почувствовав себя спокойнее и узнав, что отлив уже кончился, мы легли спать.

Затем прибегает какой-то запыхавшийся человечек, который, оказывается, уже побывал на пароходе, и выкрикивает мое имя. Я иду в это время под руку с доктором, с которым ходил на берег есть устрицы, и останавливаюсь. Запыхавшийся человечек представляется: председатель палаты — и увозит меня к себе; и посылает карету и свою жену за Кэт, у которой отчего-то вдруг страшно опухло лицо. Затем тащит меня к губернатору (губернатор там лорд Фолклэнд) и бог весть куда еще, заканчивая обеими палатами, которые, как нарочно, заседают в этот день, причем заседание открывается пародией на тронную речь, и произносит ее окруженный свитой офицеров губернатор, у которого в адъютантах один из сыновей лорда Грея. Ах, если б Вы видели, как приветствуют Неподражаемого на улицах! Если б Вы видели, как встречают Неподражаемого судьи, стряпчие, епископы и законодатели! Если б Вы видели, как усаживают Неподражаемого в кресло подле председательского трона и как он сидит в самом центре палаты общин — объект наблюдения для всех наблюдателей,— с какой примерной важностью слушает он дичайшие речи и при этом невольно улыбается, думая, что это только начало тысячи и одной истории, которые он поведает дома, в Линкольнс-Инн-филдс и кабачке Джека Стро.

Ну, Форстер, когда я вернусь, держитесь!

93

ФОРСТЕРУ

29 января 1842 г.

Не знаю, что еще прибавить к своему длинному и бессвязному рассказу. Дейна *, автор книги «Два года в рубке», очень славный малый; и выглядит совсем не та-

ким, каким его представляешь. Небольшого роста, тихий, с усталым лицом. Отец его — точь-в-точь Джордж Крукшенк после веселой ночи, только поменьше. Профессора Кэмбриджского университета, Лонгфелло, Фелтон, Джаред Спаркс,— превосходный народ. Равно как и приятель Кеньона, Тикнор. Банкрофт * — замечательный человек; прямодушный, мужественный, искренний; к тому же он с удовольствием говорит о Вас, что очень приятно. О докторе Чаннинге * я расскажу Вам подробнее после следующей среды, когда я с ним завтракаю наедине... Самнер * мне очень полезен... Президент здешнего сената будет председательствовать на моем обеде во вторник. Лорд Малгрейв с нами до вторника (наш славный капитан обедал у нас в понедельник и проследовал в Канаду). Кэт чувствует себя неплохо, Энн, которая щеголяет в нарядах неслыханного великолепия, тоже. Обе тоскуют по дому, и я с ними.

Из газет Вы, конечно, не узнаете всей правды о нашем морском путешествии, ибо они не любят выставлять напоказ опасности, когда таковые бывают. Я же насмотрелся столько ужасов, связанных именно с пароходным путешествием, что до сих пор подумываю, не лучше ли нам возвращаться на одном из нью-йоркских судов. В ночь, когда разразилась буря, я все спрашивал себя, что сталось бы со всеми нами, если бы сорвало трубу: ведь в этом случае, как всякому должно быть ясно, пламя тотчас охватило бы все судно, от кормы до носа. На другой день, когда я вышел на палубу, я увидел, что трубу окружает целый лес тросов и цепей, которыми ее обвязали за ночь. Хьюэтт сообщил мне (уже когда мы были на суше), что во время штормов матросов подтянули на канатах к трубе, где они, раскачиваясь на ветру, занимались ее укреплением. Не очень-то приятно, а?

Интересно, вспомните ли Вы, что следующий вторник — день моего рождения. В это самое утро и будет отправлено мое письмо.

Просматривая написанное, я поражен тем, как мало мне удалось Вам рассказать и как много даже теперь уже у меня накопилось материала, требующего устной передачи. Американские бедняки, американские фабрики, всевозможные учреждения — у меня уже набралось на целую

книгу! В этом городе, да и во всей Новой Англии, не найдется человека, у которого не пылал бы огонь в камине и который не имел бы каждый день мясо к обеду. Меч, охваченный пламенем, появись он внезапно на небе, привлек бы меньше внимания к себе, чем нищий на улице. А в той школе для слепых не носят этой унылой и некрасивой одежды, одинаковой для всех, которая обычно принята в богадельнях. Каждый одет сообразно своему собственному вкусу, и индивидуальность каждого мальчика и каждой девочки со всеми ее особенностями сохраняется точно так же, как если бы они жили дома в своей семье. В театре дамы всегда сидят в первом ряду ложи. Галерка столь же благопристойна, как амфитеатр в нашем драгоценном Друри-Лейн. Человек о семи головах тут был бы меньшим чудом, чем неграмотный.

Не буду говорить (я сказал «говорить» — ах, если б это было возможно!) о милых, дорогих детях, потому что знаю, что о них, должно быть, много в тех письмах из дому, которые мы с таким нетерпением ожидаем...

94

ТОМАСУ МИТТОНУ

Бостон, Тремонт-хаус,
31 января 1842 г.

Дорогой Миттон,

Мой нынешний образ жизни так утомляет меня, что за все это время я удосужился написать всего одно сколько-нибудь толковое письмо с отчетом о наших приключениях. Оно послано Форстеру, с тем чтобы он поведал Вам все новости о нас; у него же найдете газеты, которые я с оказией переслал ему и из которых Вы можете узнать еще кое-какие подробности.

Дорога была ужасная, и все офицеры экипажа говорят, что на их памяти ничего подобного не бывало. Мы плыли восемнадцать дней; перенесли страшный шторм, который сорвал кожухи гребных колес и разбил спасательные шлюпки; кроме того, где-то возле Галифакса сели на мель и всю ночь простояли на якоре в окружении рифов и валунов. С тех пор как покинули Ла-Манш, нам довелось

всего лишь один день наслаждаться хорошей погодой. В довершение к прочим неудобствам, нас было восемьдесят шесть пассажиров. Я болел пять дней, Кэт — шесть; впрочем она страдала всю дорогу; у нее страшно распухла щека, и она все время пребывала в смертельном страхе.

Нет никакой возможности передать Вам, как меня здесь принимают. Ни одного короля, ни одного императора не приветствовали такие толпы народа, ни за кем так не ходили по пятам, никому не задавали таких великолепных балов и обедов, ни к кому не присылали столько депутаций и делегаций. Одна из этих депутаций прибыла с Дальнего Запада, за две тысячи миль отсюда! Сажусь ли я в карету — толпа обступает ее и сопровождает до самого дома; появляюсь в театре — весь зал (набитый битком, до самой крыши) поднимается, как один человек, и устраивает овацию. Вы не можете себе представить, что это такое! Сейчас, например, я зван на пять огромных банкетов и имею приглашения из каждого города, деревни и селения в Штатах.

Тут много такого, что так и просится на бумагу. Я гляжу во все глаза и надеюсь, что к тому времени, как приеду домой, от этого будет толк.

Всегда преданный Вам друг.

95

Дж. С. СМИТУ

Нью-Йорк,
Карлтон-хаус, 12 февраля 1842 г.

Сэр,

Позвольте, в ответ на Ваше письмо, сообщить, что странствия Нелл, вся ее история и смерть — плод воображения и целиком мною придуманы.

Разумеется, что многие из чувств, которые возникают в связи с этой маленькой повестью, пережиты мною на самом деле. Могила взяла у меня существо, к которому я питал глубокое чувство и сильнейшую привязанность. Постольку — но не больше — повесть моя описывает истинное событие. Я обычно неохотно отвечаю на вопросы, затрагивающие эту тему. Но Ваше письмо показалось мне честным. Поэтому я даю Вам честный ответ.

Ваш друг.

96

ФОРСТЕРУ

Нью-Йорк, Карлтон-хаус,
четверг, 17 февраля 1842 г.

...Поскольку завтра отсюда отправляется в Англию пакетбот, который, как утверждают (его владельцы), удивительно быстроходен, и, поскольку он, весьма вероятно, достигнет берегов родины (как забилось сердце при этом слове!) прежде, чем пароход компании Кунарда, отбывающий в следующем месяце, я и решил начертать сие послание. На случай если оно прибудет прежде первого, которое я отправил отсюда в прошлый понедельник, сообщаю, что я в самом деле отослал его в тот же день вместе с газетой и статейкой, в которой описывается бал, данный в честь «Боза», и что я, кроме того, в Бостоне сдал на почту еще одну газету для Вас с отчетом об обеде, который должен был состояться еще тогда, когда, как Вы, вероятно, помните, я Вам писал из того города.

Банкет прошел великолепно, речи были превосходны. Вообще говоря, едва ли не самая яркая черта, которая поражает англичанина,— это ораторский талант, которым обладают решительно все. Здесь каждый надеется стать членом конгресса и, собственно, к этому готовится, причем достигает поразительных успехов. Тут еще один занятный обычай: провозглашать тост — не за кого-нибудь, а за что-нибудь! У нас этот обычай давно вывелся, а здесь всякий должен быть готов в любую минуту выступить со своей сентенцией.

Мы покинули Бостон пятого и отправились с губернатором этого города в его дом в Вустере, чтобы пробыть там до понедельника. Он женат на одной из сестер Банкрофта, и нас сопровождала другая сестра Банкрофта. Вустер — одна из самых прелестных деревушек Новой Англии... В понедельник в девять часов утра мы опять сели в поезд и отправились дальше, в Спрингфилд, где нас ожидала депутация в количестве двух человек и где все было подготовлено для нашего приема самым заботливым образом. Благодаря мягкой зиме, река Коннектикут была еще

«открыта», то есть не замерзла, и нас ожидал пароход, чтобы везти дальше в Хартфорд; таким образом мы выгадывали всего каких-нибудь двадцать пять миль путешествия по суше — но дороги здесь в это время года в таком состоянии, что этот путь нам пришлось бы преодолевать в течение двенадцати часов! Наше суденышко было очень мало, по реке плавали глыбы льда, и глубина реки там, где мы шли (чтобы избежать льдин и сильного течения), не превышала нескольких дюймов. Продвигаясь вперед таким необычным способом, мы через два с половиной часа очутились в Хартфорде. Тамошняя гостиница оказалась ничуть не хуже английских, если не считать спален, которые, как всегда, неудобны; банкетная комиссия здесь тоже оказалась самой толковой из всех, с какими мы до сих пор имели дело. Эти господа чаще оставляли нас в покое, были внимательнее и заботливее к нам,— иногда даже в ущерб своим интересам,— чем все прежние. Так как лицо у Кэт было в ужасном состоянии, я решил дать ей здесь отдохнуть, написал письмо в Нью-Хейвен и под этим предлогом отказался от званого обеда. В Хартфорде мы пробыли до одиннадцатого, причем каждый день у нас бывал официальный прием, длившийся по два часа, на каждом из них у нас перебывало до двухсот — трехсот человек. Одиннадцатого числа в пять часов вечера мы отправились (опять по железной дороге) в Нью-Хейвен, куда прибыли в восемь. Не успели мы выпить чаю, как нас заставили принять студентов и профессоров колледжа (самого большого в Штатах) и обитателей города. Я думаю, что нам пришлось пожать больше пятисот рук, прежде чем лечь спать; разумеется, все это время я был на ногах...

Та же депутация из двух человек сопровождала нас сюда из Хартфорда; а в Нью-Хейвене была образована еще одна банкетная комиссия; невозможно передать, как все это утомительно и беспокойно! Утром мы осматривали тюрьмы и заведение для глухонемых; по дороге останавливались в местечке, которое называется Уолинг-форд, все население которого высыпало, чтобы посмотреть на меня, ради чего и был остановлен поезд; в четверг (сегодня пятница) было много суеты и волнений, и устали мы несказанно. А когда мы наконец добрались до постели

и собирались уже уснуть, под нашими окнами вдруг очутился весь университетский хор и задал нам серенаду! Кстати, в Хартфорде нам тоже устроили серенаду — некий мистер Адамс (племянник Джона Куинси Адамса) и его приятель-немец. Они были великолепными певцами: и невозможно сказать, как мы были тронуты, когда в глухую полночь в длинном, гулком музыкальном коридоре за дверьми нашей комнаты, аккомпанируя себе на гитарах, они запели тихими голосами о родине, разлуке с близкими и прочих материях, к которым, как они понимали, мы не могли оставаться равнодушными. Впрочем, в самый разгар моего сентиментального настроения мне пришла в голову мысль, заставившая меня расхохотаться так неумеренно, что пришлось с головой зарыться под одеяло. «Господи боже мой! — сказал я Кэт.— Как нелепо и прозаично, должно быть, выглядят мои башмаки в коридоре!» Меня впервые в жизни поразила мысль о том, как глупо могут выглядеть башмаки.

Нью-хейвенская серенада оказалась похуже. Хотя голосов было изрядное количество, и к тому же им аккомпанировал «заправский» оркестр, не было той задушевности. Не прошло и шести часов с начала серенады, как нам пришлось спешно натягивать на себя одежду и готовиться к отъезду, ибо до пристани было минут двадцать езды, а пароход отчаливал в девять утра. Наскоро позавтракав, мы отбыли и, дав еще один прием на палубе (буквально на палубе), под крики «Гип-гип-ура, Диккенс!» поплыли по направлению к Нью-Йорку.

Я чрезвычайно обрадовался, когда оказалось, что с нами на пароходе едет мой бостонский знакомец мистер Фелтон — профессор древнегреческого языка в Кембридже. Он собирался на банкет и бал. Как большинство людей того круга, с кем мне довелось встречаться, он прелестный человек, простой, радушный, искренний и жизнерадостный; словом, совсем как англичанин. Мы истребили все запасы портера, холодной свинины и сыру, какие имелись на пароходе, и чрезвычайно весело провели время. Я забыл сказать, что все эти комиссии, как в Хартфорде так и в Нью-Хейвене, устроили подписку для того, чтобы покрыть мои личные расходы. Я ни в одном баре не мог

добиться счета, всюду они оказывались оплаченными. Но я ни за что не хотел этому подчиниться и самым решительным образом отказывался двигаться с места, пока мистер К.* не получал собственноручно от хозяина счета и не оплачивал их до последнего гроша. Убедившись в моей непреклонности, они вынуждены были уступить.

Примерно в половине третьего мы прибыли сюда. А через полчаса были уже в самой гостинице, где нас ожидал великолепный многокомнатный номер и где все чрезвычайно удобно и (судя по Бостону), должно быть, страшно дорого. Только мы сели обедать, как явился Дэвид Колден, потом он ушел, и, когда мы пили вино после обеда, пришел Вашингтон Ирвинг, один, и кинулся нас обнимать. Он сидел у нас до десяти часов вечера. Дальнейшее свое повествование я разобью на четыре части. Во-первых, бал. Во-вторых, некоторые черточки американского характера. В-третьих, международное авторское право. Четвертое, моя жизнь здесь и кое-какие планы на будущее.

Итак, бал. Он состоялся в прошлый понедельник (смотри программу): «В девять часов пятнадцать минут ровно» — цитирую напечатанную программу — к нам явились с визитом «Дэвид Колден, эсквайр, и генерал Джордж Моррис»: первый во фраке, второй — в парадной форме, бог знает какого полка народной милиции. Генерал взял под руку Кэт, а Колден — меня, и мы спустились по лестнице к ожидающей нас карете, которая остановилась у артистического входа в театр — к величайшему разочарованию огромной толпы, осаждавшей главный вход и поднявшей страшный шум. Открывшееся нашим глазам зрелище было воистину потрясающим. Три тысячи человек в вечерних туалетах; весь зал, от пола до потолка, великолепно украшен; свет, блеск, сверканье, шум, гам, овации — все это я не в силах описать. Нас провели через центральную ложу бельэтажа, у которой в честь события сняли барьер, и оттуда на сцену, где нас приветствовали мэр города и другие сановники, после чего в угоду «многоглавому чудовищу» нас заставили дважды обойти огромный бальный зал. После этого мы принялись танцевать — бог весть как, ибо теснота была невозможная. И танцевали мы, пока ноги не заболели, а когда уже и просто

стоять не могли, тихонько выскользнули и вернулись к себе в гостиницу. Все документы, связанные с этим удивительным празднеством (такого здесь еще не бывало), мы сохранили; значит, у нас будет что показать Вам, когда мы вернемся. Одно меню ужина, по количеству и разнообразию блюд, представляет собой курьез.

Теперь, что касается одной из самых забавных черточек американского характера — она предстала передо мной в самом забавном своем проявлении и как раз при обстоятельствах, связанных с этим балом. Я замечал эту черточку и прежде, наблюдал ее и после этого события, но лучше всего она проявилась именно тут, в связи с ним. Разумеется, я не могу и шагу ступить, чтобы это не сделалось достоянием газет. Среди всевозможнейшего вранья, которое они печатают, подчас можно встретить действительный факт, но до того извращенный и перекрученный, что он столько же походит на правду, сколько нога Квилпа — на ногу Тальони. В связи же с предстоящим балом газеты оказались, если только это возможно, болтливее обычного, и в отчетах о моей персоне, о том, что я видел, говорил и делал в субботу и воскресенье, предшествовавшие балу, они описывали мои повадки, манеру говорить, одеваться и так далее. В этих отчетах говорится, что я чудесный малый (еще бы!) и что у меня бесцеремонное обращение, «которое», как они утверждают, «вначале показалось нашей светской публике забавным», но вскоре чрезвычайно ей понравилось. Другая газета подробно останавливается на великолепии и роскоши бала; поздравляет себя и своих читателей со всем тем, что Диккенсу посчастливилось увидеть на нем, заканчивая торжественным утверждением, что Диккенсу в Англии не доводилось видеть общества, подобного тому, какое он увидел в Нью-Йорке, и что высокое благородство тона, принятого в этом обществе, должно было произвести на него неизгладимое впечатление. С тою же целью меня изображают всякий раз, как я появляюсь в обществе — «чрезвычайно бледным», «как громом пораженным» — словом, потрясенным всем, что вижу... Представляете себе странное тщеславие, которое кроется за всем этим? У меня накопилось множество анекдотов на эту же тему, и я попотчую Вас ими, когда вернусь.

97

ДЖОНАТАНУ ЧЕПМЕНУ, МЭРУ БОСТОНА

Нью-Йорк, Карлтон-хаус,
22 февраля 1842 г.

Мой дорогой друг,

Вот Вам моя рука, и да будет наш союз нерушим, и как бы высоко ни вздымались волны между нами, мы поднимаемся выше их, и когда Вы приедете в Англию, мы совершим с Вами такие прогулки, будем вести такие беседы, что они возместят нам годы разлуки.

Мне до смерти надоела моя теперешняя жизнь — я истерзан душой и телом, — я устал и изнемог. Я отказался от всех публичных приглашений на будущее и намерен отныне придерживаться своего решения. Я могу служить превосходной иллюстрацией к басне о старике и осле. Одна половина населения обижается на меня, когда я принимаю чье-либо приглашение, в то время как другая обижается, когда я отказываюсь идти, куда меня зовут; вот почему я решил в этом полушарии сообразоваться с собственными желаниями и не считаться ни с чьими другими.

Я никогда не бывал так потрясен, возмущен и оскорблен в лучших своих чувствах, как сейчас — тем отношением к себе, которое я встретил здесь (то есть в Америке) в связи с вопросом о международном авторском праве. Я, который больше кого бы то ни было пострадал от существующего закона, самым добродушным и бескорыстным образом (ибо, бог свидетель, я не питаю надежд на то, что закон этот будет изменен в мое время) выражаю надежду, что когда-нибудь наступит день и писателям будет оказана справедливость, — и тут же на меня обрушиваются десятки Ваших газет, приписывая мне мотивы, одна мысль о которых превращает всю кровь мою в желчь, и употребляя применительно ко мне такие непристойные и гнусные выражения, каких они не стали бы применять, говоря об убийце. Клянусь небом, возмущение и презрение, которое я испытываю по поводу такого немужественного и неблагородного образа действий, причиняют мне муки, равные которым я не испытывал с самого своего рождения!

Впрочем, даже и тут есть хорошая сторона, так как благодаря этим преследованиям я в этом вопросе стал твердым, как железо, и отныне уже везде — здесь и у себя на родине, во всех своих высказываниях, устных и письменных, таким и останусь всегда, пока язык мой не перестанет слушаться меня и перо не вывалится из руки.

Как видите, я открываю перед Вами всю свою душу! Я проникся таким доверием к Вам, что изливаю тут все, что перечувствовал по этому поводу, хотя ни с кем, даже со своей женой, до сих пор этим не делился. Вот что Вы навлекли на себя, и это только начало!

Я буду в Вашингтоне 6 или 7 марта. Оттуда я Вам напишу еще, и надеюсь получить от Вас несколько строк до того, как отправлюсь дальше на юг. Как мне жаль, что Вы — мэр Бостона и не можете присоединиться к нам и с нами путешествовать до конца мая!

Всегда Вам преданный и любящий друг.

98

ФОРСТЕРУ

24 февраля.

Мне незачем говорить Вам, что... это письмо не было отправлено с пакетботом, а едет пароходом компании Кунарда. После бала у меня сильно разболелось горло, и я просидел дома целых четыре дня; и так как я был не в состоянии писать и мог только дремать да потягивать лимонад, я прозевал парусник... Насморк ужаснейший держится и сейчас, у Кэт тоже, но во всех остальных отношениях мы здоровы.

Перехожу к третьему пункту: о международном авторском праве.

Я убежден, что на всем земном шаре нет другой такой страны, в которой было бы меньше свободы мнений в тех случаях, когда мнений больше, чем одно... Ну вот! — пишу эти слова с большой неохотой и сокрушением сердечным, но, к несчастью, я всей душой убежден в их справедливости. Как Вы знаете, я заговорил о международном авторском

праве еще в Бостоне; потом снова в Хартфорде. Друзья были поражены моей дерзостью. Самые храбрые из них буквально немеют при одной мысли, что, выступая в Америке перед американцами, сам по себе, без всякой поддержки, я осмелился заикнуться о том, что они кое в чем несправедливы по отношению к нам, да и к собственным соотечественникам! Вашингтон Ирвинг, Прескотт, Хоффман, Брайант, Халлек, Дейна, Вашингтон Оллстон * — весь здешний пишущий народ живо заинтересован в этом вопросе, а между тем никто из них не смеет поднять голос и пожаловаться на чудовищное законодательство. Несправедливость его всей тяжестью своей ложится на меня — это никого не трогает. Казалось бы, я, как никто, имею право высказаться, требовать, чтобы меня выслушали — это никого не трогает. А вот то, что нашелся на свете человек, у которого хватило отваги намекнуть американцам, что они могут быть неправы,— это им кажется поразительным! Я хотел бы, чтобы Вы видели лица, которые видел я по обе стороны банкетного стола в Хартфорде, когда я заговорил о Скотте. Я хотел бы, чтобы Вы слышали, как я с ними разделался. Мысль об этой несправедливости привела меня в такую ярость, что я почувствовал себя великаном и начал рубить сплеча.

Не успел я произнести этой своей второй речи, как началась такая травля (это — чтобы я не вздумал вести себя так же и здесь), какой ни один англичанин не в силах себе представить. Анонимные письма; устные внушения; газетные нападки, судя по которым выходило, что Коулт (убийца, привлекающий сейчас всеобщее внимание) — ангел по сравнению со мной; утверждения, что я не джентльмен, а негодяй и сребролюбец, и все это в сочетании с чудовищными выдумками относительно истинной цели моей поездки в Соединенные Штаты изливалось на меня каждый день непрерывным потоком. Здешняя банкетная комиссия (а это, не забудьте,— цвет общества!) пришла в смятение и, несмотря на то что все они до единого были со мной согласны, стала умолять меня не затрагивать этот вопрос. Я отвечал, что непременно его затрону. Что ничто меня не удержит... Что стыдно должно быть не мне, а им; и что, поскольку я не намерен

щадить их, когда вернусь к себе на родину, я не стану молчать и здесь. Итак, когда наступил этот вечер, я заявил свои права, применив все имеющиеся у меня в распоряжении средства — выражение лица, манеры, слова; я уверен, что если бы Вы могли меня видеть и слышать, Вы бы меня полюбили больше прежнего.

«Нью-Йорк геральд», номер которого Вы получите одновременно с этим письмом, является чем-то вроде нашего «Сатирика»; но благодаря огромному тиражу (следствие коммерческих объявлений и своевременной передачи новостей) газета имеет возможность нанимать лучших репортеров... Моя речь передана большей частью с замечательной точностью. Только много опечаток, и из-за пропуска некоторых слов и замены одних другими смысл подчас бывает в довольно значительной мере ослаблен. Так, я не говорил, что «заявляю» свое право, а говорил, что «настаиваю» на нем: я не говорил, что у меня есть «коекакие основания», а говорил, что у меня «в высшей степени справедливые основания». В общих же чертах моя речь изложена весьма точно.

Результат всех этих диспутов по поводу авторского права тот, что, во всяком случае, у обеих сторон пробужден сильный интерес к нему; порядочные газеты и журналы ревностно ломают за меня копья, в то время как остальные с неменьшим жаром выступают против. Коекто из этих бродяг похваляется, будто своей популярностью я обязан им (о, терпение!) — потому, что они перепечатывали мои книги в своих газетах. Как будто, кроме Америки, нет других стран на свете,— нет ни Англии, ни Шотландии, ни Германии! Только что произошел случай, который мог бы послужить превосходной иллюстрацией ко всей этой чепухе. Вчера пришел человек и потребовал — не попросил, а потребовал! — денежной помощи; буквально стал шантажировать мистера К. Когда я вернулся в гостиницу, я продиктовал письмо, в котором сказал, что я каждый день получаю великое множество подобных просьб, что, даже если бы я имел большое состояние, я не мог бы помогать всем, кто просит о помощи, и что, поскольку я завишу от своих собственных трудов, я ничем помочь ему не могу. Тогда сей джентльмен садится и пишет, что он — книгоноша, что он первый продавал

мои книги в Нью-Йорке; что он терпит жестокую нужду в том самом городе, в котором я купаюсь в роскоши; что он не допускает, чтобы создатель «Никльби» мог быть столь бессердечным, и предупреждает меня, «как бы мне не пришлось раскаиваться впоследствии». «Как вам это нравится?» — сказал бы Мак. Мне это письмо показалось отличным комментарием ко всему, и я отправил его к редактору единственной английской газеты, которая здесь издается, разрешая ему, если он найдет нужным, его напечатать.

Теперь я Вам скажу, чего бы я хотел, мой дорогой друг, разумеется если только Ваше суждение совпадает с моим и если бы Вы взяли на себя подготовку документа. Я бы хотел получить короткое письмо, адресованное мне и скрепленное именами виднейших английских писателей, подписавших петицию о международном авторском праве, в котором отмечалась бы моя заслуга в этом деле. Я не сомневаюсь, что достоин такого письма, но я не затем хочу его получить. Публикация его в лучших здешних журналах принесла бы несомненную пользу. Перчатка брошена, пора делать следующий шаг. Клей * передал мне, через специального посланца из Вашингтона, что живо интересуется этим вопросом и полностью сочувствует моему «отважному» поведению, а также что хотел бы, если б оказалось возможным, принять во всем этом личное участие. Я раздул такое пламя, что третьего дня самые видные из наших противников созвали собрание (выдержанное, надо отдать им справедливость, в духе уважительном и корректном по отношению к моей личности). И теперь, когда железо так накалено, было бы досадно упустить возможность и не ударить по нему со всей силой.

Перехожу, наконец, к описанию своей нынешней жизни и планов на будущее. Мне не дают делать то, что хочу, идти туда, куда хочу, смотреть на то, на что хочу. Выйду на улицу — за мной увязывается толпа. Если сижу дома, посетители превращают мое жилище в базар. Если я просто, вдвоем с приятелем, отправляюсь в какое-либо общественное заведение, все, кто возглавляет это заведение, безудержно несутся туда, перехватывают меня во дворе и обращают ко мне длинные речи. Отправляюсь к кому-

нибудь на вечер, и где бы я ни стал, меня обступают со всех сторон так, что я начинаю изнемогать от недостатка воздуха. Иду обедать к кому-нибудь — я обязан разговаривать обо всем и со всеми. Иду в церковь, в надежде найти покой там, но тогда все бросаются занимать места поближе ко мне, а священник адресуется со своей проповедью ко мне лично. Сажусь на поезд, но даже проводник не оставляет меня в покое. Схожу на какой-нибудь станции — и не могу сделать и глотка воды без того, чтобы сотни людей не пытались заглянуть мне в самое горло. Только представьте себе все это! Затем, с каждой почтой приходят пачки писем, одно другого вздорнее, и каждое требует немедленного ответа. Один обижен тем, что я не остановился у него в доме, другой не может мне простить того, что, имея четыре приглашения на вечер, я отказываюсь от пятого. Мне нет ни покоя, ни отдыха, меня теребят беспрестанно.

Вследствие этой постоянной лихорадки, которой много способствует здешний климат, я решил (насколько я могу здесь что-либо решать) на все то время, что я пробуду еще в Соединенных Штатах, отказываться от всех приглашений на общественные чествования и банкеты; я отказался от приглашений из Филадельфии, Балтимора, Вашингтона, Виргинии, Олбани и Провиденса. Поможет ли это, одному небу известно. Впрочем, скоро увидим, так как 28-го, в понедельник утром, мы отбываем в Филадельфию. Там я пробуду всего три дня. Оттуда мы едем в Балтимор, где я тоже проведу три дня. Оттуда — в Вашингтон, где пробуду дней десять, может быть, а может быть, и меньше. Оттуда — в Виргинию, где остановимся на один день, оттуда, возможно, на неделю — в Чарльстон, где мы будем ждать Ваши мартовские письма, которые нам перешлет Дэвид Колден. У меня была мысль — из Чарльстона отправиться в Колумбию, что в Южной Каролине, там нанять карету, тележку для багажа и негритенка, который бы его стерёг, самому взять верховую лошадь и с этим караваном «прямо сразу», как тут говорят, отправиться на запад, через дикие просторы Кентукки и Теннеси, через Аллеганские горы и дальше, к озерам, до самой Канады. Но мне стали объяснять, что этот путь известен одним купцам, что дороги дурны, что кру-

гом пустыня, что вместо гостиниц там — лачуги, сложенные из бревен, что это путешествие совершенно не по силам Кэт. Я несколько колеблюсь, но окончательно от своего проекта не отказался. Если окажется, что время позволяет, я намерен предпринять это путешествие — я убежден, что только таким рывком я и могу обрести какую-то личную свободу и увидеть что-либо достойное обозрения.

Мы хотим возвращаться на почтовом, а не на пассажирском пароходе. Название судна — «Джордж Вашингтон», и мы отправимся на нем отсюда, на Ливерпуль, седьмого июня. В это время года плавание обычно занимает не больше трех недель; я же, бог милостив, больше никогда не доверю пароходу везти себя через океан. Вы будете потрясены, когда я поведаю Вам все, чему я был свидетелем на борту парохода «Британия». Представьте себе хотя бы две основные опасности. Первая: если труба сорвется, пламя тотчас же от носа до кормы охватит судно; достаточно, если я Вам скажу, что труба имеет более сорока футов высоты и что по ночам из нее вырывается столб пламени высотой в два-три фута, и Вы поймете всю неминуемость этой катастрофы. Представьте же себе, что сильный порыв ветра срывает трубу и пламя обрушивается на палубу; а в том, что сильный порыв ветра трубу сорвать может, Вы убедитесь, как только познакомитесь с мерами предосторожности, которые принимаются для того, чтобы удержать ее на месте во время шторма, когда укрепление трубы становится первой заботой экипажа. Во-вторых, за то время, что пароход покрывает пространство между Лондоном и Галифаксом, он поглощает семьсот тонн угля; следовательно, при такой огромной разнице в весе у судна водоизмещением всего лишь в тысячу двести тонн, надо полагать, что оно либо выходит из гавани перегруженным, либо входит в порт назначения чересчур легким. Жутко подумать, насколько сильнее с каждым днем, по мере сгорания угля, становится качка. Прибавьте к этому, что днем и ночью судно полно людей, что на нем, не переставая, разводят пары, что спасательных лодок нет и что эта огромная машина рискует вот-вот развалиться в бурном море на мелкие щепки,— и Вы будете сто раз правы, решив, что вся эта музыка ни

к черту не годится; и что она не рассчитана на шик, о нет! и что Вы не очень-то роскошно будете себя чувствовать; отнюдь не первоклассно, и не языко-чесально (то есть не слишком будете расположены к беседе); и что каким бы боевым Вы от рождения ни были, Вы бы совсем обмякли; и Вы начнете порядочно трястись и проклинать машину! — позвольте прибавить, что все вышеприведенные выражения являются американизмами чистой воды.

Уже в Балтиморе мы попадаем в зону рабовладения. Оно там существует — в несколько смягченной, не самой жестокой своей форме, но существует. Здесь говорят шепотом (они только и смеют говорить об этом шепотом или вполголоса), будто бы над этим штатом, как, впрочем, надо всем Югом, нависло мрачное серое облако, на котором, кажется, это слово прямо написано. Я с гордостью могу сказать, что не принял никаких выражений общественного почтения к себе в тех областях, где процветает рабовладение — что ж, и это кое-что!

Американские дамы положительно и безоговорочно хороши. Цвет лица у них не так свеж, как у англичанок; они хуже сохраняются; и фигурой они сильно уступают нашим. Но все же они очень хороши. Я все еще воздерживаюсь от суждения о национальном характере — скажу лишь шепотом, что я дрожу при мысли о том, как бы перенес такую поездку радикал — я имею в виду человека, которого к радикализму привели не принципы, не доводы рассудка и не чувство справедливости, а случай. Подобный радикал, боюсь, вернулся бы домой законченным тори... Впрочем, я решил отныне и в течение двух месяцев не говорить на эту тему; прибавлю лишь, что очень боюсь, как бы не оказалось, что страна, которая должна была явить собой пример всем остальным, не нанесла самый чувствительный удар делу свободы. Сцены, которые сейчас разыгрываются в конгрессе и которые могут привести к отделению штатов, наполняют меня глубочайшим отвращением, и я начинаю ненавидеть само слово «Вашингтон» (поскольку оно означает город, а не человека), и мысль, что надо туда ехать, повергает меня в уныние.

99

ФОРСТЕРУ

Воскресенье, 27 февраля.

Здесь испытывают немалую тревогу за пароход компании Кунарда, который (по нашим расчетам) должен был выйти из Ливерпуля четвертого. Он еще не прибыл. Мы просто места себе не находим от напряженного ожидания писем с родины. Я уже всерьез подумывал о том, чтобы поехать в Бостон одному, поближе к возможным вестям. Мы решили ждать здесь до вторника, если судно не прибудет прежде, а мистера К. с багажом отправить завтра утром. Дай бог чтоб оно не утонуло; но все прибывающие сейчас суда приносят вести о страшной буре (которая, кстати, ощущается и здесь, на берегу), поднявшейся в ночь на четырнадцатое; капитаны божатся (впрочем, они — народ предубежденный), что ни один пароход не мог бы уцелеть в таком шторме. Поскольку в Англию отсюда не предвидится парохода — если «Каледония» так и не придет,— приходится отправлять письма с парусником «Гаррик», который отплывает завтра поутру. Поэтому я должен кое-как дописать это письмо и со всех ног бежать с ним на почту. У меня столько невысказанного, что я мог бы исписать еще несколько стопок, и тем более досадую на спешку.

В портфеле у меня петиция о заключении международной конвенции по авторскому праву, подписанная американскими писателями во главе с Вашингтоном Ирвингом. Они просят меня представить ее Клею, и поддержать ее теми соображениями, какие я найду нужным высказать. Итак, «Да здравствуют принципы!» — как сказал ростовщик, отказывая в отсрочке.

Да благословит Вас бог... Вы знаете все, что я мог бы сказать о доме и малютках. Да благословит Вас бог еще и еще раз!.. Тревожатся также за лорда Эшбертона *. О нем ничего не слышно...

100

К. К. ФЕЛТОНУ

Вашингтон, гостиница Фуллера,
понедельник, 14 марта 1842 г.

Мой дорогой Фелтон,

Не могу Вам сказать, как рад я был получить (в субботу вечером) Ваше долгожданное письмо. И мы и устрицы очень скучали без Вас в Нью-Йорке. Больше половины моих радостей и восторгов от пребывания в Новом Свете Вы унесли с собой; и я от души хотел бы, чтобы Вы вернули их мне.

Здесь есть очень интересные люди — в высшей степени интересные, безусловно,— но, признайтесь, городок не из уютных, а? Если бы плевки могли прислуживать за столом, мы бы не испытывали недостатка в слугах, однако при нынешнем состоянии техники слюна еще не поставлена на службу человеку, и мы себя чувствуем немножко одиноко и сиротливо. В первый день нашего приезда нам представили жизнерадостного негра в качестве нашего собственного, специального слуги. Не в пример прочим джентльменам, обитающим в этом городе, он проявил необыкновенную деликатность и нежелание обременять меня своим присутствием. Обычно приходится семь раз звонить и взывать к....., прежде чем он явится; когда же его наконец дозовешься, он тотчас отправляется за чем-нибудь, по дороге забывает, за чем пошел, и уж больше не возвращается.

Мы были в страшной тревоге, в настоящей тревоге, по поводу исчезновения «Каледонии». Можете себе представить нашу радость, когда вчера Патнэм пришел туда, где мы обедали, с радостной вестью, что судно цело и невредимо. Уже одно сознание того, что оно благополучно прибыло, казалось, сократило расстояние от дома до нас наполовину.

А этим утром (хотя мы еще не получили все предназначенные нам послания и с нетерпением ожидаем вечерней почты), этим утром мы неожиданно получили — через правительственную почту (одному богу известно,

как они туда попали!) — два из множества долгожданных писем, в которых дается подробнейший отчет о житье-бытье наших детишек; с удивительными рассказами о ранних проявлениях ума у Чарли, которые обнаружились на детском балу у Макриди на крещенье, и потрясающими пророчествами гувернантки, которая, намекнув туманно, что он уже выходит из стадии крючков и палочек, осторожно дает понять, что он вскоре будет в состоянии собственноручно писать нам письмо; множество других высказываний о нем и о его сестрах, выдержанных все в том же пророческом тоне, чрезвычайно сладких для материнского сердца, и не слишком неприятных для отцовского. Был также и отчет врача, в высшей степени удовлетворительный; отчет няни, совершенно умопомрачительный, ибо в нем рассказывалось, что юного Уолтера отлучили от груди, что у него прорезался нижний коренной зуб и что он совершил множество других подвигов, достойных его высокого происхождения. Короче говоря, сердца наши преисполнились счастьем и благодарностью; и у нас было чувство блудных родителей, которые возвратились наконец в родной дом.

Как Вам нравится следующее зажигательное письмо, которое мне принесли вчера вечером? «Генерал К. Г. с поклоном извещает мистера Диккенса о том, что нанес ему визит в обществе двух литературных дам. Поскольку означенные литературные дамы добиваются чести быть лично представленными мистеру Д., генерал Г. просит мистера Д. указать, в какой час завтра ему будет угодно принять их». Опускаю занавес, чтобы скрыть свои страдания. Святыни касаться не должно. Мы приедем в Буффало, если небу будет угодно, тринадцатого апреля. Если я у тамошнего почтмейстера не обнаружу от Вас письма, то ни за что не напишу Вам из Англии.

Но если я таковое обнаружу, пусть рука моя утеряет силу, прежде чем я перестану быть Вашим честным и постоянным корреспондентом; и не потому, дорогой Фелтон, что я так обещал, и не потому, чтобы я имел врожденную склонность к переписке (что далеко от истины), и даже не потому, что сердечное ободрение, которое я получил в такой изящной форме от..., исполнили мою душу искренней благодарностью и гордостью, а потому

лишь, что Вы мне по душе и я Вас горячо полюбил. И вот, ради любви своей к Вам, ради удовольствия, с которым всегда буду вспоминать Вас, ради тепла, которое буду ощущать, получая строки, писанные Вашей рукой, настоящим я заключаю самый торжественный договор и подписываюсь под обязательством писать Вам по крайней мере столько же писем, сколько будете писать мне Вы. Аминь.

Приезжайте в Англию! Приезжайте в Англию! Наши устрицы невелики, это верно, американцы к тому же утверждают, что у них медный привкус; зато сердца наши необъятны. Мы славимся своими креветками. Наши омары также считаются не из последних, а по части моллюсков нам нет равных на земле. Наши устрицы пусть и небольшие, но обладают теми же освежающими свойствами, какими принято наделять этот род морских животных в ваших широтах. Попробуйте и сравните!

Ваш любящий.

101

ФОРСТЕРУ

Все еще в Вашингтоне,
15 марта 1842 г.

...Невозможно, мой дорогой друг, передать Вам всего, что мы перечувствовали, когда мистер К. (сентиментальный малый, но принимающий самое сердечное участие во всем, что касается нас) пришел в воскресенье в дом, где мы обедали, и прислал записочку, в которой сообщал, что «Каледония» прибыла! Теперь, когда мы убедились, что судно невредимо, мы почувствовали, словно расстояние между нами и домом сократилось по крайней мере вдвое. Радость по этому случаю здесь повсеместная, ибо все совсем было отчаялись, но наше счастье просто невозможно описать. Эта весть была доставлена сюда экспрессом. Вчера вечером мы получили Ваши письма. Я присутствовал на обеде, который задавал один из здешних клубов (ибо такого рода обедов мне не всегда удается избежать), и примерно в девять часов Кэт прислала мне записку, в которой сообщила, что пришли письма. Она их

не стала вскрывать без меня — я считаю, что это подвиг. Я пришел около половины одиннадцатого, и мы читали их чуть ли не до двух часов ночи.

Не скажу ни слова по поводу Ваших писем, кроме того, что мы с Кэт пришли к заключению, которое повергло меня в трепет: оказывается, у Вас призвание юмориста, а вовсе не биографа государственных деятелей нашего отечества. Относительно содержания писем не скажу ни слова, ибо знаю, что Вы хотите слышать о наших делах, а раз начав писать о наших драгоценных малютках, я бы не удержался и исписал бы лист за листом...

Я вхож в обе палаты и бываю там каждый день. Помещение просторное и удобное. Очень много скверных речей, но среди законодателей много людей замечательных: таких, как Джон Куинси Адамс, Клей, Престон, Келхаун * и другие, с которыми я, разумеется, в отношениях самых дружеских. Адамс — прекрасный старик, ему семьдесят шесть лет, но он поражает своей энергией, памятью, живостью и отвагой. Клей просто очарователен; это неотразимый человек. Есть также превосходные экземпляры с Запада. Великолепной наружности, глядят в оба, готовы к действию во всякую минуту, сильны, как львы, настоящие Крайтоны * по разносторонности своих дарований; индейцы — по быстроте движений и остроте взгляда; американцы — по сердечности и щедрости порывов. Трудно вообразить себе благородство иных из этих славных молодцов.

Когда Клей уйдет в отставку, что должно произойти в этом же месяце, Престон сделается главой партии вигов. Он так торжественно заверяет меня, что закон об авторском праве непременно будет принят, что я действительно скоро поверю в возможность этого, и тогда я буду вправе сказать, что способствовал его принятию. Вы и представления не имеете о том, как широко обсуждаются все преимущества и недостатки такого закона, и как теперь, благодаря мне, стали мечтать о нем в определенных кругах.

Вы, наверно, помните Уэбстера * по Англии. Если бы только Вы видели его здесь! Если б Вы видели его, когда он пришел к нам третьего дня с визитом, изображая рассеянность человека, изнемогающего под бременем госу-

дарственных забот, и потирая лоб, как человек, уставший от этого мира,— словом, являя собой великолепнейшую карикатуру на лорда Берли. Это единственный целиком выдуманный, ненастоящий человек, какого мне довелось встретить по эту сторону океана. Да поможет бог президенту! Все партии против него, и он кажется очень несчастным. Сегодня вечером мы отправляемся к нему на прием. Он пригласил меня к обеду в пятницу, но мне пришлось отклонить приглашение: завтра вечером мы отбываем на пароходе.

Я говорил, что в течение двух месяцев не буду ничего больше писать об американцах как народе. Но мнение мое уже не изменится, и я могу его высказать — *Вам*. Они доброжелательны, искренни, гостеприимны, добры, откровенны, подчас весьма образованны и вовсе не настолько в плену предубеждений, как это принято думать. У них открытая душа и пылкое сердце, и они рыцарски вежливы по отношению к женщинам, любезны, предупредительны и бескорыстны; а если уж полюбят кого всем сердцем (как полюбили они, осмелюсь сказать, меня), то преданны ему всецело. Я встречался с тысячами американцев всякого разбора и ни разу не слышал от них бестактного или невежливого вопроса; единственное исключение — местные англичане: вот уж эти люди, после того как поживут здесь несколько лет, воистину страшнее черта! Государство является отцом своих подданных; с отцовской заботливостью наблюдает за всеми бедными детьми, роженицами, больными и рабами *. На улицах простые люди охотно помогают вам и оскорбились бы, если б вы предложили им денежное вознаграждение. Готовность оказать услугу здесь повсеместная; всякий раз, как я путешествовал по стране, я заводил знакомство с каким-нибудь добрым человеком, и всякий раз мне бывало жаль с ним расставаться; а иной такой знакомец совершал многомильное путешествие только для того, чтобы еще раз с нами повидаться. И все же — не нравится мне эта страна! Я бы ни за что не согласился здесь жить. Не по душе она мне, и все тут. И Вы бы почувствовали то же самое. Мне кажется, что англичанину невозможно, совершенно невозможно жить здесь и чувствовать себя хорошо. Я убежден, что это так, ибо, бог свидетель, все, казалось,

должно было бы привести к противоположному выводу — а я невольно прихожу именно к этому. Что касается причин, их слишком много, и я не могу сейчас в них вдаваться...

Одна из двух петиций о международном авторском праве, которую я привез от имени американских писателей, возглавляемых Вашингтоном Ирвингом, передана в конгресс. Другая — у Клея, который представит ее сенату после того, как я покину Вашингтон. Та, которую я представил, передана в комитет; спикер назначил председателем комитета мистера Кеннеди *, представителя Балтимора, который сам является писателем и известен как сторонник такого закона; я должен буду помочь ему составить отчет...

102

ФОРСТЕРУ

Снова в Вашингтоне,
понедельник, 21 марта 1842 г.

Мы собирались было ехать в Балтимор из Ричмонда, через город, именуемый Норфолк; но так как одно из судов стояло на ремонте, я выяснил, что нам пришлось бы задержаться в этом Норфолке целых два дня. Поэтому той же дорогой мы вернулись сюда, переночевали и сегодня в четыре часа дня отправляемся в Балтимор. Езды туда всего два с половиной часа. Ричмонд — красиво расположенный город, но от него, как и от прочих городов в рабовладельческих краях (что признают даже сами плантаторы) веет каким-то упадком и мраком, и на непривычный глаз он производит впечатление самое удручающее. Еще по дороге туда с нами в одном поезде, только в «черном» вагоне (неграм не разрешают находиться с белыми вместе), ехала мать с детьми; впоследствии они должны были пересесть на пароход; их везли на продажу, между тем как мужчина (иначе говоря, отец этого семейства) был оставлен на плантации. Дети плакали всю дорогу. Вчера, на борту парохода, нашими спутниками были рабовладелец и два констебля. Они разыскивали двух негров, сбежавших накануне. В Ричмонде на мосту висит объяв-

ление, воспрещающее быструю езду, ибо доски прогнили и мост весь расшатан; с белого штраф — пять долларов, а черному рабу — пятнадцать плетей. При мысли, что мы уезжаем от этого проклятого и ненавистного строя, у меня словно камень свалился с сердца. Мне кажется, что я бы дольше не выдержал. Легко сказать: «Помалкивайте». Они сами не дают молчать. Они непременно спрашивают вас, что вы думаете по этому поводу; и непременно принимаются расхваливать рабовладение, словно это наибольшее благо человечества. «Нет никакого расчета,— сказал мне недавно некий субъект жестокого и зловещего вида,— обращаться плохо со своими рабами. Все, что об этом говорят у вас в Англии,— гнусная чушь». Я спокойно ответил ему, что напиваться, воровать, играть в азартные игры и вообще предаваться какому бы то ни было пороку тоже нет никакого расчета, и тем не менее люди предаются всем этим порокам. Жестокость и злоупотребление необузданной властью, сказал я, эти две самые дурные из страстей человеческих, не считаются с соображениями выгоды и невыгоды; и если, с одной стороны, всякий честный человек должен признать, что раб может быть вполне счастлив под началом доброго хозяина, то с другой — все знают, что история полна случаев, когда хозяева рабов — люди дурные, жестокие, недостойные называться людьми; все знают, что наличие подобных хозяев — факт столь же несомненный, как факт существования рабов вообще. Мои слова его немного смутили, и он спросил меня, верю ли я Библии. Я отвечал, что верю, но что если бы кто-нибудь мог доказать мне, что в Библии поощряется рабовладение, я бы перестал верить в нее. «Так вот,— сказал он,— господь бог повелел, сэр, держать в повиновении черномазых, и белые должны ставить цветных на место, где бы они их ни встречали».— «В том-то и дело!» — сказал я. «Вот именно, сэр, и я бы не советовал англичанам соваться в это дело, когда прибудет лорд Эшбертон, ибо я настроен воинственно, как никогда. Факт». Мне пришлось принять приглашение на публичный ужин, и там я убедился, что вследствие этой истории с креолами ненависть, которую в Южных штатах питают к нам как к нации, вновь возродилась и достигла неслыханных размеров... Мы отчаянно устали в Ричмонде, так как ходили

повсюду и принимали огромное число посетителей. Мы обычно отводим для этого два часа в день, и тогда наши комнаты так переполняются, что в них становится трудно двигаться и дышать. Перед тем как уехать из Ричмонда, когда мы от усталости едва держались на ногах, один джентльмен сообщил мне, что «три представителя высшего общества» чрезвычайно разобиделись оттого, что им сказали накануне, что я устал и не могу их принять и буду «дома» завтра от двенадцати до двух! Другой джентльмен (вероятно, тоже из «высшего общества») прислал мне письмо через два часа после того, как я лег спать,— мне предстояло встать на следующее утро в четыре часа,— и наказал рабу, с которым он прислал письмо, растолкать меня во что бы то ни стало и ожидать ответа!

Я собираюсь отменить свое намерение не принимать больше публичных приглашений в пользу авторов прилагаемого печатного документа. Они живут на границе индейской территории, в каких-нибудь двух тысячах миль к западу от Нью-Йорка! Подумать только, что я буду там обедать! И если на то будет воля божья, церемония эта состоится около 12-го или 15-го числа следующего месяца...

103

У. Ч. МАКРИДИ

Балтимор,
22 марта 1842 г.

Мой дорогой друг,

Прошу прощения, но Вы, кажется, что-то сказали об опрометчивых выводах и поспешных заключениях? Вы уверены, что, делая подобное замечание, имели в виду именно меня? Может быть, поспешно пробегая свою корреспонденцию, Вы нечаянно включили часть чужого письма в мое? Разве Вы когда-нибудь замечали во мне склонность к опрометчивым заключениям? Здесь пауза — для Вашего ответа.

Помилуйте, сэр, разве Вы слышали, чтобы я когда-либо восхищался мистером N? И, напротив, разве Вы никогда не слышали, как я утверждал, несмотря на блестящие отзывы о нем,— один другого лучше! — что в этом человеке нет ни прямоты, ни искренности и что в один

прекрасный день он непременно огорчит Вас отсутствием этих качеств? Снова пауза — отвечайте!

Уверены ли Вы, мистер Макриди,— я обращаюсь к Вам со всей суровостью человека, заплатившего за свое стоячее место в партере,— уверены ли Вы, сударь, что Вы не смотрите на Америку сквозь приятную дымку, которая так часто облекает прошлое и так редко — то, что у нас перед глазами? Уверены ли Вы, что, когда Вы были здесь, на месте, Вам все было так же приятно, как теперь, в воспоминании? Между тем весенние пташки запели в рощах, и поют они, мистер Макриди, о том, что Вам отнюдь не все черты общественной жизни этой молодой страны пришлись по сердцу и что от некоторых из них Вас довольно часто коробило. Верить ли пташкам? Еще одна пауза...

Мой дорогой Макриди, в моем стремлении быть честным и справедливым по отношению к тем, кто так горячо и искренне встретил меня, я даже сжег то последнее свое письмо, что написал Вам,— Вам, с которым могу разговаривать, как с самим собой! Я боялся, как бы Вы не прочли между строк моего разочарования. Чем допустить такую несправедливость, подумал я, лучше уж пусть он сочтет меня небрежным по отношению к себе,— впрочем, я знал, что столь дикая мысль не могла бы прийти Вам в голову! Но что делать? Я в самом деле разочарован. Не такую республику я надеялся увидеть. Это не та республика, которую я хотел посетить; не та республика, которую я видел в мечтах. По мне либеральная монархия — даже с ее тошнотворными придворными бюллетенями — в тысячу раз лучше здешнего правления. Чем больше я думаю о его полезности и силе, тем яснее мне представляется его убожество в тысячах различных направлений. Во всем, чем оно похвалялось,— за исключением лишь народного образования и заботы о детях бедняков,— оно оказалось много ниже того уровня, какой я предполагал; и даже наша старая Англия, со всеми ее грехами и недостатками, несмотря на миллионы несчастных своих граждан, выигрывает в сравнении с этой страной.

Чтобы Вы, Макриди, здесь поселились?! Я помню, Вы иногда говорили об этом. Вы?! Любя Вас душевно и зная Вашу истинную натуру, я не решился бы обречь Вас и

на год жизни по эту сторону Атлантического океана, какие бы выгоды это Вам ни сулило. Свобода мнений! Где она? Ни в одной из стран, которые я знаю, я не видел более гнусной, мелочной, глупой и безобразной прессы, чем здесь. Или это и есть высшая точка развития, которой она достигла. Я заговариваю о Банкрофте, и мне советуют помалкивать, ибо это — «темная личность, демократ». Называю Брайанта, и меня просят быть поосторожнее — все по той же причине. Говорю о международном авторском праве — и меня умоляют не губить себя с первых же шагов. Упоминаю Хариет Мартино *, и все — поборники рабства, аболиционисты, виги, виги-тайлеристы * и демократы — обрушивают на меня каскад проклятий. «Но что она сделала плохого? Разве мало она хвалила Америку?» — «Так-то так, но она сообщила нам также о кое-каких наших недостатках, а американцы терпеть не могут выслушивать критику своих недостатков. Остерегайтесь подводных камней, мистер Диккенс, не пишите об Америке; мы очень мнительный народ».

Свобода мнений! Макриди, если бы я жил в этой стране и написал свои книги здесь и если бы на них не было печати одобрения какой-либо другой страны, я убежден серьезнейшим образом, что прожил бы свою жизнь и умер бы в бедности, безвестности, и к тому же считался бы «темной личностью». Никогда и ни в чем я не был так уверен, как в этом.

Народ здесь сердечный, щедрый, прямой, гостеприимный, восторженный, добродушный, с женщинами все любезны, с иностранцами открыты, искренни и чрезвычайно предупредительны; они гораздо меньше заражены предрассудками, чем принято думать, подчас чрезвычайно воспитанны и учтивы, очень редко невежливы или грубы. Со многими случайными попутчиками я здесь подружился так, что было жаль расставаться. В различных городах завязал самые дружеские отношения. Я нигде не наблюдал примеров непристойной алчности, которую так любят расписывать путешественники. На откровенность я отвечал откровенностью; на все вопросы, в которых не было преднамеренной дерзости, я давал насколько возможно удовлетворительные ответы; и ни в одном из слоев общества мне не случалось говорить с кем-либо — будь то мужчина,

женщина или ребенок — без того, чтобы мы самым настоящим образом не полюбили друг друга. Страдал я очень оттого, что меня ни на минуту не оставляли в покое, это верно, так же как и то, что меня тошнило от их привычки жевать табак и плеваться табаком.

Зрелище рабства в Виргинии, ненависть к британской точке зрения в этом вопросе и жалкие попытки Юга изобразить благородное негодование причиняли мне жесточайшую боль! Впрочем, последнее, разумеется, вызывало у меня только жалость и смех, остальное же — настоящее страдание. Но как бы я ни любил отдельные части, составляющие это огромное блюдо, я не могу не вернуться к утверждению, с которого начал, то есть что блюдо это мне не по вкусу, что мне оно не нравится.

Вы знаете, что я настоящий либерал. Не думаю, чтобы я был особенно горд, я легко переношу фамильярность, от кого бы она ни исходила. Среди многих тысяч людей, с которыми мне довелось встречаться, никто так меня не порадовал, как возчики Хартфорда, которые пришли всем гуртом, хотя и в синих передниках, но прилично одетые, со своими дамами, и приветствовали меня через своего представителя. Все они читали мои книги и поняли их прекрасно. И я думаю не о них, когда утверждаю, что только истинный радикал, чьи убеждения, основанные на доводах разума и на сочувствии к людям, являются плодом зрелого и всестороннего размышления и не подвержены уже никаким колебаниям, только такой радикал может рассчитывать — после того, как побудет здесь,— вернуться к себе на родину, не растеряв своего радикализма.

Мы побывали в Бостоне, Вустере, Хартфорде, Нью-Хейвене, Нью-Йорке, Филадельфии, Балтиморе, Вашингтоне, Фредериксбурге, Ричмонде и еще раз в Вашингтоне. Наступившая раньше обычного жара (вчера было двадцать семь градусов в тени) и совет Клея — ах, как бы Вам понравился Клей! — заставили нас отказаться от намерения ехать в Чарльстон; впрочем, я думаю, что мы и без того отказались бы от этого после Ричмонда. В Балтиморе мы останавливаемся на два дня, сегодня как раз первый; затем отправляемся в Харрисбург. Затем по каналу и железной дороге через Аллеганские горы, в Питтс-

бург, затем по реке Охайо в Цинциннати, оттуда в Луисвилл и, наконец, в Сент-Луис. Меня приглашают на официальные банкеты в каждом городе, в который мы въезжаем, но я отклоняю приглашения; впрочем, я сделал исключение для Сент-Луиса, крайней точки нашего путешествия. Мои друзья в этом городе приняли кой-какие решения. Форстер получил их и покажет Вам. Из Сент-Луиса мы направимся в Чикаго, пересекая бескрайние прерии, из Чикаго — через озера и Детройт — в Буффало, а потом — на Ниагару! Разумеется, тут мы совершим набег на Канаду и, наконец, о, позвольте мне написать это благословенное слово заглавными буквами! — ДОМОЙ!

Кэт уже писала миссис Макриди, и с моей стороны было бы бесполезно даже пытаться, мой друг, выразить Вам и Вашей жене свою признательность за Ваши заботы о дорогих наших малютках, но между собою мы говорим об этом постоянно. Форстер порадовал нас отчетом о триумфе «Акида и Галатеи», и теперь я с волнением буду ждать дальнейших подробностей. Прошлую субботу я пригласил Форреста позавтракать с нами в Ричмонде — у него там шел спектакль. Он говорил с исключительным теплом и благородством о Вашей доброте к нему во время его пребывания в Лондоне.

Дэвид Колден — чудесный малый, и я по уши влюблен в его жену. Нет, в самом деле, вся семья оказывает нам такое трогательное радушие, что мы полюбили их всех от души. Помните ли Вы некоего Гринхау, которого Вы пригласили провести с Вами несколько дней в гостинице, когда Вы находились в Кэтскиллских горах? Он служит в Государственном департаменте в Вашингтоне, и у него хорошенькая жена и пятилетняя дочь. Мы у них обедали и чудесно провели время. Я был зван на обед к президенту, но мы не хотели задерживаться в Вашингтоне. Все же я имел с ним беседу, и, кроме того, мы побывали у него на официальном приеме.

Итак, бросьте, пожалуйста, Ваши опрометчивые заключения относительно моих якобы опрометчивых заключений. Не так стремительно, мой дорогой. Если бы Вы, например, сказали, что каким-то чудом догадываетесь о размерах моей любви и уважения к Вам, и о стремительно-

сти, с какой я ринусь пожать Вашу мужественную руку, чуть только окажусь снова в Лондоне, тогда бы я, пожалуй, не стал Вам возражать. Но когда Вы упрекаете в опрометчивости проницательнейшего из смертных, который строчит Вам сие послание, вы поступаете, как сказал бы Уилмотт, «с макридиевской стремительностью».

Остаюсь всегда Ваш.

104

ДЭНИЭЛУ МАКЛИЗУ

Балтимор,
22 марта 1842 г.

Куда бы ни занесла меня судьба, дорогой мой Мак,— в глубь ли Дальнего Запада, куда лежит наш путь, на вершины ли Аллеганских гор, которые встают у нас на пути, в каюту ли парохода, плывущего по каналу, на зеркальную ли гладь Великих Озер, которые нам предстоит пересечь, в безмолвные ли просторы прерий, которые мы скоро должны увидеть, во мрак ли Великой Мамонтовой Пещеры, что находится в штате Кентукки,— сквозь бешеный гул и рев Ниагарского водопада отовсюду летит мой голос к небесам, неся проклятия Королевской академии. Из уединения, где когда-то кочевали племена индейцев и откуда белый человек изгнал сейчас все, кроме красного солнца, которое, так же как много, много лет назад, медлит расстаться вечером с землей (о, какое это прекрасное зрелище!), я призываю проклятья на голову Мартина Арчера Ши *. Окруженный сиянием зари и мягкой красотою ночи, я предаю анафеме Ваш стол под зеленым сукном и Ваши мерзкие графины с водой. Я плюю на Трафальгар-сквер * и попираю своей пятой Ваш академический совет. Ряды почтенных дряхлых академиков всех рангов должны дрогнуть, смешаться и пасть во прах под натиском моего испепеляющего гнева. Как Вы только могли, Мак, ах, как Вы могли забыть о нас, узрев августейшую особу прусского короля! Неужели его блеск и величие совсем вытеснили из Вашей души память о Девоншир-террас? Неужели и для Вас тоже — «с глаз долой

(и с каких глаз, великий боже!) — из сердца вон»? Ах, Мак, Мак! Даже «Каледония» устыдилась, не привезя мне от Вас письма, и отправилась в обратный путь. Самый океан впал в неистовство, не выдержав безмерной гнусности Вашего поступка. Как Вам, наверное, было стыдно, когда Вы получили целых два письма, которые я, воздавая добром за зло, послал Вам, особенно то, в которое я вложил меню с бала и портрет Кэт! Я знаю, Вы раскаялись в тот миг, пожалуйста, не говорите, что нет.

Мы много путешествуем. Я послал Форстеру некоторые из своих путевых заметок. Как всегда, он должен распорядиться ими. Что же касается пейзажа страны, то мы, право же, пока видели очень немного. Он всюду одинаков. Железные дороги проложены через низины и болота, и всюду, куда ни кинешь взгляд, встает бесконечный лес с упавшими деревьями, гниющими в стоячей воде среди мертвой растительности и беспорядочно наваленного строевого леса; всюду мерзость запустения. Наш поезд с грохотом проносится мимо, и я мысленно населяю страну индейскими племенами, которые жили здесь когда-то, ясно вижу их между деревьями — вот они спят, завернувшись в одеяла, вот чистят оружие, нянчат смуглых малышей... Но тянутся бесконечные мили, и страна кажется почти совсем вымершей, только иногда мелькает у дороги бревенчатая хижина, где у порога играют дети, да барак для негров-рабов или белый лесоруб с топором в руках и большой собакой нарушают унылое однообразие пейзажа.

Когда Вы получите это письмо, Форстер, вероятно, уже покажет Вам все, что я успел ему послать. Поэтому я сжалюсь над Вами и не буду повторяться, чтобы сохранить впечатление от заметок. Форстер очень хвалит Вашего Гамлета. Что бы я сейчас не дал, чтобы посмотреть на него! Но меня утешает мысль, что мы вернемся домой (с божьей помощью) прежде, чем закроется выставка.

Как бы Вы отнеслись к предложению совершить несколько прогулок верхом и пешком, когда наступит лето, побродить ночью, побывать в театрах, пообедать вместе? Могу ли я надеяться, что когда мы вернемся, то хотя бы

несколько недель будем Вам милее Вашей любимой Академии? Что касается меня, то, если бы, сойдя на берег в Ливерпуле, я увидел на пристани Ши собственной персоной, я забыл бы прошлое и протянул ему руку. Честное слово!

Вообразите только, что Кэт и я, совсем как королева и принц Альберт, каждый день устраиваем приемы (великий боже, как кричат и трубят о них газеты!) и принимаем всех, кому только взбредет на ум прийти к нам. Вообразите — нет, вообразить это невозможно, нужно видеть все собственными глазами, — как время от времени среди гостей вдруг появляется кто-нибудь из граждан сей республиканнейшей страны и, не снимая шляпы, принимается с восхитительной непринужденностью разглядывать мою особу, чувствуя себя совершенно как дома. На днях один такой патриот пробыл у нас два часа, причем единственное его развлечение за все это время состояло в том, что сей житель Нового Света иногда ковырял в носу да выглядывал из открытого окна на улицу, приглашая своих сограждан подняться к нам и последовать его примеру. Вообразите, как в Нью-Йорке, сойдя с парохода на берег, я оказался в густой толпе и как двадцать или тридцать человек принялись рвать мех со спины моей великолепной шубы, купленной на Риджент-стрит и стоившей уйму денег! Вообразите, что наши открытые приемы бывают *каждый день,* и вы поймете, как я отношусь к этим людям, когда приходят все новые и новые лица, готовые говорить и спрашивать без конца, а я устал до изнеможения! Вагон поезда похож на огромный омнибус. Стоит поезду остановиться в каком-нибудь городке, как люди толпой окружают вагон, опускают все окна, просовывают внутрь головы и начинают глазеть на меня, обмениваясь впечатлениями по поводу моей внешности, столь же мало смущаясь моим присутствием, как если б я был каменным истуканом. Ну, что вы скажете об этом? — как вы любите говорить.

Ваш верный друг (хоть и не академик).

Передайте самый искренний привет всем своим домашним.

105

ФОРСТЕРУ

Снова на борту «Мессенджера»,
из Сент-Луиса обратно в Цинциннати,
пятница, 15 апреля 1842 г.

В Цинциннати мы пробыли еще сутки после того дня, которым было помечено мое последнее письмо, и уехали оттуда в среду утром 6-го. Мы прибыли в Луисвилл в первом часу ночи, там же и спали. На другой день, в час, сели на пароход и в воскресенье 10-го прибыли в Сент-Луис около девяти часов вечера. Первый день мы посвятили осмотру города. На следующий день, во вторник двенадцатого, я отправился с небольшой группой (нас было четырнадцать человек) взглянуть на прерии; вернулись в Сент-Луис в полдень тринадцатого; присутствовали на вечере и на балу (это не был обед), заданном в мою честь того же числа, а вчера, в четыре часа дня, повернули назад по направлению к дому. Слава богу!

Цинциннати всего пятьдесят лет, но это очень красивый город; едва ли не самый красивый из всех, что я здесь перевидал,— за исключением Бостона. Он вырос внезапно, посреди леса, как город из «Тысячи и одной ночи»; он удачно распланирован; предместья его украшены хорошенькими виллами; кроме всего — и это для Америки редкость,— в нем можно увидеть ровные газоны и незапущенные сады. При мне там происходил праздник трезвости, и рано утром вся процессия выстроилась и прошла под самыми нашими окнами. Собралось, должно быть, по меньшей мере тысяч двадцать человек. Среди знамен попадались достаточно курьезные. Например, у корабельщиков на знамени с одной стороны было изображено славное судно «Трезвость», несущееся на всех парах, а с другой — горящий пароход «Алкоголь». Ирландцы, разумеется, несли портрет отца Метью *. А что касается широкого подбородка Вашингтона (между прочим, у него не очень приятное лицо), то он мелькал повсюду. Они дошли до подобия площади на одной из окраин города, там разделились, и к каждой группе обратились с речью ораторы. В жизни не доводилось мне слышать более сухих речей.

Признаться, мне было не по себе от мысли, что их будут запивать одной водой.

Вечером мы пошли в гости к судье Уоркеру, где — оптом и в розницу — нам представили по крайней мере полтораста человек, и все как на подбор были удручающе скучные. С большей частью из них мне пришлось сидеть и разговаривать! Ночью нам задали серенаду (как почти во всех местах, где мы останавливаемся), и притом отличную. Впрочем, мы ужасно измучены. Мне даже кажется, что черты моего лица уже складываются в привычную скорбную мину, благодаря постоянной и непрерывной скуке, какую мне приходится терпеть. Литературные дамы лишили меня моей природной жизнерадостности. А на подбородке у меня (справа, под нижней губой) появилась неизгладимая складка — след, оставленный тем самым господином из Новой Англии, о котором я писал Вам в последнем своем письме. В углу левого глаза у меня морщинки, появление которых я приписываю влиянию литераторов малых городов. Ямочка на щеке пропала, и я даже сам чувствовал, как ее у меня похищает некий мудрый законодатель. С другой стороны, своей широкой улыбкой я обязан П. Э. *, литературному критику из Филадельфии и единственному блюстителю грамматической и идиоматической чистоты английского языка в этих краях; да, я обязан своей улыбкой ему, П. Э., человеку с прямыми лоснящимися волосами и отложным воротником, который взял в работу нашего брата английского литератора, разделался с нами энергично и бескомпромиссно, но зато сообщил мне, что я означаю «новую эру в его жизни».

Последние двести миль из Цинциннати в Сент-Луис приходится плыть по Миссисипи, так как Охайо впадает в нее у самого ее устья. К счастью для человечества, дети этого Миссисипи, прозванного Отцом всех вод, не походят на своего родителя. Во всем мире нет более гадкой реки...

Вы можете представить себе, какое это удовольствие — нестись по такой реке ночью (как, например, вчера) со скоростью пятнадцать миль в час, когда ваше судно поминутно натыкается на обвалившиеся в реку деревья и рискует наскочить на коряги. Рулевой на этих судах на-

ходится на мостике в маленькой застекленной будке. Когда же плывешь по Миссисипи, на самом носу парохода становится еще один человек, который все время напряженно всматривается и прислушивается — да, прислушивается, потому что в темные ночи наличие каких-либо крупных помех впереди определяют по звуку.

Человек этот держит в руках веревку от большого колокола, который висит неподалеку от рубки рулевого, и всякий раз, как он дергает за веревку, двигатель немедленно останавливают и не приводят в действие, пока он не позвонит снова. В прошлую ночь колокол звонил по меньшей мере каждые пять минут; и всякий раз, когда он звонил, судно начинало сотрясаться так, что люди чуть не скатывались с коек... Ну вот, пока я все это Вам описывал, мы, слава богу, выскочили из этой отвратительной реки, которую я надеюсь больше никогда не увидеть, разве что во сне, как кошмар. Сейчас мы плывем по глади Огайо, и переход этот подобен переходу от острой боли к превосходному самочувствию.

В Сент-Луисе состоялся многолюдный прием. Разумеется, газеты напечатали о нем отчет. Если бы мне случилось обронить на улице письмо, оно на другой же день появилось бы в печати, и публикация его не вызвала бы ни у кого негодования. Репортер был недоволен моими волосами, тем, что они недостаточно вьются. Глаза он признал, но зато раскритиковал мой костюм, слишком, по его мнению, франтоватый и даже слегка вульгарный. Впрочем, прибавляет он снисходительно, «такова разница между вкусами американцев и англичан, которая, быть может, бросалась в глаза тем сильнее, что все остальные джентльмены были в черном». Если бы Вы только видели «остальных джентльменов»!..

Какая-то дама в Сент-Луисе похвалила голос Кэт и ее манеру говорить, уверяя ее, что ни за что не предположила бы, что она шотландка или просто англичанка. Она была так любезна, что пошла еще дальше, утверждая, что приняла бы ее за американку, где бы ее ни повстречала, а это, как она (то есть Кэт) должна понимать, большой комплимент, так как всем известно, что американцы значительно усовершенствовали английский язык! Мне незачем сообщать Вам, что за пределами Нью-Йорка и Бостона

всюду гнусавят; должен, однако, прибавить, что обращение с языком здесь более чем вольное; в ходу самые удивительные вульгаризмы; все женщины, выросшие в рабовладельческих штатах, говорят более или менее как негры, оттого что детские свои годы находились почти целиком на попечении черных нянек; в фешенебельных и аристократических слоях общества (эти два слова здесь постоянно слышишь) спрашивают не где вы родились, а где ваше «месторождение».

Лорд Эшбертон прибыл в Аннаполис на днях, после сорокадневного плавания в бурных водах. Газеты тут же, со слов корреспондента, который объехал на шлюпке кругом корабля (можно себе представить, в каком виде он прибыл!), объявляют, что Америка не может бояться превосходства Англии по части деревянной обшивки. Тот же корреспондент выразил «полное удовлетворение» открытыми манерами английских офицеров и снисходительно замечает, что для Джон-Булей они достаточно учтивы. Мое лицо переворачивается, как у Хаджи Баба, а печень превращается в воду, когда я натыкаюсь на подобное и думаю о тех, кто это пишет и кто читает...

Они не оставляют меня в покое со своим рабовладением. А вчера некий судья из Сент-Луиса зашел так далеко, что я был вынужден (к невыразимому ужасу человека, который его привел) накинуться на него и высказать ему все, что думаю. Я сказал, что я очень неохотно говорю на эту тему и по возможности воздерживаюсь; но поскольку он выразил сожаление по поводу нашего невежества относительно истинного положения дела, я не могу не напомнить ему, что мы судим на основании достовернейших сведений, которые собираются годами самоотверженного труда; и что, по моему мнению, мы можем судить об ужасающей жестокости рабства гораздо лучше, чем мой собеседник, воспитанный и выросший среди этого рабства. Я сказал, что еще могу сочувствовать людям, которые считают рабовладение страшным злом, но открыто признают свое бессилие избавиться от него, но что касается тех, кто отзывается о рабстве, как о благе, как о чем-то само собой разумеющемся, как о чем-то желанном, то мне они кажутся стоящими за пределами здравого смысла. Уж кому-кому, а им-то не следовало бы разглагольствовать о «не-

вежестве» и «предрассудках». С такими людьми и спорить незачем...

Лет шесть назад, в этом же самом городе Сент-Луисе, некий раб, будучи арестован (не помню за что) и зная, что ему рассчитывать на справедливый суд нечего, выхватил свой охотничий нож и полоснул им констебля. Произошла потасовка, в ходе которой отчаянный негр тем же оружием заколол еще двоих. Собравшаяся толпа (среди которой были видные, богатые и влиятельные граждане) набросилась на него, схватила его и понесла за город, на пустырь, где *заживо сожгла*. Случилось это среди бела дня и, как я уже говорил, всего лишь пять-шесть лет назад, в городе, в котором есть суды, судьи и полицейские, тюрьмы и палач; между тем люди, учинившие этот самосуд, остались безнаказанными по сей день. Все это есть следствие неправильного понимания свободы жалкого республиканства, которое считает зазорным для себя служить честному человеку честным трудом, а ради наживы не гнушается прибегать к обману, хитростям и плутням,— оно-то и делает рабовладение необходимостью, и только негодование других народов может когда-нибудь положить ему конец.

Говорят, будто рабы любят своих хозяев. Взгляните на эту хорошенькую виньетку (непременная принадлежность любой газеты) и судите сами, что бы Вы чувствовали, если бы люди, глядя Вам прямо в глаза, рассказывали Вам эти басни, в то время как газета лежит развернутой у Вас на столе. Во всех рабовладельческих районах объявления о сбежавших рабах печатаются ежедневно, как у нас — театральные объявления. Что касается этих несчастных, то они просто обожают англичан: для них они готовы сделать все. Они прекрасно осведомлены обо всем, что делается по части эмансипации, и привязанность их к нам объясняется их глубокой любовью к своим хозяевам, не правда ли? Эту иллюстрацию я вырезал из газеты, в которой была передовая, посвященная «сатанинской и гнусной доктрине аболиционизма, которая равно противна законам природы и божьему установлению».

«Я мог бы кое-что порассказать,— сказал наш бывший спутник некий доктор Бартлетт (личность весьма одаренная).— Я мог бы рассказать кое-что о любви, которую

они питают к своим хозяевам. Я живу в Кентукки, и даю вам честное слово, что в наших краях беглый раб, вспарывающий живот поймавшему его хозяину,— явление столь же обыденное, сколько пьяная драка на улицах Лондона».

106

ФОРСТЕРУ

Тот же пароход,
суббота, 16 апреля 1842 г.

Прерии, надо признаться, порадовали меня меньше; впрочем, расскажу Вам и о них, чтобы Вы могли судить сами. Двенадцатого числа, во вторник, мы условились туда отправиться, начав наш поход ровно в пять часов утра. Я встал в четыре, побрился, оделся, позавтракал хлебом и молоком, открыл окно и выглянул на улицу. Кареты и в помине не было, да и в доме тоже никто как будто не шевелился. Я подождал до половины шестого, но так как никаких приготовлений не ощущалось, я оставил мистера К. дежурить, а сам прилег. Так я проспал чуть ли не до семи, когда меня вдруг позвали... Не считая меня и мистера К., наша компания состояла из двенадцати человек: все сплошь адвокаты — кроме одного. Этот один оказался священником здешней унитарианской церкви; он мой ровесник, кроток, умен и образован. С ним и еще двумя я забрался в первую карету...

В Лебаноне мы остановились в такой хорошей гостинице, что решили, по возможности, там и заночевать. Она походит на скромный деревенский трактир в Англии, и ни в чем не уступает лучшим из них. Во время стоянки я пошел прогуляться по деревне и увидел, как мне навстречу довольно быстро с горы катится настоящий *жилой дом;* его везли на двадцати быках! Как только мы отдохнули, мы продолжали путешествие и к самому заходу солнца достигли зеркально-гладкой прерии. Мы остановились подле дощатой хижины, потому что там поблизости была вода, распаковали корзины и, разбив бивуак посреди карет, пообедали.

Слов нет, прерию посмотреть, несомненно, стоит — не столько, правда, оттого чтобы это было в самом деле бес-

подобное зрелище, сколько ради того, чтобы можно было потом сказать, что видел ее. Как об очень многом в этой стране, большом и малом, все, что Вам о ней рассказывают, оказывается значительно преувеличенным. Бэзил Холл прав, когда дает не очень высокую оценку всему ландшафту. Прославленный Далекий Запад не идет ни в какое сравнение даже с наименее дикими частями Шотландии и Уэльса. Здесь стоишь среди прерии и, куда ни кинешь взгляд, видишь ничем не прерванную линию горизонта. Это большая равнина, похожая на море без воды. Я очень люблю дикие, безлюдные просторы, и мне кажется, я способен ими очаровываться не хуже любого другого. Но прерия не произвела на меня того впечатления, какого я ожидал. Я не испытывал тех чувств, которые обычно испытывают, пересекая, например, равнину Солсбери. Ровный, гладкий ландшафт удручает, но не волнует. В нем нет величия. Я отошел от своих спутников, чтобы разобраться как следует в своих чувствах, и несколько раз окинул взглядом всю панораму. Она была хороша. Пожалуй, стоило съездить ее посмотреть. Солнце — яркое, красное — начинало садиться, и весь пейзаж походил на этот румяный этюд Кетлина *,— помните, он привлек наше внимание? — только у него на картине больше простора. Но говорить (следуя здешней моде), будто это зрелище — веха в вашей жизни и пробуждает ряд не изведанных прежде ощущений,— чистый вздор. Каждому, кто не имеет возможности видеть прерию, я бы советовал поглядеть на равнину Солсбери, луга Мальбро или просто на широкие наши плоскогорья где-нибудь неподалеку от моря! Многие из этих мест столь же внушительны, а уж равнина Солсбери и подавно.

Мы захватили с собой жареную дичь, бизоний язык, ветчину, хлеб, сыр, масло, печенье, шерри, шампанское, лимоны, сахар и огромное количество льда для пунша. Пирушка удалась на славу; а так как все только и думали о том, чтобы мне было хорошо, я взвинтил себя до состояния непревзойденного веселья; провозглашал тосты с козел (они были нашей кафедрой); ел и пил за двоих, словом, держал себя в этой дружеской компании самым компанейским образом. Примерно через час мы собрали вещи и отправились назад, в гостиницу в Лебаноне. Пока готовился

ужин, я отлично прогулялся со своим другом-унитарианцем, а после ужина (за которым ничего, кроме чая и кофе, не пили) мы легли спать. Нам со священником отвели чрезвычайно чистенькую каморку; остальные разместились наверху...

В Сент-Луис мы попали на следующий день, в первом часу, и весь остаток дня просто отдыхали. Званый вечер состоялся в тот же день в нашей гостинице — «Доме плантатора», в превосходном зале для танцев. Каждый гость был нам представлен отдельно. Вы можете вообразить, как рады мы были, когда удалось — в полночь — подняться к себе; мы изрядно устали. Вчера я ходил в одной блузе. Сегодня — в шубе. Мучительные скачки!

107

ФОРСТЕРУ

Все на том же пароходе,
воскресенье, 17 апреля 1842 г.

Вы бы поразились тому, как хороши гостиницы в этих глухих уголках! «Дом плантатора» размерами не уступает нашей больнице в Мидлсексе, да и внутренним своим устройством он напоминает ее: длинные залы, отличная вентиляция и простые побеленные стены. У них замечательный обычай — подавать к завтраку большой стакан свежего молока, в котором плавают куски льда, прозрачного, как кристалл. Да и за каждой трапезой стол ломится от яств. Однажды мы с Кэт обедали у себя в комнате вдвоем и насчитали шестнадцать различных блюд на столе.

Публика здешняя грубовата и невыносимо самодовольна. Все обитатели молоды. *Во всем Сент-Луисе я не видел ни одной седой головы.* Неподалеку стоит остров, который именуется Кровавым. Это площадка для дуэлянтов; и прозвище свое остров получил после последней роковой дуэли, которая там произошла. Это был поединок на пистолетах, грудь к груди, оба дуэлянта пали замертво одновременно. Один из участников нашей экскурсии в прерию (молодой человек) не раз бывал секундантом в подоб-

ных дуэлях. Последний раз это была дуэль на ружьях, в сорока шагах; на обратном пути он рассказывал, как перед поединком покупал своему приятелю пальто из зеленой парусины, ибо шерсть при огнестрельных ранах представляет смертельную опасность. Слово «прерии» здесь коверкают на все лады (очевидно для вящей рафинированности). Боюсь, старина, Вам трудно будет разобрать мои каракули. Я пишу весьма старательно, держа бумагу на коленях, а пароход при этом дрожит и пыхтит, словно он одержим бесами.

108

ФОРСТЕРУ

Сандуски,
воскресенье, 24 апреля 1842 г.

Мы сошли в Луисвилле вечером, ровно неделю назад, когда я и оборвал предыдущую запись; и заночевали в той самой гостинице, в которой останавливались прежде. Так как «Мессенджер» оказался невыносимо медлительным, мы на другое утро забрали оттуда свои вещи и возобновили путешествие в одиннадцать часов на почтовом судне «Бенджамин Франклин»: превосходное судно, с пассажирским отделением длиной больше двухсот футов и чрезвычайно удобными каютами. Мы прибыли в Цинциннати около часу ночи, выгрузились в темноте и отправились в свою прежнюю гостиницу. Пока мы шли пешком по неровным мосткам, Энн растянулась во весь рост, впрочем не повредила себе ничего. Я уже молчу о Кэт — Вы знаете ее свойство! Садясь в карету и выходя из нее, она непременно должна упасть. То же самое, когда она сходит с парохода или садится на него. Ноги у нее вечно в ссадинах, шишках и ранах; щиколотки разбиты; кругом синяки. Впрочем, после того как она приноровилась к новой и довольно утомительной обстановке, она оказалась превосходной путешественницей во всех отношениях. Она ни разу не взвизгнула и не впадала в панику при обстоятельствах, которые ее извинили бы даже в моих глазах; ни разу не пала духом, не поддалась усталости, хотя вот уже больше месяца, как мы путешествуем без всякого перерыва по довольно диким местам, и подчас, как Вы,

конечно, понимаете, изрядно устаем; она всякий раз легко и весело приспосабливается к новой обстановке; я ею очень доволен: она держится просто молодцом.

В Цинциннати мы провели весь вторник девятнадцатого, там же и ночевали. В среду, двадцатого, в восемь часов утра мы отправились в почтовой карете в Колумбус: Энн, Кэт и мистер К.— внутри, я — на козлах. Расстояние — сто двадцать миль, дорога мощенная щебнем и для Америки вполне сносная. Путешествие наше длилось двадцать три часа. Мы ехали всю ночь напролет, достигли Колумбуса в семь утра, позавтракали и легли спать до обеда. Вечером у нас был получасовой прием, народ валил валом, как всегда; на каждого джентльмена приходилось по две дамы — точь-в-точь как в хоре, исполняющем «Боже, храни королеву!». Как жаль, что Вы не видели их своими глазами и не можете убедиться в меткости моего сравнения! Они и одеты совершенно, как эти хористы; да и стоят — если считать, что мы с Кэт находимся посреди сцены, спиной к рампе,— точно так, как стоят участники труппы на премьере, открывающей сезон. Они трясут вам руку как «гости» на балу в «Адельфи» или Хеймаркете; отвечают на всякую мою шутку, словно по ремарке: «все смеются», и «выходят» с еще большим трудом, чем упомянутые джентльмены, облаченные в свои белоснежные рейтузы, сверкающие сапоги и вязаные перчатки.

На следующее утро, то есть в пятницу 22-го, ровно в семь часов мы снова пустились в путь. Так как почтовая карета из Колумбуса сюда идет всего лишь три раза в неделю и в этот день не предвиделась, я выторговал себе «специальную экстра» с четырьмя лошадьми, за что уплатил сорок долларов, то есть восемь английских фунтов: лошади были перекладные, как и в обычной почтовой карете. Для большей надежности почтмейстер посадил своего провожатого на козлы; и вот, в обществе этого человека да корзины с едой и питьем мы отправились дальше. Невозможно дать Вам малейшее представление о дороге, которой мы ехали. Могу лишь сказать, что в лучших своих местах это была просека, проложенная в дикой чаще сквозь болота, трясину и сухой кустарник. Большую часть пришлось ехать так называемой «вельветовой дорогой»: она образуется с помощью бревен или целых деревьев,

сваленных в трясину, которые вминаются в грунт и там остаются лежать. О господи! Если бы Вы могли почувствовать хоть один из этих толчков, когда карета перескакивает с бревна на бревно! Это все равно что подниматься по крутой лестнице на омнибусе. Вот нас швыряет на пол кареты, а вот мы головой ударяемся о ее потолок. Вот она накренилась набок и увязла двумя колесами в грязи, и мы судорожно хватаемся за противоположную стенку. Вот она чуть не села лошадям на хвост, а вот встала на дыбы. Но ни разу, ни единого разу она не приняла естественного положения, не двигалась в направлении, обычном для карет; все, что она проделывала, и отдаленно не напоминало движений экипажа на колесах. Впрочем, день выдался прелестный, воздух был восхитительный, а главное, мы были одни: ни табачных плевков, ни бесконечных и однообразных разговоров о долларах и политике (они говорят исключительно об этих двух материях и ни о чем ином говорить не могут), которыми мы так томимся. Мы по-настоящему наслаждались, смеялись над тряской и были очень веселы. В два часа дня мы остановились посреди леса, раскрыли нашу корзину и пообедали; мы пили за здоровье малюток и всех наших друзей на родине. Затем продолжали путь до десяти вечера. Мы приехали в место, которое называется Нижний Сандуски и отстоит от Цинциннати на шестьдесят две мили. Последние три часа езды были мало приятны: то и дело полыхали зарницы — ярким продолжительным голубым огнем; густые заросли обступали карету, ветви цеплялись за ее стенки и с хрустом обламывались. Гроза в таком месте может обернуться настоящей бедой.

Гостиница, в которой мы остановились, размещалась в деревянном дощатом домике. Хозяева спали, и нам пришлось их поднять. Нам отвели какую-то странную спальню с двумя дверьми, которые были расположены друг против друга; обе они выходили прямо в черноту и глушь, и ни одна не закрывалась ни на ключ, ни на задвижку. При таком расположении дверей всякий раз, как вы открываете одну из них, другая распахивается настежь: архитектурное ухищрение, с которым я доселе не был знаком. Если бы Вы могли видеть, как я, в одной рубашке, забаррикадировав двери чемоданами, делал отчаянные попытки

привести в порядок комнату! Впрочем, подобная баррикада была вызвана необходимостью, так как у меня было при себе двести пятьдесят фунтов золотом. Здесь, на Западе, немало людей, которые, не задумываясь, убили бы родного отца за одну только среднюю цифру упомянутой суммы. Кстати, о золоте — поразмыслите на досуге о положении вещей в этой стране! Здесь нет денег; совсем нет. Банковые билеты хождения не имеют. Газеты полны объявлений, в которых купцы предлагают свой товар в обмен на другой; американского же золота не достать ни за какие деньги. Вначале я покупал фунты, английские фунты, но так как, начиная с нашего пребывания в Цинциннати и по сей день, я их не мог раздобыть, мне пришлось покупать французские золотые двадцатифранковики, с которыми я и путешествую здесь, как в Париже!

Вернемся, однако, к Нижнему Сандуски. Мистер К. лег было спать где-то на чердаке, но его там так одолели клопы, что через час он был вынужден встать и *перейти в карету*... где он и пересидел время до завтрака. Завтракали мы вместе с возничим, в единственной общей комнате. Она была оклеена газетами и вообще имела вид довольно убогий. В половине восьмого отправились дальше и вчера в шесть часов вечера добрались до Сандуски. Город стоит на озере Эри, в двадцати четырех часах езды на пароходе из Буффало. Здесь мы никакого судна не застали, и оно все еще не прибыло и по сей час. Мы сидим на вещах, готовые отправиться в любую минуту, и напряженно смотрим вдаль — не покажется ли дымок?

В бревенчатой гостинице в Нижнем Сандуски остановился старик, который от имени американского правительства ведет переговоры с индейцами и только что договорился с виандотским племенем, чтобы оно на следующий год сдвинулось отсюда в специально отведенное место западнее Миссисипи — чуть подальше Сент-Луиса. Он превосходно рассказал о том, как велись переговоры и как неохотно они соглашаются уходить. Это замечательный народ, но раздавленный и опустившийся. Если бы в Англии, где-нибудь возле бегов, Вы повстречали кого-нибудь из них, Вы бы их приняли за цыган.

Мы остановились в небольшом, но очень удобном домике, и окружают нас чрезвычайно услужливые люди. Во-

обще же народ в здешних местах — мрачный, хмурый, неотесанный и неприятный. Вряд ли, я думаю, на всем земном шаре нашелся бы народ с таким полным отсутствием юмора, живости и способности радоваться. Просто удивительно! Я всерьез говорю, что за последние шесть недель я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь, кроме меня, засмеялся от души; и я ни разу не видел жизнерадостной физиономии, за исключением одной — да и та принадлежала негру. Вялое шатание по улицам, торчание в барах, курение, плевание и раскачивание в креслах-качалках на улице подле дверей своей лавки — вот и все здешние развлечения. Кажется, прославленная американская деловитость свойственна одним янки, то есть обитателям восточных районов. Остальная часть населения — тяжела, тупа и невежественна. Наш хозяин с Востока. Это красивый, услужливый и любезный малый. Он входит в комнату, не снимая шляпы, садится на диван в шляпе, вытаскивает из кармана газету и принимается ее читать; а разговаривая с вами, то и дело поплевывает в камин; но ко всему этому я привык. Он полон желания угодить — и на том спасибо.

Мы жаждем, чтобы скорее пришел пароход, так как надеемся, что в Буффало нас ожидают письма. Сейчас половина второго, парохода на горизонте не видно, и мы собираемся (с большой неохотой) заказать ранний обед.

109

ФОРСТЕРУ

Ниагара!! (английский берег),
вторник, 26 апреля 1842 г.

Не знаю, сколько бы еще я Вам написал из Сандуски, мой дорогой друг, если бы в ту самую минуту, как я кончал последнюю малоразборчивую страницу (о, эти чернила!), на горизонте не показался пароход: тут мне пришлось наскоро уложиться, проглотить подобие обеда и повести свою свиту на пароход как можно скорее. Это оказалось великолепное судно водоизмещением в четыреста тонн, именуемое «Конституция», роскошное и благо-

устроенное; пассажиров на нем было немного. Что там ни говорят об озере Эри, оно никуда не годится для тех, кто подвержен морской болезни. Мы все страдали от нее. В этом смысле тут ненамного лучше Атлантики. По озеру с противным постоянством ходят мелкие волны. Мы прибыли в Буффало в шесть утра, сошли на берег позавтракать, послали на почту и получили — с какой радостью, с каким невыразимым восторгом! — письма из Англии.

Воскресную ночь мы простояли в городе (и очень красивом городе притом), который называется Кливленд и находится на берегу озера Эри. В шесть часов утра, в понедельник, народ толпой повалил на борт, чтобы посмотреть на меня; а группа «джентльменов» устроилась у двери и окошка в нашу каюту и глазела на нас, *пока я умывался, а Кэт еще лежала в постели*. Я был так разъярен и этим, да еще местной газетенкой, которая случайно попалась мне на глаза в Сандуски (в ней проповедуется война с Англией насмерть, говорится, что Британию следует «еще раз высечь», и объявляется, что не далее чем через два года американцы будут распевать «Янки-Дудл» в Гайд-парке и «Слава Колумбии» в залах Вестминстера), что когда мэр города, согласно обычаю, явился представиться мне, я отказался его принять и просил мистера К. объяснить мои мотивы. Достопочтенный джентльмен отнесся к моему отказу весьма хладнокровно, сошел на пристань, держа в руках большую палку и нож, которым тут же начал строгать ее с таким рвением (ни на минуту не отрывая при этом глаз от двери нашей каюты), что задолго до отбытия парохода палка превратилась в колышек для криббеджа!

В жизни я не был так взволнован, как сегодня утром, прибыв сюда из Буффало! Ехать надо по железной дороге, почти целых два часа. Я пытался увидеть первые брызги и услышать отзвук ревущего потока на таком фантастическом расстоянии, как если бы я, причалив в Ливерпуле, пытался услышать музыку Вашего приятного голоса, звучавшего в Линкольнс-Инн-филдс. Наконец, когда поезд остановился, я увидел два огромных облака, поднимающиеся из глубины земли,— это было все. Медленно, мягко, величаво вздымались они. Я потащил Кэт вниз по скольз-

кой и крутой тропинке, ведущей к парому, накричал на Энн за то, что она недостаточно проворно следовала за нами, сам покрылся испариной и не могу выразить того чувства, которое испытывал, когда гул стал звучать громче и громче с каждым шагом. Между тем из-за водного облака ничего нельзя было различить.

Сопровождавшие нас два английских офицера (о, какими подлинными джентльменами они нам показались, какими прирожденными аристократами!) побежали дальше со мной, меж тем как Кэт и Энн оставались ждать нас на обледенелой скале; офицеры полезли вслед за мной по камням у подножия малого водопада, где паромщик готовил для нас лодку. Я не был разочарован: просто ничего не мог разглядеть. В одно мгновенье я был ослеплен брызгами и промок до нитки. Я видел, как бешено несется вода с какой-то огромной высоты, но не мог составить себе представления ни о форме потока, ни о расположении его — одно смутное ощущение его громады. Только когда мы сели в лодку и стали пересекать поток у самого подножия водопада, я почувствовал, что это такое. Я вернулся в гостиницу, переменил одежду и, захватив Кэт, побежал к «Подкове». Затем спустился один в самый ее бассейн. Вот где чувствуешь близость бога. У ног моих играла яркая радуга, а когда я поднял голову — боже мой,— какой изумруд, какая прозрачность и чистота! Широкая, глубокая, мощная струя падает, словно умирая, и тут же из бездонной могилы восстает облаком водяной пыли и тумана ее великая тень, которой нет ни покоя, ни отдыха. Торжественная и ужасная, она здесь витает, быть может, с самого сотворения мира.

Мы намерены пробыть здесь неделю. В следующем письме я попытаюсь описать мои впечатления и рассказать, как они изо дня в день меняются. Сейчас это невозможно. Скажу лишь, что первые ощущения, которые во мне вызвало это потрясающее зрелище, это — душевный покой, ясность мысли о вечном отдыхе, блаженстве и — никакого ужаса! Я с дрожью вспоминаю Гленко (дорогой друг, если бог даст, мы с Вами непременно поедем вместе взглянуть на Гленко), но, вспоминая Ниагару, я буду думать только о ее красоте.

Если бы Вы могли слышать рев, который стоит у меня в ушах, когда я пишу Вам это письмо! Оба каскада у нас под окнами. Из гостиной и спальни открывается вид прямо на них. Во всем доме, кроме нас, ни души. Чего бы я не дал за то, чтобы Вы с Маком были здесь и делили со мной мои теперешние переживания! Я хотел было добавить — чего бы я не дал за то, чтобы драгоценное создание, чей прах покоится в Кензал-грин, дожило до этого времени и с нами вместе было здесь,— впрочем, я уверен, что она здесь побывала не раз с тех пор, как ее прелестное личико скрылось от моего земного взора.

Одно слово по поводу драгоценных писем. Вы правы, дорогой мой, относительно газет; и Вы правы (пишу с прискорбием) относительно людей. «Верно?» — спросил фокусник. «Да!» — донеслось с галерки, из кресел и лож. Да, эти слова у меня вначале вырвались в самом деле невольно, но когда я Вам все расскажу... погодите немного — до конца июня! Больше ничего не прибавлю.

С моими путевыми заметками я предвижу путаницу — меня, верно, будет тянуть то в одну, то в другую сторону. О, из материалов, которыми я располагаю, можно было бы извлечь квинтэссенцию комического! Вы — часть, и очень существенная часть, того, что для нас является родиной, дорогой друг, и я уже истощил свое воображение, рисуя себе обстоятельства, при которых я вдруг нагряну к Вам, в дом № 58 по Линкольнс-Инн-филдс. Мы от души благодарим бога за то, что наши несказанно дорогие детки и все наши друзья здоровы и благополучны. Еще одно письмо, только одно... Боюсь, что я и наполовину не выразил своей любви к Вам, но Вы знаете, что *есть* мысли, слишком глубокие для слов...

110

ГЕНРИ ОСТИНУ*

Ниагара (английский берег),
воскресенье, 1 мая 1842 г.

Мой дорогой Генри,

Это письмо не такое старое, как может показаться при взгляде на дату. Я возьму его с собой в Монреаль и пошлю оттуда на пароходе, который направляется с канад-

скими письмами и пассажирами навстречу судну Кунарда в Галифакс. Прежде чем запечатать письмо, я прибавлю короткий постскриптум, так чтобы в нем оказались самые последние вести.

В этом прекрасном месте мы вкусили блаженный покой, в котором, как Вы понимаете, мы нуждались чрезвычайно, не только оттого, что долго путешествовали в довольно трудных условиях, но и из-за непрерывного преследования, которому подвергались на суше и на море, в почтовых каретах, железнодорожных вагонах и на пароходах, преследования, размеры которого, даже если Вы напряжете свое воображение до предела, Вы не можете себе представить. Пока что мы почти одни в гостинице. Это большой, прямоугольный дом, гордо взирающий на окрестности с вершины холма; у него, как у швейцарских домиков, выдающийся карниз и широкие галереи, идущие вдоль каждого этажа. Колоннада придает зданию вид настолько легкий, что оно кажется построенным из карт, и я пребываю в вечной тревоге, как бы кто-нибудь не появился вдруг в слуховом окошке и, топнув ногой по крыше, не разрушил все строение.

Наша гостиная (просторная комната с низким потолком, как в детских) находится на третьем этаже и расположена так близко от водопада, что окна в ней постоянно влажны и затуманены от брызг. Из гостиной можно пройти в нашу спальню и в комнату Энн. Секретарь почивает недалеко от нас, но за пределами священной обители. Из этих трех комнат, из любой из них, можно видеть целый день, как кувыркаются, катятся и скачут с грохотом водопады, и как яркие радуги низвергаются огненными мостами вниз, на глубину двухсот футов. Когда на них падает солнце, они сверкают и горят, как расплавленное золото. В пасмурную погоду кажется, что вода обваливается как снег, или что гигантская меловая скала начинает крошиться, или что с обрыва скатывается большой клуб белого дыма. Впрочем, в любую погоду, и ясную и пасмурную, днем и ночью, при солнечном и при лунном освещении, от подножья обоих водопадов всегда вздымается призрачное облако, скрывающее от взора смертного кипящий котлован, который благодаря этой таинственности

кажется во сто раз значительней, чем если бы можно было видеть все секреты, заключенные в его непроницаемых глубинах. Один водопад отстоит от нас на таком же расстоянии, на каком отстоит Йорк-гейт от дома № 1 по Девоншир-террас. Другой (гигантская «Подкова») примерно вдвое ближе чем дом «Криди» * от нашего. Во всех описаниях этих водопадов, однако, сильно преувеличено одно — я имею в виду шум. Вчера, например, стояла ясная ночь. В тихий закатный час мы с Кэт, находясь на расстоянии одной мили, едва слышали его. Между тем я поверил всем этим утверждениям и еще в тридцати милях от водопадов, по дороге из Буффало, начал припадать ухом к земле, как дикарь в балете или бандит.

Я был счастлив получить Ваше славное письмо и прочитать в нем о наших малышах, которых мы хотим видеть с нетерпением, не поддающимся никакому описанию. Я думаю в самом деле, «хоть и не мне бы говорить», что ребятишки у нас неплохие — и на вид и по существу. Сегодня поутру, проснувшись, я заревел на весь дом: «Через месяц!» — мы едва успели сюда прибыть, как уже начали мечтать о том дне, когда можно будет это сказать. Неужели настанет минута, когда, выйдя из самой медлительной в мире кареты, мы постучимся в двери... своего дома?

Я рад, что Вы ликуете по поводу драки, которую я затеял из-за авторского права. Если бы Вы знали, как они пытались заткнуть мне глотку, Вы бы отнеслись к ней с еще большим жаром. Самые видные люди Англии прислали мне, через Форстера, петицию, в которой всячески поддерживают меня. Тон послания мужественный, исполненный достоинства и чувства. Я его направил в Бостон, с тем чтобы его там опубликовали, и теперь спокойно выжидаю бури, которая не замедлит последовать. Впрочем, самые свои жгучие розги я пока еще придерживаю.

Ну не отвратительно ли на самом деле, что авторы книг, выходящих здесь десяти- и двадцатитысячными тиражами, не получают за них ни гроша, в то время как негодяи-книгопродавцы на них наживаются? Не гнусно ли, что самый последний мерзавец, самая подлая газетенка — настолько грязная и скотская, что ни один порядочный

человек не постелет ее у себя в доме на полу уборной, печатает эти же произведения рядом с самыми низкопробными и непристойными писаниями, навеки и неминуемо поселяя в сознании читателя впечатление, что эти два рода литературы некоторым образом между собой связаны? Как терпеть такое положение, когда автора мало того что грабят до нитки, еще заставляют против воли появляться бог знает в какой форме, в каком пошлом облачении, в каком обществе? Терпимо ли, чтобы автор не мог выбирать своего читателя, не мог уберечь свои слова от искажений, что его заставляют вытеснять лучших людей этой страны, людей, которые мечтают всего лишь о том, чтобы кормиться своим литературным трудом? От всех этих безобразий у меня, право, так и вскипает кровь, и всякий раз, как я заговариваю на эту тему, мне начинает казаться, что во мне двадцать футов росту и у меня широченные плечи. «Ах вы разбойники,— говорю я про себя перед тем, как держать речь,— так вот же вам!»

Жилища, в которых мы останавливались, дороги, по которым ездили, общество, в котором вращались, потоки табачной слюны, которыми нас обдавали, удивительные обычаи, с которыми нам приходилось считаться, чуланчики на колесах, в которых приходилось путешествовать, леса, болота, прерии, озера и горы, которые нам довелось пересечь,— все это — темы для легенд и историй, которые мы будем рассказывать уже дома, а то никакой бумаги не хватит. Сходя с парохода и входя на пароход, влезая в карету и вылезая из нее, Кэт умудрилась упасть в общей сложности, наверное, семьсот сорок три раза. А однажды, когда мы ехали по дороге, вымощенной поваленными в болото деревьями, она чуть не свернула себе шею. Был очень жаркий день, и она изнемогала, положив голову на раму открытого окошка. И вдруг — кр-рах! Она и по сей час держит голову слегка набок. Энн, по-моему, толком не разглядела ни одного американского дерева. Она ни разу не взглянула на открывающийся перед нею вид и проявляет полнейшее безучастие ко всему, что попадает в поле ее зрения. Она недовольна Ниагарой, говорит, что «это одна вода» и что ее к тому же «слишком много».

Вы, верно, уже слышали, что я собираюсь играть в монреальском театре с офицерами? Так как книги с фарсами трудно раздобыть и выбор, соответственно, ограничен, я остановился на роли Кили в «Двух часах утра» *. Вчера я написал Митчеллу, нью-йоркскому актеру и режиссеру, чтобы он достал и прислал мне комический парик, светло-русый, с небольшими бачками до половины щеки; поверх него я надену два спальных колпака, один с кисточкой, а другой фланелевый; фланелевый халат, желтое трико и комнатные туфли дополнят мой костюм.

Я очень огорчен, что дело Ваше идет не так бойко, как бы Вам хотелось, но поговорка гласит, что коли дождь заладит, то уж льет; то же самое можно сказать и об обратном — коли не идет дождь, так — ни капельки! Я уверен, что не успею приехать, как Вы будете завалены работой.

Мы собираемся отбыть в среду утром. Передайте привет Летиции и матушке, а также мой нижайший поклон миссис Бремнер, и верьте, что я, мой дорогой Генри,—

всегда Ваш любящий.

111

ФОРСТЕРУ

Ниагара,
вторник, 3 мая 1842 г.

...Назову Вам два основных препятствия к заключению конвенции о международном авторском праве с Англией: во-первых, национальная страсть к «обштопыванию» всякого, с кем приходится вести дела или торговлю; и второе — национальное тщеславие. Иностранцу трудно понять, какую громадную роль играют здесь обе эти национальные особенности.

Что касается первой особенности, я, кроме шуток, убежден, что здешний читатель извлекает дополнительное наслаждение, читая популярную английскую книгу, от мысли, что автор этой книги ничего не получает за ее переиздание. Ведь как это чертовски ловко получается у Джонатана — почитывать книжки на таких условиях! Он так поддел англичанина, что глазки его блестят хитро, ко-

варно и радостно; и, читая, он посмеивается, но отнюдь не тем шуткам, которые рассыпаны на ее страницах. Не так радуется ворона, когда ей удается стащить кусок мяса, как американец, когда он читает английскую книгу «задаром».

Что касается второй особенности, то она позволяет людям, которые выше только что приведенных низменных побуждений, мириться с существующим положением вещей. Вас читают в Америке! Америка вас признала! Когда вы приезжаете к ним, они вам оказывают радушный прием! Вас обступают со всех сторон, вам выражают благодарность за то, что вы поддержали их дух, когда они болели, что доставили им много приятных часов, когда они были здоровы; за то, что их домашний обиход пополнился множеством словечек, типов и образов, на которые они могут ссылаться в разговоре со своими детьми и женами. Им дела нет до того, что в тех странах, где вы получаете денежное вознаграждение, вам благодарны не меньше, что в других краях вы завоевали себе не только славу, но и деньги. Американцы читают вас — свободные, просвещенные, независимые американцы! Чего же вы хотите? Разве это не достаточная награда для всякого смертного? Национальное тщеславие стирает с лица земли все остальные страны земного шара, так что в конечном счете одна только их страна и высится над океаном. Теперь послушайте, чего стоит на самом деле американская публика. Найдите мне во всей нашей литературе одну-единственную английскую книгу, которая сделалась бы популярной здесь сама по себе, которая бы привлекла к себе внимание издателей, прежде чем она прошла испытание у себя на родине и сделалась популярной там,— если Вы такую книгу найдете, я соглашусь на то, чтобы закон оставался в его теперешнем состоянии — ныне, присно и во веки веков. Впрочем должен оговориться. Здесь печатаются всевозможные приторные повести из жизни высшего света, перед которыми толпа падает ниц, словно перед золотым тельцом, и которые у нас с самого дня их выхода в свет были благополучно замурованы в библиотеках, где и находятся по сей день.

Когда же говоришь им, что этак у них не разовьется отечественная литература, они все (кроме бостонцев) от-

вечают: «А нам и не надо. Зачем нам платить за литературу, когда мы ее получаем даром? У нас народ не думает о поэзии, сэр. Доллары, банки, хлопок — вот наши книги, сэр». И в самом деле! Ни в одной другой стране не сталкиваешься с таким невежеством относительно всего, что не имеет прямого отношения к наживе и прибыли. Вот и все, что я пока могу сказать по поводу международного авторского права.

А вот Вам портрет моего секретаря, если угодно.

У него сентиментальная душа, очень сентиментальная. С приближением июня он высказывает нашей Энн надежду, что «мы время от времени будем его вспоминать» у себя на родине. Он ходит в гамлетовском плаще и огромном, очень высоком, мягком, пыльном черном цилиндре, который во время длительных переездов заменяет каким-то шутовским колпаком... Он поет; и в тех случаях, когда наши комнаты соседствуют с его спальней, подчас, прижавшись ртом к замочной скважине, издает несколько басовых звуков, чтобы привлечь наше внимание. Он страстно мечтает, чтобы я попросил его спеть, и уловки, к которым он прибегает, чтобы вынудить меня к этому, уморительны до последней степени. В нашей комнате в Хартфорде (Вы помните, мы там были в первых числах января?) стоял рояль, и как-то вечером, когда мы были одни, он спросил, «играет ли миссис Д.».— «Да, мистер К.».— «Вот как, сэр? А я пою; так что, когда Вам захочется потешить себя...» Можете вообразить, с какой поспешностью я ухватился за какой-то предлог, чтобы покинуть комнату и не дать ему окончить фразы.

Он занимается живописью... Огромный ящик с масляными красками составляет главную часть его багажа. Он ими малюет у себя в комнате по нескольку часов подряд. Энн завладела какими-то большеголовыми и пузатыми набросками, которые он сделал с пассажиров на канале (включая и меня в меховой шубе), при воспоминании о которых у меня до сих пор на глаза наворачиваются слезы. Он написал ниагарские водопады,— изумительно; а сейчас как будто пишет мой портрет в рост: официанты донесли нам, что горничные сообщили им, будто в его комнате стоит картина, на которой изображено нечто чрезвычайно косматое. Одна из девушек решила, что это «на-

бросок королевского герба»; я же не сомневаюсь, что сей лев должен изображать мою персону...

Иногда, правда не очень часто, он затевает со мной разговор. Обычно это случается после наступления сумерек, когда мы с ним гуляем по палубе, или в карете, когда мы оказываемся вдвоем. В такие минуты он принимается рассказывать какой-нибудь самый известный и патриархальный анекдот, выдавая его за эпизод, имевший место в его собственной семье. Когда мы едем в карете, он больше всего любит изображать коровье мычание и хрюканье свиней; на днях он даже чуть не вызвал на дуэль какого-то попутчика, который, не оценив его таланта, сказал, что он «настоящий теленок». Ему представляется непременным признаком хорошего тона ежеминутно осведомляться, не хочется ли нам спать, или, говоря его словами, «не испытываем ли мы недостатка сна». Бывает, что мы после какого-нибудь длительного переезда погружаемся в сон часов этак на четырнадцать, и вот, когда я, наконец, просыпаюсь и выхожу из спальни, он меня непременно подстережет у двери с тем же вопросом. Впрочем, оставляя в стороне его забавные качества, трудно было бы подобрать для меня более подходящего человека. Я удвоил его первоначальное жалованье — десять долларов в месяц, и даю теперь двадцать, а к концу намерен компенсировать его за шесть месяцев...

112

ГЕНРИ ОСТИНУ

Канада, Монреаль,
12 мая 1842 г.

Все хорошо, хотя (не считая письма от Фреда) мы с «Каледонией» не получили ничего. Внимание и любезность, оказанные нам в Канаде, не поддаются никакому описанию. Все кареты и все лошади к нашим услугам; равно как и слуги, и казенные суда, а также экипажи этих судов. Мы будем играть между 20-м и 25-м «Роланд вместо Оливера», «Два часа утра» и «Глухой как пробка» *.

113

МИСС ПАРДОУ

Девоншир-террас, Йорк-гейт,
Риджент-парк,
19 июля 1842 г.

Сударыня,

Позвольте указать Вам на одно обстоятельство, связанное с американскими разбойниками, которое Вы, по всей вероятности, не осознаете до конца.

По существующему закону они имеют право перепечатывать любую английскую книгу, не вступая в переговоры ни с ее автором, ни с кем бы то ни было еще. На таких-то приятных основаниях и переиздавались все мои книги.

Иногда, впрочем, когда о книге начинают говорить еще до выхода ее в свет, кое-кто из этих пиратов готов уплатить какие-нибудь пустяки, чтобы получить корректуру заранее — с тем чтобы опередить остальных на время, необходимое для того, чтобы перепечатать книгу. Если же книга уже вышла в свет, она становится общественным достоянием, ее можно переиздавать хоть тысячу раз. В своем письме я имел в виду только сделки подобного рода.

Могу прибавить, что у меня нет ни малейшей надежды на то, что Штаты поступят по справедливости в этом бесчестном деле, и поэтому я не рассчитываю поймать этих молодчиков; но мы можем кричать: «Держи вора!» — тем более что они от этого окрика начинают ежиться.

Остаюсь преданный Вам.

114

К. К. ФЕЛТОНУ

Лондон, Девоншир-террас,
Йорк-гейт, Риджент-парк,
воскресенье, 31 июля 1842 г.

Никогда еще, дорогой Фелтон, на голову несчастных смертных не сваливалось такого чудовищного количества несметных забот. Никакой гений... никакое перо... не в

состоянии перечислить все обеды, что меня заставили съесть, описать все места, где мне пришлось побывать, живописать то море дел и удовольствий, в которое я должен был погрузиться.

Посему сочиняю ужасно короткую и безумно скучную эпистолу об американце Дандо. Но Вы, наверное, не знаете, кто такой Дандо. Так вот, дорогой Фелтон, Дандо был пожирателем устриц. Он заходил в лавку продавца устриц, не имея ни фартинга в кармане, и, стоя у прилавка, принимался уничтожать моллюсков, пока хозяин, открывающий для него раковины, вдруг в ужасе не опускал нож, делал несколько шагов назад, шатаясь, и, стукнув себя ладонью по бледному лбу, не восклицал: «Так ты — Дандо!» Он съедал по двадцать дюжин за один присест, но мог бы съесть и сорок, если бы торговца устриц вдруг не озарял свет истины. За такие преступления его часто сажали в исправительный дом. И вот однажды он заболел в тюрьме, ему становилось все хуже и хуже, и наконец смерть громко постучалась в дверь его камеры. У кровати Дандо стоял доктор, считая его пульс. «Он умирает,— сказал доктор.— Я вижу это по его глазам. И во всем мире есть только одна вещь, которая может отсрочить его смерть на один час. Это — устрицы!» Немедленно принесли устрицы. Дандо проглотил восемь штук и с трудом взялся за девятую. Но он не стал глотать ее и посмотрел вокруг себя странным взглядом. «Недурна, а?» — спросил доктор. Больной покачал головой, провел дрожащей рукой по животу, быстро проглотил устрицу и упал на кровать мертвый. Дандо похоронили во дворе тюрьмы и украсили его могилу раковинами.

Мы все живы и здоровы. Часто говорим о том времени, когда вместе с мистером Фелтоном и доктором Хоу сможем в будущем году переплыть океан. Завтра мы на два месяца уезжаем к морю. Я все время жду вестей от Лонгфелло. Как мне будет приятно узнать, что он возвращается в Лондон и приедет в этот дом!

Я самым решительным образом объявляю войну газетам, которые занимаются разбоем средь бела дня, незаконно перепечатывая чужие произведения, и надеюсь, что после следующей сессии парламента их ввоз в Канаду будет запрещен. Кажется, первый раз за всю историю чело-

вечества английские литераторы намереваются объединиться и действовать в этом вопросе сообща. Неплохо хотя бы проучить негодяев, если уж не остается ничего другого, и я надеюсь, что таким способом мы можем заставить их немного поумнеть...

Жаль, что Вас не было это время в Гринвиче. Несколько друзей устроили здесь в мою честь небольшой обед, где были только свои (от официальных обедов я должен был отказаться). Наша встреча привела Крукшенка в дикий восторг, и, пропев все известные ему морские песенки, он завершил наш вечер, проехавшись все шесть миль до дому в моем маленьком открытом фаэтоне *вниз головой* к неописуемому восторгу и негодованию лондонской полиции. Мы все очень веселились, и я поднимал тосты за Ваше здоровье с величайшим воодушевлением и энтузиазмом.

Когда мы возвращались домой, я основал на пароходе клуб под названием «Общество бродяг» к большому удовольствию всех пассажиров. Это святое братство совершало тысячи всяких глупостей и всегда обедало отдельно от всех за одним концом стола на шканцах, причем обед проходил в необычайно торжественной обстановке с соблюдением великого множества обрядов. Когда через три или четыре дня после начала нашего путешествия заболел капитан, я достал свою аптечку и вылечил его. Потом заболело еще несколько человек, и я каждый день с важным видом навещал своих «пациентов» в сопровождении двух «бродяг», одетых под Бена Эллена и Боба Сойера * и вооруженных парой огромных ножниц и ужасающим количеством пластыря. Всю дорогу было очень весело. В Ливерпуле мы все вместе позавтракали, обменялись рукопожатиями и расстались, как самые добрые друзья...

Искренне Ваш.

P. S. Я просмотрел свои дневники и решил издать заметки о путешествии по Америке в двух томах. После нашего возвращения я уже написал половину того, что должно войти в первый том, и надеюсь закончить все к октябрю. Эту «новость по секрету», дорогой Фелтон, Вы можете сообщить всем, кого считаете достойным такого доверия.

115

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Бродстэрс,
16 сентября 1842 г.

...Вообще глава о Филадельфии очень хороша, но, к сожалению, после напечатания она стала мне нравиться гораздо меньше. Американские газеты нагло утверждают, что подделанное ими письмо с моей подписью * было опубликовано в «Кроникл» вместе с открытым письмом об авторском праве, где я якобы в самых неподобающих выражениях отзываюсь об обедах и пр. Письмо получило широкую огласку в Штатах. Что и говорить, негодяй, написавший его, «парень не промах». Вы понимаете, конечно, что дело это совсем не шуточное, тем более что в газетах поднялась по этому поводу самая непристойная шумиха. Мистер Парк Бенджамин начал свой «вдохновенный» опус на эту тему словами: «Диккенс — лжец и негодяй»... У меня сейчас новый протеже — несчастный глухонемой мальчик, которого я на днях нашел еле живым на берегу и пока поместил в приходскую больницу. Бедняжка, он в таком ужасном состоянии...

Какие блестящие проявления безмерной человеческой подлости и низости наблюдал я вчера на скачках на Айл-оф-Тенет!.. Я собираюсь начать новую вещь, где действие будет происходить в Корнуолле, в какой-нибудь ужасно мрачной деревушке, затерянной на побережье среди скал. К концу следующего месяца я надеюсь закончить «Американские заметки», и тогда мы вместе с Вами отправимся в эти унылые места...

116

ФИЛИПУ ХОУНУ*

Англия, Кент, Бродстэрс,
16 сентября 1842 г.

Дорогой сэр, я чрезвычайно благодарен Вам за Ваше дружеское письмо, которое доставило мне истинное удовольствие. Вчера мне переслали его из Лондона сюда,

в этот маленький и тихий рыбачий городок на берегу моря, где мы пробудем до конца этого месяца. Я пишу Вам ответ, не медля ни минуты, хоть и боюсь, что письмо мое может пролежать на почте несколько дней, пока придет пароход, чтобы перевезти его через океан.

Каждая точка и запятая, каждая буква и строка — одним словом, все от начала до конца в письме, о котором Вы мне рассказываете,— злобная и низкая ложь. Я не напечатал ни одного слова, ни одной строки о своей поездке в Америку, кроме открытого письма о международном авторском праве, и негодяй, измысливший эту отвратительную клевету и заслуживающий смертной казни через повешение, знает это так же хорошо, как и я. Это событие ужасно расстроило меня, вызвав тайное желание схватить кого-нибудь за горло, что вряд ли приличествует джентльмену. Но я не дал публичного опровержения, считая, что подобного рода действие было бы недостойным и отнюдь не возвысило бы меня в собственном мнении. Я надеюсь послать Вам в следующем месяце свои «Американские заметки». Передайте искренний привет всем друзьям.

С уважением...

117

КАПИТАНУ МАРРИЕТУ*

Девоншир-террас,
13 октября 1842 г.

Мой дорогой Марриэт, большое спасибо за Вашу превосходную книгу, благодаря которой я целых три дня то посмеивался, то ухмылялся, то сжимал кулаки, исполняясь воинственного духа. Я все откладывал Вам писать, так как хотел заодно послать Вам и свои американские книжки. Однако этого я не могу сделать до вторника и пока ограничиваюсь этой благодарственной и поздравительной записочкой. Преданный Вам.

Стэнфилд * сообщил мне, что вы завели обычай пить холодную воду с утра. Я тоже. Один из наших колодцев высох, второй высыхает. Столько я выпил воды!

118

ДЖОНАТАНУ ЧЕПМЕНУ

Девоншир-террас,
15 октября 1842 г.

Мой дорогой друг,

Я от души обрадовался, увидя Ваш почерк на письме, которое привезло кунардское судно. И от души радовался, читая его,— тем более что из него явствует, что Ваше доброе чувство ко мне заставляет Вас тревожиться за меня гораздо сильнее, чем Вы когда-либо, верно, беспокоились о себе самом.

Поставьте на место американской публики (или большей части ее) какого-нибудь одного человека. Если бы Вы знали, что можете удержать дружбу этого человека, пожертвовав всем, что дает Вам право на самоуважение, если бы Вы должны были хранить робкое молчание, не решаясь высказать правду, и всякий раз, перед тем как открыть рот, задумывались бы, словно перед Вами заболевший родственник: «А это он проглотит? Не рассердится, если я скажу то-то и то-то? А вдруг, если я поступлю так-то, он поймет, что я не игрушка, созданная для его развлечения?»

Неужели Вы пытались бы удержать его дружбу на таких условиях хотя бы один день? Нет — или я Вас плохо знаю. Вот и я так. Радушный прием, который был оказан мне в Америке, я приписываю тому, что мне удалось позабавить ее читателей и расположить их в свою пользу тем, что я делал, а отнюдь не тем, что я обязался чего-то не делать. Поэтому я считаю себя вправе писать об этом народе, и писать так, как считаю нужным. И если ни надежды заслужить одобрение, ни честолюбие никогда не мешали мне указывать на злоупотребления в своем отечестве, то и здесь, в этой глухой стране, никакое общественное мнение не заставит меня уклониться от цели и указать, если я найду нужным, на те недостатки, какие я замечу. Пусть вследствие своей честности я навлеку на себя гнев капризной и непостоянной толпы, пусть на мою голову посыплются оскорбления — какое мне до этого дело? Какое дело до этого Вам? Какое до этого дело настоящему человеку, если он убежден в своей правоте и может спокойно

взирать на беснующуюся толпу и посвистывать в ответ на ее шиканье?

А что может помешать мне писать? Неужели уверенность в том, что я не угожу им? А что я им не угожу, я знаю точно, ибо, каковы бы ни были мои заслуги в их глазах, они готовы, по печатной указке первого же негодяя, забыть их самым безжалостным образом, готовы поверить гнусной клевете, поверить, что я авантюрист и лжец.

Мой дорогой Чепмен, если бы мы позволили подобным причинам или личностям влиять на наши поступки, через какие-нибудь пять лет такая вещь, как правда, исчезла бы с лица земли бесследно и борьба за нее сделалась бы безнадежным, отчаянным предприятием.

Я уверен, что в глубине души Вы думаете и чувствуете то же, что и я. Я уверен, что в моей книге нет такой строки, с которой бы Вы и люди, подобные Вам, не согласились бы в душе.

Я твердо верю, что, постепенно, со временем, то, что я написал, поможет Вам освободиться от зла, которое представляет настоящую угрозу для Вашего общества; писал же я эту книгу, полный теплого чувства и с совершенным добродушием; это так же верно, как и то, что я не позволил себе ни одного фальшивого или несправедливого слова, ни одного оборота, о котором я мог бы пожалеть впоследствии.

Поверьте, мой дорогой друг, дело обстоит именно так, и Вы в этом убедитесь, к полному своему удовлетворению, и когда Вы обнаружите признаки общественного охлаждения по отношению ко мне, скажите себе следующее: «Если бы он не был повинен в этой перемене сам, это был бы не тот человек, с которым я подружился, а другой, и в таком случае я мог бы слушать, как его чернят, с полнейшим равнодушием!»

Кембриджский профессор Лонгфелло * сейчас остановился у нас и вернется, я думаю, на «Великом Западном», который отбывает в следующую субботу. Я попрошу его взять для передачи Вам экземпляр моей книги и прочее.

Я просил своих издателей принять меры, чтобы она не попала в Америку с тем же пароходом, который повезет Вам это письмо.

Малютки наши здоровы и посылают Вашим всяческие приветствия на своем ломаном английском языке. Миссис Диккенс шлет сердечный и искренний привет Вам и миссис Чепмен, и я всегда...— впрочем, нет, не всегда, а только, если Вы перестанете говорить, будто Ваши письма слишком длинны или подобные чудовищные нелепости,

Ваш преданный друг.

119

ДОКТОРУ САУТВУДУ СМИТУ*

Девоншир-террас,
суббота, 22 октября 1842 г.

Сэр,

Я задумал одну экскурсию, в осуществлении которой, мне кажется, Вы могли бы мне помочь. Я хочу посетить самое унылое и неприглядное место побережья в Корнуолле; вместе с двумя товарищами я собираюсь выступить в четверг в направлении горы Сент-Майкл. Не знаете ли Вы сами либо от кого-нибудь из уполномоченных по копям еще какое-нибудь местечко, которое бы навевало тоску? И еще: не поможете ли Вы мне, покуда я буду в тех краях, получить доступ в шахту?

Я бы должен просить прощения за то, что беспокою Вас, но почему-то я этого не делаю — причем, по Вашей вине, а не по своей,— поверьте, всегда преданный Вам друг.

120

МИСС КУТС*

Девоншир-террас,
12 ноября 1842 г.

Дорогая мисс Кутс,

Ваша любезная записка застала меня в муках обдумывания плана новой книги; находясь в этом чудовищном состоянии, я обычно мечусь по всему дому и в отчаянии хлопаю себя ладонью по лбу и бываю так сердит и зол, что самые дерзкие бегут меня, и даже почтальон стучится в дверь деликатно, а мои издатели не решаются являться

ко мне иначе, как вдвоем, опасаясь, что я могу напасть на них поодиночке и учинить над ними кровавую расправу.

Боюсь, что, если бы я явился к Вам в подобном состоянии, Вы самое большее через два часа постарались бы избавиться от меня; впрочем, в своем желании воспользоваться Вашим милым приглашением, я пошел бы даже на такой позор, если бы у меня не было необходимости все время быть наготове. Когда начинаешь новый труд, который должен занять двадцать месяцев, столько мелочей требуют личного вмешательства, что приходится быть начеку постоянно. И, кроме шуток, я думаю, что если бы я не запирался у себя в комнате и с мрачным упорством не просиживал в ней несколько дней кряду, прежде чем выжать из себя хоть единое слово, я бы так никогда и не начал бы книги.

По этим-то причинам я вынужден быть решительным и добродетельным и лишить себя, а также миссис Диккенс, огромного удовольствия, которое Вы нам предложили. Я отвечаю на Ваше письмо только теперь оттого, что ввиду большого соблазна я в самом деле колебался до последней минуты. Однако с каждым днем я все больше чувствую необходимость принуждать себя, в надежде что на почве этого угрюмого одиночества вдруг вырастет нечто смешное или хотя бы некое подобие смешного.

Если к тому времени, когда я напишу свой первый выпуск (после чего у меня обычно все идет как по маслу), Вы еще не покинете эту свою обитель, мы с большим удовольствием проведем у Вас дня два. А пока миссис Диккенс просит присовокупить ее сердечный поклон к моему и передать, что она с благодарностью воспользовалась бы Вашей ложей в любой вечер, когда играет мисс Кембл. Я же остаюсь, дорогая мисс Кутс, благодарным и преданным Вам...

121

ФОРСТЕРУ

25 ноября 1842 г.

...Пьеса Браунинга * повергла меня в неистовство печали. Отрицать, что в ней все прекрасно, верно, глубоко трогательно, исполнено высокого чувства, искренности,

задевает самые нежные струны,— это отрицать, что солнце излучает свет, что кровь наша горяча. В пьесе все сверкает талантом, мысли в ней величавы и естественны, она глубока и вместе с тем чарует мужественной простотой. Ничего более трогательного мне никогда не попадалось, ни в одной книге я не встречал ничего равного по силе этой повторяющейся реплике Милдред: «Я была так молода — я росла без матери». Ничего равного по любви, по страсти, по великолепию замысла и исполнению я не видел никогда. И клянусь, что это трагедия, которую *необходимо* поставить на сцене; больше того, в ней должен играть Макриди. Если бы мне дали волю, я бы внес кое-какие поправки (совсем немного, полстрочки там и сям); и я, конечно, заставил бы старого слугу *начать свой рассказ на сцене;* и чтобы хозяин либо схватил его за глотку, либо бросился на него (со шпагой) в самом начале рассказа. Но я никогда не забуду этой трагедии и всегда буду помнить ее с той же ясностью, как сейчас. И если Вы решитесь сказать Браунингу, что я ее читал, передайте ему мое глубокое убеждение, что среди живых нет никого (а среди мертвых очень мало), кто бы мог создать подобную вещь.

Макриди очень нравится переделанный пролог...

122

К. К. ФЕЛТОНУ

Лондон, Девоншир-террас, 1,
Йорк-гейт, Риджент-парк.
31 декабря 1842 г.

Дорогой Фелтон, поздравляю вас всех с Новым годом и желаю много, много счастья! Желаю в новом году столько счастливых детишек, сколько вы сами хотите (не больше!), и столько счастливых встреч для наших детей и для нас самих, сколько благосклонной судьбе будет угодно подарить нам.

Книга об Америке (начнем с нее) завоевала самый полный и несомненный успех. Уже распродано четыре издания, и не только распродано, но и авторский гонорар мне полностью выплачен. Все, кроме нашего друга из Ф... (это несчастнейшее существо, человек, обманувшийся во

всех своих ожиданиях и впавший в ужасную нищету, к которому я всегда был так внимателен и добр,— вряд ли нужно вспоминать об этом) и еще одного друга из Б..., которым является прославленный джентльмен по имени <...>, написавший <...>, высказали самые благоприятные отзывы о моей книге. Впрочем, эти двое не причинили мне никакого вреда и не достигли поставленной цели досадить мне. Сейчас я совершенно свободен от того нездорового любопытства, которое заставляет людей читать подобного рода сочинения, и совершенно игнорирую их, даже если знаю о их существовании. Поэтому я всегда считаю себя победителем (согласны ли Вы со мной?). А что касается Ваших рабовладельцев, пусть их кричат, что Диккенс лжец, пока от злости не станут чернее своих собственных рабов. Диккенс пишет вовсе не для того, чтобы сделать им приятное, Диккенс не доставит им радости, унизившись до каких-либо объяснений.

Диккенсу не хуже их известны названия и даты всех газет, в которых появляются статьи о нем, но он и не подумает написать ни единого слова в ответ на них до самого Судного дня...

Я много работаю над своей новой книгой, первая часть которой уже вышла в свет. Благоденствующие и процветающие за счет ближнего братья Пол Джонс, несомненно, дадут Вам возможность прочесть ее, как только Вы получите это письмо. Надеюсь, книга Вам понравится. Я прошу Вас, дорогой Фелтон, с особенным вниманием отнестись к мистеру Пекснифу и его дочерям, потому что они вызывают у меня большую симпатию.

Клянусь блеском утренней звезды, мы совершили чудесную поездку в Корнуолл после отъезда Лонгфелло. «Мы» — это означает Форстер, Маклиз, Стэнфилд (известный художник-маринист) и Ваш неподражаемый Боз. До Девоншира мы добрались по железной дороге, а потом наняли в гостинице (как и положено патриотам, неукоснительно следующим традициям мистера Пиквика) открытый экипаж и поехали дальше на почтовых лошадях. То мы ехали только днем, то только ночью, а иногда и день и ночь без передышки. Я ведал всеми нашими расходами, заказывал обеды, платил дорожные пошлины, вел юмористические переговоры с форейторами и регулировал ско-

рость, с которой совершалось наше путешествие. Стэнфилд (старый морской волк) обращался за помощью к огромной карте всякий раз, когда у нас возникали разногласия. Мало того, он тогда доставал карманный компас и прочие сложные инструменты! На Форстера была возложена забота о багаже, а Маклиз, которому нечего было делать, пел все время песни. Боже правый, если б Вы только видели, какое великое множество бутылочных горлышек самой разнообразной формы выглядывало из нашего экипажа, волнуя душу!..

...Книга, которую я просил Лонгфелло передать Вам, не заслуживает того, чтобы ее посылали одну,— ведь это всего лишь «Барнеби». Но я постараюсь найти для Вас какую-нибудь рукопись (по-моему, у меня целиком сохранилась рукопись «Американских заметок»), чтобы посылка оказалась достойной того расстояния, что ей придется преодолеть. Что касается картин Маклиза, Вы совершенно правы в своей оценке, но он сам такой «непоследовательный малый» (как он себя называет) и творчество его так неровно и неожиданно, что мне, право же, трудно коротко охарактеризовать общую направленность его работ. В следующем письме я попытаюсь сделать это еще раз. Мне очень хотелось бы узнать о... и об этой очаровательной девушке. Напишите мне обо всех подробно. Пожалуйста, передайте мой самый сердечный привет Самнеру и скажите, что я благодарю его за любезное приглашение. Я прошу Вас, дорогой Фелтон, передать мои искренние пожелания Хилларду и его жене, с которой я однажды вечером беседовал и чьих слов я долго не забуду, Вашингтону Элстону * и всем друзьям, которые помнят меня и пережили мою книгу...

Искренне Ваш.

123

У. ТЕККЕРЕЮ

Девоншир-террас,
26 января 1843 г.

Мой дорогой Теккерей, я ездил на несколько дней в Бат. Не забывайте, что я жду Вас к обеду в воскресенье, ровно в шесть. Будут одни свои.

Преданный Вам.

124

ДОКТОРУ САУТВУДУ СМИТУ

Девоншир-террас,
1 февраля 1843 г.

Мой дорогой доктор Смит,

Я прочитал прилагаемое с большой болью и с ощущением, что все это — совершенная правда.

Боюсь, однако, что не могу взяться за это дело. Во-первых и главным образом потому, что я занят по горло своей работой, преследующей те же цели, но иными средствами. А во-вторых, оттого, что вопрос этот затрагивает большую часть населения нашей страны. И я очень боюсь, что, пока правительства не сделаются честными, парламенты — чистыми, пока на свете не станут меньше прислушиваться к сильным мира сего и больше — к малым, при существующей ныне оплате труда ограничивать рабочий день, несмотря на всю его чудовищность, было бы еще большей жестокостью. Кругом такая нужда, такие тяжелые условия жизни, так свирепствует бедность — словом, миллионы людей с таким трудом сводят концы с концами, что я, право, не знаю, как можно мешать им заработать лишний полупенсовик в неделю. Необходимость все изменить в корне я вижу ясно; вместе с тем у меня не поднялась бы рука сократить заработки какой-либо семьи, когда средства к существованию у нее так скудны и неопределенны.

Я буду рад познакомиться с материалами и получить возможность изучить их. Я думаю, что они не упадут на каменистую почву, если Вы пришлете их мне.

Всегда преданный Вам.

125

ХЕБЛОТУ БРАУНУ

<1843>

...(2-я тема). Если в первой теме поселок Эдем показан на бумаге, то во второй мы его видим таким, каким он оказался в действительности. Мартин и Марк изображены обитателями жалкой бревенчатой лачуги (для образца можете посмотреть виньетку, которую принесли

Чепмен и Холл), стоящей на плоской-плоской равнине в жалком болотистом лесочке с низкорослыми деревцами в различных стадиях загнивания, на берегу мутной речушки, которая протекает у самых дверей; кругом, разбросанные там и сям меж деревьев, стоят не менее убогие лачуги и на самой развалившейся и запущенной из них красуется надпись: «Банк и Национальная кредитная контора». На улице перед домом, в соответствии с местным обычаем, стоит грубо сколоченный шкафчик, уставленный всяческой утварью — чайником, кастрюлей и тому подобным, все весьма непритязательное. На доме, рядом с дверью, прибита написанная от руки вывеска: «Чезлвит и К°, архитекторы и землемеры», а перед хижиной, на колоде, напоминающей плаху, лежат инструменты Мартина — два-три заржавленных циркуля и т. д. На трехногом табурете подле этого пня сидит, подпершись рукой, Мартин, без пиджака, обросший и нечесаный — картина отчаяния,— и глядит на реку с одной мыслью, что она течет в направлении к родине. Между тем мистер Тэпли, увязнув по колени в грязи и траве и готовясь своим топориком свершить какой-то совершенно невозможный подвиг, повернул к нему свое лицо, полное неистребимой жизнерадостности, и заявляет, что ему очень весело. Марк — единственное светлое пятно в пейзаже. Все остальное — скучно, убого, омерзительно, зловонно и совершенно безнадежно. Кругом болезни, голод, запустение. День чрезвычайно жаркий, и все полураздеты...

126

К. К. ФЕЛТОНУ

Лондон, Девоншир-террас, 1,
Йорк-гейт, Риджент-парк,
2 марта 1843 г.

Мой дорогой Фелтон,

Не знаю, с чего начать, поэтому бросаюсь вниз головой в это письмо, со страшным плеском, в надежде, что вынесет.

Ура! Всплыл, как пробка, с «Норт Американ Ревью» в руке. Достойно вас, мой дорогой! Большей похвалы я не могу высказать, даже если стану Вас расхваливать до конца этой страницы. Вы и представить себе не можете впечатления, которое произвела Ваша статья здесь.

На днях заезжал Бругам с номером журнала (полагая, что я еще не видел его) и, не заставши меня, оставил записку, в которой говорится и о статье и об авторе ее в таком тоне, что у меня сердце порадовалось. Лорд Эшбертон (чей ставленник давал заметку в «Эдинбургское обозрение», от которой они впоследствии отреклись) тоже писал мне, и в том же духе. Были также и многие другие.

Я чувствую себя превосходно и в смысле здоровья, и в смысле настроения, изо всех сил дую «Чезлвита», и мне все время приходят в голову всякие смешные вещи. Что касается новостей, у меня их, право, нет, если не считать, что Форстер пролежал с ревматизмом несколько недель и теперь, как я надеюсь, поправляется. Мой маленький капитан, как я его называю — тот, с которым я плыл и с которым у меня произошел известный эпизод с пробковыми подметками,— побывал тоже в Лондоне и под моей эгидой познакомился со всеми достопримечательностями. Боже мой! Если б Вы видели этих людей с лицами цвета красного дерева, тоже капитанов, которые с утра приходили сюда за ним и умыкали его к докам, рекам и в другие таинственные места, из которых он неизменно возвращался с глазами, полными слезинок рома пополам с водой и сложнейшим благоуханием разнообразнейших пуншей на устах! Он лучше всякого театра — у него удивительная манера повязывать носовой платок на шею от радостного смущения и потом забывать, куда он девался; еще он любит напевать песенки на мотивы, им не принадлежащие, давать сухопутным предметам морские наименования и никогда не знать, который час, так что в полночь он может вдруг вздумать, что всего лишь семь часов вечера. Словом, чудачеств у моряка хоть отбавляй, и в каждом из них чувствуется мужественность, честность и добродушие. Мы водили его на «Много шума из ничего» в Друри-Лейн. Но я так и не понял, что побудило его после того, как он с напряженнейшим вниманием следил за первыми двумя явлениями, вдруг повернуться к нам и спросить, «не польская ли эта пьеса»...

Четвертого апреля я должен председательствовать на торжественном банкете в пользу типографских работников, и если б Вы сидели за этим столом, как бы я похлопал Вас по плечу — еще сильнее, чем я хлопнул Вашинг-

тона Ирвинга по его драгоценной спине в Сити-отеле в Нью-Йорке!

Вы меня спрашиваете (как мне нравится говорить: «спрашиваете», словно мы в самом деле сидим и разговариваем друг с другом!) — о Маклизе. Он так непоследователен, его сильное искусство так эксцентрично, что, делая мысленно смотр его картинам, я даже не могу сказать Вам о его направлении в целом. Впрочем, ежегодная выставка Королевской академии состоится в мае, и тогда я постараюсь дать Вам представление о нем. Это необыкновенное существо, и от него можно ожидать чего угодно. Но, как все необыкновенные существа, он следует собственным путем и проламывает самые неожиданные бреши в стене условностей.

Вы, наверно, знаете книгу Хоуна *. Ах! Я наблюдал сцену на его похоронах, несколько недель назад, в которой комичное так перемешалось с торжественным, что до сих пор, если я вдруг вспомню о ней за обедом, я начинаю давиться. Мы с Крукшенком отправились на похороны, а так как бедняга Хоун проживал в пяти милях от города, я повез Крукшенка в своей карете. День выдался такой, какой из уважения к матушке-природе, я надеюсь, бывает только в наших местах: грязный, туманный, мокрый, темный, холодный и невообразимо унылый во всех отношениях. Надо сказать, что Крукшенк обладает парой огромнейших бакенбард, которые в такую погоду стелются вдоль его шеи и торчат наподобие разоренного птичьего гнезда. Крукшенк и в нормальном состоянии смахивает на чудака, но промокший до нитки, не знающий, то ли ему веселиться (а со мной он всегда очень веселый), то ли погрузиться в важную сосредоточенность (как-никак на похороны едем!), совершенно неотразим; при этом он роняет замечания самого диковинного свойства, без какого бы то ни было поползновения на остроумие,— напротив, с некоторой претензией на глубокомыслие. Я всю дорогу плакал настоящими слезами от невыносимого ощущения его комичности; но когда гробовщик (Крукшенк, у которого на глазах были слезы, ибо Хоун в самом деле был старинным его приятелем, шепнул, что этот гробовщик — «тип» и что «надо бы с него набросок сделать»),— когда гробовщик напялил на него длинный черный плащ и прицепил

ему на шляпу длиннющую черную ленту, я боялся, что мне придется выйти. Мы прошли в небольшую комнатушку, где собрались друзья и близкие, и там было достаточно грустно, ибо в одном уголке горько плакала вдова с детьми, а в другом равнодушно беседовали о своих делах наемные плакальщики, которым до покойного было не больше дела, чем похоронным дрогам; такого душераздирающего контраста мне не доводилось видеть. Бывший тут же англиканский священник, со своими белыми лентами и Библией под мышкой, обратился к Крукшенку и громким, отчетливым голосом произнес:

— Мистер Крукшенк, читали ли Вы заметочку о нашем покойном друге, которая проникла в сегодняшние утренние газеты?

— Да, сэр,— отвечает Крукшенк,— читал.

А сам смотрит на меня в упор, так как по дороге сюда он мне как раз, не без гордости, признался, что является автором этого сочинения.

— В таком случае,— сказал священник,— вы, верно, согласитесь со мной, мистер Крукшенк, что в ней нанесено оскорбление не только мне, который является слугой всевышнего, но и самому всевышнему, чьим слугой я являюсь.

— Каким образом, сэр? — вопрошает Крукшенк.

— В заметке сказано, мистер Крукшенк,— отвечает священник,— что после того, как мистер Хоун потерпел неудачу в качестве книготорговца, я будто бы уговаривал его испробовать свои силы на духовном поприще,— заявление лживое, не соответствующее действительности, нехристианское, в некотором смысле кощунственное и во всех отношениях подлое. Помолимся!

И с этими словами, мой дорогой Фелтон, не переведя даже духа, ей-ей! — он преклонил колена, как все мы, и стал читать довольно сумбурную импровизированную молитву. Я был весь пропитан неподдельной жалостью к семье покойного, но когда Крукшенк (на коленях и всхлипывая по поводу утраты старого друга) шепнул мне, что «если бы тот не был священником и мы были бы не на похоронах, он дал бы ему по башке», я почувствовал, что у меня вот-вот сделаются судороги...

Всегда Ваш, мой дорогой Фелтон.

127

ДОКТОРУ САУТВУДУ СМИТУ

Девоншир-террас,
6 марта 1843 г.

Мой дорогой доктор Смит,

Я посылал к Вам, чтобы просить Вас зайти ко мне, если Вы будете сегодня в санатории. Вот в чем дело.

Я так потрясен Синей Книгой *, которую Вы мне прислали, что подумываю (как только закончу свой месячный урок) написать и как можно дешевле издать брошюру под названием «Обращение к английскому народу в защиту бедных детей» — за собственной подписью, разумеется.

Я бы очень хотел посоветоваться с Вами по этому вопросу и выслушать все Ваши соображения. Нельзя ли мне зайти к Вам как-нибудь вечерком, в ближайшие, скажем, десять дней? В какое время легче всего Вас застать? Я тороплюсь, но и в спешке остаюсь Вашим преданным другом.

128

ДОКТОРУ С. СМИТУ

Девоншир-террас,
10 марта 1843 г.

Мой дорогой доктор Смит,

Не пугайтесь, но с тех пор, как я Вам писал, возникли причины, вследствие которых мне придется отложить писание задуманной брошюры на конец года. Я не могу сейчас говорить об этих причинах подробнее. Но уверен, что когда Вы узнаете, каковы они, и увидите, где, что и как я делаю, то убедитесь, что удар, который я готовлюсь нанести, будет ударом парового молота, и в двадцать, нет, в двадцать тысяч раз сильнее, чем если бы я следовал своему первоначальному замыслу. Всего лишь несколько дней назад, когда я писал Вам, я еще не думал о средствах, которые пущу в ход, если будет на то воля божья. Теперь же я подумал о них и рассчитываю их употребить, как Вы убедитесь в свое время. Если Вы не раздумали повидаться со мной с глазу на глаз, как мы предполагали, и переговорить обо всем, я напишу Вам, как только разделаюсь с работой, которую надо сдавать в этом месяце.

Всегда преданный Вам.

129

ТЕННИСОНУ*

Девоншир-террас, 1
<март 1843 г.>

Мой дорогой Теннисон,

Во имя любви, которую я испытываю к Вам, как к человеку, чьи творения своей Правдой и Красотой пленяют мое сердце и все мое существо, найдите, пожалуйста, место для этих книг у себя на полке. Поверьте, у Вас нет более искреннего и горячего почитателя, чем

Ваш преданный и благодарный друг.

130

ЧАРЛЬЗУ БАББЕДЖУ* (МАТЕМАТИКУ)

Девоншир-террас,
27 апреля 1843 г.

Сэр,

В ответ на Вашу вчерашнюю записку пишу Вам конфиденциально: из содержания моего письма Вы поймете почему.

Вы могли решить, увидев мою подпись под опубликованным письмом, которое Вы получили, что я поддерживаю идею о создании предлагаемого общества. Я же решительно против этой идеи *. Я был там в тот день, когда меня уговорили председательствовать, и открыл собрание заявлением, что теоретически я одобряю этот проект, в то время как практически считаю его безнадежным. Могу сказать Вам — им я этого не говорил,— что природа самого собрания, характер и положение большинства его участников таковы, что, глядя на них, я словно слышу трубный глас, возвещающий: «Неудача!» Перефразируя Теннисона, я могу сказать, что, даже если бы это было самым превосходным обществом на свете, грубость отдельных его членов помешала бы ему воспарить*.

Если принимать Ваши мудрые замечания, высказанные в записке, которую Вы мне прислали, как теоретические положения, то я с ними всецело согласен. На практике же я убежден, что современную издательскую систему невозможно изменить, пока не переменятся сами

писатели. Первый шаг, который следовало бы предпринять,— это поднять всем сообща вопрос об авторском праве, усилить существующие законы на этот счет и пытаться добиться лучших. Я считаю, что для этого писатели должны объединиться с издателями, так как необходимо сообразоваться с делами, обычаями и интересами людей этой категории. Ко мне приходили издатели Лонгманы и Марри, предлагая именно такое сообщество. Я буду поддерживать их начинание. Что же касается общества на Кокспер-стрит, то, когда я познакомился с ним, убеждение мое в его непобедимой безнадежности сделалось таким твердым, словно небесная рука начертала его в Книге Судьбы.

Пребываю вечно Ваш.

131

МЕКВИ НЭПИРУ*

Бродстэрс,
16 сентября 1843 г.

Дорогой сэр,

В рекомендательном письме, которое вручил Вам мистер Гуд, я упомянул о том, что хотел бы предложить «Эдинбургскому обозрению» одну тему. Подойдет ли для журнала решительное выступление против системы образования, строящейся исключительно на положениях англиканской церкви? Если да, то я был бы рад показать, почему ее катехизис никак не может побороть царящее ныне невежество; и почему лишь система, строящаяся на самой широкой веротерпимости, может соответствовать нуждам и пониманию опасных классов общества. Только такой широкий подход к решению этого вопроса совместим с моими взглядами на образование. Взявшись за эту тему, я мог бы попутно описать благотворительные учебные заведения — так называемые «школы для нищих», которые сейчас появились в Лондоне, а также тюремные школы, и вскрыть вопиющее невежество, царящее в подобных местах. Все это может составить весьма острую картину, особенно если учесть, что в настоящее время все усилия направлены на сбор средств для поддержания

только церковного образования. Я мог бы показать, как самая природа этих людей, обреченных на нищету, забытых обществом, восстает даже против простейшей религии, так что научить их хотя бы в самой общей форме различать добро и зло значило бы разрешить труднейшую задачу, ради которой следует оставить все распри из-за форм и таинств. Не будет ли это слишком остро для «Обозрения»?

Искренне Ваш.

132

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

1 ноября 1843 г.

...Пусть Вас не пугает новизна и размах моего замысла. Я сам было испугался сначала, но теперь глубоко убежден в его своевременности и разумности. Я опасаюсь журнала — пока. По-моему, ни время, ни обстановка ему не благоприятствуют. Боюсь, что после такой книги, как «Чезлвит», которая взяла у меня столько сил, может показаться, будто я пишу слишком много и кое-как, ради дневного пропитания. Боюсь, что не сумею с честью выдержать такое испытание. Что ни говорите, я знаю, что новый журнал — да и любое новое предприятие — целиком ляжет на мои плечи, и мне волей-неволей придется (как это было с «Часами») отдать ему, по обыкновению, все силы. Я боюсь намерения Брэдбери и Эванса поспешить с дешевым изданием всех моих книг или даже какой-нибудь одной из них — это предприятие может оказаться преждевременным. Я убежден, что такое издание в ближайшие месяцы принесет неисчислимый вред и мне и моему материальному положению. Вполне естественно, что издатели питают такое намерение, но раз дело обстоит так, я не сомневаюсь, что они смотрят на меня сейчас только как на партнера в деловом предприятии. Я вижу, что и Вы такого же мнения, но я не вижу смысла в таком случае рвать с Чепменом и Холлом. Если бы я заработал достаточно, то, несомненно, скрылся бы на год с глаз публики, чтобы обогатить запас своих наблюдений и сведений, чтобы увидеть незнакомые мне страны — это для меня совершенно необходимо, а если не отправиться в путешествие сейчас, мне

уже вряд ли доведется его совершить, так как моя семья все увеличивается. Я уже давно лелею это намерение, и хотя еще не заработал необходимых денег, все же могу — или, по крайней мере, мне так кажется — наконец осуществить его. Вот каков мой план. После того как «Чезлвит» выйдет полностью (к этому времени долг значительно уменьшится), я собираюсь забрать у Чепмена и Холла мою долю — векселями или наличными, большой разницы не составит. Я намерен заявить им, что в ближайший год ничего писать не стану и что пока ни с кем не буду входить в деловые переговоры — и наши деловые отношения останутся в прежнем положении. То же самое с Брэдбери и Эвансом. Я сдам дом, если сумею, или поручу заняться этим агенту. Затем я заберу всю свою семью и двух — ну, самое большее трех слуг,— куда-нибудь в Нормандию или Бретань, побывав там заранее и сняв на шесть — восемь месяцев дом в каком-нибудь местечке с хорошим климатом, а главное — дешевом. За эти шесть — восемь месяцев я пройдусь пешком по Швейцарии, перевалю через Альпы, объеду Францию и Италию (Кэт я, быть может, возьму с собой в Рим и Венецию, но и только) — и, короче говоря, увижу все, что стоит увидеть. Время от времени я буду посылать Вам свои впечатления, как в дни моей поездки по Америке, и Вы сами сможете решить, годятся ли они как основа для новой интересной книги. В то же время я смогу заняться задуманным романом, который, как я склонен думать, было бы выгодней напечатать сначала в Париже,— но об этом поговорим отдельно. Но, конечно, я еще не решил, за что взяться раньше: за эту книгу путешествий или за роман. «Все это очень мило,— скажете Вы,— при том, однако, условии, что у вас найдутся для этого деньги». Что ж, если мне удастся раздобыть необходимую сумму, никак себя не связав, без процентов и не давая никаких обеспечений, кроме полиса страхового общества «Орел» на пять тысяч фунтов, то Вы откажетесь от этого возражения. И я буду свободен от обязательств по отношению к книгопродавцам, типографщикам, ростовщикам, банкирам или меценатам, а также сохраню доброе отношение моих читателей, вместо того чтобы мало-помалу его терять, как это неизбежно произойдет в любом другом случае. Вы согласны

со мной? И ведь это наиболее приемлемый и удачный для меня выход. Насколько я могу понять, Вы сами не считаете, что первый мой план был удачным выходом из подобного положения? Я, как и предупреждал, изложил Вам свои намерения очень сбивчиво. Отдаю себе отчет в недостатках моего нового плана, которые в какой-то степени уравновешивают его преимущества, необходимость расстаться с Англией, с домом, с друзьями,— но в столь критическое время это представляется мне единственно правильным решением. Да будет благословен мистер Маристти, учивший меня итальянскому языку, вместе со своим учеником!.. Если у Вас еще остались силы, сообщите Топпингу *, как у Вас дела.

133

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

2 ноября 1843 г.

...Я ждал, что Вы удивитесь. Если я и сам изумился, когда этот план поездки пришел мне в голову много месяцев назад, то насколько же больше должен он был поразить Вас, когда Вы получили его лишь через несколько часов после его завершения! Все же я полон решимости выполнить его — твердой решимости. Я убежден, что за границей мои расходы сократятся вдвое, а перемена обстановки окажет на меня огромное влияние. Вы не хуже меня знаете, что, на мой взгляд, «Чезлвит» в сто раз лучше любого из остальных моих романов. Что я сейчас чувствую свою силу, как никогда раньше. Что я уверен в себе, как никогда раньше. Что я твердо убежден в следующем: если только мое здоровье позволит, я смогу удержать уважение мыслящих людей, хотя бы завтра появилось пятьдесят новых писателей. Но сколько читателей не умеет мыслить! Сколь многие из них принимают на веру утверждения негодяев и идиотов, будто писатель, который пишет быстро, обязательно губит свою вещь. Как холодно принимали эту самую книгу в течение стольких месяцев, прежде чем она завоевала себе признание, так и не завоевав покупателей! Если бы я писал для сорока тысяч Форстеров или для сорока тысяч людей, понимаю-

щих, что я не могу не писать, мне незачем было бы уходить со сцены. Но именно эта книга и предостерегает меня: если я все-таки в силах на время перестать писать, мне надо это сделать — мне необходимо это сделать. Однако и помимо этого я чувствую, что долгий отдых будет мне полезен. Вы говорите, что достаточно было бы двух-трех месяцев, но просто Вы за восемь лет привыкли, что я обхожусь без отдыха. Двух месяцев мало. Нельзя вечно так перенапрягать свой мозг. Этот труд после его завершения всегда вызывает тяжелую гнетущую апатию, и для умственных способностей не может не быть вредным такое постоянное и редко прерывающееся напряжение. Чего бы не дал бедняга Скотт, чтобы только иметь возможность побывать за границей в молодости, вместо того чтобы дряхлым старцем бессмысленно переезжать там с места на место! Я же написал Вам — предвосхищая Ваш вопрос,— что нужно решить только одно: с чего мне начать. Путевые заметки, если уж я решу ими заняться, не причинят мне больших хлопот, но их опубликование сможет покрыть большую часть моих расходов. Мы уже обсудили, как быть с малышом *,—о нем позаботится Кэтрин. Переезд детей во Францию при всех обстоятельствах будет им только полезен. И вопрос заключается в том, как он скажется на их средствах к существованию, а не на них самих... Я забыл об этом пункте в переговорах с Б. и Э., но они, во всяком случае, предлагают переиздать все мои книги или хотя бы часть из них — и тогда, как Вы указываете, я, само собой, смогу получить то, что мне нужно. Таким образом, с моей точки зрения, все превращается в простую сделку, на которую и надо смотреть только так. А если это — моя сделка с ними, или с кем-нибудь другим, или с читателями, то разве через год я не буду в лучшем положении, чем сейчас, раз за этот срок я смогу увидеть столько нового? Причина, которая заставляет Вас отнестись к этому плану с неприязнью— столь долгая разлука,— полагаю, так же тяжела и для меня. Я не думаю, что он принесет мне много радости, если откинуть естественное желание самому побывать во всех этих прославленных местах. Для меня эта поездка теперь — вопрос политики и долга. У меня есть еще тысячи причин — но мы скоро увидимся...

134

НЕИЗВЕСТНОМУ

Девоншир-террас,
2 ноября 1843 г.

Дорогой сэр!

То, о чем Вы мне сообщили, ужасно и отвратительно. О, если бы я мог добраться до родительского сердца N, я бы так отделал этого субъекта, что он не знал бы, куда скрыться. Но если бы я вывел в моей книге такого отца, как он, все ныне живущие отцы (и особенно скверные) воздели бы руки к небу и с негодованием отвергли бы столь неестественную карикатуру. Очень многие (и особенно те, кто мог бы послужить ему прототипом) считают даже мистера Пекснифа невероятным гротеском; а миссис Никльби, усевшись собственной персоной напротив меня во вполне реальное кресло, как-то спросила, неужели я верю, что может существовать подобная женщина.

Точно так же N, читая о себе самом, отказывался поверить в Джонаса Чезлвита. «Мне нравится Оливер Твист,— говорил N,— так как я люблю детей. Но вся книга очень неестественна. Ну кто бы стал нарочно мучить бедного маленького Оливера!»

Тем не менее я не забуду этого негодяя и если смогу нанести ему такой удар в переносицу, чтобы он зашатался куда сильнее, чем мы с Вами шатались в нынешний сочельник под объединенным влиянием пунша и индейки,— я не премину это сделать.

Сердечно благодарю Вас за Вашу записку. Извините, что пишу Вам на таком клочке. Я думал, что это целый лист, пока его не перевернул.

Остаюсь, мой дорогой сэр,
искренне Ваш.

135

ДЖОНУ ДИЛЛОНУ

Девоншир-террас,
3 февраля 1844 г.

Дорогой сэр!

Нет, Вы не ошиблись, полагая — и, надеюсь, чувствуя в этом глубокую уверенность,— что Ваша похвала моей книжке глубоко проникнет в мое сердце и наполнит его

грустной радостью. Ничто не могло бы тронуть меня больше. Самые громкие возгласы одобрения стоят для меня меньше самого тихого шепота, если он раздался в таком доме, как Ваш... Ваше письмо навсегда останется для меня драгоценным. Я благодарю бога за великую честь говорить с сердцами тех, кого коснулось такое горе, как Ваше, и от всей души благодарю Вас за это ободрение...

136

МИССИС ДИККЕНС

26 февраля 1844 г.

Дело Диккенса против всего света.

Чарльз Диккенс, проживающий в доме № 1 по Девоншир-террас, Йорк-гейт, Риджент-парк, графство Миддлсекс, джентльмен, выигравший вышеуказанное дело, под присягой заявляет, что в указанный день и месяц, а именно в семь часов вечера, он, вышеозначенный заявитель, занял председательское место в многолюдном собрании в школе для рабочих в Ливерпуле, и, будучи встречен оглушительными и восторженными рукоплесканиями, он, вышеозначенный заявитель, немедленно начал энергичную, блестящую, шутливую, патетическую, красноречивую, пылкую и страстную речь. Что вышеуказанную речь тысяча триста человек оживляли частыми, бурными и оглушительными возгласами одобрения, и, насколько известно вышеозначенному заявителю, он, заявитель, говорил, как подобает мужчине, и, насколько ему, вышеозначенному заявителю, известно, немало отличился. Что после того, как завершилась эта процедура и было предложено поблагодарить вышеозначенного заявителя, он, заявитель, вновь отличился, и что возгласы одобрения, на этот раз сопровождаемые хлопаньем в ладоши и топаньем ног, были по адресу вышеозначенного заявителя оглушительными и ужасными. И означенный заявитель далее заявил, что его черно-белый или сорочий жилет действительно вызвал сенсацию, и в часы прогулок названный заявитель слышал от окружавших его лиц возгласы вроде:

«Что это? Да неужто жилет? Да нет, рубашка»,— и тому подобное, возгласы, которые, по мнению вышеозначенного заявителя, были все одобрительными и похвальными, но означенный заявитель далее заявил, что идет сейчас ужинать и надеется, что у него достанет аппетита этот ужин съесть.

Чарльз Диккенс

Заявлено под присягой в моем присутствии в гостинице Адельфи, Ливерпуль, 26 февраля 1844 года.

С. Рэдли *

137

Т. Дж. ТОМПСОНУ

Бруммагем *,
вечер среды, 28 февраля (1844 г.),
половина десятого.

Дорогой Томпсон!

Более внимательных и деликатных людей, чем те, с которыми я встретился тут, я нигде не встречал. Предложив мне все гостеприимство, какое только могли, они, после того как я с благодарностью от всего отказался, с истинным благородством позволили мне отдыхать на мой лад. В ратуше они оберегали меня от назойливости любопытных, затем проводили сюда и оставили наедине с ужином (который уже стоит на столе), как прежде оставили наедине с обедом.

Жаль, что Вы не могли приехать. Это было поистине великолепное зрелище. Ратуша была набита битком — и вмещала, я полагаю, не менее двух тысяч. Дамы присутствовали в парадных туалетах и во внушительном количестве; а когда появился Дик, все поднялись со своих мест и юбки зашуршали, как сухие листья. Чер... даковски внушительно это было, и несколько ошеломительно (особенно после немалого количества «Сэра Роджера» * и коньяка с водой), но Дик с львиным мужеством ринулся в бой и произнес речь, лучше которой мне еще не приходилось слышать из его уст. Да, сэр, он был шутлив, патетичен, красноречив, прост, выразителен и умен — во всем умен. Он чрезвычайно эффектно вставил фразу о джине, заключенном в шкатулку, и раздались такие аплодисменты, что

даже эхо ответило — тоже аплодисментами. Он очень нервничал, когда приехал в Бирмингем, но когда он произносил речь, у него даже не участился пульс. Никогда еще ни у одного оратора не было таких внимательных и чутких слушателей.

Дамы убрали весь зал (а вы знаете, как он огромен) гирляндами искусственных цветов. А с хоров, прямо напротив того места, где стоял этот высокоодаренный юноша, свешивалась надпись (заметьте, тоже сплетенная из искусственных цветов): «Добро пожаловать, Боз!» — и каждая буква была в шесть футов величиной. Позади него по всему гигантскому органу были развешаны колоссальные транспаранты, представлявшие, как Слава в нескольких видах венчает равное число Диков — к чрезвычайному удовольствию Виктории (позволяя себе поэтическую вольность). Безусловно, это первое ее выступление в подобной роли.

Нет, я не стану подшучивать над мисс Уэлер *, ибо она слишком хороша для этого, и интерес к ней (это такое милое и возвышенное существо, что, боюсь, она обречена на безвременную смерть) превратился у меня в настоящую нежность. Боже мой! Каким безумцем сочли бы меня, если бы то невероятное чувство, которое внушила мне эта девушка, стало бы ясно всем и каждому!

Ну, что ж! В небесах есть, вероятно, много такого, и некоторые из нас попадут туда быстрее, чем мы предполагаем. Нет, я никогда не сумею стать благоразумным (но не как оратор), если только мне не удастся уговорить Хьютта привезти сюда бостонского льда и заморозить меня.

Когда поезд тронулся, я высунул голову из окна, задыхаясь от смеха, чтобы спросить: как, по-вашему, не был ли Смит вчера более похож на древнего римлянина, чем на датского дога — и не послужит ли это исчерпывающим описанием его античности? Но Вы были уже далеко, я был один — и пребывал в одиночестве до конца пути.

Пора ложиться. Здешняя хозяйка не слишком большая любительница чтения и называет меня «мистер Дигзон». Во всех других отношениях это хорошая гостиница.

Остаюсь, дорогой Томпсон,
всегда Ваш.

138

ДЖЕЙМСУ ВЕРРИ СТЕЙПЛСУ* В СОБСТВЕННЫЕ РУКИ

Девоншир-террас, 1,
Йорк-гейт, Риджент-парк,
3 апреля 1844 г.

Любезный сэр!

Ваше интереснейшее письмо доставило мне истинное удовольствие, и, уверяю Вас, я был бы счастлив поменяться с Вами местом, когда вы читали мою маленькую «Рождественскую песнь» окрестным беднякам.

Я верю в бедняков; насколько это было в моих силах, всегда стремился представить их богатыми в самом благоприятном свете и, надеюсь, до моего смертного часа буду ратовать за то, чтобы условия, в которых они живут, были несколько улучшены, чтобы они получили возможность стать настолько же счастливее и разумнее. Я упомянул об этом, чтобы уверить вас в двух вещах: что я, во-первых, стараюсь заслужить их внимание и что, во-вторых, те знаки их одобрения и доверия ко мне, о которых Вы сообщаете, чрезвычайно для меня лестны и трогают меня до глубины души.

Остаюсь искренне Ваш.

139

ЭБИНИЗЕРУ ДЖОНСУ*

Девоншир-террас, Йорк-гейт, Риджент-парк,
понедельник, 15 апреля 1844 г.

Любезный сэр!

Право, не могу понять, почему так долго не писал Вам, чтобы поблагодарить за Ваши стихи, которые Вы были так добры прислать мне. Однако я хорошо помню, как часто думал о том, чтобы написать Вам, и как упрекал себя за то, что не приводил эту мысль в исполнение.

Но уверяю Вас, к самим стихам я был куда более внимателен и прочел их с величайшим удовольствием. После первого знакомства они показались мне замечательно тонкими, живописными, исполненными воображения и ори-

гинальными. С тех пор я не раз их перечитывал, и ничто не испортило мне первого впечатления. Я очень польщен тем, что Вы вспомнили обо мне. Поверьте, я глубоко ценю Ваш талант и восхищаюсь им. Прошу Вас, примите мои наилучшие пожелания и искреннюю, хотя и запоздалую благодарность.

Остаюсь, любезный сэр, искренне Ваш.

140

КЛАРКСОНУ СТЭНФИЛДУ

Девоншир-террас,
30 апреля 1844 г.

Дорогой Стэнфилд!

Санаторий или лечебница для студентов, гувернанток, клерков, молодых художников и прочих лиц, которые слишком хороши для больниц и недостаточно богаты, чтобы лечиться у себя дома (ну, вы знаете его цель!), собирается дать обед в Лондонской гостинице во вторник пятого июня.

Комитет очень хотел бы, чтобы Вы согласились стать одним из распорядителей, так как Вы возглавляете столь многочисленную рать, и я уверил их, что Вы, конечно, не откажетесь. Распорядителям не полагается ни гонорара, ни какого-либо иного вознаграждения.

Они также хотели бы получить согласие мистера Этти * и Эдвина Ландсира *. Так как Вы ежедневно видитесь с ними в Академии, может быть, Вы поговорите с ними или покажете им эту записку? Несколько лет назад сэр Мартин * по моей просьбе стал членом комитета, так как он знакомил нуждающихся молодых художников в Лондоне с целями этого учреждения.

На этом обеде будет кое-какое новшество: дамы будут сидеть за одним столом с мужчинами, а не глядеть на них с галереи. Позвольте мне надеяться, что в Вашем ответе Вы не только изъявите свое согласие, но обещаете привезти и миссис Стэнфилд и Мэри. Надо полагать, что обед окажется очень интересным и веселым. Председательствует Дик. Пригласительные билеты: мужчины — ги-

ноя, дамы — двенадцать шиллингов. Кажется, я ничего не забыл, кроме того (что, впрочем, само собой разумеется), что я,

как всегда, остаюсь

любящий Вас.

141

ЧАРЛЬЗУ НАЙТУ*

Оснаберг-террас, 9,
4 июня 1844 г.

Дорогой сэр!

Разрешите поблагодарить Вас за оттиск Вашей статьи и за столь лестное упоминание обо мне. Я считаю, что тема выбрана чрезвычайно удачно, введение именно таково, каким оно должно быть, упоминание о вопросе международной охраны авторских прав весьма благородно и мужественно, а весь план представляет величайший интерес. Я уже ознакомился с Вашим проспектом и если смогу хоть чем-нибудь содействовать осуществлению замысла, столь тесно связанного с целью самой для меня дорогой — улучшением народного образования,— то буду этому очень рад. Примите искреннейшие пожелания успеха.

Остаюсь искренне Ваш.

142

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Альбаро,
август 1844 г.

...А один человек минут пятнадцать отвечал на тост в честь военного флота и успел сказать только: «Британский... военный... флот... глубоко ценит...», и эту замечательную мысль он повторял все вышеуказанные четверть часа, а потом сел на свое место. Робертсон рассказал мне также, что уилсоновские намеки на «пороки» Бернса — вернее было бы сказать, бесконечные пересуды — вызвали только одно чувство. После чего он весьма разумно добавил: «Черт возьми! Хотел бы я знать, что, собственно, Бернс сделал. Мне не приходилось слышать ни об одном

его поступке, который мог бы показаться странным или необъяснимым профессорскому уму». Короче говоря, он во всех подробностях подтвердил мнение Джеролда... Я прочел джеролдовскую «Историю пера», и получил большое удовольствие. Болезнь Гантвульфа и карьера табакерки сделаны мастерски. Я совсем ушел в «Плавания и путешествия» и в Дефо. Кроме того, вновь и вновь перечитываю Теннисона. До чего он хорош... А как насчет Гольдсмита? Кстати, мне страшно хочется написать повесть той же примерно длины, что и его восхитительнейший роман...

143

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Генуя,
30 сентября 1844 г.

...Я хочу рассказать, какой странный сон мне привиделся в прошлый понедельник и о тех обрывках реальности, из которых, насколько я могу судить, он сложился. У меня был приступ ревматических болей в спине, и всю эту ночь я почти не спал — меня все время как будто стягивал раскаленный пояс. Наконец я все-таки заснул и увидел этот сон. Заметьте, на всем его протяжении я был так же реален, одушевлен и полон страсти, как Макриди (дай ему бог счастья!) в последней сцене «Макбета». В каком-то смутном месте,— впрочем, весьма величественном,— меня посетил некий дух. Лица его я не разглядел и, кажется, не слишком-то стремился разглядеть. На нем была синяя мантия, словно у рафаэлевской мадонны, и никого из моих знакомых он не напоминал — только осанкой. Мне кажется (впрочем, я не уверен), что голос его я узнал. Как бы то ни было, я знал, что передо мной дух бедняжки Мэри. Я нисколько не испугался,— напротив, я в восторге, проливая слезы радости, простер к ней руки и позвал ее: «Милая!» Тут мне показалось, что она отшатнулась, и я сразу почувствовал, что не должен столь фамильярно обращаться к призраку, которому наша грубая природа стала чужда. «Прости меня,— сказал я.— Мы, бедные живые, умеем изъявлять свои мысли лишь при помощи взглядов и слов. Я воспользовался словом,

наиболее естественным для наших чувств, а мое сердце тебе открыто». Она исполнилась такой жалости и сострадания ко мне (это я ощутил душой, так как лицо видения было от меня скрыто, о чем я уже упоминал), что я был совершенно потрясен и сказал, рыдая: «Ах, оставь мне знак, что ты действительно меня посетила!» «Пожелай чего-нибудь»,— сказал дух. Я рассудил: «Если желание мое будет своекорыстно, она исчезнет!» Поэтому, отбросив мои собственные надежды и тревоги, я сказал: «Миссис Хогарт преследуют бедствия (заметьте, мне и в голову не пришло сказать «твою матушку», как если бы я говорил со смертной) — ты спасешь ее?» — «Да».— «И ее спасение будет знаком мне, что все это было на самом деле?» — «Да».— «Но ответь мне еще на один вопрос,— воскликнул я с мольбой, томясь страхом, что она исчезнет.— Какая вера истинная?» Она молчала, словно в нерешительности, и я сказал — господи, как я торопился, стараясь удержать ее: «Ты, как и я, полагаешь, что форма религии не так важна, если мы стараемся творить добро? Или же,— добавил я, заметив, что она все еще колеблется, исполненная ко мне величайшего сострадания,— или, быть может, самая лучшая из всех — католическая? Ибо она чаще других направляет мысли человека к богу и укрепляет его в вере?» — «Для тебя,— сказал дух, полный такой небесной нежности ко мне, что у меня сердце разрывалось,— для тебя она лучше остальных!» Тут я проснулся. По щекам моим текли слезы, и все вокруг было точно так же, как в этом сне. Уже светало. Я позвал Кэт и тут же рассказал ей мой сон, повторив этот рассказ несколько раз, чтобы потом ничего бессознательно не упростить или не приукрасить. Все было именно так. Никакой суетности, бессмысленности, торопливости. Так вот, насколько я могу судить, этот сон сплетен из трех нитей. Первая Вам известна из моего предыдущего письма. Во-вторых, в нашей спальне есть большой алтарь, у которого служились мессы для прежних обитателей этого дворца. А ложась спать, я обратил внимание на след на стене над алтарем, где висело какое-то священное изображение, и подумал: что это могло быть и какое лицо смотрело прежде с этой стены. В-третьих, всю ночь с перерывами звонили колокола, и я,

наверное, думал о католическом богослужении. И все же представьте себе, что это желание сбудется без моего участия... не знаю, буду ли я тогда считать этот сон сном или подлинным видением!..

144

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

18 октября 1844 г.

...Посылаю Вам сегодня по почте первую и самую длинную из четырех частей*. Она будет очень хороша для первой недели, когда все бывает особенно трудным. На всякий случай я сохраняю стенографированный экземпляр. Постараюсь посылать Вам порцию каждый понедельник, пока все не будет завершено. Мне бы не хотелось влиять на Ваше суждение, но я не могу не сказать, что вещь эта совершенно мною завладела и, пока я над ней работал, оставила во мне глубокий след. Чтобы Вам было легче судить о ней, как о целом, я кратко сообщу Вам общий план, но прошу Вас, не обращайтесь к нему, пока не прочтете первую часть рукописи.

Общая идея такова. То, что происходит с беднягой Трухти в первой части и произойдет с ним во второй (когда он отнесет письмо к аккуратному и образцовому дельцу, который сводит баланс в своих счетных книгах, уплачивает по векселям и самодовольно рассуждает о необходимости привести в порядок все дела, чтобы начать новый год с чистой страницы), настолько его смущает (он-то ведь ничего подобного сделать не может), что он убеждает себя в следующем: Новый год — не для таких, как он, и они, попросту говоря, «незваные гости». И хотя он на часок-другой ободрится, побывав в этот вечер (я предполагаю) на крестинах соседского ребенка, на обратном пути ему вспомнится наставление мистера Файлера, и он скажет себе: «Мы давно уже превысили среднюю цифру рождаемости, и ему незачем было появляться на свет»,— и снова упадет духом. А вернувшись домой и сидя там в одиночестве, он достанет из кармана газету и, прочитав о преступлениях и бесчинствах бедняков — особенно тех, кого олдермен Кьют собирается упразднить,—

окончательно утвердится в своих мрачных подозрениях, что всё они дурные люди, безнадежно дурные. И тут ему покажется, что его призывают колокола. Сказав себе: «Господи, помоги мне! Я пойду к ним. У меня такое чувство, что я умру в отчаянии, что сердце мое не выдержит, так пусть же я умру среди колоколов, которые так часто служили мне утешением!» — он проберется в темноте на колокольню и упадет там в глубокий обморок. Затем третья четверть, а другими словами — вторая половина книги, начнется с колдовских видений: неумолчно звонят колокола, и бесчисленные духи (их звучание, их вибрация) то улетают, то прилетают вновь, доставляя всяческим людям и повсюду поручения, приказания, напоминания, упреки, благие воспоминания и прочее и прочее. Некоторые несут плети, другие — цветы, птиц и музыку; третьи — зеркала, отражающие прекрасные лица, четвертые — зеркала с уродливыми рожами. Так колокола награждают или наказывают ночью (особенно в последнюю ночь старого года) людей согласно их поступкам. А сами колокола, которые, сохраняя свою обычную форму, в то же время обретают колдовское сходство с людьми и сияют собственным светом, скажут (говорить будет большой колокол): «Кто этот бедняк, который усомнился в праве своих братьев-бедняков на наследие, предназначенное им временем?» Тоби в ужасе признается, что это он, и объясняет, почему так случилось. Тогда духи колоколов уносят его и показывают ему различные картины, проникнутые одной мыслью: бедняки и обездоленные даже в самой бездне падения — да, даже совершая преступления, которые упразднял олдермен и которые показались ему такими страшными,— не теряют добродетели, пусть захиревшей и изуродованной; они тоже имеют свою правую долю в дарах времени. Рассказывая ему о судьбе Мэг, колокола покажут, что она, после того как брак ее расстроился, а все друзья умерли, доходит до такой ужасной нищеты, что оказывается с младенцем на руках выброшенной ночью на улицу. И на глазах Тоби, на глазах своего отца, она решает утопиться вместе с ребенком. Но когда она собирается броситься в реку, Тоби видит, как она закутывает малютку в свою шаль, расправляет на нем лохмотья, чтобы он выглядел хоть немного опрятнее, как склоняется над

ним, гладит крохотные его ручонки, изливая на него чувство, священнейшее из всех, вложенных богом в человеческую грудь. И когда она бежит к реке, Тоби кричит: «Смилуйтесь над ней, колокола! Спасите ее! Удержите ее!» — а колокола отвечают: «Для чего ее удерживать? Сердце ее дурно — пусть дурное гибнет!» Но Тоби на коленях молит их о милосердии, и в последнюю минуту колокола удерживают ее своими голосами. Тоби увидит также, какие важные дела не завершил пунктуальный человек на исходе старого года, несмотря на свою пунктуальность. Кроме того, он многое узнает о Ричарде, который чуть было не стал его зятем, и еще о многих-многих людях. И мораль всего этого будет такова: у него есть своя доля в наступающем году, как у любого другого человека, а бедняков не так-то просто заставить утратить человеческий облик, и даже в самые черные минуты в их сердцах может восторжествовать добродетель, сколько бы олдерменов не твердило «нет!», как он сам узнал из предсмертных мук своей дочери, ибо великая истина — это вера в них, а не презрение к ним или их упразднение и ниспровержение. А когда наконец поднимется великое море времени и могучие волны сметут и унесут прочь олдермена и других подобных ему земляных червей, превратят их в ничто в своей ярости, Тоби вскарабкается на утес и услышит, как колокола (ставшие невидимыми) зазвенят над водой. Когда он услышит их, оглядываясь в поисках помощи, он проснется и увидит, что у его ног лежит газета, а напротив за столом сидит Мэг, пришивая ленты к подвенечному платью, которое она наденет завтра; и окно открыто, чтобы в комнату мог врываться звон колоколов, провожающих старый год и встречающих новый. И чуть раздастся их радостный перезвон, как в комнату влетит Ричард, торопясь поцеловать Мэг раньше Тоби, чтобы получить ее первый поцелуй в Новом году (он его и получит). Тут явятся соседи с поздравлениями, заиграет оркестр (Тоби — закадычный друг некоего барабана), и от этой внезапной перемены, от звона колоколов, от веселой музыки старичок придет в такой восторг, что первым откроет бал, сплясав совсем особый танец, в основу которого положена его излюбленная трусца. Затем, цитируя Неподражаемого: «Может, все это приснилось

Тоби? Или и сам он только сон? И Мэг — сон? И все это только сон!» Касательно этого и той действительности, из которой рождаются сны, Неподражаемый потом будет знать несколько больше, чем теперь, пока он пишет со всей быстротой, на какую только способен, ибо почта вот-вот уйдет, а бравый К. уже в сапогах... Как я противен себе, мой милый, из-за этого косноязычного пересказа видения, запечатлевшегося у меня в мозгу. Но его нужно отослать Вам... Решите, что лучше всего выбрать для фронтисписа.

145

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Генуя,
октябрь 1844 г.

...Я просто вне себя из-за «Колоколов». Встаю в семь, принимаю холодную ванну перед завтраком и пылаю во всю мочь, раскаляясь гневом докрасна,— и так, пока не пробьет три. После чего обычно кончаю на день (если не идет дождь)... Я жажду кончить в духе, родственном истине и милосердию, чтобы посрамить бессердечных ханжей. Я еще не забыл мой катехизис. «Да, поистине и с божьей помощью, постараюсь»...

. . . .

...Эта книга (в духе ли Хаджи Баба или нет, сказать не могу, но уж во всяком случае в буквальном смысле) сделала мое лицо белее мела, хоть я и нахожусь за границей. Мои начавшие было полнеть щеки снова ввалились, глаза стали огромными, волосы повисли тусклыми прядями, а голова под этими волосами горит и кружится. Прочтите сценку в конце третьей части два раза — я ни за что не стал бы писать ее вторично... Как увидите, я заменил имя Джесси более благозвучным — Лилиен. Оно больше гармонирует с мелодией, звучащей во мне. Я упомянул об этом, боясь, что иначе Вы не поймете, кто и что кроется у меня под этим именем. Завтра я берусь за работу со свежими силами (начиная следующую часть широкой улыбкой и кончая ее упоительным счастьем и веселостью) и надеюсь кончить самое позднее в следующий понедельник. Может быть, сумею даже в субботу,

От души надеюсь, что эта книжечка Вам понравится. Так как я в начале второй части уже знал, что должно произойти в третьей, я испытал такую горесть и волнение, словно все это происходило на самом деле,— даже по ночам просыпался. А когда вчера кончил, мне пришлось запереться, потому что физиономия у меня вся распухла и была необыкновенно смешной. Сейчас я отправляюсь в длинную прогулку, чтобы проветриться. Я совершенно измучен работой и на сегодня бросаю перо. Вот! (Это оно тут упало.)

. . . .

...Несмотря на Ваши возражения, я не меняю своего решения относительно Лондона. И вовсе не потому, что не спокоен за корректуру (если бы это было так, я был бы не только неблагодарной скотиной, но и просто ослом), а из-за необъяснимого волнения, которое не позволит мне остаться здесь и не уляжется, пока я не увижу собственными глазами, как все будет закончено,— это так же невозможно, как не может не взлететь воздушный шар, если его отвязать. Ехать я собираюсь не отсюда, но через Милан и Турин (с предварительным заездом в Венецию), а оттуда в Страсбург через самый дикий из еще не закрывшихся альпийских перевалов... Раз Вам не понравился деятель Молодой Англии, я его уберу (чтобы разделаться с ним, мне достаточно часа в Вашем кабинете) и заменю его человеком, который не признает ничего, кроме доброго старого времени, и твердит о нем, как попугай, о чем бы ни зашел разговор. Добротный тори из старого Сити, в синем сюртуке с блестящими пуговицами и в белом галстуке, склонный к апоплексии. Кромсайте Файлера как хотите, но не забудьте, что «Вестминстерское обозрение» сочло индюшку, которую Скрудж преподносит Бобу Крэтчиту, никак не совместимой с политической экономией. Игра в кегли меня совсем не интересует...

Признаться ли Вам — мне очень хочется, чтобы Карлейль увидел мою повесть раньше всех остальных, когда она будет кончена. И мне бы очень хотелось угостить его и любезнейшего Макриди этой повестью из моих собственных уст; и чтобы рядом сидели Стэнни и другой Мак *. Ну так вот: если Вы благородный человек, то как-нибудь в дождливый вечер, когда я буду в Лондоне, Вы соберете

для меня маленький кружок и скажете: «Мой милый... (сэр, будьте так добры, не теребите эти книги и отправляйтесь вниз. Какого черта Вы здесь делаете? И запомните, сэр, я никого не принимаю. Слышите? Никого! Я занят важнейшей беседой с приезжим из Азии). Мой милый, не прочтете ли Вы нам эту рождественскую повесть? (Это рождественская повесть Диккенса, Макриди, и мне очень хотелось бы, чтобы Вы ее послушали.) Только не бормочите и не торопитесь, Диккенс, пожалуйста». Так вот, если Вы благородный человек, что-нибудь в этом роде непременно произойдет. Я буду готов тронуться в путь, как только кончу. Являюсь в Лондон (с божьею помощью) в указанный Вами день...

146

ТОМАСУ МИТТОНУ

Генуя, Пескьера,
вторник, 5 ноября 1844 г.

Дорогой Миттон!

Я не писал Вам по причине настолько очевидной, что она не требует объяснений. За месяц работы я измучил себя до полусмерти. Под рукой у меня не было ни одного из моих обычных средств отвлечения. И, не сумев поэтому хоть на время избавиться от своей повести, я почти лишился сна. Я настолько изможден этой работой в здешнем тяжелом климате, что нервничаю, как пьяница, умирающий от злоупотребления вином, и не нахожу себе места, как убийца.

Мне кажется, что я написал необыкновенную вещь, которая затмит «Рождественскую песнь». Не сомневаюсь, что она вызовет огромный шум.

Завтра я уезжаю отсюда в Венецию, а оттуда еще во множество городов, и непременно приеду в Лондон прочитать корректуру, выбрав совершенно новый путь, пробиваясь сквозь снег в долинах Швейцарии и преодолевая горные перевалы в самый разгар зимы. С сердечной благодарностью я принял бы Ваше любезное приглашение, но поскольку я приеду в Лондон ради дел, то вижу этому множество помех и по некоторым непреодолимым причи-

нам вынужден от него отказаться. Поэтому я поселюсь в отеле в Ковент-гардене, где меня хорошо знают и с хозяином которого я уже списался. Ничего особенного я не требую, удовлетворяясь хорошей спальней и холодным душем.

Этот дом — совершенство. Слуги так же спокойны и так же отлично себя ведут, как и дома, что здесь случается крайне редко; Рош * — это моя правая рука. Подобного ему еще не видывал свет.

Мы расстелили ковры, топим по вечерам камины, задергиваем шторы — короче говоря, зимуем. В опере, расположенной совсем рядом, у нас есть ложа (даровая), и мы отправляемся туда, когда нам заблагорассудится, как в собственную гостиную. За четыре недели было три ясных дня. Все остальное время с неба непрерывным потоком лилась вода. И что ни день, бушевала гроза.

Ваш.

P. S. К Чарли каждый день приходит учитель чистописания и французского языка. Через день его с сестрами посещает профессор благородного искусства танцев.

147

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Венеция, вторник вечером,
12 ноября 1844 г.

...Я начал это письмо, дорогой друг, с намерением описывать мои путешествия, но я столько видел и столько ездил (почти не обедая и поднимаясь с постели до света), что мне придется отложить свои карандаши до досужих дней в Пескьере, после того, как мы уже повидаемся и я вновь вернусь туда. Как только мне в голову приходит какое-то место, я тут же пускаюсь в путь — в такую странную пору и таким неожиданным образом, что добрейший Рош только плечами пожимает. Но именно так и настаивая, чтобы мне показали все, хотят того или нет, вопреки всем прецедентам и процедуре, я устраиваюсь чудесно... Впрочем не буду забегать вперед. Однако, мой милый, чтобы Вы ни слышали о Венеции, это не идет ни

в какое сравнение с великолепнейшей и невероятнейшей действительностью. Самая волшебная фантазия «Тысячи и одной ночи» — ничто в сравнении с площадью Святого Марка и первым впечатлением от внутренности собора. Величественная, изумительная реальность Венеции превосходит плоды воображения самого неудержимого мечтателя. Опиум не мог бы создать подобного места, и никакое колдовство не могло бы вызвать подобного видения. Все, что я слышал о Венеции, читал о ней в описаниях путешествий, в романах, все, что думал сам, не дает о ней ни малейшего представления. Вы знаете, что, предвкушая чудеса, я в подобных случаях часто разочаровываюсь. Но воображение человека не в силах хотя бы приблизительно нарисовать Венецию, настолько она превосходит все. Никакие хвалы ее не достойны. При виде ее трудно удержаться от слез. Когда я высадился здесь вчера вечером (после пятимильного плавания в гондоле, к которому почему-то вовсе не был готов), когда, сначала увидев Венецию в отдалении, встающую из вод, словно корабль, я затем поплыл по безмолвным пустынным вечерним улицам, мне казалось, что дома вокруг — настоящие, а вода — порождение лихорадочных грез. Но когда сегодня утром, в этот солнечный, холодный, бодрящий день, я вышел на площадь Святого Марка, клянусь небом, великолепие этого города было почти невыносимо. А потом — знакомство с его мрачностью и жестокостью: эти ужасные темницы глубоко под водой, эти судилища, эти потайные двери, зловещие коридоры, где факелы в ваших руках начинают дымить, словно им невыносим воздух, в котором разыгрывались столь ужасные сцены; и снова наверх, в сияющее неизъяснимое колдовство города, и знакомство с обширными соборами и старыми гробницами — все это подарило меня новыми ощущениями, новыми воспоминаниями, новыми настроениями. С этого времени Венеция — часть моего мозга. Дорогой Форстер, чего бы я не отдал, лишь бы Вы могли делить мои восторги! (А Вы бы их делили, будь Вы здесь.) Я чувствую, что поступил жестоко, не привезя сюда Кэт и Джорджи,— жестоко и низко. Каналетти и Стэнни удивительны в своей правдивости. Тернер очень благороден, но здесь сама действительность превосходит все, что может передать любое перо, любой карандаш.

Никогда прежде мне не приходилось видеть вещь, которую я боялся бы описать. Но рассказать, какова Венеция,— это, я чувствую, непосильная задача. И вот я сижу один и пишу это письмо, и ничто не подталкивает меня, не заставляет попробовать оценить этот город, как мне пришлось бы сделать, если бы я говорил о нем с человеком, которого люблю, и выслушивал бы его мнение. В суровом безмолвии знаменитой гостиницы слушаю, как совсем рядом большой колокол св. Марка отбивает двенадцать, видя перед собой три сводчатых окна моего номера (высотой в два этажа), выходящие на Большой Канал, и дали, где в пламенном сиянии сегодня вечером заходило солнце, и снова вспоминая эти немые, но такие красноречивые лица Тициана и Тинторетто, я клянусь (и меня не охладила мишура, которую мне довелось увидеть!), что Венеция — это подлинное чудо света и нечто совсем особенное! Это было бы так, даже если бы человек попал в нее, ничего о ней не зная. Но когда ступаешь по ее камням, видишь перед собой ее картины и вспоминаешь ее историю, то чувствуешь, что о ней нельзя написать, нельзя рассказать — и даже думать о ней трудно. В этой комнате мы с Вами не могли бы заговорить, не пожав сперва друг другу руки и не сказав друг другу: «Черт побери, мой милый, да неужто нам довелось увидеть это!»

148

ДУГЛАСУ ДЖЕРОЛДУ*

Кремона, суббота вечером,
16 ноября 1844 г.

Дорогой Джеролд!

Раз уж пол-ломтя хлеба лучше, чем полное его отсутствие, то буду надеяться, что пол-листа бумаги тоже окажется лучше, чем полное отсутствие писем, если это письмо написано тем, кто очень хочет жить в Вашей памяти и в Вашей дружбе. Я бы уже давно выполнил обещание, данное Вам в этом, но мне мешали то занятия, то пребывание вдали от пера и чернил.

Форстер, вероятно, сказал Вам,— а нет, так еще скажет,— что мне очень хотелось бы, чтобы Вы послушали

мою маленькую рождественскую повесть, и я надеюсь, Вы повидаетесь со мной по его приглашению в Линкольнс-Инн-филдс. Я постарался нанести удар по той части наглой физиономии гнусного Ханжества, которая в наше время больше всего заслуживает подобного поощрения. Я надеюсь, что, во всяком случае, смогу доказать свое искреннее желание заставить его пошатнуться. Если к концу четырех раундов (их только четыре) Вы решите, что из вышеуказанного Ханжества, выражаясь языком «Жизни Белла» *, вышиблен дух вон, мне это будет очень приятно.

Теперь я отправляюсь в Милан, а оттуда (отдохнув один-два дня) намереваюсь добраться до Англии через красивейший альпийский перевал, который не будет еще занесен. Вы знаете, что этот город некогда славился скрипками *. Я ни одной скрипки не видел, но зато неподалеку от нашей гостиницы есть целая улица медников, которые подымают такой невыносимый грохот, что после обеда мне показалось, что у меня сердцебиение. Я почувствовал необыкновенное облегчение, когда обнаружил, что звон у меня в ушах производился этими медниками.

Вчера я с недоумением узнал (я не силен в географических подробностях), что Ромео был выслан всего за двадцать пять миль от родного города. Именно таково расстояние между Мантуей и Вероной. Эта последняя — своеобразный старинный городок, чьи опустевшие дворцы теперь заперты: такой она и должна была быть. В Мантуе и сейчас множество аптекарей, которые без всякой подготовки могли бы великолепно сыграть эту роль. Из всех заросших прудов, какие мне доводилось видеть, Верона — самый зеленый и самый тенистый. Я отправился осмотреть старинный дворец Капулетти, который можно узнать благодаря их гербу (шляпе, вырезанной на каменной стене дворика). Теперь это жалкая харчевня. Двор был полон ветхих экипажей, повозок, гусей и свиней, и ноги по щиколотку уходили в грязь и навоз. Сад отгорожен стеной, и на его месте построены дома. Ничто не напоминает здесь о прежних его обитателях, и кухонную дверь украшала весьма несентиментальная дама. Монтекки жили за городом, в двух или трех милях отсюда. Точно неизвестно, был ли у них когда-нибудь дворец в са-

мой Вероне. Однако и сейчас одна из окрестных деревень носит их имя, и легенды о вражде этих двух семей еще настолько живы, насколько вообще что-нибудь может быть живым в столь сонном уголке.

Было очень мило, очень любезно с Вашей стороны, Джеролд, упомянуть в «Панче» о «Рождественской песне» в таких теплых словах, и уверяю Вас, далекий предмет Ваших дружеских чувств не остался к ним глух, и они тронули его так, как Вам хотелось. Мне очень жаль, что мы потеряли столько времени, не познакомившись поближе друг с другом. Но все же мне не следует называть это время потерянным, так как я читал все, что выходило из-под Вашего пера, и эгоистически доставлял себе удовольствие, неизменно выражая восхищение, которое возбуждали во мне Ваши мужественные, правдивые картины.

У Вас, кажется, одно время было намерение приехать повидаться со мной в Генуе. Я вернусь туда немедленно, девятого декабря, пробыв в Лондоне одну неделю. Так, может быть, Вы поехали бы со мной? Если путешествовать таким образом, это обойдется очень дешево — немногим более двенадцати фунтов, а я убежден, что Вы получите большое удовольствие. Я живу там в удивительнейшем доме и помещу Вас в расписанной фресками комнате величиной с собор, но только куда более удобной. В Вашем распоряжении будут перья, чернила, апельсиновые деревья, сады, игра в волан, веселый треск дров в камине по вечерам. Приезжайте, не пожалеете. Если Вы хотите, чтобы миссис Джеролд провела рождество за границей, то могу поручиться, что такой милой и свободной от аффектации и чопорности женщины, как моя жена, не найти, и она будет очень рада возможности подтвердить мое мнение о ней.

Приезжайте! Письмо от джентльмена в Италии Брэдбери и Эвансу в Лондон. Письмо от джентльмена в стране, которая давно уснула, джентльмену в стране, которая тоже уснет и никогда не проснется, если дать волю некоторым людям. В Генуе вы сможете работать. Дом к этому привык. Почта идет ровно неделю. Уложите-ка вещи, и когда мы увидимся, скажите: «Я еду».

Никогда ни один город не поражал меня так, как Венеция. Это поистине одно из чудес света. Полный грез, прекрасный, непоследовательный, невероятный, злой, порочный, проклятый старинный город! Я приехал туда ночью, и впечатления этой ночи и следующего солнечного утра останутся со мной до конца моих дней. И — боже мой! — эти подводные темницы под Мостом Вздохов; каморка, куда в полночь приходил монах исповедовать политического преступника; скамья, на которой его душили; зловещий склеп, в котором его завязывали в мешок, коварная потайная дверца, через которую его сносили в лодку и увозили топить туда, куда ни один рыбак не осмеливался закинуть свою сеть,— все это освещается факелами, и они дымят и угасают, словно им стыдно смотреть на мрачные подмостки, где творились неизъяснимые ужасы. Хотя все они ушли в прошлое, они так же заставляют биться негодованием человеческое сердце, как какое-нибудь великое зло или страдание наших дней. И, храня все это в своей памяти, зная, что здесь есть музей с комнатой, наполненной такими страшными орудиями пытки, какие мог измыслить только дьявол, сотни попугаев устно и в печати целыми часами поносят времена, когда в Венеции строится железная дорога через пролив. Они поносят наше время, безмозглые болтуны, вместо того чтобы на коленях благодарить небеса за то, что живут в эпоху, когда из железа делают дороги, а не тюремные решетки и не приспособления, чтобы загонять винты в череп ни в чем не повинного человека. Богом клянусь, от этой мысли я становлюсь столь кровожадным, что готов был бы перестрелять попугаев на нашем острове так же спокойно, как Робинзон Крузо стрелял их на своем.

Я уже десять дней ложусь спать не раньше, чем в пять часов утра, и большую часть дня провожу в дороге. Если из-за этого Вы будете вынуждены читать очень глупое сонное письмо, мой дорогой Джеролд, то надеюсь, Вы сочтете его доказательством моего искреннего желания послать Вам нежный привет, несмотря даже на это сонное и малообещающее состояние.

Остаюсь, как всегда, Вашим другом и искренним почитателем.

149

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Париж
<декабрь 1844 г.>

...Мы с Макриди отправились в Одеон посмотреть «Кристину» Александра Дюма, в которой играла мадам Жорж *, некогда любовница Наполеона. Теперь она поражает своей толщиной, которая, я думаю, объясняется водянкой, и не может стоять на коротеньких слабых ножках. Ей не то восемьдесят, не то девяносто лет. В жизни не видел подобного зрелища. Все театральные приемы, когда-либо ею усвоенные (а она пускала их в ход все), тоже страдают водянкой и распухли и расплылись самым безобразным образом. Остальные актеры, не глядя друг на друга, обращались со своим диалогом к партеру до того неестественно и нелепо, что я никак не мог решить — смеяться мне или возмущаться. Мы с Вами, сэр, все это коренным образом изменим.

150

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Неаполь,
11 февраля 1845 г.

...Простой народ живет здесь в ужасающей нищете. Боюсь, обычное представление о живописности так тесно связано с неизбывным горем и унижением, что с течением времени придется придумывать новую живописность. За исключением Фонди, ничего грязнее Неаполя мне видеть не приходилось. Не знаю, с чем и сравнить улицы, где живут лаццарони. Помните мой любимый хлев вблизи Бродстэрса? Так, пожалуй, эти улочки больше всего напоминают мне скопление таких вот хлевов... Чего бы я не дал, чтобы вы могли увидеть лаццарони такими, каковы они на самом деле: это всего лишь убогие, униженные, несчастные животные, покрытые насекомыми; огородные пугала, ленивые, трусливые, безобразные, роющиеся в мусоре! А какие темные графы и более чем сомнительные графини, шулера и олухи — так называемый свет! И эти бесконечные нищие кварталы, населенные жалкими бедняками,— по сравнению

с ними Сэффронхилл и Борроминд кажутся оплотом респектабельности, что не мешает английским лордам и леди находить их весьма живописными,— тем самым лордам и леди, для которых английская нищета представляется гнуснейшей, позорнейшей и вульгарнейшей вещью. Там мне часто приходило в голову, что для писателя вернейший способ обрести бессмертие — это убить свой язык: тогда он немедленно становится «приятным собеседником». А здесь я частенько думаю вот что: «Что бы вы сказали этим людям, миледи и милорд, если бы они выражались на излюбленном жаргоне ваших собственных «низших сословий»?»

Теккерей хвалит итальянцев за то, что они добры к животным. Пожалуй, не найти страны, где бы их так невыносимо мучили. Это видишь повсюду...

В Неаполе кладбище бедняков представляет собой огромный мощеный двор, в котором находится триста шестьдесят пять ям — каждая плотно закрыта каменной плитой. В течение года еженощно одна из этим ям по очереди открывается, и в нее сбрасываются тела умерших бедняков, собранные в городе и доставленные сюда на повозке (вроде той, о которой я писал вам из Рима). Затем туда льется известь, и яма вновь закрывается плитой до будущего года, после чего все начинается сначала. Каждую ночь вскрывается яма, и каждую ночь ее вновь закрывают на целый год. Повозка снабжена красным фонарем, и часов в десять вечера видно, как она мелькает по неаполитанским улицам, останавливаясь у дверей больниц, тюрем и тому подобных заведений, чтобы пополнить свой груз, а затем отправляется дальше. Рядом с новым кладбищем (очень красивым, содержащимся в полном порядке и во всех отношениях превосходящим Пер-Лашез) находится другой такой же двор, хотя и поменьше. В Неаполе покойников носят по улицам в открытых носилках, которые иногда устанавливаются в чем-то вроде паланкина, обтянутого багряной с золотом тканью. Выставлять мертвецов напоказ характерно не только для этой части Италии; так, на пути между Римом и Генуей нам встретилась похоронная процессия, провожавшая тело женщины,— покойница была одета в свое обычное платье, и я (глядя на нее с высоких козел дорожной кареты) готов был поверить, что

она живая и просто отдыхает на своем ложе. Шедший рядом с ней священник пел очень громко — и так же скверно, как обычно поют все священники. Шум был невообразимый...

151

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

<Март 1845 г.>

...С наиболее знаменитыми из ватиканских картин вы знакомы благодаря превосходнейшим гравюрам, и право, если бы Вы могли видеть некоторые из них вместе со мной, Вы решили бы, что, ознакомившись с ними наконец в оригинале, выиграли очень немного. Когда рисунок плох, скуден или подпорчен временем — а это неизбежно и бывает очень часто,— то гравюра (хотя утверждать подобные вещи и еретично) передает вам идею картины и ее воплощение с той величественной простотой, которая гибнет из-за вышеуказанных недостатков. Но даже когда дело обстоит не так и произведение сохраняет свою первоначальную гармонию, в самой тонкости гравюры заключено, на мой взгляд, нечто, заставляющее вас поверить в необычайное изящество, законченность и совершенство оригинала. Вот почему, хотя такие картины производят чарующее впечатление и кажутся очень интересными, мы к этому уже подготовлены, мы заранее знаем всю меру величия, которая в них заключена.

Правда, трудно найти достаточно высокую хвалу для бесчисленных портретов кисти Тициана, Рубенса, Рембрандта и Ван-Дейка, голов Гвидо Рени, Доменикино, Карло Дольчи; картин Рафаэля, Корреджо, Мурильо, Паоло Веронезе, Сальватора Розы. Меня охватывает радость при мысли, что даже искушенные знатоки, которые приходят в экстаз лишь с трудом и по самым нелепым поводам, не могут воздать им должное. В некоторых незабвенных залах этих галерей мне сияли со стен такая нежность и изящество, такое возвышенное благородство, чистота и красота, что моя измученная память освобождалась от легионов хнычущих монахов и восковых святых семейств. Я от души прощал все эти оркестры земных ангелов и бесконечные заросли святых Себастьянов, по тра-

диции нашпигованных стрелами, словно подушечки для булавок — булавками. У меня нет настроения даже негодовать на этот поповский фанатизм и поповское упрямство, заставлявшие воспроизводить в конкретной форме с помощью краски и холста каждое таинство нашей религии, что равно отвратительно и для сердца и для рассудка любого мыслящего человека...

152

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Генуя
<июнь 1845 г.>

...Так будем ли мы ставить эту пьесу??? С тех пор как я вернулся из Лондона, я говорю об этом как о решенном деле! Не помню, говорил ли я Вам об этом серьезно, но я уверен, что снискал бы на подмостках не меньший успех, чем на кафедре чтеца. Право, когда я выступал на сцене в Монреале (до того я не играл уже много лет), я так удивлялся правдоподобию и легкости того, что делал, словно смотрел на себя со стороны. Какие странные шутки разыгрывает судьба! Когда мне было лет двадцать, я за три-четыре года усердного сидения в партере выучил весь пользовавшийся успехом репертуар Мэтьюса *. И тогда я написал режиссеру Бартли — сколько мне лет, и о том, что, по моему мнению, я мог бы делать и что, на мой взгляд, я обладаю большим уменьем подмечать характер и странности человека и обладаю природным даром воспроизводить все это. В то время я работал стенографистом в Докторс-Коммонс. И я помню, что написал это письмо в комнатушке, в которой работал, и туда же пришел ответ. Вероятно, что-то в моем письме показалось интересным, так как Бартли ответил мне почти сразу же, сообщая, что сейчас они ставят «Горбуна» * (так оно и было), но что недели через две они мне снова напишут. Точно в назначенный срок я получил новое письмо с приглашением явиться в такой-то день в театр и показать ему и Чарльзу Кэмблу что-нибудь из Мэтьюса — что мне захочется. Моя сестра Фанни была посвящена в тайну и должна была пойти со мной, чтобы аккомпанировать мне. Но в назначенный день я свалился с

ужасной простудой и воспалением лица,— кстати, тогда-то и начались эти боли в ухе, от которых я страдаю до сих пор. Я написал им об этом, добавив, что обращусь к ним в следующем сезоне. Вскоре после этого я добился немалого успеха в своих парламентских отчетах, был приглашен в «Кроникл», приобрел известность в газетном мирке и поэтому полюбил его, начал писать, перестал нуждаться в деньгах, а поскольку я всегда думал о сцене как об источнике заработка, то постепенно оставил мысли о ней и больше к ним не возвращался. Я ведь Вам прежде этого не рассказывал, не так ли? Вот видите, если бы не случайность, моя жизнь могла бы сложиться совсем по-иному...

Это случилось в то время, когда я работал стенографистом в Докторс-Коммонс. То был не очень хороший заработок (хотя и нельзя сказать, чтобы очень плохой), но, главное, мучительно неверный — поэтому-то я и обдумывал возможность стать актером с чисто деловой точки зрения. В течение по меньшей мере трех лет я почти каждый вечер отправлялся в какой-нибудь театр, предварительно изучив афиши и выбрав тот, где играли по-настоящему хорошие актеры. Когда бы ни играл Мэтьюс, я шел его смотреть. Я без конца муштровал себя (учился даже таким мелочам, как лучше войти, выйти или сесть на стул) иной раз по четыре, пять, а то и шесть часов в день, запершись у себя в комнате или гуляя по лугам. Кроме того, я составил для себя нечто вроде гамильтоновской системы *, помогавшей мне заучивать роли, и выучил их множество. Эту способность я, видимо, не утратил и сейчас, потому что мгновенно выучил мои канадские роли, хотя все они были мне незнакомы...

153

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Девоншир-террас
<июнь 1845 г.>

...Право, мне пришла в голову очень недурная идея о журнале. Последние два дня я много о ней думал и считаю, что она просто хороша. Я по-прежнему подумываю о еже-

недельнике; цена, если возможно, полтора пенса. Часть материала оригинальная, часть — перепечатки; заметки о книгах, заметки о театрах, заметки обо всем хорошем, заметки обо всем дурном; рождественская философия, бодрый взгляд на жизнь, беспощадное препарирование ханжества, добродушие; материал всегда злободневный, отвечающий времени года; а главное, теплое, сердечное, щедрое, веселое, любящее отношение ко всему, что связано с Семейным Очагом. И назову я его, сэр,

СВЕРЧОК

ВЕСЕЛОЕ СОЗДАНИЕ, КОТОРОЕ ЧИРИКАЕТ ЗА ОЧАГОМ

Естественная история

Погодите решать, пока не дослушаете, что я собираюсь сделать. Я выступлю, сэр, с таким проспектом на тему о Сверчке, что он всех приведет в хорошее настроение и с еще невиданной быстротой завладеет каминными решетками и креслами возле них. Под таким обличьем я смогу по-новому обратиться к публике, куда более дружески и подкупающе. Я сразу же окажусь в самом теплом уголке дома моих читателей, завоюю их любовь и доверие, что немедленно обеспечит мне особое место среди всех остальных журналов и укрепит мое положение. И я буду стрекотать, стрекотать, стрекотать в каждом номере, пока не выстрекочу... ну, сами скажите, сколько сотен тысяч... Говоря серьезно, мне кажется, это название и эта идея обеспечивают нас практической исходной точкой и дают нам подлинную, четкую, ясную, очень приятную цель и общий тон. Я чувствую, что такую цель и такое название публика легко и с удовольствием свяжет именно со мной; и что, приняв их, нам уже не придется кружить, как голубям перед полетом, и мы сразу выберем правильный путь. Я полагаю, что общее признание не заставит себя ждать и что вокруг этой идеи с самого начала возникнут полезные ассоциации, и к тому же она с самого начала задаст правильный и приятный тон. Во всем этом я нисколько не сомневаюсь... но решать Вам. Что Вы об этом думаете? И что скажете? Либо Вам эта мысль понравится сразу, либо не понравится совсем. Ну, так как же, мой милый? Вы

знаете, что я не пристрастен к недозрелым плодам моей фантазии, но Вы также очень хорошо знаете, как я могу использовать подобный рычаг и что им могу поднять. Ну, так как же? Что Вы скажете? Сам я не сказал и половины того, что мог бы. То есть я почти ничего не сказал, но зато, как попугай в негритянской сказке, «думаю черт знает сколько».

154

БРЭДБЕРИ И ЭВАНСУ

Девоншир-террас (у мистера Форстера),
понедельник, 3 ноября 1845 г.

Уважаемые Брэдбери и Эванс!

Я внимательно обдумал то, о чем мы вчера беседовали, и в этом письме вы найдете мои выводы относительно газеты. Я займу пост редактора, который, по предварительной наметке, должен получать тысячу фунтов,— за двойную сумму. Но в это я включаю публикацию серии писем из Италии, мною подписанных, статьи, которые я буду постоянно писать для газеты, а также деятельное и внимательное руководство всей газетой. Когда я буду уезжать из Лондона или зачем-либо уходить из редакции, то (как это обычно делается) меня будет замещать помощник редактора, которому я смогу на время поручать практическое руководство. На этих условиях я согласен возглавить газету и руководить ею.

Не скрою от вас,— и я убежден, вы это понимаете,— что, на мой взгляд, эти условия отнюдь не чрезмерны для человека в моем положении. Поэтому я считаю, что мое участие в газете весьма важно. Однако, пока вы не покажете мне, во что наш проект может вылиться, я не могу решить, какова будет доля моего участия.

Если, узнав, какая компенсация меня устраивает, вы решите поставить меня об этом в известность, то сообщите все сведения мистеру Форстеру и договоритесь об этом, как и обо всем остальном, с ним. Я заранее согласен на все, о чем вы с ним договоритесь.

Остаюсь ваш.

155
БРЭДБЕРИ И ЭВАНСУ

Девоншир-террас,
четверг, 6 ноября 1845 г.

Дорогие Брэдбери и Эванс!

Сегодня утром мистер Форстер сообщит вам, к какому решению я пришел вчера вечером. Все новые соображения только укрепляют меня в этом взгляде на дело. Судите сами, какое страшное впечатление произвело на меня случившееся *, если моего мнения не могут изменить даже ваше твердое намерение не отступать и все те мучительные соображения, которые порождаются моим собственным положением, а также тем тяжелым положением, в которое я, к несчастью, поставил моего отца.

Что касается меня, то самое важное разбито и умерло. Если бы я даже мог принудить себя взяться за это дело снова, я уже не верил бы в него. Я всегда смотрел бы на него как на нечто обреченное, и приглашение каждого нового сотрудника наполняло бы меня новым страхом и тяжелыми предчувствиями. Что же касается самого плана — помимо меня,— то он, мне кажется, получил удар, от которого не сможет оправиться. Вы не знаете, насколько маленький газетный мирок отличается от всякого другого, как быстро распространяются там подобного рода новости и какой неизгладимый след они оставляют. Я не могу даже представить себе, насколько трудно будет *теперь* найти людей, без которых невозможно вести газету. Даже если удастся кое-как подобрать людей, куда менее способных, чем мы рассчитывали, для ведения наиболее важных отделов, все равно опасения, которые испытывали другие газеты (они были очень велики), исчезнут без всякого следа. Они, несомненно, полагали, что на стороне этой новой газеты будет действовать могучее объединение энергии, опыта и капитала. Но теперь, когда вы ее покинули, представление это разлетится вдребезги. Таким образом, то доверие, те радужные надежды на успех, которые окружали их замысел, пока он был еще в зародыше, и которые весьма помогли бы в первые решающие дни, больше не бу-

дут ему служить. И еще: реклама, которая должна была помочь им, теперь недоступна. Если даже мистер Пакстон * все еще обещает потрясти небо и землю и даже искренне собирается взяться за это (в чем я сомневаюсь), можно ли, рассуждая благоразумно, серьезно полагаться на столь опрометчивые и необдуманные обещания? Я лично ни во что их не ставлю, ибо именно он свел вас с этой фирмой, и я твердо верю, что он уже давно знал о надвигающемся на нее банкротстве, и когда мы встретились с ним тогда на Флит-стрит, он уже смотрел ему прямо в глаза (что можно было прочесть и по его глазам).

Если вы настолько связали себя обязательствами, что уже не можете отказаться от этой газеты, я готов служить вам советом и оказать любую помощь, какая только в моей власти. Но я не могу работать в ней, как я первоначально предполагал, и не скрою от вас также, что, по моему твердому убеждению, она приведет вас к разорению. С другой стороны, если вы можете принять всю эту потерю, выплатить все деньги и перевернуть лист, на котором написана эта сумма, чтобы больше в него не заглядывать, я твердо убежден, что, используя наилучшим образом свои преимущества и возможности, а также наши отношения, вы без труда вернете утраченные позиции. И уж во всяком случае, вы будете чувствовать себя гораздо лучше, не ощущая, что за вас день и ночь цепляются изуродованные руки искалеченной газеты.

Третьего дня, когда мистер Форстер пришел ко мне с этой ужасной новостью, я сказал ему, что вы еще не могли точно знать, какие обязательства вы уже взяли на себя, а услышав, что примерный расчет достигает тысячи фунтов чистого убытка, клянусь, я был поражен необычайно, я этого никак не ожидал.

Глубочайшая безнадежность положения, в которое попали эти джентльмены (некоторые из них, понадеявшись на будущую газету, отказались от верного пожизненного дохода), отнюдь не помогает сразу посмотреть правде в глаза и принять всю силу удара — я это хорошо понимаю. Но я поступил бы так, если бы то были мои деньги и если бы ошибся я.

Я так в этом уверен, что даю вам такой совет без малейшего сомнения и колебания.

Тем не менее я считаю необходимым вложить в это письмо ответ, полученный мною вчера от мистера Бирда,— на письмо, которое я послал ему, сообщая, что с газетой покончено.

Мне остается только попросить вас прочесть мое письмо или показать его Джеролду и Лемону, так как я питаю к ним искреннейшую симпатию, и мне было бы очень тяжело, если бы они неправильно поняли мою позицию. И в заключение я хотел бы заметить, что мое доверие к газете и мое доверие к вам — вещи столь же различные и далекие друг от друга, как небо и земля. И что если первое исчезло совершенно, то второе не изменилось ни на йоту.

Остаюсь, как всегда, искренне ваш.

156

БРЭДБЕРИ И ЭВАНСУ

Девоншир-террас,
пятница утром, 7 ноября 1845 г.

Глубокоуважаемые Брэдбери и Эванс!

Мое мнение остается прежним. С тех пор как мы вчера виделись, я в нем утвердился окончательно и полностью.

Когда вы ушли, мы с мистером Форстером снова все обсудили и решили послать за мистером Бирдом, чтобы последовать его совету. Он приехал сюда вечером, и мы разговаривали втроем.

Мы просто объяснили ему, как обстоит дело, и спросили его, считает ли он целесообразным это дело продолжать.

Он некоторое время подумал, а потом ответил, что, по его мнению, после подобного удара устроить все так, как нам хотелось бы, будет попросту невозможно, и что, на его взгляд, нам ни в коем случае не удастся привлечь к газете «хоть одно первоклассное перо», ибо за последние два дня всякое доверие к ней было уничтожено.

Он откровенно сказал, что, когда писал мне то письмо, которое вы читали, ни репортеры еще не были извещены,

ни план отказа от газеты еще не был известен. С тех пор он видел, вероятно, всех приглашенных, которых видели и вы. Он сказал, что даже под влиянием первой горечи они не сказали ни слова упрека в ваш или в мой адрес (и наоборот, очень хвалили вашу честную откровенность по отношению к ним), но ясно дали понять, что, по их мнению, за кулисами стоят другие лица, имевшие возможность в одно мгновение положить конец столь многообещающему плану, и что теперь у них нет никакой гарантии, что это не повторится еще раз.

Некоторые из них, желая освободить вас от обязательств, уже написали Истхопу, предлагая вернуться к нему, другие обратились в «Геральд», третьи в «Таймс». В маленьком газетном мирке все уверены, что наш проект потерпел полное фиаско, и он считает, что рассеять это впечатление нет никакой надежды.

Вспомните, сколько раз я приводил вам сегодня этот самый довод и как я старался доказать вам, что вы и представить себе не можете, насколько это важно.

Мистер Бирд очень обнадеживающе, с большой уверенностью говорил, что вам будет нетрудно уладить все с ними, когда они (в чем он не сомневается) найдут себе новые места. Он даже думал, что их куда больше, и заверил меня, что ваше благородное и мужественное поведение уже вызвало и будет вызывать самое искреннее желание пойти вам навстречу. Сумма предполагаемых убытков, которую он назвал, совсем мала по сравнению с тем, чего мы ожидали, и он убежден, что вы сумеете разделаться со всеми обязательствами без каких-либо непосильных жертв, оставив у этих джентльменов самое приятное впечатление. Но все, что он сказал, сводилось к одному выводу: продолжать затею с газетой было бы безумием. И это несмотря на его твердое убеждение, что до случившегося газете был открыт самый широкий путь, и на то, что ему было точно известно, какую панику она вызвала в «Таймсе» и сколько споров и волнений она породила среди издателей.

Говоря совершенно искренне и откровенно, я от всего сердца заверяю вас, что после случившегося я стал еще больше вас уважать. Я верю и надеюсь, что нас ждут многие годы взаимной верной дружбы, ко взаимной выгоде.

Мне становится спокойнее за вас — ибо все это время я столько же тревожился из-за вас, сколько и из-за всех последствий, имеющих непосредственное отношение ко мне, — когда я решительно и в последний раз отказываюсь от участия в этом погубленном плане и думаю о куда более светлом будущем, в котором мы будем работать вместе.

Искренне ваш.

157

БРЭДБЕРИ И ЭВАНСУ

<ноябрь 1845 г.>

Созвать всех этих господ вместе и объяснить им:

Что их пригласили работать в этой предполагавшейся газете, в некоторых случаях, быть может, соблазнив не только жалованьем, но и заявлением, что в ней собираюсь участвовать я. Так что с самого начала им следует понять, что такая-то и такая-то перемена обстоятельств касается меня столько же, сколько и их, и делает раз и навсегда невозможным мое участие, которое я обещал из-за моих дружеских и деловых отношений с Брэдбери и Эвансом. Что и я сам был крайне неприятно поражен тем, что они сейчас услышат и о чем я узнал только утром, после того, как потерял много времени, полностью изменил свои литературные планы и во всех остальных отношениях причинил себе множество неудобств и беспокойства.

Что в это предприятие были вложены большие капиталы, что происшедший внезапно крупный крах серьезнейшим образом задел многих из заинтересованных лиц (лично я не вложил в это дело ни фартинга) и что, следовательно, ни о прежнем размахе, ни о прежнем сроке не может быть теперь и речи.

Что поэтому многие крайне важные для дела лица не желают больше участвовать в газете и весь план должен быть оставлен.

Что владельцы намерены самым щедрым образом компенсировать тех, кто уже был приглашен, и просят господ присутствующих сообщить свои условия.

158

У. ЭМПСОНУ

Девоншир-террас,
28 ноября 1845 г.

Дорогой Эмпсон!

Тысяча благодарностей за Ваше милое письмо, которое я получил в самую приятную минуту, какую только возможно,— я как раз заканчивал последнее стрекотание «Сверчка за очагом», и благодаря Вашему письму сверчок стал в сто раз более реальным, чем прежде. Мы будем играть еще раз — для мисс Келли *, и билеты будут стоить гинею каждый.

Мы пока еще не решили, когда это произойдет, что будем играть и где. Но едва эти драгоценные сведения станут мне известны (вероятно, на следующей неделе), я тотчас Вам напишу.

Недавно я получил восхитительное и очень теплое письмо от лорда Джеффри *. Не знаю, есть ли для меня что-либо более трогательное, чем то, как он сумел перенести все эти «сине-желтые» дрязги * и остаться таким же добросердечным, искренним и жизнерадостным. Он — приятнейший из друзей и читателей, и да сохранит его бог таким на много лет, чего мы с Вами ему желаем.

Кэт чувствует себя прекрасно и передает нежные приветы миссис Эмпсон, Вам и всем детям. Я отлично помню Долли, но теперь она, наверное, уже совсем другая Долли.

Искренне Ваш.

159

МИСС КУТС

Девоншир-террас,
1 декабря 1845 г.

...Я только что кончил маленькую рождественскую повесть, которая, надеюсь, доставит Вам удовольствие. Она исполнена спокойствия и домашнего духа. Мне хочется верить, что она интересна и хороша. Во всяком случае, мне так кажется. Если Вы не прочь прочесть книгу до того, как она выйдет в свет, я буду очень рад выслать Вам гранки...

160

МИСС КУТС

Девоншир-террас,
26 мая 1846 г.

...Что касается приюта, мне представляется очень желательным, чтобы Вы, если возможно, узнали, согласится ли правительство помогать Вам в том смысле, чтобы время от времени сообщать Вам, в какие отдаленные части света следует посылать женщин с целью замужества, то есть где им легче всего было бы обзавестись семьей и где они были бы нужнее всего мужскому населению, как выехавшему из Англии, так и там рожденному. Если бы этих бедных женщин удалось посылать за границу с ведома и с помощью правительства, это могло бы весьма помочь всему предприятию. Но я (и не без причины) сомневаюсь, чтобы какое-либо английское правительство отнеслось к подобному вопросу с той серьезностью, с тем сознанием огромной ответственности перед богом, которую берут на себя инициаторы. Вот почему я советую Вам сделать эту попытку обращения к правительству ради самой себя и ради успеха задуманного Вами предприятия. Ее неудача нисколько не повлияет на неизмеримую благость и важность самого проекта.

Мне кажется, нам незачем будет,— во всяком случае, вначале,— строить для приюта специальный дом. И в Лондоне и в его окрестностях найдется много домов, которые можно будет приспособить для этой цели. Число его обитательниц необходимо будет ограничить, но мне кажется, условия приема следует сделать для них как можно легче. Я разрешил бы начальнику любой лондонской тюрьмы присылать в приют подобную несчастную женщину (с ее согласия, конечно) прямо из тюрьмы, как только кончится срок ее заключения. Я разрешил бы любой кающейся постучать в дверь и сказать: ради бога, примите меня. Но в приюте я устроил бы два отделения, и в первое помещал бы всех новоприбывших для испытания, а потом уже, если они хорошим поведением и скромностью заслужат это право, допускал бы их в «общину» приюта, как я назвал бы его. Мне кажется, лучше всего было бы ввести в подобном доме так называемую «систему отметок» капитана

Макконохи *,— я не знаю другой системы, столь хорошо задуманной, построенной на столь глубоком знании человеческой натуры и так тонко взывающей к ее особенностям. Попробую коротко изложить ее суть.

Женщине или девушке, желающей поступить в приют, нужно объяснить, что она явилась сюда для благотворного раскаяния и исправления, так как поняла, что ее прошлая жизнь была ужасна (и сама по себе и по своим последствиям) и не могла принести ей ничего, кроме горя, несчастья и отчаяния. Пока еще незачем говорить ей об обществе. Общество обошлось с ней дурно, отвернулось от нее, и трудно ожидать, чтобы она принимала близко к сердцу свой долг перед ним. Жизнь, которую она вела, губительна для нее, и пока она ее не оставит, ей не на что надеяться. Ей объясняют, что она пала глубоко, но еще может спастись от гибели благодаря этому приюту; и что здесь она получит средство вернуть себе счастье, а дальнейшее зависит только от нее самой. Поэтому вместо того, чтобы проходить испытание месяц, два или три месяца, или вообще какой-то определенный срок, ей требуется только заслужить определенное число отметок (это всего лишь черточки в тетради), и значит, она может сделать свое испытание очень коротким или очень долгим, в зависимости от ее собственного поведения. За такое-то количество выполненной работы она получает столько-то отметок, за день безупречного поведения — столько-то. За такое-то проявление дурного настроения или неучтивость, за бранные слова и тому подобное у нее вычитается соответствующее количество отметок — весьма значительное по сравнению с получаемыми. Каждый день — это страничка в счетной книге с графами «дебет» и «кредит», которые ведут она и надзирательница. И только от нее самой зависит, чтобы сальдо было в ее пользу,— никто другой не властен изменить эти цифры. Ей указывают, что, прежде чем она получит право вернуться в лоно какого бы то ни было общества — даже общества приюта,— она должна делом доказать свою искренность, уменье сдерживаться и решимость заслужить то доверие, которое ей оказывают. Таким образом, призыв этот обращен сразу и к ее гордости, и к раскаянию, и к чувству стыда, и к ее сердцу, и к ее разуму, и к ее интересам. Так что, если она выдержит испы-

тание, она обязательно (я верю, что такова вечная природа вещей) обретет самоуважение, и руководители приюта смогут в дальнейшем оказывать на нее влияние, которое иначе было бы невозможным. Несколько видоизменив эту систему отметок, я построил бы на ней всю жизнь приюта, ибо ее основной смысл и основное достоинство заключаются не в том, что она помогает воспитанию несчастных внутри его стен, но главное, готовит их к ревностному исполнению своего долга вне их и помогает вырабатывать привычку к сдержанности и твердость характера. И чем больше эти несчастные будут проникаться сознанием своего долга по отношению к небу и земле, чем больше они будут воспитываться по этой системе, тем сильнее будут они чувствовать, что обретут право вернуться в общество или стать добродетельными женами, только когда заслужат определенное число отметок, которое требуется равно от всех без всякого исключения. А всякая попытка обойтись без этого докажет только, что они недостойны обрести положение, которое утратили. Эта система требует даже, чтобы в конце их подвергли какому-нибудь соблазну — например, вручили деньги и послали с каким-нибудь поручением и тому подобное. Ибо ясно, что, если они не привыкнут сопротивляться соблазну внутри стен приюта, нельзя будет считать, что они смогут противостоять ему, покинув приют.

Само собой разумеется, все, чему их будут там учить, должно опираться на религию. Она должна быть основой всей системы. Однако совершенно необходимо применять к подобному классу лиц совершенно определенную систему воспитания, которая, будучи твердой и последовательной, в то же время не угнетала бы их и вселяла бы в них надежду. Приют должен научить каждую из них порядку, аккуратности, чистоплотности и таким хозяйственным обязанностям, как стирка, починка одежды и стряпня. Но при этом я добивался бы того, чтобы все они поняли следующее (я бы вывесил это в каждой комнате): они занимаются однообразным трудом, во многом себе отказывая, не ради него самого, но ради того, чтобы в конце концов они с божьей помощью освятили им собственный счастливый очаг.

Я уже упомянул, что предоставил бы возможность на-

чальникам тюрем рекомендовать кандидаток в приют. Я считаю это чрезвычайно важным, ибо такие почтенные люди, как мистер Честертон, начальник мидлсекского исправительного заведения, или лейтенант Трэси из Брайдуэла (я хорошо знаком с ними обоими), прекрасно знают добрые чувства, скрытые в глубине сердца многих из этих несчастных, а также всю историю их прошлой жизни, и в разговорах со мной они частенько сетовали на отсутствие заведений, подобных задуманному Вами приюту, в которые можно было бы направлять их после их освобождения. Следует помнить, что большинство этих несчастных женщин постоянно попадает в тюрьму, не совершив никакого преступления или проступка, после того, как лишь раз оступились. Полиция может забирать их по собственному произволу только потому, что они принадлежат к этому классу и бродят по улицам, после чего судья приговаривает их к нескольким месяцам тюрьмы. Когда эти несчастные выходят оттуда, у них нет иного выбора, кроме как вернуться к своему прежнему занятию, после чего они снова попадают в тюрьму. Хорошо известно, что многие из них дают полицейским взятки, чтобы их не трогали, но если у них не хватает денег, чтобы снова и снова откупаться, их немедленно арестовывают. Очень многие из них ведут себя в тюрьме превосходно — даже не получив того систематического воспитания, которое они будут получать в приюте: нежно ухаживают за больными и проявляют столько же кротости и мягкости, как самые добродетельные женщины.

Совершенно очевидно, что многие из этих женщин некоторое время будут вести себя безупречно, а потом без всякой видимой причины устроят истерику и пожелают покинуть приют. Что-то в их образе жизни, очевидно, порождает в их душах какую-то отчаянную беззаботность — она может долго подавляться, но потом вспыхивает как безумие. Все те, кому доводилось наблюдать подобные вспышки в исправительных заведениях и в других местах, испытывали при этом, вероятно, удивление и жалость. И поэтому я ввел бы правило, что никто не может покинуть приют раньше, чем хотя бы через двадцать четыре часа после изъявления такого желания, и за это время женщину следует, если возможно, ласково уговаривать и просить хо-

рошенько подумать о своем поступке. Это внезапное сокрушение всего, что строилось месяц за месяцем,— на мой взгляд, настоящая болезнь, и я обращал бы на нее большое внимание, подходил бы к подобным женщинам с большой мягкостью и осторожностью *и ни в коем случае не считал бы один, два, три, четыре или даже шесть уходов из приюта непреодолимым препятствием к тому, чтобы вновь принять туда такую женщину*. Решение в каждом отдельном случае я предоставил бы руководителям приюта, причем наибольший вес должно было бы иметь постоянное хорошее поведение, предшествовавшее такому припадку.

Я начал бы с относительно небольшого числа — например, с тридцати человек — и изо дня в день внушал бы им, что успех опыта зависит только от них и что их поведение решает, будут ли спасены сотни и тысячи женщин, теперь даже еще не родившихся. Насколько успешен будет этот эксперимент, предсказать очень трудно, однако мне кажется, что если в приюте будет введена хорошо продуманная система и он будет хорошо управляться, половина его обитательниц будет спасена с самого начала, а в дальнейшем пропорция эта будет возрастать. Мне кажется, подобный подсчет должен оказаться весьма близким к истине.

Основная трудность заключается в том, чтобы как-то обеспечить их до конца жизни (если не удастся добиться помощи правительства), начиная с того момента, когда их можно будет считать исправившимися. Если предположить, что система отметок и воспитания окажется успешной и постепенно завоюет общественное доверие и уважение, можно, я полагаю, надеяться, что очень многие охотно будут брать этих женщин в услужение. Однако для очень многих из этих несчастных очень нужна была бы возможность начать жизнь заново в совершенно новой обстановке, так как тогда не было бы опасности, что их узнают, оскорбят или что прежние знакомые снова толкнут их на прежний путь.

Не знаю, захотите ли Вы доверить мне какую-то долю надзора и руководства этим приютом, но незачем говорить, что я вложил бы в подобное дело всю душу. И в этом отношении, как и во всех остальных, мною руководит только искреннее и ревностное желание всеми скромными средст-

вами, находящимися в моем распоряжении, помочь вам в устройстве этого благодетельного заведения.

Во всяком случае, Вам для начала следует ознакомиться со всеми результатами предыдущих экспериментов в этой области — с их устройством, планами, руководством, а также с необходимыми расходами. Мне кажется, все эти данные я мог бы получить и изложить ясно и понятно не хуже всякого другого. Я предложил бы вам следующий план действий: *все, связанное со школой и церковью, на некоторое время отложить.* Когда я буду в Париже (с божьей помощью, я надеюсь там быть до рождества), я ознакомлюсь со всеми существующими там заведениями подобного рода и соберу все сведения, какие только возможно. Я убежден, что именно в Париже можно собрать гораздо больше полезного материала, чем в любом другом месте. Этот материал с добавлением нашего английского опыта я изложу в наипростейшей и наияснейшей форме, так что Вы сможете ориентироваться в нем, как на карте. Тем временем у Вас будут следующие преимущества:

1. Учреждая свою школу и аптеку, Вы сможете использовать все то, что может оказаться полезным при устройстве этого приюта.

2. Тем временем окончательно созреют, а может быть, даже будут осуществлены кое-какие проекты, которые сейчас затеваются в Лондоне. Хотя они делают лишь несколько шагов по тому же пути, но их успех или неудача будут равно поучительны.

3. Весьма вероятно, что в ближайшее время парламент займется рассмотрением всей системы ссылки и — что особенно важно — в различных предварительных докладах, касающихся этого предмета (с которыми мне довелось недавно ознакомиться) признается первостепенная важность вопроса о посылке женщин в различные колонии.

Я высоко ценю, дорогая мисс Кутс, Ваше доверие в подобном деле и Ваше чистое, возвышенное великодушие, и от всего сердца желаю, чтобы та помощь, которую Вы надеетесь оказать Вашему полу, с самого начала получила всю возможную поддержку, и чтобы исполнение Вашего замысла, если ему суждено исполниться, послужило прославлению Вашего имени и Вашего отечества. И, чувствуя

все это, я даю Вам совет, который, мне кажется, должен помочь осуществлению этой цели. Поверьте, если Вы согласитесь, я никогда не забуду об этом деле, не остыну к нему и не перестану отдавать ему все свои силы и мысли. Но если Вы предпочтете какой-либо иной путь и сообщите мне об этом, Вы найдете во мне такого же ревностного помощника, которому так же лестно будет оказаться хоть чем-то Вам полезным...

181

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Лозанна,
18 июля 1846 г.

...Мне кажется, что замысел «Домби» интересен и нов и таит в себе большие возможности. Однако мне не хотелось бы писать Вам об этом, пока Вы не прочтете первого выпуска, а то я боюсь испортить Ваше впечатление. Когда он будет окончен — в среду или в четверг, с божьего соизволения,— я отошлю его Вам в ближайшие два дня по семь писем с каждой почтой. Если Вы немедленно пошлете его в типографию, то боюсь, что Вы сумеете прочесть его только уже напечатанным. Я полагаюсь на то, что Вы внушите Б. и Э. необходимость сохранять строжайшую тайну. Даже если станет известной только фамилия, это уже будет губительно. Меня очень тревожат детали для иллюстраций, которые требуют необычайной тщательности. Образцовой моделью для Домби, если бы только Брауну удалось его увидеть, мог бы послужить сэр А. Э. из Д. Очень много стараний потребует мисс Токс. Семью Тудлей не следует особенно окарикатуривать из-за Полли. Мне хотелось бы, чтобы Браун обдумал Сьюзен Нипер, которая в первом выпуске не потребуется. После второго выпуска они все станут лет на девять-десять старше, но это не приведет к значительным изменениям характеров, за исключением, конечно, детей и мисс Нипер. Как чудесно называть все эти имена, когда они Вам ничего не говорят! Мне это очень нравится. Между прочим, надеюсь, Вам понравится знакомство с Соломоном Джилсом. Мне кажется, он живет в неплохом домишке... Еще одно. Как вам понравится такое

название для рождественской повести: «Битва жизни»? Я с этим названием вовсе не возился — оно только что пришло мне в голову в связи с одной смутной мыслью. Если удастся, я, пожалуй, возьмусь затем за нее и избавлюсь от нее. Если бы Вы знали, как она ко мне привязалась, Вы бы сказали то же самое. Каким облегчением было бы покончить с ней, чтобы «Домби» ничто не мешало!..

162

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Лозанна,
25 июля 1846 г.

...Последние два дня я все подумываю, что из истории человека, приговоренного к десяти или пятнадцати годам тюремного заключения, можно было бы сделать удачную основу для хорошей рождественской повести. Годы, проведенные в тюрьме, легли бы пропастью между людьми и обстоятельствами первой части и изменившимися людьми и обстоятельствами второй, не говоря уже о той перемене, которая произойдет в его собственной душе. Впрочем, я, пожалуй, буду продолжать возиться с этим замыслом «Битвы». А что Вы думаете о нем?

...Теперь я собираюсь сообщить Вам в общих чертах мои ближайшие намерения относительно «Домби». Я собираюсь показать, как мистером Домби все больше и больше овладевает всепоглощающая мысль о «сыне», все больше и больше разжигающая его гордость и высокомерие. Едва мальчик начнет подрастать, я покажу, как у отца не хватает терпения ждать, как он требует, чтобы учителя давали ему побольше работы и все прочее.

Однако естественная привязанность мальчика обратится на его сестру, и я намерен показать, как она будет самостоятельно и по доброй воле учиться самым разным вещам, чтобы иметь возможность помогать ему в его уроках, и как она всегда будет делать это. Когда мальчику будет лет десять (в четвертом выпуске), он заболеет и умрет, и во время болезни, когда он будет умирать, он всегда будет, как и раньше, льнуть к сестре, сторонясь су-

ровой любви отца. Так что мистер Домби, несмотря на все свое величие и на всю свою привязанность к мальчику, даже тогда не почувствует себя ближе к нему и убедится, что вся любовь и доверие мальчика отданы сестре, на которую мистер Домби — да и сам мальчик, если уж на то пошло,— смотрел только как на существо, предназначенное служить удобствам его сына. Смерть мальчика, разумеется, наносит смертельный удар всем излюбленным планам и надеждам его отца, и «Домби и Сын», как скажет мисс Токс в конце этого выпуска, «все-таки оказался дочерью»... С этого времени я собираюсь изменить его неприязнь и равнодушие к дочери на подлинную ненависть, ибо он не сможет забыть, как мальчик, умирая, обнимал ее, что-то ей шептал, соглашался брать лекарство только из ее рук и даже не вспоминал об отце... В то же время ее чувство к отцу я превращу в еще более глубокое желание любить его и быть им любимой, так как это подскажет ей глубокое сочувствие к его горю и ее любовь к умершему, которого он по-своему тоже горячо любил. Вот так я собираюсь вести повествование дальше, через все ответвления, боковые дорожки и извивы, через разрушение и гибель семьи и банкротство Домби, когда его единственной опорой и сокровищем, его тайным и неизменным добрым гением окажется эта отвергнутая дочь, которая в конце концов станет ему дороже любого сына, и чья любовь, когда он наконец поймет ее и оценит, будет для него горчайшим упреком. Ибо его борьба с самим собой, неотъемлемая от подобных упрямых натур, придет тогда к концу, и чувство собственной несправедливости, никогда в нем до конца не угасавшее, перестанет наконец делать его еще более несправедливым, а, наоборот, смягчит его душу... Я очень надеюсь, что Сьюзен Нипер, став взрослой, а также полугорничной и полукомпаньонкой Флоренс, до конца книги останется сильным характером. Я очень надеюсь также на Тудлей и на Полли,— мистер Домби обнаружит, что и она, как все остальные, перешла на сторону его дочери и привязалась к ней. Это, говоря языком кухни, «основа супа». Кроме того, к нему еще будет добавлено много всякой всячины.

Что касается мальчика, который появляется в последней главе первого выпуска, то я думаю обмануть все ожи-

дания, которые может внушить эта глава о его счастливой роли в романе и в судьбе героини, и показать, как он постепенно и естественно от любви к приключениям и мальчишеского легкомыслия дойдет до безделья, распущенности, бесчестья и гибели. Короче говоря, я покажу это обычное, заурядное, грустное падение, которое мы так часто видим в окружающей нас жизни, раскрою его философию, когда покладистая легкомысленная натура не может противостоять соблазнам, и покажу, как добро постепенно превращается в зло. Если при этом я буду где-то в глубине души хранить воспоминание о Флоренс, эта история может, на мой взгляд, получиться очень сильной и очень нравоучительной. А как Вам кажется? Как Вы думаете, можно это сделать, не рассердив читателей? Соломон Джилс и капитан Катль с честью выйдут из всех этих испытаний, и, во всяком случае, я предвижу возможность интересных сцен между капитаном Катлем и мисс Токс. Вопрос о мальчике очень важен.

...Я очень хочу услышать все, что Вы об этом думаете. Услышать! Если бы это было возможно...

163

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Лозанна,
24 августа 1846 г.

...Не получив, как обыкновенно, Вашего письма, я сел писать Вам наугад вчера, но погрузился в мысли о «Домби» и проработал над ним весь день. С прошлого вторника непрерывно льет настоящий горный дождь. После обеда, в начале восьмого, я расхаживал взад и вперед под маленькой колоннадой в саду, ломая голову над всякими «Домби» и «Битвами жизни», когда увидел двух людей, покрытых грязью дальнего пути, из которых один — в весьма раскисшей и грустной соломенной шляпе — то и дело кланялся мне, приближаясь по дорожке. Я долго не мог их узнать, и только когда они приблизились почти вплотную, разглядел, что это А. и (в соломенной шляпе) Н. Они приехали из Женевы на пароходе и кое-как пообедали на борту. Я угостил их превосходным рейнвейном,

а также бесчисленными сигарами. А. был очень доволен и чувствовал себя как дома. Н. (странный приятель для гения) — несомненный сноб, но и он был, кажется, доволен и исполнен добродушия. У А. в кармане нашлась пятифунтовая банкнота, которую он, беззаботно таская с собой, до того истер, что от нее осталось только две трети, и стоило ее вынуть из кармана, как над столом закружились ее кусочки — так она истрепана. «О господи, знаете ли... право же... словно Гольдсмит, знаете ли... или кто-нибудь еще из этих великих»,— сказал Н.: та самая «отрывистая речь и грубый голос», которые напомнили Ли Ханту Клотена... * Облака, как всегда здесь в такую погоду, стлались по земле. Наши друзья совсем не разглядели Женевского озера. Пожалуй, не разглядели и Мэр де Глас, ибо их разговоры о нем весьма напоминали заявление той особы, которая, побывав на Ниагаре, сказала, что это всего только вода — и больше ничего...

...Меня приводит в ужас трусость и нерешительность вигов. Не могу представить себе ничего более подлого и робкого, чем то, как они предложили этот билль о вооружении, выдержали все атаки, изъяли наиболее неприятные пункты, продолжали его поддерживать и в конце концов взяли назад. Я не могу им доверять. Лорд Джон *, наверное, чувствует себя среди них совсем бессильным. Они почему-то никогда не умеют разобраться в своих картах и разыгрывают их вслепую. Я согласен с Вами, что сравнение с Пилем далеко не в их пользу. Я не верю теперь, что они отменили бы хлебные законы, даже если бы могли...

Надеюсь, Вы не оставите свою мысль о недостаточности защиты, которую закон предлагает женщинам, и подкрепите ее замечаниями о недостаточности наказания, которому был подвергнут негодяй, игриво прозванный газетчиками «Оптовым брачным спекулянтом». Я считаю, что в любом благоустроенном обществе с передовым социальным законодательством он получил бы не одну трепку (частным образом) и был бы приговорен по меньшей мере к пожизненной ссылке. Несомненно, субъект, выбросивший жену из окна, был нисколько не хуже его.

. . . .

Я приписываю это тайной вере в благородный принцип политической экономии, гласящий, что излишнее насе-

ление непременно должно голодать *; сам же я видел в этом учении только залог несчастья для тех, кто ему поверит. Я убежден, что его проповедники погубят любое правительство, любое дело, любую доктрину, какими бы правильными они ни были. Здравый смысл и человечность масс в конце концов их не потерпят, а они всегда будут губить своих друзей, как погубили их при разработке «закона о бедных». Все цифры, какие только могла бы изготовить счетная машина Баббеджа на протяжении двадцати поколений, не могли бы противостоять сердцу общества.

164

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Лозанна,
30 августа 1846 г.

Вы не можете себе представить, скольких трудов мне это стоит и как мне трудно двигаться вперед быстро. Выдумывать, слава богу, кажется легче легкого, а после этого долгого отдыха мое чувство смешного до того обострилось, что мне то и дело приходится удерживаться от нелепых гротесков, которые доставляют мне истинное наслаждение. Но вот продвигаться с быстротой, которая меня удовлетворяла бы, необыкновенно трудно, чтобы не сказать — невозможно. Вероятно, сказываются два года отдыха, а отчасти отсутствие людных улиц. Я не могу выразить, до чего мне их не хватает. Словно они давали какую-то пищу моему мозгу, без которой он не может быть деятельным. Неделю или две я могу писать чрезвычайно плодотворно в каком-нибудь уединенном месте (вроде Бродстэрса), а потом день, проведенный в Лондоне, обновляет мои силы. Но до чего же, до чего трудно писать день за днем без этого волшебного фонаря! И у меня вовсе не дурное настроение — нам здесь очень удобно, город этот мне очень нравится, и относятся ко мне тут даже более дружески и с большей любовью, чем в Генуе. Я упоминаю об этом просто как о любопытном факте, который обнаружил только сейчас. Вот и мои герои склонны увядать, если их не окружает толпа. Я писал в Генуе очень мало (только «Колокола»), и порой мне приходило в голову нечто подобное,

но — боже мой! — там у меня было по крайней мере две мили освещенных по вечерам улиц, где я мог прогуливаться, и большой театр, где я мог проводить каждый вечер.

...Я с радостью соглашаюсь на любые изменения или сокращения, которые Вы собираетесь предложить. Браун, видимо, продвигается очень неплохо. Крещение Поля даст ему хороший материал. Мистер Чик похож на Д. Упомяните об этом, если не забудете. Главку о мисс Токс и майоре, которую Вы, увы (но совершенно правильно), изгнали из первого выпуска, я изменил для заключения второго. Среднюю главу я пока еще не кончил — для ее завершения мне понадобится примерно три хороших рабочих дня. Однако я надеюсь, что второй выпуск будет достойным преемником первого. Я вышлю его, как только кончу...

165

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Лозанна,
6 сентября 1846 г.

...Так как погода упрямо прояснялась, мы в прошлый вторник отправились в большой монастырь св. Бернарда и вернулись в пятницу днем. Общество наше состояло из одиннадцати человек и двух слуг: Холдимэнд *, мистер и миссис Сэржа с дочерью, мистер и миссис Уотсон, две дамы Тэйлор, Кэт, Джорджи и я. Мы были во всем удивительно единодушны и веселы. Отправились отсюда на пароходе и, высадившись, нашли целый дилижанс, который нас ожидал — его нанял мой славный Рош (он отправился вперед все подготовить). Доехали на нем до Бекса, где нас ждали две большие кареты, доставившие нас в Мартиньи. Там мы переночевали, а на следующее утро отправились в горы на мулах. Хотя монастырь св. Бернарда, как Вы, вероятно, знаете, вторая по высоте точка на земле, где еще живут люди, подъем очень удобен и легок — ни единой трудности до последних трех миль, но зато там путь проходит через так называемую «гибельную долину» и становится чрезвычайно страшным и неудобным из-за каменных

осыпей и тающего снега. Этот монастырь — удивительное место, настоящий лабиринт сводчатых коридоров, отделенных друг от друга сводчатыми решетками. В нем множество удивительных крошечных спален, где окна так малы (из-за холодов и снега), что в них с трудом можно просунуть голову. Там мы переночевали, поужинав втридцатером в специально для этого отведенной старинной комнате, где пылал камин; блюда разносил угрюмый монах в высокой черной остроконечной шапке с большой шишкой наверху. В пять часов утра в часовне уныло ударил к заутрене колокол, и мне (моя спальня находилась совсем рядом с часовней), когда меня разбудили торжественные звуки органа и пение, на мгновение показалось, что ночью я умер и перенесся в неведомый мир.

Как бы мне хотелось, чтобы Вы побывали здесь! Огромная круглая долина на вершине страшной горной цепи, окруженная отвесными скалами всех цветов и форм, а посредине — черное озеро, над которым непрерывно плывут призрачные облака. Взор со всех сторон встречает вершины, утесы и пелену вечного льда и снега, отгораживающую долину от всего внешнего мира; озеро ничего не отражает; и кругом не видно ни одной живой души. Воздух так разрежен, что все время ощущаешь одышку, а холод неописуемо суров и пронизывает насквозь. Не видно никаких признаков жизни, ничего красочного, интересного — только угрюмые стены монастыря, никакой растительности. Нигде ничто не шелохнется, все заковано в железо и лед. Рядом с монастырем в маленьком сарае с решетчатой железной дверью, которую может отпереть каждый, кто хочет, хранятся тела замерзших в снегу людей, которых никто не пришел сюда искать. Они не лежат, они поставлены по углам и прислонены к стенам. Некоторые стоят прямо и до ужаса напоминают живых людей, на лицах ясно можно различить выражение; некоторые упали на колени, другие на бок, а некоторые уже рассыпались, превратившись в кучку костей и праха. На здешней высоте нет гниения, и трупы остаются здесь все короткие дни и длинные ночи — единственные люди за стенами монастыря,— медленно рассыпаясь в прах: страшные хозяева горы, погубившей их.

Ничего более своеобразного и оригинального я не видел

даже в этом необыкновенном краю. Что же касается святых отцов и самого монастыря, я с грустью должен сказать, что это один из тех обманов, в которые мы уверовали в нашей юности. Дешевая французская сентиментальность и собаки (из которых, между прочим, осталось в живых только три) — вот что питало наши иллюзии. Эти монахи удивительные лентяи, предпочитающие не выходить наружу и нанимающие работников, чтобы расчищать дорогу (которая сто лет назад утратила свою важность — теперь этим перевалом почти не пользуются). Они богаты, и дела их процветают — ведь монастырь представляет собой обыкновенную харчевню, которой не хватает только вывески. Да, конечно, они не берут платы за свое гостеприимство, но в часовне вас подводят к кружке, куда все опускают значительно больше, чем можно было бы не краснея поставить в счет. Таким образом это заведение получает постоянный хороший доход. И не такое уж большое самопожертвование жить на этой высоте. Правда, они вынуждены селиться здесь еще в молодые годы, чтобы привыкнуть к климату, но зато жизнь тут куда более интересна и разнообразна, чем в любом другом монастыре: летом постоянное и непрерывно меняющееся общество, в долине приют для немощных — еще одно развлечение; и ежегодное путешествие за милостыней в Женеву или куда-нибудь еще — вот и еще развлечение для того или иного брата.

Монах, который председательствовал за нашим ужином, немного говорит по-английски и только что получил «Пиквика»! Каким шарлатаном сочтет он меня, когда попробует его понять! Будь со мною какая-нибудь другая моя книга, я подарил бы ее ему, чтобы иметь хоть какую-то надежду, что меня поймут...

186

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Лозанна,
<сентябрь 1846 г.>

...Я напишу Лендору, как только выберу свободную минуту, но я так много времени провожу за рабочим столом и так много думаю — и здесь и всюду — о рождественской

повести или о «Домби», что мне необычайно трудно сесть писать кому-нибудь, кроме Вас. Мне давно уже следовало бы написать Макриди. Пожалуйста, передайте ему от меня привет и расскажите, каково у меня сейчас положение с пером, чернилами и бумагой. Одна из лозаннских газет, занимающаяся вопросом о свободе торговли, в последнее время весьма часто упоминает лорда Гобдена *. Честное слово, по-моему, это хорошая фамилия...

. . . .

...Я не сомневаюсь, что, когда я работаю, мне необходима постоянная перемена, и порой во мне просыпается очень сильное подозрение, не вреден ли для меня воздух швейцарских долин. Как бы то ни было, если я когда-нибудь вновь поселюсь в Швейцарии, то только на горной вершине. В долине мой дух порой ощущает приближение зоба и кретинизма. И все же как грустно будет мне расставаться с этим маленьким обществом! Мы были здесь исполнены такого дружелюбия и симпатии друг к другу, и я всегда буду готов кричать «ура» швейцарцам и Швейцарии...

167

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Лозанна,
26 сентября 1846 г.

...Я собираюсь сообщить Вам совершенно неожиданную новость. Боюсь, что не будет никакой рождественской повести! Чего бы я не дал, лишь бы иметь возможность сообщить Вам это лично. По правде говоря, я уже было думал выехать сегодня в Лондон. Я написал около трети, и повесть обещает быть весьма недурной *, это совершенно новая идея — по крайней мере мне так кажется. Однако довести рассказ до благополучного завершения без вмешательства сверхъестественных сил, о чем теперь думать уже поздно, и в то же время придать ей естественным путем необходимые размеры или хотя бы не превзойти по объему «Векфильдского священника» кажется мне настолько трудным (принимая во внимание всю работу, проделанную над «Домби»), что, боюсь, я совсем измучаюсь, если буду продолжать трудиться над ней, и окажусь не в

состоянии вернуться к роману с необходимой для этого ясностью мысли и усердием. Если бы я был занят одной лишь рождественской повестью, я бы написал ее, но меня страшит и гнетет мысль о том, что я буду утомлен, когда вернусь к роману, и начну писать его наспех. Я написал первую часть. Представляю себе развязку и завершение второй, а также всю третью (всего в ней будет только три части). Я представляю себе роль каждого персонажа и те простые идеи, которые они должны олицетворять. У меня есть уже наброски главных сцен. Совершенно счастливый конец невозможен, однако он будет достаточно веселым и приятным. Но у меня не хватает духа приступить ко второй части — самой длинной — и к введению побочной линии (главная уже развита, и с процентами). Я сам не понимаю, в чем тут дело. Вероятно — в непрерывной работе, в этом спокойном местечке, в страхе за «Домби» и в невозможности рассеять этот страх с помощью городского шума и толпы. Тот факт, что я начал сразу две книги, несомненно, был чреват всевозможными трудностями. Я убежден теперь, что не мог бы создать «Рождественскую песнь», приступая к «Чезлвиту», или перейти к новой книге от «Колоколов». Но как бы то ни было, верно одно: я совсем болен, расстроен и часто впадаю в уныние. Я скверно сплю, полон беспокойства и тревоги, и меня неотступно преследует мысль, что я порчу роман и мне следовало бы отдохнуть. Я порвал письмо, которое собирался отправить Вам перед этим. В нем я решительно отказывался от рождественской повести на этот год, но теперь я решил сделать еще одно усилие: завтра я уеду в Женеву и в течение понедельника и вторника попытаюсь проверить, не поможет ли мне перемена обстановки. Если из этого ничего не выйдет, то — я твердо убежден — мне следует сразу же прекратить все попытки, которые обескураживают и утомляют меня, в то время как мне предстоит работа над большой книгой. Вы легко можете себе представить, насколько все это серьезно, раз я готов отказаться от того, что меня так интересует,— отказаться, когда на моем столе уже лежат пятнадцать густо исписанных страниц рукописи, которые заставляли меня смеяться и плакать. И даже пока я пишу это письмо, меня мучит предчувствие, что в письме, которое я отправлю Вам вечером

во вторник, не будет содержаться ничего хорошего. Ради бога, поймите, что все это чрезвычайно серьезно и вовсе не мимолетная фантазия. В прошлую субботу, напряженно проработав весь день, и в прошлую среду, завершив первую часть, я был очень доволен и полон надежд, но все остальное время с тех пор, как я начал писать эту повесть, меня неотступно преследовала мысль, что даже мечтать о ее завершении нелепо и что мне следует быть совершенно свободным для «Домби»...

168

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Лозанна,
11 октября 1846 г.

...Еще задолго до того, как Вы получите это письмо, Вы, должно быть, все узнаете о революции в Женеве *. Когда я был там, ходило множество слухов о заговоре против правительства, но я им не верил, ибо против радикалов всегда распускается всевозможная клевета, и где бы ни находился консул католической державы, там всегда распространяется о них самая чудовищная ложь. Вот, например, даже здесь сардинский консул совершенно серьезно рассказывал недавно шепотом об образовании общества «Человекоубийц», членом которого был председатель государственного совета, швейцарский О'Коннел и умный человек; причем вступавшие в это общество якобы клялись на черепах и скрещенных костях уничтожать богатых собственников и т. п. В тот день, когда в Женеве шла схватка, здесь в Лозанне было большое волнение. Весь день мы слышали пушки (от выстрелов сотрясался наш дом), и из города вышел отряд в семьсот человек, чтобы помочь радикальной партии,— он явился в Женеву, как раз когда все было кончено. Нет никаких сомнений, что они получили тайную помощь из Лозанны. Женевцы, найдя бочонок пороха с надписью «Кантон Во», таскали его на шесте как знамя, желая показать, что их поддерживают друзья и за пределами города. Это была довольно жалкая схватка, как рассказал мне очевидец лорд Вернон, побывавший у нас вчера. Правительство испугалось,— вероятно не доверяя

своим солдатам,— и пушки палили куда угодно, только не в противника, который (я имею в виду революционеров) перегородил мост с помощью всего только одного дилижанса и вначале, несомненно, легко мог быть опрокинут. Умение простых людей стрелять из ружья было доказано малюсеньким отрядом из пяти человек, который, засев на валу вблизи городских ворот, заставил отступить роту солдат, двигавшуюся на помощь правительству. Они, едва только рота появилась, застрелили всех офицеров — их было трое или четверо,— после чего солдаты невозмутимо сделали поворот кругом и удалились. Пожалуй, в Лозанне не наберется и пятидесяти человек, которые не сумели бы попасть в игральную карту с расстояния в полтораста ярдов. Я не раз видел, как швейцарцы стреляли через большой овраг шириной с газон в Сент-Джеймском парке и неизменно попадали в яблоко.

То, что я собираюсь сказать, звучит не слишком по-джентльменски, и все же я без всяких оговорок заявляю, что все мои симпатии на стороне радикалов. Этот неукротимый народ имеет, по-моему, полное право испытывать такую ненависть к католицизму — если не как к религии, то как к причине социальной деградации. Они хорошо знают, что это такое. Они живут по соседству с ним — за их горами лежит Италия. Они в любую минуту могут сравнить результаты этих двух систем в своих собственных долинах. И мне кажется, что их отвращение к нему, ужас, который вызывает в них появление католических священников и эмиссаров в их городах,— чувство безусловно разумное и оправданное. Но даже если отбросить это, вы не можете себе представить, как нелепа, как нагла крохотная женевская аристократия,— трудно придумать более смешную карикатуру на нашу английскую знать. Не так давно я беседовал с двумя видными тамошними особами (людьми очень умными), которые явились пригласить меня на какой-то тамошний прием,— я, впрочем,— отказался. Их болтовня о «народе» и «массах» и о необходимости расстрелять кое-кого, чтобы остальным было неповадно, своей чудовищностью напоминала то, что можно услышать в Генуе. Столь же нелепо и наглое, высокомерное презрение к народу, проявляемое их газетами. Трудно поверить, что разумные люди могут быть такими

ослами с политической точки зрения. Именно это положение вещей и вызвало перемены в Лозанне. В связи с вопросом о иезуитах была подана чрезвычайно почтительная петиция, подписанная десятками тысяч мелких землевладельцев: попросту говоря, крестьянами из кантонов, великоленно обученными в школах, и в духовном, так же как и в физическом, отношении поистине замечательными представителями сословия тружеников. Аристократическая партия отнеслась к этому документу с неподражаемым презрением, заявив, что он подписан «чернью», после чего вся эта «чернь» взяла ружья, в назначенный день вступила в Женеву, и аристократическая партия убралась оттуда без единого выстрела.

...«Домби» расходится *великолепно!* Я мечтал о тридцати тысячах, как о пределе, и заявил, что если мы его достигнем, я буду чрезвычайно удовлетворен и чрезвычайно счастлив: судите же сами, как я счастлив теперь! Вчера я, к величайшему и шумнейшему восторгу слушателей, прочел здесь второй выпуск. Мне еще не приходилось слышать, чтобы люди так смеялись. С Вашего разрешения скажу, что неплохо читаю Майора...*

169

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Женева, отель Дель Экю,
20 октября 1846 г.

...Мы приехали сюда вчера и, вероятно, останемся здесь до дня рождения Кэти, то есть до следующего четверга. Я примусь за работу над третьим выпуском «Домби», как только смогу. Пока я немного устал, но куда меньше, чем предполагал в прошлое воскресенье. Несколько дней я почти не спал и трудился с утра до ночи. Бутылка рейнвейна в понедельник, когда с нами обедал Эллиотсон (вчера утром он отправился в обратный путь), пошла мне на пользу. Это случилось как раз вовремя, и я уже впал в домбийское настроение... Однако голова у меня еще не совсем в порядке и порой сильно болит, как, например, сейчас, хотя мне пока еще не пускали кровь. Всю прош-

лую неделю мне снилось, что «Битва жизни» — это лабиринт каморок, из которых невозможно выбраться и по которым я уныло бродил всю ночь напролет. В субботнюю ночь я, по-моему, вообще не сомкнул глаз. Я непрерывно снова и снова пересматривал сюжет, пытаясь ввести в него здешнюю революцию. Это уже какое-то ужасное умственное расстройство. По виду этого города вы никогда не догадались бы, что здесь происходят какие-то революционные события. Над окном моей старой спальни зияет дыра — след пушечного ядра на фасаде дома,— и на двух мостах заделывают пробоины. Но это мелочи, которые могли бы остаться и после чего угодно другого. Население трудится. В узких улочках всюду можно видеть и слышать прилежных ремесленников за работой, а к десяти часам весь город затихает, словно Линкольнс-Инн-филдс. Единственным внешним видимым знаком общественного интереса к политическим событиям являются группы людей, собирающиеся на каждом углу, чтобы прочесть объявление нового правительства о приближающихся выборах государственных чиновников. В этих объявлениях народу внушают необходимость поддерживать республику. В столь образованном обществе, как это, не могло произойти ничего дурного, не могло быть никакого неоправданного насилия. Для нас, сохранивших еще американские впечатления, трудно придумать лучшее противоядие. Что же касается чепухи, которую распространяет «аристократическая партия» относительно того, что республиканцы отрицают собственность и т. д., трудно придумать что-либо более нелепое. Один из руководителей недавних событий имеет запас часов и драгоценностей огромной стоимости, совершенно не охраняемый — как не охранялся он и во время беспорядков. У Жака Фази есть прекрасный дом и ценная коллекция картин, и — приходится признаться — он мог бы потерять вдвое больше, чем половина консервативных ворчунов, вместе взятых. Этот дом один из самых богато меблированных и роскошных особняков на континенте. И будь я швейцарцем, владеющим сотней тысяч фунтов, я не меньше любого радикала был бы противником католических кантонов и распространения иезуитизма, ибо верю, что насаждение католицизма — одно из самых ужасных средств политической и социальной дегра-

дации, какие только сохранились в мире. И это хорошо известно здешнему весьма культурному населению... Женевские мальчишки старательно таскали материал для постройки баррикад на мостах, и я думаю, что прилагаемая песенка Вас позабавит. Ее поют на мотив, родившийся в дни великой французской революции, очень красивый...

170

ДУГЛАСУ ДЖЕРОЛДУ

Женева,
суббота, 24 октября 1846 г.

Дорогой Джеролд!

Ровно неделю назад я кончил мою маленькую рождественскую повесть (написав в конце слово в слово фразу из Вашего милого письма, которое получил сегодня утром, а именно: «Наша жизнь, пожалуй, не так проста») и отправился сюда отдохнуть недельку. Не могу выразить, какую искреннюю радость доставило мне Ваше сердечное письмо. Форстер сообщил мне, что рецензия на «Домби» в Вашем журнале была проникнута тем же духом сердечности, а как я сказал недавно Кэт и Джорджине, лучший способ проверить литературную дружбу — сопоставить то влияние, которое она оказывает на нас, с результатами литературной вражды. Мистер Уоррен, правда, способен на время привести меня в ярость, но на следующий день его поступки и деяния умирают смертью всего дурного и изглаживаются из моей памяти. А щедрая симпатия, подобная Вашей, всегда со мной, всегда для меня источник новой радости, всегда ободряет меня, веселит и наполняет счастьем. Боль, причиненная несправедливой злобой, исчезает через час. Дары бескорыстной дружбы — эта самая прочная радость в мире. Какое счастье и утешение приносит мысль о ней!

Нет, я получаю Ваш журнал весьма нерегулярно. Если не ошибаюсь, я получил всего три номера,— и уж во всяком случае, не больше четырех. Но я все время помнил, как Вы заняты, и не надеялся получить от Вас весточку, когда собирался написать Вам из Парижа, чтобы

уговорить Вас приехать к нам туда и повеселиться. Ваш ободряющий рассказ об этом предприятии доставил мне искреннее удовольствие. Все, что Вы говорите о старости людей, занимающихся литературой, я принимаю близко к сердцу и хорошо представляю себе, какую огромную пользу может принести осуществление Вашей идеи. Благодаря этому успеху Вы, несомненно, сможете приобрести независимое состояние, и я от всей души поздравляю Вас. Я получил два номера «Кресла цирюльника». Мысль великолепна и может быть легко и наилучшим образом приспособлена к любому новому обстоятельству. Номер, который должен был бы прийти с письмом, на которое я отвечаю, был с невероятным остроумием заменен... «Спектейтором»!!! В него вложен печатный листок от почтовой конторы с сообщением, что в этот вечер с очень многих газет слетели плохо приклеенные обертки; они выражают надежду, что газета, посылаемая мне, избрана правильно, но не очень на это рассчитывают. И в самом деле, из всех существующих газет они не могли бы выбрать более неподходящую.

Что же касается «Шуточной истории Англии» и подобных же бурлесков (включая и «Снобов») *, я совершенно с Вами согласен. Они произвели на меня очень неприятное впечатление. Подобные шутки напоминают печаль наемного плакальщика, только наоборот, и точно так же приличествуют серьезным темам. Мне еще не попадался Бекет *. Вы видели упоминание о недовольных писателях в объявлении Альберта Смита, которому придан вид парламентского акта? В нем есть наглая развязность, которая подняла во мне всю жизнь. Мне хотелось бы, чтобы Вы на него взглянули, если оно до сих пор не попадалось Вам на глаза. Оно посвящалось Кристоферу Тедполу и вышло недели две назад.

Манчестерского суаре, полагаю, еще не было. Я видел в «Галиньяни» *, что Вы едете. Как мне хотелось бы поехать с Вами!

Поверьте, я часто думаю о Ваших семейных несчастьях и не раз осведомлялся у Форстера о Вашей дочери. Это очень грустная история, дорогой Джеролд, бог свидетель. Но то, что отчасти повинно в Ваших страданиях, облегчает ее судьбу. До тех пор, пока он ей нравится, она не будет

чувствовать все это так остро. Надеюсь, что Ваш сын показал себя у Беринга с наилучшей стороны. А старший-то, вот чьи дела идут хорошо! Мой отец сообщил мне, что он расстался с «Дейли ньюс». Интересно было бы знать, как идут дела там. Боюсь, что «добавки», как их называют Б. и Э., выглядят не слишком многообещающе, а Дилк, вообще говоря, немного тяжеловат.

Париж хорош и весной и зимой, так что приезжайте на рождество, и мы вместе весело проведем праздники — «то праздничное время года» (как выражается мистер Роуленд из Хэттон-гарден), когда человеческие волосы особенно легко развиваются. Я надеюсь перебраться в Париж со всеми чадами и домочадцами к двадцатому числу следующего месяца. Как только устроюсь, напишу Вам. Но, пожалуйста, постарайтесь приехать на рождество, и мы устроим чисто английское веселье. Это пустяковая поездка, и Вы можете писать по утрам столько, сколько Вам заблагорассудится. Может быть, Форстер (покончив с мадам Тюссо *, тоже туда приедет, я его растормошу. Да, кстати, я растормошил мой французский язык, и получается довольно неплохо.

Газеты, кажется, знают о Швейцарии ровно столько, сколько о стране эскимосов. Мне хотелось бы показать Вам здешних жителей или жителей кантона Во — они очень культурны, у них великолепные школы, удобные дома, они отличаются умом и благородным независимым характером. Англичане имеют обыкновение чернить их, потому что швейцарцы ни перед кем не заискивают. Могу сказать только, что если бы первые двадцать пять лет наилучшего общего образования создали в Девоншире такое же крестьянство, какое живет здесь и в окрестностях Лозанны (отучив их от склонности к пьянству), то были бы достигнуты такие результаты, на какие и в самом радужном настроении я не рассчитываю даже через сто лет. Недавняя здешняя революция (я отношусь к ней с искренней симпатией) проходила в самом благородном, честном и христианском духе. Победившая партия была умеренна даже в первом своем торжестве, умеет быть терпимой и прощать. Клянусь Вам, некоторые из обращений к гражданам обеих партий, которые новое правительство (народное) развесило на стенах, были настолько истинно благо-

родными и возвышенными, что у меня, когда я их читал, на глаза навертывались слезы,— они были так далеки от жалкой политической свары и проникнуты заботой об общем счастье и благополучии.

Кэт и Джорджи шлют Вам привет. Эта маленькая женщина заставила меня вчера смеяться до упаду, превосходно изображая миссис Брэдбери. Мы часто говорим о Вас и планируем парижские развлечения. В Лозанне очень мало англичан (всего несколько десятков), но все это очень приятные, образованные люди. Я опять весьма удачно занимался магнетизмом — на этот раз с медиумом-мужчиной. Эллиотсон, гостивший у нас около недели, относится к моей магнетической силе с большим почтением. Да я и сам думаю, что волею судеб она довольно велика. Так пусть же она или что-нибудь еще привяжет ко мне Ваше сердце, дорогой Джеролд.

Ваш любящий друг.

171

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Лозанна
<ноябрь 1846 г.>

...Я очень огорчен иллюстрацией, изображающей миссис Пипчин и Поля. Она до ужаса не имеет ничего общего с текстом. Боже праведный! Перепутаны даже самые простые и точно указанные детали. О Пипчин прямо говорится, что она — старуха, а «миниатюрное креслице» Поля упоминается не раз и не два. Он должен был бы сидеть в креслице в углу у камина, глядя на нее снизу вверх. Не могу выразить, как мне больно и досадно, когда вот так абсолютно неправильно воплощают мои мысли. Я с радостью заплатил бы сто фунтов, только бы эта иллюстрация не попала в книгу. Если бы он внимательно прочитал текст, ему и в голову бы не пришло изобразить миссис Пипчин подобным образом. Право, мне кажется, что лучше бы он вовсе не заглядывал в текст, тогда ему можно было бы просто и коротко объяснить идею, и он ее волей-неволей понял бы...

172

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Лозанна
<ноябрь 1846 г.>

...Когда я впервые увидел ее, я испытал невыразимый и мучительнейший ужас. Мне незачем говорить Вам, мой милый, что Уордн * не имеет никакого отношения к сцене бегства — его же там не было! Под горячую руку после такого сюрприза я собирался было просить, чтобы печатанье этого листа приостановили и фигуру выскоблили с клише. Но затем я подумал о том, как сильно это огорчит нашего добросердечного Лича и, решив, что другим, возможно, это отнюдь не покажется столь чудовищной нелепостью, как мне, который просто об этом не думал, я несколько успокоился, хотя не перестаю удивляться. Несомненно, к тому времени, когда Вы получите это письмо, будет напечатано уже много экземпляров, и поэтому я не сомневаюсь, что иллюстрация останется в своем первоначальном виде. Во всех остальных отношениях Лич очень хорош, и его иллюстрации намного превосходят те, которыми были снабжены все предыдущие рождественские повести. Вы же знаете, что я строю в своем мозгу нерукотворные храмы (боюсь только, что они не находят выражения с помощью пера и чернил), и поэтому подобные вещи меня часто огорчают и разочаровывают. Но, право же, на этот раз я не разочарован. Спокойствие и красота сохранены везде. Скажите все, что можете, Маку и Стэнни, даже больше, чем можете! Просто наслаждение смотреть на эти миниатюрные пейзажи дорогого старика. Как они изящны и мягки и в то же время как мужественны и полны энергии! Они доставляют мне глубочайшую радость...

173

ГРАФИНЕ БЛЕССИНГТОН *

Париж, улица де Курсель, 48,
24 января 1847 г.

Дорогая леди Блессингтон!

Начиная это письмо, я чувствую себя отпетым негодяем, и совесть мучит меня, что я его не начал и не окон-

чил давным-давно. Но Вы лучше других знаете, как трудно писателю писать письма; а кроме того, я льщу себя надеждой, что Вы знаете, с какой искреннейшей симпатией вспоминаю я о Вас, где бы я ни находился. Поэтому, поразмыслив, я испытываю некоторое облегчение и кажусь себе не таким уж бессовестным.

Форстер ухитрился уложить в двухнедельный срок поистине невероятное и ни с чем не сообразное количество всяческих экскурсий и развлечений. Он то летел в Версаль, то бродил по тюрьмам, то посещал оперу, то больницы, то консерваторию, а то и морг — и все это с ненасытной жадностью. Мне начинает казаться, что я не имею ни малейшего отношения к книге, именуемой «Домби», и никогда не трудился над пятым выпуском (законченным едва полмесяца назад) изо дня в день и с таким усердием, что под конец я, подобно монаху в рассказе бедняги Уилки, начал уже воображать, будто она — единственная реальность, а все остальное — лишь мимолетные тени.

Среди множества прочего мы любовались недавно тем, как наш друг, нежный цветок Роз Шери, играла Клариссу Гарлоу. Если не ошибаюсь, сейчас она занимается тем же в Лондоне, и, возможно, Вы ее видели. Если не считать Макриди в «Лире», мне еще не доводилось видеть такой чарующей, тонкой, безыскусственной и трогательной игры. Театры сейчас восхитительны. Вчера вечером мы смотрели в «Варьете» «Очаровательного Бернара», сыгранного с неподражаемым совершенством. Словно ожило одно из полотен Ватто и фигуры на нем обрели дар речи. В цирке дается новый спектакль «Французская революция», в котором показывается национальный Конвент и множество сражений (с пятьюстами участниками, которые легко сходят за пять тысяч), просто удивительных по своему правдоподобию и пылу. Ежегодное комическое ревю в «Пале-Рояле» довольно скучно, если не считать появления Александра Дюма, который сидит у себя в кабинете перед грудой фолиантов высотой футов в пять и объясняет, что это — первая картина первого акта первой пьесы, которая будет сыграна на первом представлении в его новом театре. Мольеровский «Дон-Жуан» в «Комеди Франсэз» делает сборы. Игра превос-

ходна, и любопытно сравнить, насколько их Дон-Жуан и его лакей отличаются от нашего представления о взаимоотношениях хозяина и слуги. В «Порт Сен-Мартэн» снова дают «Лукрецию Борджиа», но играют убого и скучно, хотя пьеса сама по себе весьма замечательна и необычна. В прошлое воскресенье мы побывали в гостях у Виктора Гюго в его чрезвычайно оригинальном доме, который больше всего напоминает какую-нибудь лавку древностей или реквизитную старого, огромного, мрачного театра. На меня большое впечатление произвел сам Гюго, который в каждом дюйме тот гений, каким он и является на самом деле, и весь, с головы до ног, совершенен и очень интересен. Его жена — настоящая красавица с черными сверкающими глазами. Была еще и очаровательная дочка лет пятнадцати — шестнадцати, с точно такими же глазами. Окруженные старинными латами, старинными гобеленами, старинными шкафами, мрачными старинными столами и стульями, старинными парадными балдахинами из старинных дворцов, старинными золочеными львами, собравшимися покатать старинные золоченые шары внушительных размеров, они являли собой чрезвычайно романтическую картину и казались сошедшими со страниц одной из его книг...

174

ПРЕПОДОБНОМУ ЭДВАРДУ ТЭГАРТУ*

Париж, улица де Курсель, 48,
Сент-Оноре,
четверг, 28 января 1847 г.

Дорогой сэр,

Мне хочется, чтобы прежде, чем читать дальше это письмо, Вы извлекли из Вашего письменного стола табличку, на которой против моего имени стоит черная метка, и тщательно ее соскоблили. Я не заслужил ее, клянусь, не заслужил, хотя вынужден сознаться, что обстоятельства свидетельствуют против меня.

Я уехал в Женеву, чтобы исцелиться от крайне подавленного состояния, в которое я впал вследствие чрезмерного сидения над всяческими «Домби» и рождествен-

скими рассказами, и, оказавшись там, в один солнечный, но ветреный день получил Ваше письмо в тот самый момент, когда выходил на прогулку. Я прочел его на берегу Роны, в том месте, где она — очень голубая и очень стремительная — несется между двух высоких зеленых холмов. Повсюду, куда хватал глаз, протянулись снежные цепи гор. Сердечный и искренний тон Вашего письма доставил мне живейшее удовольствие, безмерно обрадовал меня, воодушевил на весь день и дал тему для вечерней беседы. Ибо я до самой ночи рассказывал «им» (то есть Кэт и Джорджи) о ясных утрах в Пескьере и грозился написать Вам завтра же такое письмо, что... уж не знаю в точности, что именно, но, несомненно, это было бы превосходнейшее письмо, полное самых дружеских чувств и, может быть, самое бодрое из всех писем, которые когда-либо были написаны.

С тех пор я много раз повторял: «Завтра же я напишу ему»,— и вот полюбуйтесь — Ваш покорный слуга полон раскаяния, искренне огорчен и сконфужен, но не может привести в свое оправдание ничего, кроме того, что в жизни писателя бывают такие времена, когда он, едва закончив утренние труды, встает из-за стола и не может видеть пера и чернил до тех пор, пока снова не примется за работу.

Кроме того, я осматривал Париж: бродил по больницам, тюрьмам, моргам, оперным и драматическим театрам, концертным залам, кладбищам, дворцам и погребкам. Каждую праздную половину месяца передо мной проносилась стремительная панорама всевозможных пышных и мрачных зрелищ. А перед этим Швейцария; я ехал оттуда через холодные, окутанные густым туманом горы, через города с крепостными стенами и подъемными мостами, в которых не было жителей и вообще ничего не было, кроме солдат и грязи. Я сбежал на четыре дня в Лондон и ехал бы и туда и обратно по сплошной снежной равнине, если бы (к моему крайнему сожалению) мне не пришлось переезжать через море. Потом Форстер приехал (он сейчас здесь и просит передать Вам от него самый сердечный привет), чтобы посмотреть на Париж своими глазами, и, показывая ему город, я скакал, как очарованный всадник. Иными словами, отдыхая, я не знал отдыха, а в понедель-

ник вновь приступаю к работе. Спустя две недели снова начнется отдых; еще через две недели его вновь сменит работа, а тем временем письма, очень важные для меня, все еще не будут написаны.

Интересуют ли Вас французские новости? Надеюсь, что нет, потому что я ничего не знаю. В «Цирке» идет мелодрама, которая называется «Французская революция», в первом акте ее показан «народ» — зрелище ужасное и в то же время очень выразительное. В пьесе есть и какие-то необыкновенные битвы и еще кое-что в этом же роде, но монолитность и мощь толпы — поистине страшны. В другом театре все еще продолжается успех «Клариссы Гарлоу». Хотя некоторые сцены в спектакле, несомненно, рассчитаны на то, чтобы покойный Ричардсон перевернулся в гробу, Кларисса играет превосходно и умирает, на мой взгляд, лучше, чем в романе; я, правда, никогда не был большим поклонником Ричардсона, и меня не покидает ощущение, что он всегда обут в ботфорты, которые не снимает ни при каких обстоятельствах.

Есть еще несколько спектаклей, в которых даны непревзойденные портреты англичан. В одном из них участвует слуга по имени Том Боб, он носит типично английский кафтан, обшитый золотыми галунами и спускающийся до пят, и ведет себя поистине очаровательно. В другом английский премьер-министр, разорившийся на железнодорожных спекуляциях, весьма удачно воспроизводит национальный колорит, то и дело вскользь упоминая «Висмингстер», «Режанстрит» и другие знакомые Вам места; еще в одной пьесе есть некий «сэр Факсон» — англичанин до мозга костей; а несколько дней назад я видел на сцене одного из маленьких театриков лондонского лорд-мэра, которому оказались очень к лицу жилетка, снятая с кучера почтового дилижанса, орден Подвязки и широкополая шляпа с низкой тульей, имеющая некоторое сходство с теми, что носят мусорщики.

Я был в Женеве во время революции. Умеренность и мягкость победившей партии выше всех похвал. Я не знаю в истории ничего, что могло бы сравниться с тем истинно христианским духом и стремлением к счастью всего человечества, которым были проникнуты отпечатанные и расклеенные по стенам обращения к людям всех партий.

Мои симпатии безраздельно принадлежат швейцарским радикалам. Они знают, что представляет собой католичество; им пришлось видеть и в своих долинах нищету, невежество, горе и слепой фанатизм, которые неизменно сопутствуют восторжествовавшему католицизму; и они выкорчуют его с пути своих детей, чего бы это им ни стоило. Боюсь, что борьба закончится вмешательством одной из католических держав, которой захочется уничтожить эти просвещенные и потому опасные (особенно для таких соседей) республики; но, если только я не заблуждаюсь, дух этого народа таков, что доставит еще много хлопот иезуитам и долгие годы будет сотрясать ступени их алтаря.

Это письмо (я вижу, что оно уже почти дописано) всего лишь жалкое воздаяние за Ваше, однако, если Вы увидите в нем то, что вижу я, оно не покажется Вам таким уж плохим; в нем есть сердечность, присущая искренней дружбе, оно успокоило мою совесть и облегчило душу. В конце марта (дай-то бог!) мы возвращаемся домой. Кэт и Джорджи свидетельствуют Вам свое глубочайшее уважение и просят передать привет миссис и мисс Тэгарт и детям. Наши дети тоже просят передать привет Вашим. Не сомневаюсь, Вы будете рады узнать, что «Домби» делает чудеса, а рождественский рассказ оставил далеко позади своих предшественников *. Надеюсь, что Вам понравится последняя глава пятого выпуска. Если Вы соблаговолите прислать мне в знак прощения клочок бумаги, исписанный Вашей рукой, сделайте это; в противном случае я приду просить Вашего прощения тридцать первого марта.

Примите уверение в моей неизменной и искренней преданности.

175

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

10 февраля 1847 г.

...Я потратил на него невероятное количество труда; особенно трудно пришлось мне после смерти Поля. Дай бог чтобы он вам понравился! У меня и теперь из-за него отчаянно болит голова (сейчас час ночи)... Я думаю, вторая жена Домби (представленная майором) и начало его увлечения ею в теперешнем его состоянии духа получатся

у меня естественно и хорошо... Смерть Поля изумила Париж. Самые разные люди открывают рты от восхищения... Какое письмо я Вам напишу, когда кончу «Домби»! Не будьте ко мне суровы в Ваших письмах только из-за того, что я отчаянно работаю... Я все искуплю... Снег, снег, снег — в фут глубиной.

176

ХЕБЛОТУ БРАУНУ

Риджент-парк, Честер-плейс, 1,
10 марта 1847 г.

Дорогой Браун!

Вернувшись раньше предполагаемого срока, я не могу попасть к себе домой и живу пока здесь в ожидании, чтобы человек, снявший Девоншир-террас, совершил нехитрую операцию, которая на языке вульгарной толпы именуется «навострить лыжи».

Мой переезд заставил меня очень задержаться с последним выпуском, к которому я приступил только сегодня утром. Если бы не это, Вы были бы «обслужены» раньше. Болезнь моего старшего сына, я надеюсь, послужит мне достаточным извинением.

Первый мотив, который я Вам дам, крайне важен для всей книги. Если возможно, непременно пришлите мне для ознакомления этот Ваш рисунок.

Начну с того, что я собираюсь сделать майора — это воплощение эгоизма и мелочной мстительности — своего рода комически-мефистофельской фигурой романа, и выпуск начинается с того, что мистер Домби и майор отправляются в то путешествие ради перемены воздуха и обстановки, которое подготовлялось в предыдущем выпуске. Они едут в Лимингтон, где мы с Вами однажды побывали. В библиотеке майор знакомит мистера Домби с некоей дамой, с которой, как я собираюсь слегка намекнуть, оный Домби, может быть, в свое время сочетается браком. Ей около тридцати лет — но не больше, она красива, надменна, хорошо сложена. Прекрасно одета — несколько броско — и кажется лакомым кусочком. Внешность истинной леди, но с оттенком гордого равнодушия, указывающим на скрытую внутри дьявольскую силу. Замуж

вышла очень рано. Овдовела. Ездит по водам со старухой матерью, которая румянится и живет за счет репутации фамильного ожерелья и знатности своей фамилии. Ищет мужа. Целит только в крупную дичь и не выйдет ни за кого, кроме богача. Мать разыгрывает чувствительность и доброе сердце, а на самом деле — гнусно расчетлива, и только. Мать обычно разъезжает в инвалидном кресле, которое сзади, как таран, толкает паж, давно уже ставший слишком рослым и сильным для такой работы, а его хозяйка томно управляет креслом с помощью торчащей перед ней ручки. Она совсем здорова и прекрасно могла бы ходить пешком, но в дни, когда она была признанной красавицей, художник написал ее откинувшейся в коляске, и вот, давно уже лишившись красоты (да и коляски тоже), она тем не менее по-прежнему культивирует эту позу, как необыкновенно ей идущую. На рисунке — мать в кресле. У дочери — солнечный зонтик.

Майор знакомит дам с мистером Домби, злорадно предвкушая возможные последствия и горькое разочарование мисс Токс. Мистер Домби (в глубоком трауре) отвешивает торжественный поклон. Дочь наклоняет голову. На заднем плане — темнокожий со складным стулом и пальто майора. Темнокожий, очевидно, побаивается майора и его толстой трости.

Сцену можно расположить на улице или в тенистой аллее — как Вам больше понравится. Однако она чревата важнейшими последствиями, и мне нужно, чтобы апоплексически-мефистофельский взгляд майора, устремленный на дочь, выражал именно это, а также ту роль, которую сам майор играет в сцене.

Подпись: «Майор Бэгсток восхищен случаем...»

177

ЭДВАРДУ ЧЕПМЕНУ

Честер-плейс,
понедельник, 3 мая 1847 г.

Дорогой сэр!

Некая молодая девица — мисс Пауэр, племянница леди Блессингтон,— взяла да и перевела с французского рассказ Жорж Санд, отпечатала его и заказала для него

четыре клише. Она хотела бы издать его — желательно в виде рождественского рассказа. Я читал его и нахожу рассказ прекрасным.

Возьметесь ли Вы помочь ей? Риск невелик — надо только переплести несколько экземпляров. Она не предвидит убытков и хотела бы получить половину прибыли. Она обратилась ко мне, но я предпочел бы, чтобы роль бессердечного людоеда выпала на Вашу долю, а не на мою, и потому обещал ей переговорить с Вашим Могуществом.

Ответьте побыстрее, так как я не сомневаюсь, что прелестная переводчица полагает, будто я весь день ношусь на извозчике по городу, дабы привести это сложнейшее и важнейшее дело к счастливому завершению.

Искренне Ваш.

178

ДОКТОРУ ХОДЖСОНУ*

Лондон, Риджент-парк,
12 мая 1847 г.

Дорогой сэр!

Я пишу Вам в связи с планом, упоминания о котором Вы, возможно, читали в сегодняшнем лондонском «Атэнеуме».

Несколько актеров-любителей, подвизающихся в области литературы и искусства, дававшие два года назад спектакли в Лондоне, решили снова выступить в одном из крупнейших театров со спектаклем в пользу Ли Ханта, воззвав тем самым ко всем классам общества о помощи писателю, который должен был бы давным-давно получить какую-либо весомую компенсацию от своей страны за все, что ему пришлось перенести, и за все сделанное им добро. Надо полагать, что такая поддержка литератора литераторами и такой знак уважения писателей и художников к тому, кто так хорошо пишет, будет полезнее Ханту и сейчас и в будущем, чем любая другая помощь. И мы от него самого знаем, что он будет чрезвычайно ему приятен.

Как все это будет устроено, еще неясно, ибо исполнение наших планов зависит от того, удастся ли нам снять

какой-нибудь большой театр до конца нынешнего лондонского сезона. В случае успеха мы предполагаем играть в Лондоне четырнадцатого июля в среду и девятнадцатого в понедельник. В первый раз мы будем играть «Всяк в своем нраве» * и фарс, а во второй — «Виндзорские проказницы» и фарс.

Но мы не собираемся останавливаться на этом. Считая, что Ли Хант больше любого другого английского писателя способствовал обучению молодежи Англии и помог тем, кто занимается самообразованием, мы решили все вместе отправиться в Ливерпуль и Манчестер и дать там по одному спектаклю.

Все это я пишу для того, чтобы узнать, не согласитесь ли Вы, как представитель замечательного ливерпульского учебного заведения, оказать нам действенную помощь — а именно организовать комитет, который способствовал бы нашим целям; а также, если мы пришлем Вам наши воззвания и афишки, не попытаетесь ли Вы собрать для нас публику и вызвать сочувствие и благожелательный интерес к делу, которое нам так дорого?

С этой же почтой я посылаю точно такое же письмо почетным секретарям манчестерского «Атэнеума». Если мы получим и от них и от Вас благоприятные ответы, я беру на себя смелость от имени своих друзей предложить, чтобы Вы сами решили, в каком городе нам выступить раньше и какие пьесы где играть.

Не буду утруждать Вас дальнейшими подробностями, пока Вы не почтите меня ответом.

Остаюсь, любезный сэр, Вашим покорным слугой.

179

ШЕРИДАНУ НОУЛСУ

Брайтон, Кингс-роуд, 148,
26 мая 1847 г.

Дорогой Ноулс!

Льщу себя надеждой, что искусство, которому мы оба служим (если Вы извините, что я таким образом как бы приравниваю себя к Вам), научило меня уважать талант-

ливого человека и в дни его заблуждений, а не только торжества. Вы часто правильно читали в людских сердцах, и я без труда извиняю то, что в моем Вы ошиблись и глубоко несправедливо предположили, будто в нем есть по отношению к Вам какие-либо иные чувства, кроме глубокого уважения.

Вы написали не больше строк, о которых пожалели бы на смертном одре, чем большинство из нас. Но если Вы узнаете меня покороче, на что я от души надеюсь (и не моя будет вина, если этого не случится), я знаю, Вам будет приятно услышать заверения, что часть Вашего письма была написана на песке и ветер уже заровнял его.

Как всегда, искренне Ваш.

180

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

«Атэнеум»,
вечер среды, 9 июня 1847 г.

Дорогой Форстер.

Только что (в половине десятого) я видел Гордона и передал ему Ваше письмо вместе с устным Вашим поручением. Он внимательно прочел письмо и сказал, что, по его мнению, на этом дело кончается. Считаю ли я, что Теккерею следует сделать еще что-либо? Я ответил, что нет. Что я считаю дело оконченным, о чем поставил в известность и Вас. Тогда он сказал, что Теккерей придет в одиннадцать, он передаст ему письмо и будет считать инцидент исчерпанным *.

Я добавил, что вне связи с Вами или с Вашим делом — я сказал бы Теккерею, будь он здесь, что, на мой взгляд, подобные недоразумения возникают из-за его легкомысленных шуток с правдой и ложью, когда он бывает нетверд ни в той, ни в другой и несколько грешит перед первой. Гордон сказал, что он совершенно с этим согласен. Я сказал далее, что считаю себя обязанным упомянуть и о том, насколько его пародии в «Панче» (из-за которых, как я понял из Ваших слов, и возник разговор с мистером Тэйлором) кажутся мне недостойными истинной литературы

и хорошего писателя: такие жалкие поделки следует оставлять для бездарных и недостойных рук — все это, я полагаю, необходимо довести до сведения Теккерея. Гордон согласился и с этим, а потом сказал, что, по его мнению, Ваше письмо делает Вам большую честь, что оно очень здраво и исполнено подлинного достоинства и что он прочел его с большим удовлетворением. Я сказал ему, имея в виду абзац, содержащий упрек Теккерею, что, поскольку по некоторым причинам знаю его силу лучше, чем Вы, я не протестовал против него, чувствуя, что он вполне уместен, и сообщил ему, почему это так (правда, я никогда с Вами об этом не говорил, хотя знаю в чем дело уже лет семь-восемь).

В конце нашего разговора Гордон выразил надежду, что все это не будет иметь неприятных последствий для мистера Тэйлора, который, по его глубокому убеждению, просто шутил. Я ответил, что, насколько мне известно, во время моего отсутствия из Англии Вы были с ним в приятельских отношениях и что я отрицаю право людей на подобные шутки. Кроме того, я добавил, что не мог бы воспрепятствовать Вам послать копию этого письма мистеру Тэйлору, если бы Вам этого захотелось, хотя и буду возражать против того, чтобы Вы обращались к нему в какой-либо иной форме. Гордон ответил, что такое Ваше желание кажется ему вполне оправданным и разумным, буде оно у Вас есть.

Кроме того, я сообщил ему Ваш подлинный разговор с мистером Тэйлором — так, как услышал его от Вас, и Гордон несколько раз повторил, что, по его мнению, Теккерей не должен был вести себя по отношению к Вам у Проктера таким образом, что ему следовало отвести Вас в сторону и высказать причину своего недовольства.

Я не упустил ничего важного из этого разговора, пересказ которого, разумеется, предназначен только для Вас. Гордон вел себя в этом деле, как истинный джентльмен,— благородно и прямодушно. Мы с ним, кажется, согласны во всех частностях.

Как всегда, любящий Вас.

181

МИСС ПАУЭР

Бродстэрс, Кент,
2 июля 1847 г.

Дорогая мисс Пауэр!

Разрешите искренне поблагодарить Вас за Ваше любезное письмецо и книжечку. Я прочел ее по пути сюда с величайшим удовольствием. Очаровательный, изящно написанный рассказ, столь же изящно и прекрасно переведенный. Давно уже ни одна книга не доставляла мне подобного наслаждения.

Не могу сказать, что иллюстрации мне очень понравились. По моему мнению, они весьма уступают рассказу. Возможно, художник его и понял, но, на мой взгляд, не сумел воплотить это понимание в своем рисунке.

Ах, Рошервиль! Роковой Рошервиль! Когда же нам будет суждено увидеть его? Быть может, когда я вернусь в Лондон и явлюсь с неожиданным визитом в Гор-хаус, кто-нибудь предложит отправиться в эту обитель на следующий день. Если кто-нибудь предложит это, то еще кто-нибудь будет этому рад. В чем и присягаю.

Я гляжу на темно-серое море, на волны, которые холодный северо-восточный ветер гонит к берегу. Вокруг словно поздняя осень, а не самый разгар лета — и ветер так воет, словно уже справляет поминки по теплым дням. И его бесприютный дух стучится в мое окно, пока я пишу эти строки. Здесь никого нет, кроме детей, а они все (включая и моих) заболели коклюшем и бродят по пляжу, отчаянно кашляя и задыхаясь. Жалкий скиталец читал прошлым вечером в библиотеке лекцию по астрономии; но, оказавшись в полном одиночестве, он погасил прозрачные планеты, которые притащил с собой в ларчике, и возмущенно удалился. В качестве развлечений у нас остались только белые мыши и дребезжащая музыкальная шкатулка, которая останавливается на «выходите» в «Девочках из Буффало» и отказывается доиграть «сегодня вечером».

Из своего одиночества я шлю приветы леди Блессингтон, Вашей сестрице и графу д'Орсэ. Я уже подумываю, не заняться ли мне приручением пауков наподобие барона

Тренка. В моей темнице есть паучок (очень пятнистый и с двадцатью двумя весьма решительными коленками), который уже, кажется, узнает меня.

Дорогая мисс Пауэр, всегда Ваш.

182

МИСС ПАУЭР

Бродстэрс, Кент,
вторник, 14 июля 1847 г.

Милая мисс Пауэр!

Хотя я не надеюсь выбраться в Рошервиль до 28-го и хотя ангелы-благотворители и благотворительные комитеты зовут меня в Манчестер и Ливерпуль и, несмотря на грозящие мне осложнения (если позволено так выразиться) — здесь я прибегаю к скобкам в скобках, подобно лорду Брогэму,— я все же с радостью прибуду в Лондон в пятницу, чтобы пообедать в Вашем доме и встретиться с датчанином *. Я почитатель его творчества, но если говорить определеннее, мне бы хотелось, чтобы в нем звучало: «Человек, я люблю тебя!» Но не в моих силах создать нечто, сочетающее ум и красоту. Вы, соединившая в себе и то, и другое, не откажете в любезности заполнить эту брешь.

Нижеподписавшийся будет чрезвычайно признателен, если в газетах будет объявлено, в котором часу начнется обед.

К нам сюда привезли диких зверей (в клетках). Из-за них мы ведем рассеянный образ жизни. Молодая дама в панцире,— во всяком случае, в чем-то очень блестящем, похожем на чешую,— входит в клетку к разъяренным львам, тиграм, леопардам и т. д., делает вид, что укладывается спать на самого свирепого льва, о чем грубый хозяин зверинца докладывает гнусавым голосом: «Вот она — непобедимая сила женщины!» — и мы все возбужденно аплодируем.

В самом деле, она превзошла Ван Амбурга *. Я думаю, что герцогу Веллингтону следует заказать Ландсиру ее портрет.

Шлю нижайшие поклоны леди Блессингтон, графу д'Орсэ и моей дорогой маркизе.

Искренне преданный Вам.

183

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

4 августа 1847 г.

...Как Вам понравится такая идея? * Вкратце она заключается в следующем: миссис Гэмп накануне поездки в Маргет, отдохнуть от трудов праведных, узнает о предпринимаемой нами экскурсии и о том, что несколько дам, принимающих в ней участие, находятся в интересном положении, и решает тайно сопровождать труппу в вагоне второго класса — на всякий случай. Там она встречает господина со Стрэнда, облаченного в клетчатый костюм. Он везет с собой парики, и благодаря его предупредительности миссис Гэмп окружена вниманием и заботами во время поездки. Все это она описывает в присущей ей манере — с разных точек зрения — из оркестра, сидя рядом с джентльменом, играющим на литаврах. Она критикует образ Бена Джонсона, высказывается о различных участниках труппы. Она не в состоянии преодолеть враждебного чувства к Джеролду из-за Коудла. Она обычно обращается к миссис Гаррис, которой посвящена книга, но часто отклоняется от темы. Автор разбрасывается, затрагивает массу вопросов, полстраницы,— может быть, страница или немного больше, но не меньше...— посвящено Домби. Мак нарисует на титульном листе небольшую виньетку — Эгг и Стоун * сами изобретут что-нибудь необыкновенное, а я улажу дело с Крукшенком и Личем. Несомненно, книжонка выйдет очаровательная и презабавная...

184

СЭМЮЭЛУ ФЕЛПСУ*

Бродстэрс, Кент,
29 августа 1847 г.

Дорогой сэр!

Не могу удержаться и не поблагодарить Вас за то величайшее наслаждение, которое доставил мне в четверг сыгранный в Вашем театре «Цимбелин». Заметные во всем безупречный вкус, такт и чувство, прелесть мизансцен и почтительная заботливость (если можно так выразиться),

проявленная всеми, кто участвовал в воплощении творения великого поэта, доставили мне огромное удовлетворение. Мне трудно найти слова, чтобы передать Вам то чувство, которое я испытываю, сознавая значительность услуги, которую оказывает подобный театр тем, кто его посещает, а также и всему делу литературы и искусства.

Даже опасаясь показаться навязчивым, я не могу удержаться, чтобы не заверить Вас в моем восхищении и горячем интересе. И быть может, Вы милостивее отнесетесь к моему письму, если я признаюсь, что все-таки сумел удержаться и не обеспокоить Вас после двух-трех предыдущих посещений театра «Седлерс-Уэллс».

Позвольте мне выразить надежду, что после моего возвращения в Лондон в октябре мое знакомство с Вами станет более близким и личным.

Дорогой сэр, искренне Ваш.

185

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

2 сентября 1847 г.

...Вчера к Кентербери я купил «Бутылку» Джорджа Крукшенка. Она производит очень сильное впечатление; две последние гравюры просто восхитительны, если не считать того, что мальчик и девочка на самой последней — слишком малы, и девочка более напоминает циркового лилипута, чем нормальное существо, которое ей надлежит изображать. И все же я сомневаюсь, существует ли на свете человек, способный рисовать так же хорошо. Женщина с ребенком на руках на последней гравюре, судачащая об убийстве, достойна кисти Хогарта. То же можно сказать о человеке, склонившемся над трупом.

Что касается назидательности серии, то здесь замысел художника представляется мне совершенно ошибочным; если бы он показал, как пьянство начинается в горе, нищете, невежестве — а это и есть настоящая причина того пьянства, которое страшно,— тогда рисунки его были бы

и трогательны, и оригинальны. А замысел превратился бы в обоюдоострый меч — боюсь, правда, что для нашего добряка Джорджа слишком радикальный...

За последние шесть месяцев я получил басновловный доход. Не считая уже выплаченных мне шестисот фунтов (по сто фунтов каждый месяц в течение полугода), я должен получить еще две тысячи двести двадцать фунтов. Кругленькая сумма, не правда ли?

...Стоун еще здесь: позавчера я протащил его семнадцать миль пешком, так что он охромел; в остальном он процветает... Как Вы смотрите на то, чтобы захватить с собой полный саквояж книг и обосноваться в нашей гостиной, которая по утрам будет в Вашем полном распоряжении? Мне кажется, что на морском берегу Гольдсмита ждет более легкая кончина. Чарли и Уэлли — оба в превосходнейшем настроении — отправлены сегодня утром в школу; у Лондонского моста им предстоит попасть в объятия Блимбера *. Правительство собирается создать санитарную комиссию, и я очень рад сообщить Вам, что лорд Джон назначил секретарем Генри Остина.

186

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Бродстэрс,
5 сентября 1847 г.

...В случае если Ваш Гольдсмит произведет сенсацию, как бы Вы отнеслись к тому, чтобы подготовить дешевое издание его произведений? Мне кажется, мы могли бы не без успеха предпринять что-нибудь в этом роде. Ведь у нас нет компактных и красивых изданий великих английских романистов, и выпустить такое издание, да еще придумать что-нибудь, что привлекло бы к нему читателя и что не по плечу Теггсу и ему подобным, было бы очень кстати. Что, если, скажем, кто-нибудь напишет очерк о Филдинге, кто-нибудь другой о Смоллетте, еще кто-нибудь о Стерне, где вспомнит о том, как читал их в детстве (мне кажется, никто не читал их в столь юном возрасте, как я), как постепенно стал узнавать их с новой стороны и так

далее... Неужели это не было бы интересно для многих? Мне хотелось бы знать, находите ли Вы что-нибудь в этой идее. Это один из тех несозревших замыслов, которых у меня немало...

187

У. МАКРИДИ

Девоншир-террас,
утро вторника, 23 ноября 1847 г.

Дорогой Макриди!

Я совсем поглощен завершением кульминационного выпуска, но не могу сесть за работу, не написав Вам, что не нахожу слов, чтобы передать, какое Вы произвели на меня вчера впечатление. Множество новых проявлений Вашего гения, острое чувство горячей привязанности к Вам и величественное воплощение всех страстей и терзаний, составляющих тайну человеческой души,— все это повергает меня в какой-то экстаз. И я не в силах выразить его иначе, как безмолвным преклонением, искренность и пыл которого достойны его предмета.

Разве я сумел выразить то, что думаю? Видит бог, нет, и все же я не мог молчать.

Всегда любящий Вас.

P. S. Никогда я еще не видел Вас столь благородным и свободным, как вчера в этих благородных сценах. Вы пленяли. И все равно я буду и впредь называть Вас «Древним Парром» *.

188

ХУЛЛА

Девоншир-террас,
воскресенье, 12 декабря 1847 г.

Дорогой Хулла!

Я деятельно помогаю мисс Кутс в управлении частным заведением (ее «Приютом»), цель которого — исправление молодых женщин определенного рода и обучение их для жизни в колониях.

Мы хотим, чтобы они обучались пению по Вашей системе. Пока их шесть-семь человек, и больше тринадцати их не будет. Заведение находится в Шефердс-Буш, куда

можно доехать на омнибусе, останавливающемся на Оксфорд-стрит. Если Вы выберете кого-нибудь из Ваших учителей, наиболее, по Вашему мнению, подходящего для этой цели, и попросите его зайти ко мне в любое утро между половиной одиннадцатого и двумя (с Вашей карточкой, которая послужит ему верительной грамотой), я договорюсь с ним о количестве уроков — одного в неделю, мне кажется, будет достаточно — и обо всех остальных условиях. Мне очень хотелось бы, чтобы эти занятия начались как можно скорее, так как я придаю огромное значение облагораживающему влиянию музыки.

Искренне Ваш.

189

ГАНСУ ХРИСТИАНУ АНДЕРСЕНУ

<1847 г.>

Примите от меня тысячу благодарностей, дорогой мой Андерсен, за то, что Вы с таким теплом вспомнили обо мне в Вашей рождественской книге. Я считаю это огромной честью и очень горжусь ею; не могу передать, насколько ценно для меня признание человека, обладающего Вашим гением.

Ваша книга принесла много радости всему нашему семейству, собравшемуся у рождественского очага. Мы все очарованы ею. Особенно полюбились мне мальчик, старик и оловянный солдатик. Эту сказку я перечитывал неоднократно, и каждый раз она доставляла мне невыразимое удовольствие.

Несколько дней тому назад я был в Эдинбурге, где видел кое-кого из Ваших друзей и много говорил с ними о Вас. Поскорее приезжайте снова в Англию! Но где бы Вы ни были, пишите, пишите, не переставая, потому что потерять хотя бы один Ваш замысел для нас непереносимо. Все они так удивительно правдивы, так безыскусственно прекрасны, что Вы не имеете права беречь их для одного себя.

Недавно мы вернулись с побережья, где я простился с Вами, и живем сейчас у себя дома. Моя жена просит пере-

дать Вам сердечный привет. О том же просит и ее сестра. О том же просят все мои дети. И так как все мы чувствуем одно и то же, я прошу Вас принять общий итог в виде нежнейшего привета от

Вашего искреннего друга
и почитателя.

190

У. М. ТЕККЕРЕЮ

Девоншир-террас,
воскресенье, 9 января 1848 г.

Дорогой Теккерей!

Мне незачем говорить Вам, как обрадовало и глубоко растрогало меня Ваше лестное письмо. И Вы никогда не написали бы его, если бы не знали, какую оно мне доставит радость. Скажу только, что я читал его, чувствуя то же, что чувствовали Вы, когда его писали, и что для меня нет ничего на свете приятнее самого малого знака столь доброго и искренне дружеского отношения.

...Я приберегаю удовольствие прочесть «Ярмарку тщеславия» на тот день, когда наконец разделаюсь с «Домби».

Поверьте, дорогой мой, я чрезвычайно горд Вашим письмом и был очень счастлив получить его. Но не стану продолжать, так как неизбежно впаду в тон, полный всевозможных погрешностей, кроме одной — неискренности.

Любящий Вас.

191

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ*

Среда, 24 февраля 1848 г.

Дорогой мой!

Вы чрезвычайно проницательны. Боже мой, Вы просто неподражаемы! Вы предвидите почти все, что должно произойти. А то, что произошло, Вы чудесным образом предсказывали раньше. Ах, мой милый, какая великолепная мысль пришла вам в голову, когда вы столь ясно предвидели, что граф Альфред д'Орсэ приедет в страну, где он родился. Настоящий колдун! Однако — это не имеет зна-

чения — он не уехал. Он пребывает в Гор-хаус, где позавчера дал большой званый обед. Но что за человек, что за ангел! Друг мой, я обнаружил, что так люблю республику, что должен отречься от родного языка и писать только на языке французской республики — языке богов и ангелов,— короче говоря, на языке французов. Вчера вечером я встретил в «Атэнеуме» господина Маклиза, который сообщил мне, что господа комиссары Искусств поручили своему секретарю написать ему письмо с благодарностью за его картину в палате депутатов и обратились к нему с просьбой написать фрески, которые очень нужны. Он обещал это. Вот новости для Линкольнс-Инн-филдс. Да здравствует слава Франции! Да здравствует республика! Да здравствует народ! Долой монархию! Долой Бурбонов! Долой Гизо! Смерть изменникам! Прольем кровь во имя свободы, справедливости, народного дела! Прощайте же до половины шестого, старина. Примите уверения в моей неизменной привязанности. И остаюсь, согражданин, преданный Вам гражданин

Чарльз Диккенс

192

МАКРИДИ

Брайтон, Джанкшен-хаус,
2 марта 1848 г.

Дорогой Макриди!

Мы покинули Бэдфорд и прибыли сюда, где нас устроили очень удобно (чтобы не сказать — великолепно). Миссис Макриди чувствует себя уже гораздо лучше, и — как я твердо надеюсь — она вновь обретет такое цветущее состояние, что нижеподписавшемуся целителю будет преподнесен ценный подарок.

Вы обещали приехать в это воскресенье и в следующее. Если обманете, я немедленно сниму «Викторию» и приглашу мистера *** из королевского театра Хаймаркет — этого сногсшибательного трагика. Умоляю Вас, не обрекайте меня на столь жестокие меры.

Пока я считаю Ламартина * одним из лучших в мире

людей и горячо надеюсь, что великий народ создаст благородную республику. Нашему двору следует поостеречься, выражая симпатию бывшим особам королевской фамилии и бывшей аристократии. Сейчас не время для таких демонстраций, и мне кажется, жители некоторых из наших крупнейших городов склонны доказать это весьма недвусмысленно. Однако мы поговорим обо всем в воскресенье и мистер N не будет вознесен на вершину славы.

Любящий Вас.

198

МИССИС ПРАЙС

Девоншир-террас, 1,
Йорк-гейт, Риджент-парк,
31 марта 1848 г.

Сударыня!

С сожалением должен сообщить Вам, что ничем не могу содействовать опубликованию Ваших стихотворений.

Хотя это может показаться Вам странным, но тем не менее я не имею никакого влияния на издателей, за исключением тех случаев, когда дело идет о моих собственных произведениях. По-моему, рекомендованные мною рукописи еще ни разу не были приняты даже моими собственными издателями. И я уже много лет воздерживаюсь от такого бесполезного вмешательства — этого требует не только уважение к самому себе, но и простая необходимость: я получаю столько писем вроде Вашего, что, рекомендуй я хотя бы половину рукописей, присылаемых мне в течение года, мои издатели были бы вынуждены только ими и заниматься. Поэтому я таких рукописей не принимаю, будучи твердо убежден, что всякое иное поведение было бы нечестным и непорядочным по отношению к их авторам.

Я не думаю, чтобы Вам удалось найти издателя для Ваших стихотворений. Я готов утверждать, что Вы можете опубликовать их только по подписке или за собственный счет. Они очень милы и женственны, но в тех, которые Вы мне прислали, я не заметил чего-либо нового как по мысли, так и по ее выражению, что могло бы привлечь внимание читателей. Если Вы не откажетесь от плана публикации

своего сборника, то, боюсь, обречете себя на горькое разочарование и раскаяние. Убежден, что это не скажется благоприятно на Ваших материальных обстоятельствах, и поэтому советую Вам отказаться от Вашего плана.

Это только мое личное мнение, и я знаю, что вытекающий из него совет очень трудно принять. Однако, поверьте, совет этот я даю Вам из чувства самого искреннего благожелательства.

Ваш покорный слуга.

194

ДЖОРДЖУ ХОГАРТУ

Девоншир-террас,
воскресенье, 2 апреля 1848 г.

Дорогой Хогарт!

Уверяю Вас, я так же чувствителен к похвалам, в искренность которых верю, как и десять лет тому назад,— пожалуй, даже больше. Поэтому Ваше письмо доставило мне большую радость, и я Вас от души за него благодарю.

Признаюсь, я возлагаю большие надежды на «Домби» и твердо верю, что его не забудут и будут читать еще через много лет. Успех он сейчас имеет огромный. С начала и до конца я отдавал ему все свое время и силы, и теперь, расставшись с ним, чувствую себя очень странно. Я собираюсь дать здесь «домбийский обед» во вторник, одиннадцатого числа, в половине седьмого, чтобы отпраздновать завершение романа. Вы придете?

Любящий Вас.

195

СЭРУ ЭДВАРДУ БУЛЬВЕР-ЛИТТОНУ

Девоншир-террас,
понедельник вечером, 10 апреля 1848 г.

Дорогой Бульвер-Литтон,

Должен Вам признаться, я не очень-то верю, что доходы от издания моих книг в Америке послужат на пользу международному авторскому праву. Но я серьезно поду-

маю над письмом Блэквуда (когда получу его) и обязательно зайду к Вам рассказать, что я решил по этому вопросу, прежде чем стану писать ответ этому светилу севера.

Вот уж много дней я «собираюсь» написать Вам, чтобы поблагодарить за Вашу доброту к членам Главного Театрального Фонда и за Ваше письмецо, но я все ждал, пока до меня дойдет весть, что Вы обосновались в каком-то одном месте. Ваш отзыв о «Битве жизни» очень меня порадовал. Я страшно жалею, что использовал эту тему в такой короткой вещи. Когда я понял все богатство и глубину темы, было уже поздно думать о другой, но я все время чувствовал, что мог бы воплотить ее гораздо полнее, если бы положил ее в основу книги, более значительной по своим размерам.

Я сегодня не принимал участия в деятельности добровольной милиции *, решив, что город и так словно охвачен эпидемией. Однако я выходил из дому, чтобы посмотреть на ведущиеся приготовления, не вооружившись при этом палкой и не защитив себя ни охранной грамотой, ни удостоверением.

Искренне Ваш.

196

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Девоншир-террас,
суббота, 22 апреля 1848 г.

Дорогой Форстер!

Вчера после обеда я кончил Гольдсмита, прочитав все от первой до последней страницы с величайшим вниманием. Как картина эпохи книга, право, выше всяких похвал. Мне кажется, самая суть всего, что мне приходилось читать об этом времени в мемуарах и романах, выражена чрезвычайно умно и человечно, и к тому же в тысячах случаев совсем по-новому и удивительно верно. Никогда прежде мне так не нравился Джонсон. Трудно предположить, что презрение к Босуэлу * может у кого-либо возрасти, но никогда еще я себе так ясно не представлял этого человека. Его первое появление — истинный шедевр. Если бы я не знал автора, то сказал бы, что книга на-

писана человеком, необычайно ярко представляющим себе то, о чем он пишет, и обладающим редкой и завидной способностью сообщать свои впечатления другим. Все, что касается Рейнолдса *, очаровательно, а первый рассказ о Литературном клубе и о Боклерке живостью и точностью превосходит все описания, которые мне когда-либо доводилось читать. Эта книга переносит читателя в ту эпоху и воскрешает ее так живо и свежо, словно события развертываются в невероятно хорошем театре с самыми талантливыми актерами, каких только знал свет,— или же с подлинными действующими лицами, которые покинули ради этого свои могилы.

Что же касается самого Гольдсмита, его жизни и того, с каким достоинством и благородством его образ раскрывается в его произведениях,— без воплей, хныканья или умиленья,— должен сказать, что это великолепно от начала и до конца. И этот мой восторг объясняется отнюдь не моим личным к вам отношением. Насколько мне помнится, я любил и понимал Гольдсмита еще тогда, когда был ребенком. Вначале я немного боялся, что вы захотите во что бы то ни стало обелить его прискорбное легкомыслие; но скоро я забыл этот страх и на каждой странице находил все новые причины восхищаться тонкостью, спокойствием, умеренностью, с помощью которых вы заставляете читателя любить его и восхищаться им с самой его юности; и эти чувства растут не только вместе с ростом его силы, но и его слабостей, что еще лучше.

Я не вполне согласен с Вами в двух мелочах. Во-первых, я очень сомневаюсь в том, так ли уж было бы хорошо, если бы у каждого великого человека был свой Босуэл, ибо я убежден, что двух или, в лучшем случае, трех Босуэлов было бы достаточно, чтобы великие люди принялись изо всех сил лицемерить, вечно разыгрывали бы какую-то роль и, уж во всяком случае, все знаменитые люди оказались бы жертвами недоверчивости и подозрительности. Я легко могу себе представить, как династия Босуэлов прививает обществу лживость и лицемерие и навсегда кладет конец всякой дружбе и доверию. Во-вторых, мне очень не нравится манера (ее, кажется, ввел или, во всяком случае, широко использовал Хант) выделять курсивом строчки, слова и целые абзацы в цитатах без всякого к

тому основания. Это какое-то насилие издателя над читателем, почти даже над самим автором, и меня оно очень раздражает. Даже если бы подобная манера подчеркивания была введена самим автором, на мой взгляд, оно было бы очень неприятно. Оно так не вяжется, скажем, со скромной, тихой, безмятежной красотой «Покинутой деревни» *, что я, пожалуй, предпочел бы слушать, как эти строки выкрикивает «городской глашатай». Подобная манера всегда напоминает мне человека, который, любуясь красивым видом, думает не столько о его красоте, сколько о том, как он о ней расскажет.

Рисуя в заключении третьей книги (удивительные строки!), как Гольдсмит сидит у окна, глядя на деревья Темпла, вы упоминаете «сероглазых» грачей. Вы уверены, что они «сероглазые»? Глаза ворона черны как ночь и блестящи, и, по-моему, такими же должны быть и глаза грача, если только свет не бьет в них прямо.

Я приберег для заключения (только я не собираюсь быть особенно красноречивым, потому что для меня все это очень серьезно) восхитительный гимн литературному труду, которым проникнута вся книга. Это просто великолепно. По моему убеждению, еще не было создано книги, не было сказано и сделано в поддержку достоинства и *чести* литературы ничего, что было бы хоть вполовину так убедительно, как «Жизнь и приключения Оливера Гольдсмита» Джона Форстера.

Всякий, кто согласен скромно считать литературу своей профессией и не находит нужным делать вид, будто как-то иначе зарабатывает на жизнь, обязан Вам вечной благодарностью. Когда Вы еще только работали над своей книгой, я часто говорил об этом всюду, не сомневаясь, что так оно и будет. И я буду повторять о долге благодарности Вам (хотя повторять это не будет нужды), пока у меня хватит упрямства и настойчивости убеждать людей. И, наконец, я буду энергично спорить, если услышу, что Вашу книгу сравнивают с босуэловской, ибо я утверждаю, что глупо взвешивать на одних весах книгу, пусть забавную и любопытную, которую писал безмозглый светский бездельник, с книгой, так великолепно и обстоятельно рисующей характеры прославленных людей, населяющих ее страницы.

Дорогой Форстер, не могу выразить, как я горжусь тем, что Вы сделали, и как я тронут, что книга эта так мило связана со мной. Проглядывая свое письмо, я чувствую, что не сказал и сотой доли того, что думаю, и все же, если я его перепишу, то ничего не сумею добавить, потому что не нахожу выражений для своих мыслей. Я могу только пожелать для своей собственной посмертной славы такого же биографа и такого же критика. И я снова торжественно повторяю, что английская литература еще никогда не имела и, возможно, никогда не будет иметь такого защитника, каким Вы показали себя в этой книге.

Любящий Вас.

197

Д. М. МОЙРУ*

Лондон, Девоншир-террас,
Йорк-гейт, Риджент-парк,
17 июня 1848 г.

Дорогой Мойр!

Стоит мне взглянуть на Ваше письмо, на дату «18 февраля», которой оно помечено, и я так краснею, что, будь Вы рядом, Вам пришлось бы спасать меня от апоплексии. Однако со времени его получения я был постоянно занят чем-то неотложным, и хотя вспоминал о нем почти каждый день, никак не мог взять в руки перо, чтобы написать ответ.

Я замышлял этот ответ чудовищно длинным! Однако никогда не позволю себе больше предаваться таким мечтам, ибо они обязательно приводят к бесконечным проволочкам, и вот теперь я пишу ответ, который никак не назовешь чудовищно длинным.

Ваш милый рассказ о Вашей семье и о Вашей жизни был мне чрезвычайно интересен. И хотя я негодую на все, что мешает Вам посвящать Ваш талант литературе, даже я не испытываю сожаления: так превосходно занято Ваше время.

Моя старшая дочь почти вдвое моложе Вашей, и у нее есть сестра и пятеро братьев — нечто вроде маленькой лесенки, нижней ступеньке которой исполнился год. Они все здоровы, благонравны и счастливы. Я не богат, так

как с самого начала все огромные расходы, неизбежные при моем положении, нес я один, а львиная доля огромных доходов пожиралась книгопродавцами. Но за последние три года я все это изменил, вернув себе авторское право на половину моих книг — право, уступленное мною прежде, чем я узнал, чего оно стоит,— и на несколько тысяч фунтов (чтобы их пересчитать, хватит пальцев на одной руке) обогнав мир. Наибольшего успеха я достиг с «Домби». Хотя литература как профессия не пользуется в Англии официальным признанием, должен сказать, что, судя по тому приему, который оказывало мне общество, положение ее весьма почетно и независимо. Я пришел к заключению, что, не претендуя на какие-то особые права, неизменно требовать к ней уважения, как к достойному призванию и единственному источнику средств существования писателя, значит поступать правильно и обеспечивать к себе достаточно почетное отношение. В каких бы глухих уголках Англии я ни оказывался, я всегда обнаруживал, что люди, прежде мне неизвестные, не только меня знают, но и питают ко мне дружеские чувства. И это делает меня истинно счастливым и кажется мне самым лучшим из всего, что я получаю от своей профессии.

Такое отношение меня так трогает, что я не могу не рассказать Вам об одном характерном случае. Несколько недель назад я был в Лидсе по тому же делу, которое привело меня в Глазго. По окончании собрания присутствующие без конца рукоплескали, а когда они уже успокаивались и я собрался было уйти, какой-то господин на эстраде горячо потребовал «еще одного ура в честь создателя маленькой Нелл». Вернувшись в гостиницу, я спросил у хозяйки, не лишился ли этот господин сына или дочки. Она подтвердила, что он недавно потерял малютку дочь и с тех пор эта повесть служит ему постоянным утешением. Бедный Бэзил Холл потерял маленького сына, которого нежно любил,— мне кажется, именно это и было причиной его безумия,— и где бы он после этого ни был, он писал мне о тайной тоске, снедавшей его сердце, и неизменно упоминал при этом все тот же роман.

Вот так! Написав столько о себе, я начинаю бояться, что Вы раскаетесь в своем доверии ко мне. И все же, перечитав Ваше письмо еще раз, я нахожу мои излияния

настолько естественными, что, просматривая их, не проявляю никаких симптомов близкой апоплексии.

В середине июля я думаю побывать в Глазго и Эдинбурге. Любительская труппа, которой я руковожу, собирается дать там несколько спектаклей в пользу Шеридана Ноулса, так как он весьма в этом нуждается. В моем распоряжении будет очень мало времени, но я все-таки надеюсь повидать Вас и надеюсь, что и Вы сможете повидать всех нас.

В Лондоне нет ничего нового. Порой нас пугают всякими слухами и страхами о чартистах, но я сильно подозреваю, что чаще всего их распускает само правительство для каких-то своих целей, лучше кого бы то ни было зная, как мало они обоснованны. Читали ли Вы форстеровского «Гольдсмита»? Не правда ли, прекрасная книга? Когда в Масселберге и его окрестностях совсем исчезнут больные? Вот тогда-то мы вместе выкурим по сигаре на крыше св. Павла. Если осенью — тем лучше, когда она

> ...пройдет в наряде ярком
> Величественной поступью, в венке
> Из листьев виноградных и колосьев,—

как пишет один малоизвестный поэт.

Миссис Диккенс кланяется миссис Мойр и Вам. А я остаюсь, дорогой Мойр, искренне любящий Вас друг.

198

МИССИС УОТСОН

Девоншир-террас, 1, Риджент-парк,
27 июля 1848 г.

Дорогая миссис Уотсон!

Я думал побывать в Рокингеме уже давным-давно. Словно столетие миновало с тех пор, как, попирая сапогами сцену Хеймаркетского театра, я увидел, что Вы вошли в ложу бельэтажа и сверху вниз посмотрели на присмиревшего Бобадила. С тех пор я получал от Вас милейшие записочки и превосходнейшую дичь, но так и не узрел рокингемских цветов, а они, возможно, уже увядают!

Но ведь мы играли в Манчестере, Ливерпуле, Бирмингеме, Эдинбурге и Глазго, и все эти хлопоты — а также куда более тяжкий и серьезный долг ежедневно навещать в Хорнси умирающую сестру — так меня замучили, что у меня не было даже спокойного часа, не говоря уже о целой неделе. Но моя театральная деятельность не будет давать мне полного счастья до тех пор, пока Вы не увидите меня во французской пьесе «Пресыщенный»,— этой французской пьесе в английской переделке, которая в прошлый четверг совсем свела с ума Глазго; так же как и в своей частной жизни я не обрету полного счастья, пока снова не побываю в Рокингеме. Когда произойдет первое, известно только богу. А второе случится, когда придет конец ноябрьским туманам и сырости. Ведь я сейчас уезжаю в Бродстэрс, чтобы гулять по берегу моря (а почему бы Вам не привезти туда Ваших розовощеких детишек?) и обдумывать, что приготовить к рождеству! И мне сразу придет в голову нужная тема. Я обязательно приеду к Вам прочесть эту повесть до того, как она будет напечатана. Договорились? Бывали ли Вы в Швейцарии? Сейчас мне кажется, что я там никогда не бывал. Теперь те дни представляются сном. Порой я сомневаюсь, что когда-то спорил там с Холдимэндом, пил глинтвейн на Сен-Бернарском перевале или веселился у его подножья в обществе тех, кто так пришелся мне по душе; что я был весел и счастлив в долине Женевского озера и однажды вечером увидел, как Вы (мы еще не были тогда знакомы) идете под зелеными деревьями возле Элизе рука об руку с господином в белой шляпе. Я убежден, что все — чистая иллюзия. Но мне очень хотелось бы отправиться куда-нибудь, чтобы снова пережить все это. Не знаю почему, но мир грез, в котором мне суждено обитать, странно воздействует на настоящий мир, делая его дорогим для моего сердца именно благодаря подобным воспоминаниям. Порой они навевают на меня грусть, особенно когда (как сейчас эти вереницы лиц, на которые я недавно смотрел — таких веселых, оживленных, сосредоточенных) исчезали подобно призракам. Все это для меня как страшная мораль к басне жизни.

Кэт посылает Вам сердечный привет, к которому, конечно, присоединилась бы и Джорджина, но она уже

уехала с детьми в Бродстэрс. Мы, вероятно, уедем туда утром в субботу, но это зависит от моей бедной сестры. Прошу Вас, передайте от меня самый горячий привет Уотсону, и скажите, что я всегда его помню. Я собирался написать Вам письмо, но, право, не знаю, что у меня получилось. Даже не подберешь названия. И поэтому, если Вы допустите, чтобы я задолжал Вам одно письмо, я заглажу свой долг у моря по первому же требованию.

Здесь, как и повсюду, Ваш покорнейший слуга.

199

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Брайтон
<февраль 1849 г.>

...Если бы Вы только слышали проклятия и вопли этой пары! * Если бы Вы видели, как сумасшедший выбросил врача и сиделку в коридор, чуть их не убив, как мы с Личем кинулись спасать доктора, как наши супруги не пускали нас, как доктор совсем побелел от страха, как к нему на помощь явились три других врача,— эту атмосферу миссис Гэмп, смирительных рубашек, хлопочущих друзей и слуг, Вы бы сказали, что все это вполне меня достойно и в моем духе...

Стоит туман, но вчера погода была восхитительная. У меня в мозгу прилив всяческих имен — но пока, впрочем, ничего подходящего нет...

200

МИСС КУТС

Девоншир-террас,
29 марта 1849 г.

...Я знаю, что Вы не обвините меня в злоупотреблении Вашей добротой, а потому не стану более извиняться за свою просьбу.

Если Вы решите оказать помощь людям, о нужде которых я недавно узнал, то могу поручиться, что они будут

достойны этой помощи. Надо помочь семье внука того самого Генри Гольдсмита, которому Оливер посвятил своего «Путешественника» и который считается прототипом мистера Примроза в «Векфильдском священнике» — книге, которая, скажу не преувеличивая, пожалуй, принесла больше добра и наставила на путь истинный больше людей, чем любое другое литературное произведение.

У этого внука есть шесть сыновей и дочь. Хотя доход его никогда не превышал двухсот фунтов в год, а большую часть его жизни достигал всего ста шестидесяти фунтов годовых, он сумел дать им всем (тем, кто уже вырос) хорошее образование, найти двум из них место на кораблях, а одного устроить в морское училище. Сам он — лейтенант военного флота и сейчас командует таможенным крейсером, однако расходы на содержание семьи и особенно долг в пятьдесят фунтов, занятых, чтобы обеспечить одного из старших сыновей всем необходимым, поставили его в очень затруднительное положение; если он не сумеет расплатиться, ему грозит увольнение со службы.

Я получил письмо от его жены — очень скромное и трогательное, которое убеждает меня в том, что с помощью мизерной суммы можно спасти доброе имя весьма достойного человека. Собрать деньги по подписке среди литераторов — вот единственное, что пришло мне в голову для того, чтобы собрать всю сумму (если будет меньше, это, как я понимаю, не принесет ему никакой пользы), и если Вы сочтете возможным принять в этом участие, я буду Вам весьма признателен.

201

КЛАРКСОНУ СТЭНФИЛДУ

Девоншир-террас,
25 мая 1849 г.

Дорогой Стэнфилд!

Нет, нет и еще раз нет! Кровь и смерть! Безумие и хаос! Любая из натур — но не все в целом. О блаженная звезда рассвета, да из чего я, по-вашему, сделан, чтобы передавать от имени кого бы то ни было такую свинскую, телячью, ослиную, бесовскую просьбу?!

Мой друг говорит мне: «Не осведомитесь ли Вы у Вашего друга мистера Стэнфилда, какова будет плата за такую вот малюсенькую картинку, чтобы, случись она мне по карману, я мог бы ею обзавестись?» Я говорю ему: «Осведомлюсь». Он говорит: «Не укажете ли Вы, что мне хотелось бы послужить одной из натур?» Я говорю: «Укажу».

А теперь я бьюсь головой об дверь, снедаемый горем и отчаянием, и буду продолжать это занятие, пока не получу от Вас ответа.

Всегда Ваш — Непонятый.

202

ГАНСУ АНДЕРСЕНУ

Лондон, Девоншир-террас,
4 июня 1849 г.

Дорогой и многолюбимый Андерсен!

Я посылаю эту наспех нацарапанную записку к Вам за море, чтобы поблагодарить Вас за радость, которую доставило мне Ваше любезное письмо, и заверить Вас, что всегда о Вас помню.

Моя жена и дети шлют Вам самые сердечные приветы, и все мы хотим знать, когда Вы поможете нам стать лучше и счастливее, написав новую книгу. Мы негодуем на Стокгольм, и негодуем на Финляндию, и твердим друг другу, что Вам надо бы пребывать только на родине (разумеется, Англия, где мы встретили бы Вас с восторгом, составляет исключение) и с пером в руке сидеть над изрядной стопкой бумаги.

Обе баронессы прибыли сюда благополучно. Они оказались очаровательными баронессами, и я принял их в сердце свое со всем почтением, любовью и любезностью.

Я чрезвычайно рад получить от Вас новую весточку и послать Вам свою, хотя бы лишь для того, чтобы пожать Вам руку и заверить Вас в сердечной симпатии, дружбе и уважении, которые питает к Вам

Ваш друг и верный читатель.

203

РЕДАКТОРУ «ДЕЙЛИ НЬЮС»

Бродстэрс,
среда, 11 июля 1849 г.

...чрезвычайно шутливая статья о банкете во дворце лорд-мэра в прошлую субботу, напечатанная во вчерашнем номере Вашей газеты, который мы получили сегодня, интересует меня и заботит только в той мере, в какой она исказила речь, произнесенную мною на этом обеде. Если бы Вы сочли, что точная передача того, что было мною сказано, не повредит остроумию этой сатиры, я был бы Вам весьма обязан. Сказал же я следующее... Что, на мой взгляд, лестное признание литературы гражданами Лондона нам тем более приятно, что оно весьма необычно для этого зала, но принесет им тем больше пользы, чем обычнее будет казаться в будущем. Что я от имени писателей благодарю за комплимент, считая его заслуженным, так как у нас есть основания полагать, что многие деловые люди, неустанно трудящиеся изо дня в день, порой отдыхают в мире фантазии, созданном нами, после чего с прежней энергией берутся за дела; и что, несомненно, глава магистрата величайшего города мира может считаться достойнейшим представителем наших читателей этого рода...

204

МИССИС ХОЛЛ

Девоншир-террас,
среда, 18 июля 1849 г.

Дорогая миссис Холл!

Я вернулся в город только вчера вечером, иначе я уже давно сообщил бы Вам, что Ваш подарок заставил меня от души смеяться (Вы и представить себе не можете, с какой нелепой серьезностью вскрывал я этот ящик, не догадываясь о его содержимом) и что я весьма признателен Холлу за его любезное и необычайно точное выполнение моих пожеланий. Конечно, мне следовало бы приехать к Вам, чтобы высказать все это лично, но в понедельник мы

на два с половиной месяца уезжаем в Бончерч, и я не покладая рук отвечаю на сотни писем сотен людей, которые написали мне о самых различных предметах — а то и вовсе ни о чем, некоторые же (пожилые дамы из Уэльса) — о своих сыновьях, коих я, по их мнению, должен пристроить к какому-нибудь делу во всех частях света.

Я получил от миссис Сеймур, вдовы художника Сеймура, совершенно сумасшедшее,— и притом чрезвычайно оскорбительное,— письмо, содержащее различные утверждения относительно авторства «Пиквика» — абсолютно лживые с начала и до конца. Среди названных ею людей, о которых я до сих пор ничего не слышал, она, сбивчиво излагая будто бы известные мне обстоятельства, упоминает как своих друзей, оказавших ей помощь, Вас и Холла. Хотя я ни секунды не сомневаюсь, что ни Вы, ни он не способны заподозрить меня в подлости или нечестности, наглость, с которой эта особа заявляет свои претензии, произвела на меня достаточно сильное впечатление, чтобы на случай, если Вы действительно знакомы с ней, уведомить Вас о том, как она привыкла расправляться с пустяком, который мы именуем «истиной». И если Вас не затруднит прочесть два письма, я хотел бы послать Вам ее письмо ко мне и письмо, написанное мне мистером Чепменом, издателем, в ответ на приложенную к ее письму (которое я послал и ему) записку: «Будьте добры сообщить мне, удивило ли Вас это послание так же, как и меня, и считаете ли Вы, что оно содержит хоть крупицу истины».

Как всегда, Ваш.

205

РИЧАРДУ УОТСОНУ*

Девоншир-террас,
21 июля 1849 г.

...Отвращение к этой мерзкой нации — французам — и восхищение Мадзини и его друзьями накладывало отпечаток на все мои мысли за последние три месяца. Мне очень хотелось бы, чтобы Мадзини вернулся домой и оказался в безопасности, так как его гибель была бы слиш-

ком большой потерей для всего мира. Наши друзья виги не стали лучше с тех пор, как мы в последний раз о них говорили, не правда ли? Тальфур терзается беспокойством из-за вакантной должности судьи, но я думаю, что он ее не получит. Все остальные чего-нибудь да хотят и ничего не получают — этим, по-моему, исчерпывается все, что можно сказать о палате общин. В этом году лорда Лэнсдауна отличает какое-то мрачное слабоумие и подагрическое честерфилдство *, наблюдать которое весьма интересно. Но я в восторге от того, что Дизраэли воздал должное своей бессовестной особе в отношении евреев. Кэт и Джорджина кланяются миссис Уотсон, и я тоже, если мне это будет дозволено.

Итак, до свидания, милый Уотсон.

206

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Бончерч
<сентябрь 1849 г.>

...Прежде чем взяться за следующий выпуск, я, пожалуй, весьма несовершенно опишу Вам, какое действие оказывают несколько недель пребывания в бончерчском климате. Первое его благодетельное воздействие заключается в том, что Пациент ощущает почти постоянное головокружение, сопровождающееся таким упадком сил, что ноги его подламываются, а руки дрожат, когда он пытается что-либо взять. Одновременно ему непреодолимо хочется спать (исключая ночные часы, когда его сон, если уж он смежит усталые вежды, то и дело прерывается кошмарами); когда ему предстоит дело, требующее напряжения мысли и внимания, эта сонливость овладевает им настолько, что он берется за дело лишь урывками, валяясь остальное время в постели. На протяжении того же периода развивается чрезвычайно угнетенное настроение и склонность лить слезы с утра до вечера. Если Пациент, скажем, любит длительные прогулки, то он вскоре обнаруживает, что не может пройти и десяти миль — ноги его подкашиваются и он бредет зигзагами, словно пьяный. Если он обладал значительной энергией, то вскоре заме-

чает, как она сменяется тяжелой тупой апатией. Существование лишается для него всякой цели и смысла. У него просто нет на это сил. Причесываясь утром, он от слабости вынужден проделывать это сидя. Он полностью утрачивает способность читать. Его печень приходит в такое расстройство, что его не покидает ощущение, будто под переносицей между утомленными глазами непрерывно шипит комочек горячего жира. Если он вдруг схватит насморк, ему уже не избавиться от этого недуга, так как его организм не способен ни к какому усилию. Кашель его будет басистым, монотонным и регулярным — «усердный лай сторожевого пса» ему и в подметки не годится. Он оставит всякую надежду справиться с кашлем и посвятит остаток сил на то, чтобы сохранить в целости свои кровеносные сосуды. Имя Пациента — неподражаемый Б. ...Какая нравоучительная ошибка! И все это чистейшая правда. Я побывал во многих краях, но нигде еще мне не было так трудно извлекать из своего пребывания хоть какое-то удовольствие. Неаполь жарок и грязен, Нью-Йорк лихорадочен, Вашингтон желчен, Генуя интригует, Париж дождлив — но Бончерч сногсшибателен. Я убежден, что умер бы, проживи я здесь год. Тут не жарко, не душно... Я не знаю, в чем дело, но он нагоняет ужасающую апатию. Никто здесь не подозревает о моих мыслях, но по всевозможным признакам я замечаю, что и Кэт, и Джорджина, и Личи испытывают то же самое и ничего не могут с этим поделать. Я ничем себя не выдаю и притворяюсь, что ничего не знаю о происходящем. Но они правы. Мне кажется, Личи скоро отсюда уедут — и правильно сделают! Я же уеду в конце сентября — мне нужно пожить недели две в каком-нибудь прохладном месте, например в Рамсгете, в противном же случае — я говорю совершенно серьезно — я долго не смогу оправиться от последствий пребывания тут... Что вы скажете на это? ...Чем дольше я живу, тем меньше верю докторам. Я глубоко убежден, что для людей, страдающих истощением, невозможно придумать место хуже Андерклиффа. Врачи с их старомодным умением видеть только одну сторону медали рассматривают легкие больного и воздух Андерклиффа и приходят к убеждению, что

они как нельзя лучше подходят друг к другу. Однако при этом забывают тот факт, что в целом это место способствует понижению жизненной энергии и, наконец, полному ее уничтожению. Я убежден, что погибну, словно под невыносимой, медленно наваливающейся на меня тяжестью. Много лет проживший в Париже американец, который привез мне письмо от Оллифа *, сказал позавчера, что он всегда питал к морю неутолимую страсть, но теперь, прожив здесь месяц, он не выносит больше вида моря и испытывает отвращение к шуму волн. Он не совсем понимает, в чем дело, но ему почему-то кажется, что именно море повинно в полном упадке сил, который он испытывает...*

НЕСРАВНЕННЫЙ НЕКРОМАНТ

РИА РАМА РУС.

получивший кабалистическое образование в померанцевых рощах Саламанки и в «Океанских Гротах Элум-Бей», сотворит чудеса, перечисление коих следует:

ЧУДО ПРЫГАЮЩЕЙ КАРТЫ

Две карты, извлеченные из колоды двумя из присутствующих зрителей и помещенные вместе с колодой в шкатулку Некроманта, выпрыгнут оттуда по требованию любой дамы в возрасте от восьми до восьмидесяти лет.

Это чудо — плод девятилетнего уединения в русских рудниках.

ПИРАМИДАЛЬНОЕ ЧУДО

Шиллинг, одолженный Некроманту любым джентльменом в возрасте не меньше года и не больше ста лет и тщательно помеченный вышепоименованным джентльменом, повинуясь приказу, исчезнет из медной шкатулки и проследует через глубины бесчисленных шкатулок, которые затем сложатся в пирамиды и исчезнут по велению Некроманта в маленькой шкатулке красного дерева.

Пять тысяч гиней были уплачены за тайну этого чуда китайскому мандарину, который немедленно после этого умер с горя.

ОГНЕННОЕ ЧУДО

Карта, извлеченная из колоды любой девицей, еще не изъявившей формального согласия на брак, будет немедленно опознана Некромантом, уничтожена огнем и вновь возникнет из пепла.

Ежегодная пенсия в тысячу фунтов была предложена за тайну этого чуда Некроманту директорами компании «Солнечного огня», которые получили отказ!!!

ЧУДО ОДНОГО ХЛЕБА

Часы любой истинно прелестной особы женского пола, любого возраста, как состоящей в браке, так и не состоящей, будучи заперты Некромантом в сейфе, по приказу перелетят из оного сейфа под корку обычного полуфунтового хлеба, где их разрежут на куски в присутствии всего общества, чьи вопли изумления будут слышны на расстоянии в несколько миль.

Изучению этого чуда были посвящены десять лет жизни на равнинах Татарии.

ЧУДО ПУТЕШЕСТВУЮЩЕЙ КУКЛЫ

Путешествующая кукла целиком изготовлена из дерева, но, едва облачившись в дорожное платье простейшего фасона, она становится невидимой, совершает за полминуты огромнейшие путешествия и из видимой становится невидимой со столь удивительной быстротой, что человеческий глаз не может проследить за ее превращениями.

Прислужник Некроманта при виде этого чуда обычно падает в обморок и приходит в себя только после введения в его организм коньяка с водой.

ПУДИНГОВОЕ ЧУДО

После того, как общество решит одолжить Некроманту шляпу любого джентльмена, чья голова уже достигла зрелых размеров, Некромант, ни на секунду не скрывая оную шляпу от восхищенных взоров всех присутствующих, разожжет в ней огонь, смешает в своей магической кастрюле пудинг, сварит его на означенном огне и через две минуты нарежет уже совершенно готовый пудинг и оделит им всех зрителей, дабы они немедленно поглотили его тут же на месте; а затем вернет ничуть не пострадавшую от огня шляпу ее законному владельцу.

Во время представления в Милане чрезвычайная щедрость этого чуда вызвала такую зависть в благодетельном австрийском правительстве, что Некромант имел честь быть схваченным и ввергнутым на пять лет в цитадель этого города.

207

Ф. ЭВАНСУ

Бончерч,
13 сентября 1849 г.

Дорогой Эванс!

Надеюсь закончить все к следующему четвергу. После этого буду рад видеть Вас в любой удобный для Вас день. Накануне своего приезда черкните мне, чтобы я не ушел куда-нибудь бродить.

Я обещал мистеру Бернгарду Таухницу * послать ему в Лейпциг корректуру шестого выпуска, как только она будет отпечатана, ибо он собирается выпустить в свет первый том «Копперфилда» в конце месяца и желал бы как можно скорее получить его перевод на немецкий язык. Поскольку я сообщил ему, что скорее всего выпуск будет готов к пятнадцатому, и поскольку я немного запаздываю, мне пришло в голову, что ему будет удобнее получить первый лист немедленно. Поэтому прошу Вас проследить, чтобы моя правка (прилагаемая) была аккуратно перенесена — недостающую половину страницы надо тщательно восстановить по прилагаемой рукописи и отправить ему этот лист незамедлительно, с обещанием дослать последний лист, как только он будет готов.

Искренне Ваш.

208

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Бончерч
<сентябрь 1849 г.>

...После «Домби» отклики кажутся весьма скромными, и, значит, Ваше предсказание все-таки сбывается. Я не жалею о том, что не могу заставить себя придавать больше значения людскому мнению; и я глубоко убежден, что если потомки будут читать мои книги, «Домби» будет считаться одной из лучших, но преходящие влияния на какое-то время значат очень много, и как малый успех «Чезлвита» помог мне, так огромный успех «Домби», наоборот, мне сильно повредил. Впрочем, на самом деле не так уж сильно. Эти итоги касаются только первых трех выпусков, а на них, разумеется, отразились большие расходы по первому выпуску, и, следовательно, жаловаться особенно нечего. Одно мне ясно, что весной журнал должен уже идти полным ходом, и в свободные минуты я уже обдумывал название и общий замысел. Эванс утверждает, что они ничего, кроме похвал «Копперфилду», не слышали и спокойны за него. Устойчивый двадцатипятитысячный тираж, которого он, кажется, достиг, вполне достаточен. Последние выпуски всегда расходятся лучше...

...Браун набросал для следующего выпуска чрезвычайно удачного и во всех отношениях превосходного мистера Микобера. Надеюсь, что этот выпуск неплох. Я не слышал ничего, кроме очень приятных рассказов о том, как он всем нравится.

209

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Бродстэрс,
7 октября 1849 г.

...Я причиняю явный ущерб роящимся в моей голове мыслям о задуманном журнале (они уже довольно быстро и легко выстраиваются в ряд) тем, что излагаю их сейчас. Но я представляю себе еженедельник. Цена — полтора-два пенса. Материал — частично оригинальный,

частично — перепечатки, и по возможности всегда немного хороших стихов.

...В отношении подбора материала у меня есть особые соображения. Прежде всего, он должен быть посвящен определенной теме. Скажем, рассказы о пиратах. По этой теме имеется уйма исключительно интересного, романтического и почти неизвестного материала. Или рассказы о рыцарях и о причудливой древней легенде о св. Граале... Или рассказы о дикарях — тут можно показать, в чем именно все дикари схожи друг с другом, а равным образом показать и те обстоятельства, при которых люди цивилизованные в трудных условиях быстрее всего уподобляются дикарям. Рассказы о выдающихся личностях, хороших и дурных,— в историческом плане; следует помочь читателю составить свое суждение о людях и оценить правдивость изображения многих личностей в литературных произведениях. Все названные темы, как и множество иных, уже придуманных мною, должны быть компилятивными; они должны отображать основную направленность и цели еженедельника и вызывать у читателя не меньший интерес, чем материал оригинальный. Оригинальный материал включает очерки, обзоры, письма, театральные рецензии и т. д. и т. п., поданные в форме как можно более увлекательной, но вместе с тем создающей ясное и отчетливое представление о духе народа и об эпохе... Чтобы все это связать воедино и, так сказать, создать определенную законченную картину, которую без труда мог бы передать любой из авторов, я представляю себе некую Тень, которая может проникнуть повсюду — и при свете солнца, луны и звезд, и при свете камина и свечи, быть во всех домах, во всех углах и закоулках, знать все и обо всем, побывать повсюду без малейшего труда, будь то театр, дворец, палата общин, тюрьмы, общества, церковь, железные дороги, море, чужие края и наша страна. Нечто всепроникающее, вездесущее и неуловимое. Я не считаю, что это издание следует назвать «Тень», но я хочу, чтобы название давало какое-то понятие о том, что еженедельник — веселый, полезный и всегда желанный спутник. Я хочу, чтобы в первом номере Тень рассказала о себе и своем семействе. Я хочу, чтобы письма адресовались ей. Пусть она иногда грозит, что

собирается остановиться на том или ином предмете, или пролить свет на какое-нибудь мошенничество, или что она вскоре должна появиться в каком-нибудь месте. В той части еженедельника, где будут помещены перепечатки, я бы хотел, чтобы Тень побывала в библиотеке, среди книг, отрывки из которых пусть печатаются. Я хотел бы, чтобы она, как некое причудливое существо, витала над всем Лондоном и чтобы у читателя возникала мысль: «Интересно, что скажет об этом Тень», «А об этом?», «Нет ли здесь Тени?» и так далее. Надеюсь, Вы понимаете меня?.. Мне чрезвычайно трудно выразить свои мысли на этой стадии. Но думаю, что самое важное — связать с изданием эту идею, и тогда уже нетрудно будет ее развить. Имеется в виду создание оригинального, фантастического, причудливого существа, чего-то вроде неведомой ранее Силы. Оно будет словно в фокусе концентрировать все, что делается в газете. Это должно быть нечто непохожее ни на «Спектейтор», ни на Исаака Бикерстафа, нечто совсем в ином роде, но такое, во что читатели охотно поверят; оно должно быть достаточно таинственным и необычным, чтобы пленить их воображение, а само должно олицетворять здравый смысл и гуманность. Я хочу, чтобы и название еженедельника и моя идея выражали, что это Нечто находится у каждого где-то рядом: у окна, у камина, на улице, дома, с детских лет и до старости — неразлучным спутником... Можете ли Вы из всего этого понять мою мысль? Я выпустил ее, точно был наполненным ею пузырем, который Вы взяли и проткнули. Об этой идее я не обмолвился никому ни словом, но питаю радостную надежду, что это действительно стоящая идея и что из нее можно выковать все остальное...

210

ГИЛПИНУ

Девоншир-террас,
четверг вечером, 15 ноября 1849 г.

Дорогой мистер Гилпин!

В ответ на Ваше письмо, полученное вчера (дела помешали мне ответить сразу), я вынужден сообщить, что,

к сожалению, не могу быть на митинге, который состоится в понедельник, ибо уже довольно продолжительное время считаю, что умонастроение общества еще не находится на той ступени, когда с помощью публичных митингов можно успешно отстаивать идею полной отмены смертной казни.

Я полагаю, что совершенные за последние год-два страшные преступления, воспоминание о которых, к сожалению, еще свежо в памяти каждого, привели к тому, что многие честные люди не захотят взять на себя ответственность, приняв участие в борьбе за отмену закона. Но я знаю, что есть много людей, готовых сделать все, что в их силах, для отмены хотя бы *публичной* казни, так как разум не позволяет им требовать отмены смертной казни за особо тяжкие преступления.

Мы знаем, какое ужасное и ожесточающее зрелище представляет собой смертная казнь, мы знаем также, что наш величайший патриотический долг — добиться, чтобы подобные зрелища никогда не имели места в будущем. Я полагаю, что правильный путь состоит в том, чтобы воспользоваться поддержкой этих людей — которой в противном случае мы лишимся — в борьбе за великую реформу, за то, чтобы смертный приговор приводился в исполнение торжественно, в стенах тюрьмы. Я нимало не сомневаюсь в том, что еще долгие годы никакие митинги и собрания не смогут хоть как-то помочь борьбе за отмену смертной казни. Но я убежден, что по второй стороне вопроса можно добиться успеха в очень скором времени и этим устранить немало вреда и леденящих душу ужасов.

Поэтому я решил ограничить свои усилия стремлением добиваться столь важного и желанного изменения, которое наверняка встретит огромную поддержку общественности и, полагаю, при ее настойчивости не будет отвергнуто ни одним правительством. Желал бы услышать, что митинг, который Вы собираетесь организовать в понедельник вечером, придет к такому же заключению.

211

ДУГЛАСУ ДЖЕРОЛДУ

Девоншир-террас,
суббота, 17 ноября 1849 г.

Дорогой Джеролд!

Сегодня утром я получил письмо от Гилпина, где он упоминает о Вашем письме, в котором вы осуждаете «таинственность повешения, скрытого от глаз публики.

Но подумайте, есть ли наказание, помимо смерти, которое не казалось бы «таинственным»? Вспомните, ведь все улучшения в тюрьмах и смягчение наказаний за последние двадцать лет были связаны с «таинственностью». Я отлично помню время, когда систему молчания осуждали как таинственную и несовместимую с духом английского общества. Однако можно смело утверждать, что она принесла большую пользу. Тюремные кареты, конечно, таинственны, но насколько они приятнее прежней системы, когда арестанты ходили по улицам, прикованные к длинной цепи, как каторжники в «Дон-Кихоте»! Разве нет никакой таинственности в ссылке в колонии, в нашем обычае отправлять людей на остров Норфолк и в тому подобные места? Никакой таинственности в том, что человека вместо имени называют по номеру? Разве все изменения и улучшения системы наказания не исполнены таинственности от начала и до конца? Мне хотелось бы убедить Вас в том, что это слово следует оставить публичным ораторам, напомнив Вам о том, какой была преступность и какими были наказания в дни, когда во всем этом не было никакой таинственности и все было открыто, как Брайдуэлл, куда Нэд Уорд ходил смотреть, как порют женщин.

Искренне Ваш.

212

ДЕ СЭРЖА

Девоншир-террас,
суббота, 29 декабря 1849 г.

Мой дорогой Сэржа!

Сегодня утром, во время завтрака, я получил Ваше письмо с радостью, которую мое красноречие не в силах

выразить, а Ваша скромность — вообразить. Как чудесно, что в такое время года о нас вспомнили в Вашем доме, где нам было так хорошо, и в милой старой Лозанне, которую мы всегда надеемся увидеть снова, и вот я не могу не откинуть в сторону первую страницу Копперфилда (10-го выпуска), уставившуюся на меня в буквальном смысле слова пустым взглядом, и ревностно берусь за ответ.

Бландерстон-хаус! Какое странное совпадение! Из всех удивительных историй, которые мне приходилось слышать (а имя им — легион), эта, пожалуй, самая удивительная. Я отправился в те края в прошлом году седьмого января, когда вынашивал замысел, и выбрал Бландерстон из-за его названия. Я уже ранее наблюдал многое из того, что Вы говорите об этих несчастных девушках. С болью сердечной я соглашаюсь со всем, что Вы утверждаете с таким чувством,— их просто безжалостно лишают возможности вернуться на путь добродетели. Я размышлял об этом довольно долго и надеюсь историей маленькой Эмили (которой суждено пасть и ничто не в силах ее спасти!) по-новому трагически представить эту проблему и, быть может, принести этим некоторую пользу. Я знаю, Вы будете рады услышать, что Копперфилд пользуется огромным успехом. По-моему, он нравится читателям больше любой другой моей книги.

Мы восхитительно провели время у Уотсонов (сохранив и укрепив искреннюю привязанность к ним обоим), и были самыми веселыми среди веселящихся. В числе гостей была некая мисс Бойль *, отличная актриса-любительница, и мы с ней разыграли с огромным успехом несколько сцен из «Школы злословия» и из «Никльби». Выступали мы в старинном зале, заполненном и переполненном слугами.

В конце программы мы показывали фокусы, для которых у меня имеется хороший реквизит, собранный в разное время и в различных местах, а затем мы все пускались в пляс самого буйного рода и танцевали ночь напролет. Мы часто вспоминали Вас, миссис Сэржа и Холдимэнда и жалели, что вас нет с нами. Уотсон и я раз пятьдесят «давали обет» (торжественно клялись, как О'Коннел) поехать вместе в Лозанну и даже договори-

лись, в каком месяце и на какой неделе. Но всегда что-нибудь нам мешало. Однако я надеюсь, бог даст, приехать туда снова, как только завершу свой Копперфилдов труд.

Вы не можете себе представить, что творилось при повешении Маннингов *. Поведение людей было неописуемо ужасным, мне еще долго казалось, что я живу в городе, населенном дьяволами. До сих пор я чувствую, что не мог бы приблизиться к этому месту. Письма мои по этому вопросу произвели большой шум *. Но у меня отнюдь нет твердой уверенности, что в связи с этим что-нибудь изменится, главным образом потому, что сторонники отмены смертной казни совершенно безрассудны и, по сути дела, ведут нечестную игру. Они погубят любое подобного рода предложение в парламенте, если только оно не встретит твердой поддержки правительства, чего наверняка не случится, так как девиз вигов «laissez aller» [1]. Думаю, что Пилю этого бы удалось добиться. Мне пришли на ум два факта, могущие послужить вескими доводами в защиту моей идеи. Первое — это бурное волнение по случаю того, что процессии, направляющиеся к месту казни, были отменены, и вместо Тайберна вся церемония происходила у ворот тюрьмы. Второе — то, что в наши дни, при том же британском правительстве в Новом Южном Уэльсе, казни совершаются *внутри тюрьмы*, что дает явно положительный результат. Я жду случая выпалить этот факт первой же влиятельной особе, которая предоставит мне такую возможность.

В противоположность Вам, у нас здесь не было и не предвидится никаких свадеб, хотя таковые и могли бы иметь место, но некая юная особа, которую Вы знаете, весьма разборчива *. Дети, слава богу, все здоровы. Чарли через неделю едет в Итон, экзамен он выдержал прекрасно. Кэт чувствует себя хорошо и вместе с Джорджиной присоединяется к моим заверениям в любви к Вам, миссис Сэржа и Холдимэнду, с которым (передайте ему!) я бы с радостью несколько часов посостязался в споре, сидя за его столом. О боже, до чего мы бывали упрямы! Я так и вижу, как он сидит, откинувшись на стуле, под-

[1] Не вмешивайтесь *(франц.)*.

няв указательный палец правой руки, и восклицает «помилуйте!» в ответ на какое-нибудь мое предложение и потом разражается смехом. И вдруг меня охватывает такое чувство, словно мы с Вами все еще сидим и беседуем, покуривая сигары, у дверей отеля Мартиньи, в доме звучит фортепьяно и голос леди Мэри Тэйлор. Я устремляю довольно унылый взор на мой сад (он весь в снегу), но, снова приободрившись, радостно предвкушаю новую экспедицию на Большой Сен-Бернар, во время которой миссис Сэржа и я будем смеяться так, как, пожалуй, еще никогда не смеялись, в одном из этих однобоких вагончиков. И когда мы снова узнаем от Холдимэнда, в маленьком, захудалом трактирчике за ленчем, как, отправляясь в путешествие, следует закрывать дверь, прислонив к ней наклонный стул,— помните?

Я очень надеюсь, что мы все еще увидимся, до того как облысеем. И с этой надеждой остаюсь, мой дорогой Сэржа, Вашим верным другом.

213

МИССИС МАКРИДИ

Девоншир-террас
среда утром <1849 г.>

Дорогая миссис Макриди!

Вернувшись вчера вечером домой к обеду, я нашел американскую газету, присланную мне Макриди. В первом порыве безграничного негодования я уже собрался идти к Вам, но, поостыв, решил, что не следует портить Вашу радость при мысли о его возвращении излияниями о том, какие чувства я питаю к ньюйоркцам.

Но одно я должен сказать — эта сцена удивила даже меня. Я очень хорошо знаю, что в первом городе Соединенных Штатов случаются вещи, которые не могли бы произойти в самом глухом уголке любой другой страны, однако гнусность всего этого и невыразимая низость пресловутого «общественного мнения», на которое неведомый мистер Кларк ссылается, оправдывая свой ангажемент, представляются мне страшнейшим покушением на разумную человеческую свободу.

Для Макриди это не имеет ни малейшего значения и лишь на две-три недели раньше извлечет его из этой проклятой (извините меня!) мешанины хвастливых претензий и шарлатанства. А это приятно нам всем.

Мне кажется, нам следует устроить для него обед ровно с таким числом приглашенных, чтобы он мог считаться званым, но не больше,— и выразить на нем благородное негодование по поводу этого происшествия.

Я обсужу все с Форстером. Сам же я считаю, что сделать это надо обязательно. Мы не имеем права смотреть на подобные вещи сквозь пальцы.

Искренне Ваш.

214

МИССИС ГАСКЕЛЛ

Девоншир-террас,
31 января 1850 г.

Дорогая миссис Гаскелл!

Вы, быть может, читали объявления в газетах о моем намерении издавать новый общедоступный дешевый литературный еженедельник. Не знаю, каковы Ваши обеты в отношении литературной умеренности или воздержания, но поскольку я твердо знаю, что из ныне здравствующих английских писателей нет ни одного, чьей помощью я хотел бы заручиться скорее, чем помощью создательницы «Мэри Бартон» (эта книга глубоко тронула и взволновала меня), то решаюсь спросить Вас, могу ли я надеяться, что Вы согласитесь написать короткий рассказ или любое количество рассказов для предполагаемого издания?

Имена авторов, ни мое, ни чье-либо другое, указываться не будут: каждый номер будет выходить без подписи и весь в целом будет выражать общий дух и направленность еженедельника, заключающиеся в том, чтобы поддерживать обездоленных и способствовать общему улучшению социальных условий. Ваша скромность вряд ли позволит Вам представить себе, сколь высоко я ценю Вашу помощь, и я совершенно уверен в том, что даже самые незначительные плоды Ваших наблюдений и раздумий о жизни, Вас окружающей, привлекут внимание и принесут пользу.

Разумеется, я сознаю, как ценно для Вас время, и не забываю об этом, когда спрашиваю, можете ли Вы уделить часть его для нашего дела. Если Вы сможете и предпочтете побеседовать со мной лично, я с радостью приеду на несколько часов в Манчестер и подробно отвечу на все Ваши вопросы. Огромное искреннее восхищение, которое вызвала во мне Ваша книга, делает меня очень настойчивым в отношении Вас. Поэтому прошу извинить меня за беспокойство и верить, что я остаюсь навсегда преданным Вам.

Миссис Диккенс и ее сестра просят передать привет. Я бы хотел знать, что Вы сделали со своей protégée [1].

215

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Январь 1850 г.

МАЛИНОВКА [2]. С таким эпиграфом из Гольдсмита: «Малиновка, известная своей любовью к роду людскому, живет с нами круглый год...» *(Но это название было отвергнуто. Затем последовало) ЧЕЛОВЕЧЕСТВО.* По-моему, это очень хорошо... *(Затем...)* А вот своеобразная идея, но с некоторыми явными достоинствами: *ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС.* Еженедельный журнал, предназначенный для просвещения и развлечения самых разнообразных читателей. Возглавляемый им самим... *(Все же и тут чего-то не хватало. На следующий день появилось:)* Я, право же, думаю, что если в другом названии чего-то не хватало, то уж это очень удачно и вносит как раз то, что нужно. *ДОМАШНИЙ ГОЛОС.* Я придумал и много других, как-то: *ДОМАШНИЙ ГОСТЬ, ДОМАШНИЙ ЛИК, ТОВАРИЩ, МИКРОСКОП, ПУТЬ ЖИЗНИ, РЫЧАГ, БЕГУЩИЕ ГОДЫ, ОСТРОЛИСТ* (с двумя строками из Саути для эпиграфа), *ВСЕ НА СВЕТЕ.* Но, пожалуй, все же *ГОЛОС* — именно

---

[1] Протеже *(франц.)*.

[2] Предложенные названия для нового издания. Курсивом в скобках даны комментарии Форстера.

то... *(Это было и в самом деле почти то, что нужно, однако на следующий день появилось:) ДОМАШНЕЕ ЧТЕНИЕ.* Это очень милое название... *(и выбор был сделан).*

216

МИСС ЭМИЛИ ГОТШАЛК

Лондон, Девоншир-террас,
1 февраля 1850 г.

Мой дорогой юный друг!

Вы знаете, что мой ответ на Ваше письмо, как обычно, будет кратким,— не потому, что письма Ваши не вызывают во мне искреннего, глубокого интереса, а лишь потому, что мне ежедневно приходится писать множество писем.

Настроение Ваше, о котором Вы мне пишите, нездорово и, я думаю, неестественно, однако средство от него весьма просто и доступно каждому из нас. Это — действие, помощь, желание быть полезным, делать добро окружающим хотя бы в малом, быть чем-то занятым. В жизни каждого человека, сколь бы ни была она тиха и однообразна, достаточно возможностей для проявления деятельного сочувствия, жизнерадостной помощи. Я смиренно верю, что именно таким путем следует приближаться к богу, и тем обретать надежду и душевный покой. Мир вокруг нас не сон, а явь, и мы — основная часть этого мира, и именно поэтому мы должны в нем действовать. Болезненные занятия, подобные Вашим: уход в мир книг (пусть даже хороших), меланхолическое созерцание — здесь не нужны. В мире есть свои устои и свои награды. Выйдите в мир, окружающий Вас, каким бы просторным или узким он ни был. Будьте отзывчивы, не только в мыслях Ваших, а на деле. Старайтесь тысячью разных способов сделать так, чтобы люди любили Вас и чтобы им не хватало Вас, случись Вам умереть, и тогда, верьте, жизнь Ваша станет счастливой.

Прошу Вас, будьте тверды. Доставьте мне великое удовлетворение в один прекрасный день убедиться, что переписка, которую Вы завели со мной, принесла пользу

и что теперь у Вас на сердце стало гораздо легче и веселее, чем в ее начале.

Верьте, верьте в реальность жизни и не допускайте, чтобы Ваша собственная жизнь, в которой — как и в каждой жизни — есть свой смысл, пролетела бы впустую, пока Вы мрачно размышляли над ее тайнами.

Таинственная жизнь не здесь, а далеко в небесах. Выполнять свой долг — значит готовиться к ней. Наш Спаситель не сидел, праздно сложив руки и размышляя,— он трудился и творил добро. В своем маленьком домашнем мирке Вы можете сделать столько же добра, сколько император в своих владениях.

Всегда преданный Вам.

217

ЧАРЛЬЗУ НАЙТУ

Девоншир-террас,
8 февраля 1850 г.

Дорогой Найт!

Разрешите самым сердечным образом поблагодарить Вас за любезное и лестное упоминание обо мне в Вашей талантливой брошюре. Это очень тронуло меня, и я рад от души.

Полностью согласен со всем, что Вы так красноречиво высказали об этом несправедливом, неумном и непомерном налоге *. Но когда подумаешь о положении огромной массы народа, то просто не хватает духу требовать справедливости в этом вопросе до того, как отменят налог на окна. Без света люди не могут читать. Без света они не могут жить по-человечески и сохранять нормальное здоровье. Как бы ни страдали от несправедливости мы, я полагаю, что они страдают от нее куда больше, и восстановление справедливости в этом вопросе даст им возможность для иного физического существования.

Мы совсем не видимся, и я думаю, не худо было бы нам поставить еще одну пьесу, скажем, в Корнуолле, специально ради того, чтобы мы встретились.

Глубоко преданный Вам.

218

ФОРСТЕРУ

Брайтон,
14 марта 1850 г.

...Меня мучит чувство неудовлетворенности, оттого что в номере не хватает чего-то трогательного, такого, что выражало бы общий дух «Домашнего чтения». Позавчера вечером, сидя в поезде (где мне всегда хорошо думается), я смотрел в окно на звезды и обдумывал одну тему, с ними связанную. И вот, соединив звезды со своим замыслом, я немедленно написал этот рассказ, который посылаю Вам. Мне бы хотелось, чтобы Вы прочли его до отправки в типографию (это займет у Вас не более пяти минут), а с обратной почтой прислали бы мне гранки.

219

МИССИС ГАСКЕЛЛ

Брайтон, Кингс-роуд, 148,
14 марта 1850 г.

Дорогая миссис Гаскелл!

Прошу Вас ответить на это письмо с обратной почтой в адрес Девоншир-террас.

Я глубоко убежден в том, что поскольку Лиззи не умирает, она должна была отдать ребенка в собственные руки Сьюзен, а не подкидывать ей к двери. Заметьте! Чем выразительнее, чем сильнее и преданнее любовь к ней ее матери, тем более жестоким кажется ее преступное бегство. То же самое чувство, которое в первом случае движет сюжет, в другом случае будет разбито поступком дочери, и Вы не сможете строить одно, не разрушив другого.

Исправить все это можно самой незначительной переделкой. Я предпочел бы, чтобы Вы прислали ее в ответном письме, а не исправлять в редакции. Уверяю Вас, образ Лиззи от этого значительно выиграет, и я не сомневаюсь в том, что Вы сделаете все возможное, чтобы спасти ее! Я убежден, что это устранит неизбежные возражения, а надо сказать, что чем ярче рассказ, тем они будут сильнее. Не могу передать Вам, насколько остро я это чувствую, дорогая миссис Гаскелл.

220

УИЛЬЯМУ БРЭДБЕРИ

Брайтон, Кингс-роуд, 148,
14 марта 1850 г.

Дорогой Брэдбери!

«Исключительно ради этого случая» — думаю, что предложенные изменения в начальной фразе хороши. Заглавие теперь выглядит отлично. Я, право, считаю, что номер получился великолепным, и если читатели не будут довольны, то я уж и не знаю, чего им еще нужно. Мне никогда не приходилось читать такого удачного номера любого журнала.

А я — каков умница! Мне прислали сегодня предполагаемый № 2 * и список статей. Поразительная личность — а именно, нижеподписавшийся — слегка смущенный нехваткой должной Домашней нежности, тут же откладывает Копперфилда, над которым оная личность работала, как паровая машина, пишет именно то, что, как ему думается, восполнит пробел, и отправляет свое творение почтой Форстеру. Поистине поразительная личность! Привет Эвансу.

Всегда Ваш.

P. S. Все клише посылайте на Девоншир-террас.

221

ДЖЕКОБУ БЕЛЛУ

Девоншир-террас,
воскресенье, 11 мая 1850 г.

Дорогой сэр!

Я много думал об этой женщине, о няне из Итч-уорда, плакавшей над умершим ребенком. Если ей можно чем-нибудь помочь, мне бы хотелось это сделать. Прошу Вас иметь это в виду, и если Вы надоумите меня, каким образом помощь может быть оказана, будьте любезны сообщить об этом. Я решаюсь прибегнуть к Вам с этой просьбой, ибо безгранично верю, что Вы меня поймете.

Я постарался дать своеобразное описание нашей прогулки, не приводя названия работного дома, но Вы найдете его на странице 204 вложенной корректуры.

Прошу прислать мне ее обратно, после того как Вы выберете свободную минуту прочитать очерк. Надеюсь, написанное не вызовет у Вас неприятных воспоминаний об этом дне?

Преданный Вам.

222

МАЙКЛУ ФАРАДЕЮ*

Девоншир-террас,
28 мая 1850 г.

Дорогой сэр!

Я беру на себя смелость обратиться к Вам так, словно мы знакомы, надеясь, что Вы любезно извините мне подобную вольность.

Мне кажется, для широких кругов публики было бы чрезвычайно полезно получить представление о Ваших недавних лекциях за чайным столом и о Ваших прошлогодних лекциях для детей. Я был бы очень счастлив опубликовать статью о них в моем новом журнале «Домашнее чтение». И я был бы чрезвычайно признателен Вам, если бы Вы сообщили, нравится ли Вам подобная мысль, и в случае благоприятного решения прислали бы мне на прочтение конспекты этих лекций.

Я хорошо понимаю, что у Вас могут быть причины желать оставить эту тему за собой, и в таком случае хотел бы заверить Вас, что не позволю себе никак на нее посягнуть.

Остаюсь, любезный сэр,
Вашим покорным слугой.

223

МАЙКЛУ ФАРАДЕЮ

Девоншир-террас,
31 мая 1850 г.

Дорогой сэр!

Не могу передать, как глубоко тронула меня Ваша любезность и какая честь для меня то, что Вы проявили интерес к моим книгам.

Думаю, что я смог бы что-нибудь сделать со свечой. Но я не прикоснусь к ней и не дам прикасаться другим, пока

не сумею зажечь ее хотя бы искоркой того чудесного света ясности и простоты, которые вижу в Ваших замечаниях.

Поскольку Вы так любезно предлагаете мне конспекты Ваших лекций, я воспользуюсь ими, как только Вы их закончите, воспользуюсь хотя бы для собственного удовольствия и удовлетворения собственного интереса. Я глубоко сожалею, что не слышал Ваших лекций для детей. Написать о них, хотя бы в общих чертах, было бы для меня истинным наслаждением.

Я сочту величайшей любезностью с Вашей стороны, если Вы разрешите моему представителю присутствовать на Вашей следующей лекции (если я сам, к несчастью, буду лишен этой возможности). Сопоставление вынесенных им впечатлений с Вашим конспектом окажет нам большую помощь.

Позволю себе добавить, что день, когда я, так давно почитающий Вас и сознающий, сколь многим обязано Вам общество, осмелился написать Вам, навсегда останется знаменательной датой в моем календаре, если я смогу считать его началом личного знакомства с Вами.

Остаюсь, дорогой сэр, преданный и благодарный Вам.

224

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

6 июня 1850 г.

...«Копперфилд» наполовину готов. Я, слава богу, вполне спокоен за роман. У меня есть заготовка для следующего продолжения в этом месяце, и еще одна для следующего, и еще одна...

225

МАКРИДИ

Девоншир-террас,
вторник вечером, 11 июня 1850 г.

Дорогой Макриди!

Встреча на будущей неделе — в понедельник, четверг или пятницу — нас отлично устраивает, и мы будем сердечно рады побеседовать о поездках по Девонширу. Нам

вовсе не по душе Ваше намерение уехать, и мы не можем, как говорят наши американские друзья, «взять это в толк». После Вашего отъезда ноги моей не будет в той части парка.

Я сную, как пчела, между «Копперфилдом» и «Домашним чтением». Надеюсь взяться за *столь милый для меня образ Этерниги* и закончить роман под его хриплую музыку. И пусть эта книга будет лучшей из всех, написанных мною, и пусть читают ее Ваши праправнуки.

Шлю Вам, дорогой друг, самые сердечные пожелания.

226

МИСС КУТС

Бродстэрс,
пятница вечером, 6 сентября 1850 г.

...Было бы замечательно для всех нас, если бы среди лиц, причастных к проблеме образования, было больше таких, кто разделял бы Ваше мнение о развитии творческого воображения. Мои мысли об этом вопросе полностью совпадают с теми, которые Вы изложили в Вашей записке. Три лучших издательства детских книг — это Артур Холл (Патерностер-роу), Грант и Гриффит (Сент-Полс Черчъярд), Дартон и К^0 (Холборн-хилл), Тэгг (Чипсайд) также издали очаровательный сборник рассказов под названием «Детская волшебная библиотека», доставивший мне много радости на корабле во время путешествия в Америку...

Преданный Вам.

227

ПРЕПОДОБНОМУ ЭДВАРДУ ТЭГАРТУ

Бродстэрс, Кент,
воскресенье, 22 сентября 1850 г.

Дорогой Тэгарт!

Я внимательно прочитал рассказ и, к сожалению, должен сказать, что для «Домашнего чтения» он не годится. Вряд ли нужно говорить *Вам,* что в таком произведении требуется нечто большее, чем буквальная верность факту, ведь сами эти факты по природе своей таковы, что

должны быть переданы художественно и с большим тактом. Болезнь молодого человека мне кажется весьма банальной, равно как и предложение женатого джентльмена, равно как и до последней степени банальный рассказ Элен Уинслоу. Сия молодая леди,— по-моему, разбавленный вариант героини одной книжицы, под названием (если память мне не изменяет) «Колокола»; в этой же книжице, помнится, описывался и страх героини за ребенка. Что касается рассказа в целом, то читатели наши, несомненно, сочли бы, что в нем нет ничего оправдывающего его длину. Все это я сообщаю Вам и предоставляю Вам уведомить автора, «подсластив пилюлю, по Вашему усмотрению», словом, передайте мой отзыв в мягкой, но решительной форме.

Дом в Норт Энде я видел, и он мне очень понравился. Участок великолепен.

Миссис Диккенс и Джорджи вместе со мной шлют сердечный привет миссис Тэгарт и всем домашним...

228

МИССИС УОТСОН

Бродстэрс, Кент,
24 сентября 1850 г.

Дорогая миссис Уотсон!

Временно и частично придя в себя после «Копперфилда», я погружаюсь с головой в театральные дела и веду с мисс Бойль обширнейшую переписку, в связи с которой между нею и мною путешествуют увесистые пакеты. Посылаю Вам пьесу, которую мы намерены сыграть в заключение в Рокингеме и которую моя труппа играла в Лондоне, Шотландии, Манчестере, Ливерпуле и уже не помню где еще. Это одна из самых потешных вещей, когдалибо игравшихся на сцене. Как я уже напоминал, мы намерены играть ее в заключение. Почему я посылаю ее Вам? Да потому, что в ней есть великолепная роль для Вашего брата, которую в моей труппе играл Джордж Крукшенк. Это Джеффри — с подбитым глазом, хромой. Он будет очарователен в ней, просто великолепен! Если он приехал домой, передайте ему привет и сообщите обо всем. Если его нет, окажите мне эту любезность, когда он

приедет. И добавьте, что у меня есть для этой роли парик, который я намереваюсь послать на Выставку 51-го года в качестве образца, являющего триумф человеческой изобретательности.

Я играю Доктора. Мисс Бойль — Лиззет, Джорджина — вторую женскую роль. «Программа» для Рокингема нами уже почти составлена. Но нам нужен еще один приличный актер, помимо Вашего брата и мисс Бойль, на роль Маркиза. Не знаете ли Вы существа, наделенного природой необходимыми для этого качествами?

229

МИССИС УОТСОН

Редакция «Домашнего чтения»,
среда, 26 октября 1850 г.

Дорогая миссис Уотсон!

Так как «Копперфилд», как Вы знаете, — Ваша книга *, я подумал, что Вы, возможно, захотите узнать конец раньше всех остальных читателей. Сегодня я в городе и посылаю Вам последние листы. Было бы лучше, если бы Вы и Уотсон (которому я шлю теплейший привет) никому их не давали, пока конец не будет напечатан.

Они еще не прошли последнюю корректуру, и в них, наверное, есть опечатки.

В понедельник вечером мы переезжаем в город. Сегодня по пути домой я должен встретить в Тэнбридж Уэлс Кэт и Джорджину.

Остаюсь, дражайшая миссис Уотсон, искренне Ваш.

230

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

20 ноября 1850 г.

«Копперфилд» закончен после двух дней поистине тяжкого труда: и, по-моему, получилось сногсшибательно... Его первый кутеж, надеюсь, заслужит одобрение читателей своей гротескной правдивостью.

231

УОЛТЕРУ ЛЭНДЕРУ

Редакция «Домашнего чтения»,
среда, 4 декабря 1850 г.

Дорогой Лэндер!

Я (как это ни странно) так скверно чувствовал себя все эти дни после воскресенья, что буквально не мог поднять голову с подушки. Вот почему, дорогой друг, я до сих пор не написал Вам о Вашем благородном письме в «Экзаминере», за которое — таким восторгом оно меня переполняет — я не нахожу слов, чтобы Вас поблагодарить.

Мы считали, что момент для помощи Кинкелю * благоприятен, и я уже твердо верил, что нам удастся добиться его освобождения (я заручился сильной и деятельной поддержкой симпатизирующих ему лиц), как вдруг пришло известие, что он бежал. С тех пор нам о нем ничего не известно. Захватили ли его или он (как я от души надеюсь) скоро появится в Лондоне? Я не начну действовать, не посоветовавшись предварительно с Вами, а если узнаю о нем что-нибудь новое, то немедленно Вам сообщу.

Хорн написал свою статью. Я увижусь с ним здесь сегодня вечером и знаю, как он будет растроган Вашим сочувствием и поддержкой. Но я решил написать Вам, не дожидаясь его прихода, так как боялся, как бы Вы не подумали, что я остался нечувствительным к Вашему великодушию. Когда мы дома прочитали Ваше письмо, то все признали, что в нем открывается Ваше благородное и правдивое сердце.

Остаюсь, дорогой Лэндер, любящий Вас.

232

УИЛСУ

Девоншир-террас,
четверг, 12 декабря 1850 г.

Дорогой Уилс!

Эти гранки статьи Морли после поправок нужно будет очень внимательно прочитать. Лучше я это сделаю сам. Я что-то не понимаю, считает ли он, что Бастер действи-

тельно профессиональный боксер или же он джентльмен, обладающий вкусом боксера. Я выбрал второй вариант, как более логичный и оправданный.

Посылаю рассказ миссис Гаскелл с двумя-тремя мелкими поправками. Название, которое я ему дал, раскрывает его содержание лучше, чем все другое, что приходило мне в голову. Кроме того, оно не избитое.

Рассказ очень талантлив,— по-моему, это лучшее произведение писательницы из всех, какие я читал, не исключая и «Мэри Бартон»,— и если бы у него был счастливый конец (а в этом весь его смысл), то он бы завоевал большой успех. А в таком виде пусть идет лучше в следующем номере, хотя вряд ли произведет на читателя впечатление, ибо невольно вызовет печальные ассоциации, напоминая о девочке, упавшей в колодец, и о мальчике, скатившемся с лестницы. Мне бы так хотелось, чтобы ее герои покрепче стояли на ногах!

233

ЛОРДУ ДЖОНУ РАССЕЛУ

Девоншир-террас,
среда, 18 декабря 1850 г.

Милорд!

Разрешите поблагодарить Вас за скорый и любезный ответ на мое письмо и сообщить Вам точные сведения, касающиеся мистера Джона Пуля.

Ему шестьдесят четыре года, но для своих лет он слишком немощен и не в состоянии писать. Тем не менее он очень хотел бы заниматься литературным трудом, и, как мне точно известно, прилагал к этому все усилия. Однако даже построить самую обычную фразу в письме — для него неимоверный труд. Если бы он мог сколько-нибудь умело делать компиляции, я бы без всяческих хлопот и треволнений обеспечил его средствами к существованию, предоставив ему работу в «Домашнем чтении». Но он окончательно утратил способность к литературному труду. Не раз доказывал он это своими бесплодными попытками что-нибудь писать. Он автор многочисленных пьес, многие из которых, как, например,

«Поль Прай» и «Верчение столов», заслужили популярность. Но он обычно писал для театров, где были скверные антрепренеры, и труд его всегда плохо оплачивался. Он много печатался и в журналах. Его «Маленький Педлингтон» снискал славу изображением быта и нравов англичан. Но его произведения появлялись редко на протяжении многих лет, создавались медленно и с трудом и никогда не обеспечивали его настолько, чтобы ему не приходилось перебиваться со дня на день. Последние годы он жил в Париже, на пятом этаже, по улице Люксембург, на средства, вырученные от любительских спектаклей в его пользу, устроителем и режиссером которых был я. Эти деньги я посылал ему каждые полгода. Я всегда поражался, посещая его и видя, как сильно трясутся у бедняги руки и как он ежится у своего крохотного очага, каким образом он умудряется раздеваться и одеваться без посторонней помощи: я знал, что живет он совершенно один. Насколько мне известно, у него нет никаких родственников. Он наверняка бы умер с голоду или попал в работный дом (убежден, что он предпочел бы первое), если бы не те средства, которые мне удавалось для него наскрести. Но и они иссякли до того, как Вы столь благородно добились для него пособия. У него нет никаких источников к существованию. В этом я абсолютно уверен.

Днем, когда пригревает солнце, он нахлобучивает свою жалкую старенькую шляпу, берет под мышку палочку и, прихрамывая, бредет по Бульварам. Не имея сил заработать на пропитание, он должен был бы за это время скончаться. Вот уже три года я с тревогой ожидал письма от консьержки, сообщающего, что его прах найден рядом с пеплом в его очаге — крохотная горстка того и другого. И все же он продолжает жить. И вне дома ему удается несколько часов в день так искусно скрывать свое истинное положение, что многие французские писатели и актеры (среди которых он пользуется уважением как английский литератор) были бы ошеломлены, узнав то, о чем я Вам сообщаю. Я старался описать Вам его таким, каков он есть, не преувеличивая его нужду и не связывая ее ни с какими другими интересами, кроме тех, которые касаются только его. Он жил в Париже, чтобы как можно

меньше обнаруживать свою нищету и как можно меньше тратить. Судья Тальфур, мистер Хардуик, председатель полицейского суда, мистер Форстер, редактор «Экзаминера» и я — его единственные друзья-соотечественники. Все мы знаем его таким, каким я его описал.

Не думаю, что он долго будет пользоваться своей пенсией. Нет нужды добавлять, как остро он в ней нуждается. Не сомневаюсь, что читателям хорошо известны его имя и произведения.

Принося всевозможные извинения за беспокойство, причиненное столь пространным письмом, пребываю Вашим преданным и благодарным слугой...

234

МИССИС ГАСКЕЛЛ

Девоншир-террас,
пятница, 20 декабря 1850 г.

Дорогая миссис Гаскелл!

Получив вчера утром Ваше письмо, я немедленно принялся выяснять, можно ли еще изменить конец рассказа. Но как я и опасался, оказалось, что он в типографии — двадцать тысяч экземпляров уже отпечатано. Стало быть — поздно. Но не огорчайтесь. Рассказ очень хорош и отлично написан — а более жизнерадостный конец Вы сделаете в следующем.

235

ДЖОНУ ПУЛЮ

Девоншир-террас,
вторник вечером, сочельник, 1850 г.

Дорогой Пуль!

В то воскресенье, когда мы последний раз виделись, я сразу же отправился к лорду Джону с письмом, которое я Вам показывал. Его не оказалось в городе, и я оставил письмо вместе с визитной карточкой.

В среду я получил от него записку, в которой он сообщал, что уже запамятовал, что именно я рассказывал о Вас, и просил сделать это еще раз. Я, разумеется, немедленно от-

ветил, подробно описав Ваше положение, Вашу жизнь в Париже и все прочее; получилась настоящая диорама в миниатюре, с Вашей фигурой на переднем плане. Сегодня я получил от него письмо с уведомлением о том, что Вам назначается пенсия,— *сто фунтов в год!* — с которой я Вас сердечно поздравляю.

Лорд Рассел пишет: «Я рад сообщить Вам, что королева одобрила предоставление мистеру Пулю пенсии в сто фунтов в год.

Королева в своем благосклонном ответе уведомляет меня о том, что она была намерена сказать мне о мистере Пуле и что она желала определить его в Чартерхаус, но сочла общество его обитателей неподходящим для мистера Пуля.

Будьте добры сообщить мистеру Пулю, что распоряжение о выплате ему пенсии уже отдано и она будет выплачиваться с июня сего года».

Я незамедлительно ответил лорду Джону, но и Вы должны напрячь все свои силы и отправить ему два коротких письма — одно лично ему, другое — королеве.

Если Вы остаетесь в Париже, то выяснять ли мне, какого рода полномочия я должен иметь от Вас, чтобы получать Вашу пенсию, которая, должно быть, скоро уже поступит? Я могу получать деньги, как обычно.

С самыми лучшими пожеланиями и поздравлениями, соответствующими и не соответствующими торжественному дню...

236

Э. БУЛЬВЕР-ЛИТТОНУ

Девоншир-террас,
воскресенье вечером, 5 января 1851 г.

Дорогой Бульвер!

Как жаль, что я уже не застал Вас! Ведь к Форстеру я прибыл с комедией в руках *.

По-моему, она замечательна. Полна ярких характеров, захватывающе интересна, изобилует отличными ситуациями и наверняка завоюет успех. Вы знаете, какого высокого мнения я был о «Деньгах», но я искренне уверен,

что эти три акта гораздо лучше. Я еще не думал о небольших изменениях, которые Вы предлагаете, но en passant[1] заметил, что, пожалуй, сцена с пьяными неизмеримо выиграет, если ее несколько ужать, а может быть, этого и не потребуется, если ввести то, что Вы предлагаете. Сколько бы я ни говорил о пьесе, все равно я не смогу выразить все мои мысли и чувства. Ведь я, не забудьте, смотрю на нее ревнивым глазом актера! А впрочем, при любых условиях (надо ли говорить об этом!) я отнесся бы к ней con amore[2]. Ведь я так же глубоко тревожился бы за Вашу славу, как ценю Ваше благородство и великодушие. Если бы у меня вызвали сомнение хотя бы десять строк, я бы не преминул указать на них. В роли Герцога Стоун будет выглядеть отменно. Ручаюсь за то, что он и сыграет ее отлично. Нам предстоит провести с ним несколько зимних вечеров, и я за него вполне спокоен. Форстер будет хорош и естествен. Лемон же на сцене до того поразительно разумен и надежен, что, пожалуй, ни один актер не справится с этой ролью лучше него. И я надеюсь, что вскоре Вам представится возможность проверить точность моих предсказаний. Эгг * превосходно сыграет Автора. Что касается Джеролда, то он просто живет в пьесе. Я бы предложил Лича (в хорошем гриме) на роль Легкого. Его любит публика, и я не вижу для него другой роли в пьесе.

Теперь обо мне. Если бы мы имели или если бы мы смогли подыскать подходящего актера на роль Уилмота, я, думается мне, сумел бы создать в роли сэра Гилберта нечто отвечающее Вашему замыслу, а так мне приходится отказаться от нее с болью душевной. Характерные роли (в силу уж и не знаю каких диковинных причин) доставляют мне наслаждение до того пленительное, что я остро, не могу даже выразить как остро, переживаю чувство утраты, возникающее во мне от потери возможности так чудесно позабавиться всякий раз, когда я теряю шанс стать кем-то другим, иметь другой голос и т. д., словом, стать человеком совсем непохожим на меня самого. Но я говорю совершенно откровенно, ибо знаю, что Вы меня

[1] Мимоходом *(франц.)*.
[2] С любовью *(итал.)*.

верно поймете, я знаю по опыту, что если я эту роль не возьму сам, то мы не найдем никого, кто бы в роли Уилмота сумел держать все нити пьесы. Думаю, что я смогу передать отвагу, благородство, беспечность, с какими он носит свою маску, скрывающую его истинную натуру, так чтобы с первой же сцены захватить зрителей. Я вполне уверен, что понимаю Ваш замысел. Я убежден также, что при появлении Джеролда, Форстера и Стоуна, я смог бы в этой роли, действуя как некий крохотный механизм, представлять их в наиболее выгодном свете, одновременно уделяя столько же внимания отдельным характерным особенностям их ролей, сколько и своей, лучше, чем какой-либо другой актер-любитель. А посему я снимаю шляпу перед Уилмотом и с этой минуты отдаю ему свой ум и сердце.

Надо Вам сказать, что в одной пьесе, которую мы однажды репетировали, но так и не поставили, хотя репетировали долго и весьма усердно, Лемону удалось создать характер с такой непосредственностью и силой, что я, играя с ним эту сцену, все время им восхищался. В драматических местах роли сэра Гилберта он Вас поразит. К тому же он обладает инстинктивным чувством меры, благодаря чему сумеет вначале не быть чересчур нелепым и комичным, а всего лишь покажет искорку того, что скрыто в глубине.

Как только я вернусь в город (даст бог, не позднее, чем через две недели), я узнаю у Форстера, где Вы пребываете. Затем я предлагаю собрать всю нашу труппу, договориться об общем плане действий, после чего нам с Вами немедленно нужно будет повидаться с нашими вице-президентами и т. д. Далее, я полагаю, нам нужно подумать о королеве. Я бы предложил дать спектакль недели за три до открытия Выставки, чтобы вызвать сенсацию перед приездом публики из сельских местностей и иностранцев. Макриди так же, как и я, думает, что в Лондоне можно сделать очень большой сбор.

Предлагаю (экономии ради и по разным другим соображениям) специально для этих спектаклей сделать разборную сцену, которую можно было бы собирать и разбирать, скажем, в Ганновер-Сквэр-румс и возить с собой в турне. Уотсон захотел сделать нечто подобное в Рокин-

геме и по моему проекту ее сделали в виде некоего образца, пригодность которого я смогу проверить в деле, до того как с Вами встречусь. Многое, от чего приходилось отказываться в театре мистера Хьюита из-за трудности перевозки, я заменил менее дорогими и более портативными сооружениями.

IN RE TAKER[1]

Я внимательно прочитал счет. Он кажется очень большим, но сумма расходов, которую я прикинул в уме, примерно такова и есть. Ведь с каждой важной для нас лампой приходилось столько возиться! Причем все было сделано в кратчайший срок и с большим мастерством. Освещение же никуда не годилось, и мистер Пейн воспользовался представившейся возможностью, которой и нельзя было не воспользоваться. Имейте в виду, я видел, как люди работали. И то, что тридцать два ламповых стекла пришлось заменить,— чистейшая правда. Часть стекол пошла на Ваши лампы, часть — для театра. Что касается первых, то я сам видел (приглядывая за рабочими), как они вставляли стекла в Ваши лампы. Что касается театральных, то мне было известно, что многие из них разбиты — для театра это весьма обычное явление, даже при газовом освещении, куда более удобном. Ведь в жару, когда двигают декорации, бьется много стекла. Не думаю также, чтобы Такер * преувеличил расход масла — это же можно легко и точно проверить. И очищали его по моему распоряжению — чтобы не было запаха. Я бы на Вашем месте, помня, что работали они, безусловно, хорошо и не унывали ни при каких трудностях и постепенно привели в порядок все помещение, не стал бы подвергать счет сомнению, имея в виду, что все это делалось для особого случая.

Но в связи с этим я бы хотел, чтобы Вы уяснили два обстоятельства. Первое то, что я не проявлял обычной своей склонности «к широкому размаху», как Вы однажды выразились, наоборот, даже от своей половины я требую проявлений величайшей сдержанности в этих во-

---

[1] По делу Такера *(лат.)*.

просах, по поводу чего мы устраиваем еженедельные торжественные советы, на коих я, доказывая свою бережливость, почитаю своим долгом сломать стул-другой. Второе, если Вы намерены опротестовать данный счет, у меня не будет и тени неприятного осадка из-за Такера.

И вот, дорогой Бульвер, я засиделся до глубокой ночи и строчу тут в одиночестве, так, словно собираюсь написать нечто, чему суждено иметь такой же успех, как и Вашей комедии. В такую минуту я испытываю соблазн сказать Вам гораздо больше, но ограничусь лишь одним (из сострадания к Вам). Я полон несокрушимой веры в то, что осуществление нашей идеи коренным образом изменит отношение к литераторам в нашей стране и совершит революцию в их общественном положении, какую ни одно правительство, ни одна сила, кроме их собственной силы, никогда не были бы в состоянии совершить. Я непоколебимо уверен в нашем плане, столь блистательно начатом, и в том, что если мы будем проводить его в жизнь с неослабевающей энергией, то нам удастся отстоять покой и честь писателей в грядущих веках и что Вам суждено быть их лучшим и самым стойким благодетелем.

О, какая блистательная процессия Новых времен может возникнуть из всего этого, когда мы уже обратимся в прах!

Всегда преданный Вам.

P. S. Кое-что все же забыл. Предлагаю такое название: «Знание света» или «Не так плохи, как кажемся с виду».

237

БУЛЬВЕР-ЛИТТОНУ

Девоншир-террас,
30 января 1851 г.

Дорогой Бульвер!

Я получил письмо от мистера Саттона (насколько я могу судить, это нечто среднее между упырем и гарпией), в котором он утверждает, что наш план, «по несчастью, совершенно подобен его плану». Он просил меня назначить ему свидание. Я ответил (с изысканнейшей любезно-

стью), что не считаю себя вправе обсуждать наши планы, пока все участники не согласятся сделать их достоянием публики, и что я с большим сожалением должен уклониться от встречи с ним.

Мнение Лемона о нем совпадает с Вашим. Он просит, чтобы я передал Вам это. Мне кажется, он в свое время присылал мне рекомендательное письмо от актера Бакстона, в котором говорилось, что он собирается основать свое страховое общество и просит меня стать его директором. Во всяком случае, я уверен, что вежливо отказался тогда встретиться с ним.

Я не думал о Королевском литературном обществе. Правда, я знаю о существовании медной дощечки с такой надписью на одной из дверей в Сент-Мартин-Лейн, но что за этим кроется,— право, не имею ни малейшего представления.

Поздравляю с окончанием пьесы! Мы все тут ждем ее с нетерпением, делая стойку, как охотничьи собаки (особенно Лемон, который смахивает с виду на сеттера).

Кэт и Джорджина кланяются Вам.

Искренне Ваш.

238

ДОКТОРУ СТОУНУ

Девоншир-террас,
2 февраля 1851 г.

Дорогой сэр!

Беру на себя смелость послать Вам несколько соображений, касающихся Вашей статьи о снах.

Если я позволю себе сказать, что ее, на мой взгляд, можно было сделать чуть более оригинальной и менее похожей на пересказ обычных книжных историй, то лишь потому, что я кое-что читал по этому предмету и давно уже слежу за такими статьями с величайшим вниманием и интересом.

Во-первых, разрешите мне заметить, что влияние этого и предыдущих дней перед сновидением не так велико (в общем, разумеется), как это принято считать. Мне даже кажется, что именно это обстоятельство породило весьма распространенные представления и верования. Мои собственные сны обычно касаются историй двадцатилетней дав-

ности. К ним иногда примешиваются и недавние впечатления, но всегда смутные и запутанные, в то время как давнее прошлое является мне ясным и отчетливым. Я женат уже четырнадцать лет, имею девять детей, но, насколько помню, ни в одном из своих снов я не был обременен семейными заботами и не видел в них ни жены, ни детей.

Это могло бы показаться на первый взгляд примечательным исключением, но я спрашивал у многих очень умных и наблюдательных людей, носят ли их сны столь же ретроспективный характер. Многие сперва отрицали это, но, подумав, полностью со мной соглашались.

Когда я упоминал об этом в разговорах, дамы, любящие своих мужей и счастливые в браке, нередко вспоминали, что в дни помолвки, когда их мысли были, естественно, заняты ею, им все же никогда не снились их избранники. Я готов даже утверждать, что лишь в одном случае на тысячу человек может увидеть во сне то, что занимает его бодрствующее сознание, только — и на это я хотел бы особо обратить Ваше внимание — в какой-нибудь аллегорической форме.

Например, если днем у меня не ладился роман, который я пишу, то ночью в моих сновидениях не будет ничего с ним связанного, но зато я буду закрывать дверь, а она — упорно отворяться; или завинчивать немедленно развинчивающийся предмет; или, торопясь по важному делу, изо всех сил гнать лошадь, которая вдруг неизвестно как превращается в собаку и отказывается сделать хоть шаг дальше; или же, наконец, бродить по бесконечному лабиринту комнат! Мне порой кажется, что первоначальным источником всех басен и аллегорий в некоторой степени послужили именно такого рода сны.

Приходилось ли Вам слышать, чтобы человек, сосредоточившись на каком-либо занимающем его предмете, заставил бы себя увидеть его во сне, а не увидел бы нечто совсем противоположное? Когда же все-таки удается связать сон с каким-либо недавним происшествием, всегда оказывается, насколько я могу судить, что последнее было совершенно незначительным и не произвело на нас в ту минуту ни малейшего впечатления; а потом оно возникает перед нами с самой невероятной эксцентричностью, как

приятель Макниша с его камнем, деревянной ногой и домиком. Очень удобный и эффектный прием, когда герои и героини литературных произведений видят сны, тесно связанные с сюжетом и их дальнейшей судьбой, заставил, на мой взгляд, писателей грешить против истины и способствовать появлению широко распространенного заблуждения, которое я не разделяю.

Особое внимание следует уделить повторяющимся снам, которые снятся каждую ночь,— болезненным и трагическим их разновидностям. Видящий их человек обычно старается не говорить о них, тем самым в значительной степени способствуя их повторению.

Некогда я перенес тяжкую потерю дорогой моему сердцу юной девушки. В течение года она снилась мне каждую ночь — иногда живая, а иногда мертвая, но ни разу в этих видениях не было ничего страшного или отталкивающего. Так как она была сестрой моей жены и скончалась внезапно у нас в доме, я избегал говорить об этих снах и скрывал их ото всех. Примерно через год мне случилось заночевать в придорожной гостинице посреди дикой йоркширской пустоши, занесенной снегом. Стоя у окна перед тем, как лечь спать, и глядя на унылую зимнюю равнину, я спросил себя, неужели и здесь мне приснится этот сон. Так и случилось. На следующее утро я в письме упомянул об этом обстоятельстве — в веселом тоне, просто удивляясь его странности и необычности. И с тех пор очень долго не видел этого сна. Он повторился лишь много лет спустя: я жил тогда в Италии, была ночь поминовения умерших, и по улицам расхаживали люди с колокольчиками, призывая всех живущих молиться за души усопших,— все это, несомненно, я как-то замечал и во сне и поэтому вновь увидел умершую.

Известный анекдот об открытиях и изобретениях, сделанных во сне, когда наяву они представлялись невозможными, я объясняю внезапным усилием освеженного разума в момент пробуждения. Однако в сновидениях язык играет большую роль. Мне кажется, что при пробуждении голова обычно полна *слов*.

То, что утопающий внезапно обозревает всю свою жизнь, мне кажется, приходится считать неоспоримым фактом. Об этом очень подробно и убедительно пишет

капитан Бофор *, рассказывая то, что случилось с ним самим. Если не ошибаюсь, подобное же описание можно найти в автобиографии комика Мэтьюса. Я сам слышал то же из уст многих спасенных. То, что многие утопающие, которых затем вытаскивали, ничего подобного не испытывали, нельзя считать опровержением вышеупомянутых историй. Не задаваясь вопросом, не были ли эти люди спасены слишком рано или слишком поздно, чтобы испытать подобное ощущение, я полагаю, что у нас есть достаточно доказательств для следующего вывода: это замечательное психологическое явление имеет место, только когда человек тонет, и ни при каких иных несчастных случаях.

Еще одно: так ли уж разнообразны сны, как Вы считаете? Быть может — принимая во внимание разнообразие телесного и духовного склада людей,— они, напротив, удивительно схожи? Право, редко приходится слышать рассказ о сне, который противоречил бы нашему собственному опыту или казался бы невероятным. Зато сколько одних и тех же снов видели мы все — начиная с королевы и кончая рыбной торговкой! Мы все падаем с башни, мы все с необыкновенной быстротой летаем по воздуху, мы все говорили: «Это мне снится, ведь я уже прежде был в этой странной бревенчатой комнате с низким потолком, а потом оказалось, что это сон»,— и мы все затрачивали много усилий, чтобы попасть в театр, куда так и не попадали; или сесть за стол, уставленный яствами, которые нельзя есть; или чтобы прочесть неудобочитаемые письма, объявления и книги; или чтобы вырваться из плена, хотя это и невозможно; мы все путаем живых и мертвых, часто отдавая себе в этом отчет; мы все изумляем самих себя, рассказывая самим себе невероятные и устрашающие тайны; мы все являемся в гости в ночных рубашках и испытываем отчаянный страх, что наш костюм могут заметить остальные.

Это, по-моему, подсказывает одну очень любопытную мысль: очевидно, наш мозг сохраняет какую-то способность мыслить трезво и пытается сделать наши сны более правдоподобными — мы ведь и в самом деле одеты тогда в ночную рубашку. Я полагаю, что человек, улегшийся спать в одежде под изгородью или на корабельной палубе, не может увидеть этот столь распространенный сон. По-

следний не связан с ощущением холода, так как часто снится людям, лежащим в теплых постелях. Я могу только предположить, что это бодрствующий критический уголок мозга намекает вам: «Мой милый, как же ты можешь находиться в обществе, если на тебе ночная рубашка?» Он не настолько силен, чтобы рассеять иллюзию, но достаточно силен, чтобы указать на подобную нелогичность.

Если Вы сочтете некоторые из этих бессвязных замечаний интересными для Вас, я буду рад встретиться с Вами, чтобы подробнее обсудить эту тему. Я охотно напечатаю статью в ее теперешнем виде, если Вы того пожелаете, но в таком случае должен буду сопроводить ее изложением моего мнения и наблюдений, а если наши взгляды совпадают, это можно будет сделать в пределах одной статьи *.

239

МЭРИ БОЙЛЬ

Девоншир-террас,
пятница, поздно вечером,
21 февраля 1851 г.

Дорогая мисс Бойль!

Я посвятил часть вечера усердной работе над Вашей рукописью, читанной уже мною ранее, и попытался сделать ее более доходчивой, легкой, придать ей ту компактность, стремлению к которой меня постепенно научили постоянные занятия писательским трудом, привычка подчинять суровой дисциплине, точно полк солдат, все свои мысли, а также овладение искусством ставить каждого солдата на предназначенное ему место. Надеюсь, когда Вы увидите ее в напечатанном виде, то не огорчитесь тем, как я орудовал ножом садовника. Я старался действовать им с предельной осторожностью и вниманием, чтобы показать Вам, в особенности ближе к концу, *как* такого рода материал (учитывая объем издания, в котором он появится) должно отжимать и как это идет ему на пользу.

Все вышесказанное звучит весьма наставительно, но лишь потому, что я хочу, чтобы Вы это читали (я имею в виду Вашу рукопись) столь же любящими глазами, сколь любящей и нежной была моя рука, которой я старался

к ней прикасаться. Предлагаю назвать ее «Мой друг Махогани». Другое название чересчур длинное и не такое интересное. Пока я не зайду завтра в редакцию и не узнаю, что именно готово для будущих номеров, я не смогу сказать, в каком номере она появится. Но в понедельник Джорджи известит Вас письмом. Мы всегда подготавливаем номер за две недели, иначе нельзя успеть с технической работой.

По-моему, в рукописи есть много очень удачных мест. Особенно хорошо то, что касается Кэти. Если я не распространяюсь по этому поводу, то потому лишь, что всегда бываю удручен тяжелым чувством ответственности, поощряя кого-нибудь стать на сей тернистый путь, где так мало наград и столько провалов, где...

Но я не стану читать Вам проповедь. Хотя, при гаснущем огне, когда первые тени нового романа уже призрачно витают надо мною (как это обычно бывает, стоит мне закончить очередную книгу), мне и в самом деле грозит опасность приступить к столь тяжкому занятию и превратиться в докучливого наставника, вместо того чтобы оставаться веселым и беспечным Джо.

А посему — спокойной ночи. И знайте, что Вы всегда можете мне довериться и никогда не увидите мрачной гримасы на моем лице, каким бы мрачным оно ни было!

240

У. МАКРИДИ

Девоншир-террас,
27 февраля 1851 г.

Мой дорогой Макриди,

Сегодня Форстер сказал мне, что Вы хотите, чтобы в субботу, после того как будут пить за Ваше здоровье, был прочитан сонет Теннисона. Я твердо убежден в том, что Вы выбрали для этого очень неподходящее время. У меня нет никаких сомнений, что при столь волнующих обстоятельствах слушатели не примут его так, как должно. Если бы читать его предстояло мне, я ни в коем случае не стал бы этого делать в такое время, в огромном помещении, битком набитом народом. У меня есть какое-то необъяснимое предчувствие, что эта затея обречена на провал.

Встретившись сегодня утром с Бульвером, я рассказал ему о Вашем желании, и он тут же согласился со мной. Я мог бы назвать Вам несколько причин, заставляющих меня придерживаться такого мнения. Но я надеюсь, что Вы настолько доверяете мне, что в этом нет необходимости.

Не могу не сказать несколько слов о вчерашнем вечере. Мне кажется, мой милый друг, я как-то говорил Вам, что еще в ту пору, когда я мальчуганом следил за Вами из партера, я был искренним и преданным Вашим поклонником; и что, по-моему, в блестящем сонме Ваших верных приверженцев не было ни одного вернее меня. По мере того как я обогащался духовно — а благоприятные обстоятельства обогащали мой разум и мое состояние,— я все ревностней старался (если только это возможно) постичь Вас. Я забыл обо всем суетном, что было в моей жизни, когда вчера вечером тот скромный облик, которому я столь многим и так давно уже обязан — кому дано измерить это? — так величественно скрылся от моего телесного взора. И если бы я попытался описать Вам то, что я чувствовал тогда — печаль свою о невозвратимой потере или радость при мысли, что мы прощаемся с Вами не потому, что Господь призвал Вас к себе,— лишь несколько капель, расплывшихся на этом листке (капель отнюдь не чернильных) смогли бы дать какое-то представление о том волнении, которым я охвачен.

Но зачем писать об этом? Я лишь как-то облегчил свою переполненную душу и дал Вам весьма слабое представление о том, что сейчас творится в ней; впрочем и это уже немало, и я отсылаю письмо.

Всегда, дорогой мой Макриди, Ваш нежно любящий друг.

241

СЭРУ ЭДВАРДУ БУЛЬВЕР-ЛИТТОНУ

Кнутфорд Лодж, Грейт-Молверн,
воскресенье, 23 марта 1851 г.

Дорогой Бульвер, я решил отказаться от мысли написать новый фарс и сыграть старый! Ради бога, поймите меня правильно, ведь я горю желанием объяснить Вам

все по порядку и не сомневаюсь в том, что Вы со мной согласитесь.

У меня масса работы, а переписки в связи с этой пьесой, должно быть, не меньше, чем в министерстве внутренних дел. Со временем и того и другого будет еще больше, так как герцог свалил на нас выбор и приглашение зрителей *, чтобы не нанести оскорбления (насколько я понимаю, избежать этого никак нельзя) двум-трем сотням очень близких ему и очень обидчивых друзей. Плотники, художники-декораторы, портные, сапожники, музыканты — самые разнообразные люди нуждаются в моем постоянном внимании. Стоун — это жернов на шее: мне придется раз пятьдесят пройти с ним его роль, не считая репетиций. В довершение всего, если вычесть дни репетиций и разъездов, у меня остается лишь три свободных дня в неделю, но за это же время я должен обдумывать и писать для «Домашнего чтения». И сверх всего прочего, сам фарс внушает мне сомнение. Я написал первую сцену, короткую и смешную, но не считаю, что стиль фарса мне подходит. Пытаюсь внести в него смысл, но это противно духу фарса. Меня удручает то, что я обману надежды зрителей, так как не смогу дать им в этом жанре то, чего они от меня ждут. Они, наверное, будут разочарованы самим содержанием вещи, и я так остро чувствую несоответствие жанра моим возможностям, что не могу увлечься собственным фарсом, как увлекался пьесами других авторов. А ведь мы с Лемоном до такой степени прославились постановкой фарсов, и это обстоятельство побуждает зрителей решить заранее, что они поднимут рев.

Все это заставляет меня отказаться от фарса. Я глубоко убежден, что пьесы заменят его, и не сомневаюсь, что Вы со мной согласитесь.

Мисс Кутс предложила мне внести в программу темы лекций, находящихся под контролем Комитета. Не поместить ли нам об этом статью в газете? И кому ее писать — Вам или мне? Такая статья придаст этим лекциям более серьезный и воспитательный характер. Если ответите мне до четверга, пишите на городской адрес.

Полагаю, в последние дни Вы поняли, что Лемон великолепно сыграет сэра Джеффри? Думаю, Топхем будет

восхитителен в роли Иси. Завтра вечером и во вторник мы репетируем в Ковент-гардене. Тогда будет ясно, что у нас получается. Преданный Вам, дорогой мой Бульвер.

Дамы кланяются.

Я написал королеве и отправил письмо через Финса.

242

У. УИЛСУ

Грейт-Молверн,
пятница, 28 марта 1851 г.

Дорогой Уилс!

Прочту статью Дюма-младшего о смертной казни сегодня вечером. Не успею сделать это до последней почты (здесь ее отправляют слишком рано), так как у меня накопилось много писем, которые требуют ответа, но я отправлю ее утренней почтой, на случай, если Вам нужно будет знать мое мнение о ней днем в редакции. Вообще говоря, я не люблю, когда ради подобной цели описывают казни,— а этот француз вряд ли скажет что-нибудь утешительное. Впрочем, посмотрим.

В Вашем письме, которое мне переслали сюда, было прошение о вспомоществовании (и, пожалуй, уже двадцатое по счету, написанное тем же почерком) и подписанное: «Томас Льюис». Не могу понять, то ли он сумасшедший, то ли необыкновенно наглый бездельник. Пишу о нем только для того, чтобы предупредить Вас: ничего ему не давайте.

Все, что могу сделать для кебов, сделаю завтра *.

Искренне Ваш.

243

У. Г. УИЛСУ

Грейт-Молверн,
пятница вечером, 28 марта 1851 г

Дорогой Уилс, мне совсем не нравится статья молодого Дюма. Опубликование такой статьи может быть оправдано лишь ее литературными достоинствами, но она крайне поверхностна и неудовлетворительна. Еще больше возра-

жений вызывает то обстоятельство, что это перевод с французского. Я категорически против ее помещения.

Посылаю статью Честертона. В ней нет ничего особенного, называется она: «Хладнокровие воров». Если несколько смягчить самые грубые слова, а также слишком выспренние выражения, будет неплохо.

Преданный Вам.

244

У. Г. УИЛСУ

Девоншир-террас,
четверг утром, 3 апреля 1851 г.

Дорогой Уилс!

Во время вчерашней вечерней прогулки все прояснилось лишь в общих чертах.

Однако сегодня вечером я придумал, как раздобыть блестящий материал для номера. Имея в виду связь со статьей о газовом освещении (газ — это великое дело для успешной работы полиции), я задумал статью: «Ночь в полицейском участке». Если бы Вы посетили нашего друга в Скотленд-Ярде и взяли у него письмо или предписание главному начальнику полицейского участка на Боу-стрит, для того чтобы мы могли присутствовать при допросах арестованных, изучать жизнь полицейского участка всю ночь напролет, обойти камеры вместе с полицейскими и т. д., я бы мог пробыть там, скажем, с 12 ночи до 4—5 утра. В соседнем заведении можно выпить, закусить и обогреться. Мы пошли бы вдвоем, если бы Вам удалось урвать у ночи час-другой. Если нет — я пойду один. Статья будет просто великолепная и появится как раз вовремя, когда всякого рода иностранцы толпами устремляются в лондонские трущобы.

Не говорите, что я вхожу в подробности, хотя в этом нет еще пока необходимости, и не подумайте, конечно, что я предлагаю осуществить свой план сегодня ночью: я так утомлен моими печальными делами и предшествовавшими им обстоятельствами *, что даже не в состоянии отдохнуть как полагается. Но завтра вечером мы отправимся под газовые фонари. Вероятно, нескоро я буду так расположен посетить полицейский участок, как сегодня

ночью, кроме того, я боюсь упустить этот единственный в своем роде восхитительный с литературной точки зрения материал.

Таким образом, если Вы устроите все до 4-х часов дня, когда я приеду, думаю, что никто в Скотленд-Ярде не откажет Вам. Если же нашего друга, волею судеб, не будет на месте, я займусь этим сам.

Возможно, они посоветуют нам посетить другой полицейский участок для той же цели или сочтут, что нам следует заглянуть в несколько участков под руководством надежных людей. Мы, разумеется, заплатим кому полагается и поступим так, как нам рекомендуют. Но я думаю, что лучше всего побывать в одном из главных полицейских участков.

Преданный Вам.

245

Э. БУЛЬВЕР-ЛИТТОНУ

Девоншир-террас,
понедельник, 28 апреля 1851 г.

Дорогой Бульвер!

Чувствую Ваше беспокойство и постараюсь отослать это письмо с посыльным. Надеюсь, оно успокоит Вас окончательно.

Герцог пьесу *прочитал*. Неделю тому назад он попросил ее, и она была ему доставлена. После чего он прибыл в Брайтон. В субботу утром он посетил нас, но меня не застал: ибо я уходил по делам, связанным с пьесой. Вчера я был у него в Девоншир-хаусе. Он знает пьесу почти наизусть, в полном восторге от нее, но воспринимает ее не без критики. В подтверждение последней фразы могу сообщить, что он сделал два или три критических замечания по поводу второстепенных, но сомнительных мест, ни одно из которых не ускользнуло от нашего внимания во время репетиций.

Он глубоко понимает роль Герцога и отдает ей должное. Откинувшись в кресло, он так смеялся над его первой Герцогиней, урожденной Перси, что, как я говорю о Уолполе, я «опасался, что его хватит удар». Он предлагает изменить слова: «Вы знаете, как тронуть сердце высокородного вельможи», на том основании, что он не стал бы

себя так называть. Он считает также, что мы могли бы еще подсократить Портера и Софтхэда (что уже сделано). О пьесе он вспоминает с таким удовольствием, что когда я повторил несколько отрывков из своей роли, он радовался, как ребенок. Сегодня герцог придет на репетицию (мы теперь репетируем в Девоншир-хаусе — три раза в неделю с утра до вечера). Прочитав пьесу, он весьма щедро и благородно предложил еще несколько расширить зрительный зал, благодаря чему, я надеюсь, мы получим еще тысячу или полторы тысячи фунтов. В его отношении ко всем нашим планам нет и тени недоверия или сомнений. Я уверен, что он и впредь будет делиться со мной всеми своими соображениями на этот счет. Ваша супруга совершенно не права, если только со времен Евы они когда-либо бывали не правы.

Скажу больше. Герцог получается в пьесе лучше всех. Я счастлив сообщить Вам, что Стоун передает благородную мужественную сторону его гордого характера несравненно сильнее, превзойдя все мои ожидания. Сцена с оклеветанной женщиной наверняка будет очень эффектной. Это не только не пародия на аристократов, а скорей их возвеличение. Я следил за ходом всей пьесы, как Вы можете себе представить, достаточно часто, тщательно взвешивая каждое слово, и нахожу, что Герцог — самый благородный характер в пьесе. Я так же твердо уверен в том, что воспринимаю пьесу с точки зрения публики, как верю своим ушам, слушающим чужую речь. С первой же репетиции сцена с Хардмэном получилась очень выразительной. И я был поражен и удивлен тем впечатлением, которое она произвела на всех актеров. Где бы мы ни повторяли ее (главным образом в Девоншир-хаусе) — всегда с неизменным успехом.

Все актеры стали играть гораздо лучше. На днях я послал Форстеру записку весьма строгого свойства, вызванную тем, что он чересчур кричит и мечется. После этого он с поистине поразительным старанием обуздывает себя и играет во сто крат лучше. Все наиболее трудные места мы отрабатываем и шлифуем самым тщательным образом. Актеры стараются изо всех сил и при малейшей шероховатости готовы репетировать одно и то же по двадцать раз. Работа над декорациями и прочим быстро подходит

к концу, все будет очень красиво. Костюмы — великолепная гамма красок. Каждый карман, каждое кружевце выполнены в точном соответствии с эскизами Эгга. Каждый парик сделан по старым гравюрам или портретам той эпохи. Начиная от табакерки Герцога и кончая обстановкой кофейни Уилля — все правдиво и достоверно. Я решил всемерно добиваться того, чтобы каждое слабое место в исполнении превратилось в самое сильное. Уже и теперь ряд мест, которые мне внушали наибольшие опасения, стали самыми эффектными.

Не сможете ли Вы приехать на репетицию в костюмах во вторник вечером, накануне спектакля, на котором будет королева? Присутствовать будет только герцог.

Пишу Вам второпях, потому что скоро начнется репетиция, а до этого я еще должен повидаться со старшим плотником и осветителем.

Мисс Кутс — одна из самых разумных женщин; и если бы я вчера не встретился с герцогом, я бы непременно показал ей пьесу. Но теперь, право же, нет никаких оснований для тревоги и сомнений по поводу беспокоившего Вас вопроса. Можете забыть об этом так же спокойно, как о Пороховом заговоре.

В великой спешке, Ваш.

246

МАКРИДИ

Суббота, 24 мая 1851 г.

Дорогой Макриди!

Мы собираем кучи денег для «Гильдии» *. Пьеса во многих отношениях стала значительно лучше с того времени, как Вы ее читали. Сцена, о которой Вы упоминаете, действительно одна из самых впечатляющих. Помимо комедии, во вторник будет представлен еще и фарс, в коем некий выдающийся актер-любитель выведет целую галерею характерных ролей *, в частности — роль Сэмюэла Уэллера и миссис Гэмп,— засим я умолкаю. Томлюсь по Бродстэрсу, где сейчас живут мои дети. Лучшую часть дня я укрываюсь от солнца в мерзком зловредном хаосе тьмы, паутины, пыли от опилок, пыли обыкновенной, перегоревшего газа (слегка отдающего перцем) и расколдованной

бутафории. И все же я питаю надежду попасть в Брайтон в среду или в четверг.

«О обитатели полей, забудьте ваши вздохи! Когда б вы знали, как грызут нас лондонские блохи!» Прошел слух, что Вы явитесь сюда в качестве представителя Дорсетшира. В таком случае, прибыв в столицу для исполнения своих обязанностей в парламенте, помните, что Вам следует остерегаться спрашивать дорогу у прохожих. Они направят Вас в противоположную сторону, просто, как выражается простой народ, «розыгрыша ради», то бишь сыграют с Вами злую шутку. Лучше справиться в солидном магазине или обратиться к полисмену. Последнего Вы распознаете по синему одеянию и очень тусклым серебряным пуговицам, а также по шляпе, тулья которой сделана из липкого пластыря. Весьма возможно, что в каком-нибудь подозрительном закоулке Вам встретится субъект с чрезвычайно интеллектуальной внешностью возле необычного столика с тремя наперстками. Он предложит Вам биться об заклад, но Вы не поддавайтесь, ибо он хочет Вас надуть. И не вздумайте покупать за бесценок с аукциона столовое серебро. Это тоже надувательство. А если Вам захочется посмотреть в театре по-настоящему хорошую игру (хотя и несколько сдержанную для истинной трагедии), то я осмелюсь рекомендовать Вам Королевский театр, Друри-Лейн. Дорогу туда укажет любой. Это недалеко от Стрэнда, и Вы узнаете сей храм искусства по полному отсутствию публики у любого входа. Кеб стоит восемнадцать пенсов за милю. А лондонская миля в два раза короче дорсетширской! Портер — два пенса пинта. А то, что покрепче,— четыре. Зоологический сад находится в Риджент-парке, входной билет — шиллинг. Что касается улиц, то советую посмотреть Риджент-стрит и Квадрант, Бонд-стрит, Пикадилли, Оксфорд-стрит и Чипсайд. По-моему, они со временем Вам понравятся, хотя поначалу ошеломят Вас шумом и суетой. Если смогу быть чем-нибудь полезен, я в Вашем распоряжении. С лучшими пожеланиями Вашему семейству, столь далекому от нашего Вавилона, примите мои уверения, дражайший друг, в преданности Вам.

P. S. Совсем забыл добавить, что всадник на Чаринг-кросс по пути к парламенту — статуя Карла I.

247

ДЖОРДЖУ КРУКШЕНКУ

Девоншир-террас,
25 мая 1851 г.

Дорогой Джордж!

Уверяю Вас, в моем отношении к Вам никогда не было ни малейшего холодка, и я неизменно питал и питаю к Вам самую нежную дружбу. Бесконечные мелкие заботы, которые как будто неотъемлемы от деятельной жизни, часто мешают нам встречаться, но я никогда не испытывал к Вам отчуждения или хотя бы тени обиды. Их нет в моем сердце, иначе Ваше письмо не только растрогало бы меня своей теплотой, но и огорчило бы. Но их нет и никогда не было.

Должен с огорчением сказать, что моя жена очень нездорова. Ей нужен покой, и мы в ближайшее время уезжаем в Бродстэрс, чтобы пробыть там до конца октября. Она, так же как и Джорджина, нежно кланяется миссис Крукшенк.

Надеюсь навестить Вас в самое ближайшее время, чтобы одним рукопожатием рассеять остатки Ваших сомнений — если они все-таки не исчезнут. Я охотно признаю, что мое поведение на первый взгляд их оправдывает (хотя не понимаю, в чем именно) и что во всем виноват я (хотя, право, нечаянно), однако поверьте, что я пишу со всей искренностью и ничего не утаиваю.

Как всегда, Ваш верный друг.

248

ЧАРЛЬЗУ НАЙТУ

Бродстэрс, Кент,
воскресенье, 27 июня 1851 г.

Дорогой Найт!

Эта «Тень» поистине превосходна! Я отослал ее в типографию, и Уилс перешлет Вам корректуру. Быть может, Вы подправите начало, где употребление прошедшего времени вместо настоящего несколько портит общий эффект.

Насколько я понял, каждая фраза в этой статье — это всегда описание того, что встает перед мысленным взором: тень, скользящая перед ним. То, что произошло, должно показываться в процессе действия. Не так ли? Например, если бы я писал «Тень Робинзона Крузо», я не сказал бы: «*Был* такой мальчик в Гулле, и отец предостерегал его о том, что значит стать моряком» и т. д., а сказал бы: «*Есть* в Гулле мальчик». Ведь в этой «Тени» он навеки остается мальчиком в Гулле; его жизнь для меня — смена теней, но в ней нет ни одного «был». Если я захочу перейти к его взрослым годам, я могу сделать это беспрепятственно. Эти тени не меняются по законам реального мира. Ни одна страница его жизни не становится прошлым; стоит мне только вновь вызвать ее к чарующему и эфемерному существованию, и единственная смерть, которая может его постигнуть,— это моя смерть. Вот почему он бессмертен для бесчисленных тысяч своих почитателей. Если Вы согласны со мной, то, может быть, Вы проглядите корректуру половины или хотя бы первой трети статьи, чтобы проверить, такое ли она создает впечатление. В противном случае достаточно будет кое-где изменить время глагола, и все.

Не могу сказать, что у меня создалось приятное впечатление о N, судя по его письму, и мне кажется, он не из тех, кому легко помочь; впрочем, мне становится неловко, что я делаю вывод из столь легковесной предпосылки. Он пишет о своих книгах так, словно предназначает это письмо для своей будущей биографии. Так ли это? Или я чудище, которого всяческие просители сотворили из прекрасного принца?

Вы пишете, что приедете на следующей неделе подыскать себе что-нибудь подходящее. Джеролд предупредил, что приедет в четверг на дешевом поезде в половине четвертого, чтобы вернуться вместе со мной для спектакля утром в понедельник. Так, может быть, Вы тоже сумеете выбраться на эти дни? Нашу единственную свободную постель я обещал ему, но мы найдем для Вас ночлег поблизости и будем рады «объедать и обпивать Вас», как мне написал один американец. Устроим экскурсию в Хэрн-Бей, в Кентербери — да куда угодно. И будем пить большими глотками свежий воздух. Приезжайте. Уже начинается

жатва. Потом эти края уже не будут такими красивыми. А если Вы проведете эти дни в Лондоне, все равно Вы ничего не сделаете. Так приезжайте же!

Любящий Вас.

249

БУЛЬВЕР-ЛИТТОНУ

Бродстэрс, Кент,
4 июля 1851 г.

Дорогой Бульвер!

Я очень огорчен, что на собрании по поводу авторского права Вы нашли столь малую поддержку. Я еще не встречал человека, который не воздавал бы должного Вашим намерениям и трудам, хотя многим не нравится (и мне кажется, с полным основанием) заметная роль Бона в подобном деле. Я убежден, что Ваш брат способен сделать больше других пятидесяти посланцев, вместе взятых, но весьма сомневаюсь в честности американцев — во всяком случае, на ближайшие десятилетия,— главным образом потому, что ближе всего это касается не интересов писателей или издателей, а интересов газет, а земля не знает ничего подлее их и ничего, перед чем бы столь позорно пресмыкались люди свободные и независимые.

Мне очень и очень жаль — как и всем нам,— что Вас не было с нами в среду. Ни разу еще пьесу не играли так прекрасно, а публика была удивительно хороша. Каждая шутка, каждый намек был понят, после каждого действия раздавались аплодисменты, а в конце началась настоящая буря, занавес снова пришлось поднять под гром рукоплесканий. Право, это было великолепно, а благодаря перестройке сцены каждый видел все, и все казалось чудесным. Я просто расстроен, что Вас не было.

Прилагаемое письмо я только что получил.

Кэт и Джорджина шлют Вам горячий привет.

Сердечно преданный Вам.

У нас гостит доктор Уилсон и просит Вам кланяться.

250

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Бродстэрс
<июль 1851 г.>

...Да, кстати, в пятисотый раз перечитывая замечательнейшую «Историю французской революции», я заметил, что Карлейль, который знает все, не знает, что такое Мумбо-Юмбо *. Это вовсе не идол. Это тайна, свято хранимая мужчинами некоторых африканских племен и касающаяся наказания их жен. Мумбо-Юмбо выходит в ужасном облике из леса, или болота, или реки и бьет палкой женщину, которая была строптива, бранилась или домашней сварой нарушила общественное спокойствие. Карлейль, видимо, считает его обычным фетишем, но это совсем другое. Он — переодетый мужчина, и все, что с ним связано, является своего рода франкмасонской тайной, известной только мужчинам... Вчера я дочитал «Алую букву» *. После первой великолепной сцены она все больше разочаровывает. Психологическая сторона, по-моему, чересчур раздута и фальшива. То, как герои после стольких лет встречаются и решают бежать вместе,— очень плохо сделано. Как и мистер Чиллингуорс. Девочка ни с чем не сообразна. И мистер Димсдейл никак уж не мог быть ее отцом...

Одна трудная просьба: вот если бы Вы приехали сюда прочесть лекцию о воздержании уже иного рода! Представьте себе, позавчера таможенники обнаружили на здешних рифах множество бочонков с коньяком. Разумеется, никто о них ничего не знает. Их собирались вытащить во время следующего отлива, когда вода только чуть прикрывала бы их, но так как отлив был особенно низок, верх бочонков обнажился, таможенники разглядели их в свои подзорные трубы и конфисковали коньяк. Не сомневаюсь, что тут всегда занимаются подобными делами. И разумеется, Б. пальцем бы до этого коньяка не дотронулся. О, еще бы! Разумеется, нет...

251

УИЛСУ

Бродстэрс,
пятница утром, 11 июля 1851 г.

Дорогой Уилс!

Я слег из-за жестокой простуды и ломоты во всем теле. Вместо всех гранок я получил только эту часть, которую и посылаю. Утренняя почта еще не приходила. Очевидно, она доставит остальное.

Желательно, чтобы Ханней * не подражал Карлейлю. Пожалуйста, выкиньте из его статьи бесконечные тире и, бога ради, не оставляйте тех мест, где говорится о вере этого человека в себя — на что он не имеет никакого основания и что по аналогии дало бы возможность оправдать все, что угодно. Янки, мне думается, вовсе не означает «американский», а относится к уроженцам Новой Англии.

«Во имя пророка Смита» * будет лучшим заглавием.

252

МИССИС РИЧАРД УОТСОН

Бродстэрс, Кент,
11 июля 1851 г.

Дорогая миссис Уотсон!

Я так отчаянно зол на Вас за Вашу коротенькую извинительную записку и за то, что Вы делаете вид, будто верите, что я при каких бы то ни было обстоятельствах могу без интереса отнестись к чему-либо написанному Вами, что почти решил обрушить на Вас по-настоящему пространное письмо. Не будь я самым мягкосердечным человеком на свете, я бы так и сделал.

Бедный наш Холдимэнд! Я так часто о нем думаю. Старческий недуг такого рода столь ужасен и жалок, что у меня нет сил выразить мое сочувствие и скорбь. В Абботсфорде я видел одежду, которую незадолго до смерти носил Скотт. Она хранится под препротивным стеклянным колпаком. Была там и старая белая шляпа, погнутая, покоробленная; так и видишь, как она помялась от судорожного подергивания трясущейся тяжелой головы ее владельца. Шляпа эта показалась мне такой яркой иллюстра-

цией к трогательному рассказу Локхарта о том, как Скотт пытался писать, опускал перо и плакал,— что с той поры в моем сознании она запечатлелась как символ иссякших сил и слабости ума. И мне представляется, как Холдимэнд в такой же вот шляпе растерянно бродит по этим прекрасным местам, и, вспоминая чудесное время, которое мы провели с ним там, вспоминая его доброту и чистосердечие, я думаю о том сне, в котором мы живем, пока мне на миг не начинает казаться, что это самый печальный сон, который когда-либо мог присниться. Прошу Вас, сообщите нам о Холдимэнде, если Вы что-нибудь узнаете о нем. Мы его очень любили.

Перехожу к другой стороне жизни и хочу рассказать Вам о том, как неделю назад я взял Чарли и трех его соучеников покататься по реке на лодке. Я заручился помощью крестного отца Чарли, моего старого друга, который отлично ладит с такими юнцами, и мы поехали в Слоу в сопровождении двух колоссальных корзин от Фортнэма и Мэзона, самым дождливым утром, когда-либо виденным за пределами тропиков.

Когда мы прибыли в Слоу, небо прояснилось. Однако мальчиков, вскочивших в четыре утра (было условлено, что мы приедем в одиннадцать), мучили страшные опасения, что мы не приедем, а посему мы увидели, что они заглядывают в окна всех передних вагонов, превратившись в сплошные лица. Только лица, словно тел у них вовсе не было,— до того вытянулись их физиономии. Как только они нас узрели, лица тут же стянулись, словно на упругих пружинах, и жилеты объявились на положенном месте. Когда же из багажного вагона появилась первая корзина, они пустились в пляс вокруг носильщиков, а уж когда за ней последовала вторая, с бутылками, они в диких позах стояли на одной ноге. Потом мы наняли две пролетки, я усадил мальчиков в первую, но усидеть на месте хотя бы секунду было свыше их сил — они то и дело подскакивали, будто чертики из коробочек. Таким образом мы добрались до «Тома Брауна, портного», где все они облачились в костюмы, подходящие для водного спорта, и пошли на пристань. Там они пронзительно завопили: «Махогани!» [1] —

---

[1] Махогани — красное дерево *(англ.)*.

сей джентльмен, лодочник по профессии, заслужил прозвище благодаря загорелому лицу. (В течение дня его величали то «Хог», то «Хогани», и он, по всей видимости, совсем позабыл о существовании своего имени.) При ярком солнце мы сели в нашу ладью под полосатым тентом, который я велел натянуть, и, усердно налегая на весла, пошли вниз по течению. Обедали мы в поле. Как я намучился от страха, что они опьянеют, какую душевную борьбу я претерпел, подчиняя гостеприимство разуму,— останется навеки скрытым. Даже теперь я чувствую себя постаревшим от переживаний. Однако все оказались молодцами. Правда, у одного юнца стал заплетаться язык и глаза полезли на лоб, как у рака, но это явление было кратковременным. Он все-таки пришел в себя и, как я полагаю, пережил поглощенный им салат. Во всяком случае, сведений, опровергающих мое предположение, не поступало, иначе меня привлекли бы к следствию, если бы таковое уже велось. В трактире мы ели грудинку и пили, а на обратном пути, в пяти или шести милях от дома, нас настигла сильная гроза. Таковы были выдающиеся события этого дня, который доставил мальчикам огромное удовольствие. Обед у нас был великолепный, и «Махогани», распив бутылку легкого шампанского, заявил, что впредь не станет связываться с компанией, которая пьет пиво или квас. Но промокнуть до костей — вот апогей всех радостей. Вам никогда в жизни не видеть подобного зрелища. Уже одно то, что им в голову не приходила мысль пойти домой переодеться или мысль о том, что какая-то сила может помешать им битых два часа торчать на вокзале, дабы проводить меня,— было поистине поразительным. Что до попыток вернуть их под присмотр особ женского пола на том основании, что мальчики вымокли до нитки, то таковые пришлось отбросить. Я счел великим достижением уже то, что они вполне цивилизованно шествовали по улице, словно были облачены в новенькие костюмы, хотя в действительности казалось, что только дотронься — и вся их одежда расползется в клочья, как намокшая папильотка.

Жаль, что Вы не смогли посмотреть нашу пьесу, и теперь, надо полагать, уже не увидите ее, потому что в понедельник 21 мая Вас, очевидно, не будет, а это наш по-

следний спектакль в городе. Ее стоит посмотреть не ради всего стиля постановки (хвалить который мне не позволяет скромность), но, право же, это прелестное bijou[1] по декорациям, костюмам и составу актеров. Больше такой труппы уже не собрать, ведь таких людей, как Стэнфилд, Робертс, Грив, Эйдж, Эгг и другие, уже не объединить в одном спектакле. Всемерная помощь была оказана со стороны всех влиятельных особ, и спектакль действительно радует глаз.

Я обессилен выставкой *. Не скажу, что «ничего в ней нет», наоборот, там всего слишком много. Я посетил ее только два раза. Такое обилие зрелищ меня ошеломило. У меня врожденное отвращение к зрелищам, а такое скопище зрелищ в одном месте ничуть его не ослабило. Пожалуй, я смотрел только на фонтан и на Амазонку. Вынуждать себя притворяться — ужасно, но когда меня спрашивают: «А вы видели?..» — я отвечаю: «Да»,— иначе мне начнут пересказывать виденное, а я этого не переношу. Х. потащил туда целую школу. В ней насчитывается сотня «малюток», которые в толкучке у главного входа с Кенсингтон-гейт вполне безмятежно сновали под ногами лошадей и пролезали между колесами экипажей. Мне рассказывали, что они так и липли к лошадям по всему парку.

Когда обезумевшие от страха наставники собрали их и пересчитали, все оказались живы-здоровы. Затем их усладили пирожными и прочим, и они принялись глазеть на чудеса, рассеявшись по всей территории. Большинство из них мусолили пальцы и украшали волнистым узором все доступные им предметы. Один «малютка» заблудился, но никто этого не заметил. Девяносто девять отправили домой, полагая, что коллекция полная, но оставшийся «малютка» забрел в Хаммерсмит. Ночью его там обнаружила полиция,— он кружил вокруг заставы, считая, что это тоже экспонат выставки. Того же мнения он придерживался о полицейском отделении и о Хаммерсмитском работном доме, куда его на ночь поместили. Когда утром за ним явилась мать, он спросил ее, где же наконец кончается эта Выставка. Он сказал, что Выставка замечательная, только больно уж длинная.

---

[1] Безделушка *(франц.)*.

Поскольку у меня возникает опасение, что у Вас сложится подобное же мнение об акте мести, каким является данное письмо, то я его заканчиваю, посылая самые сердечные приветствия мистеру Уотсону. Передайте ему, что я глубоко сожалею, что его не было с нами в итонской экспедиции и что он (совсем забыл об этом написать) не слышал нашей песни во время грозы. Запевалой был Чарли, а друзья хором подхватили. Это песня про одного балбеса, которому крепко доставалось в колледже. Каждый куплет кончался припевом:

А мне наплевать, что могут сказать,—
Наставника только я чту!..

Сии строки с веселой почтительностью адресовались мне, наставнику, который в тот день свершил доблестное деяние и тем доказал, что достоин всяческого доверия.

Дорогая миссис Уотсон, всегда преданный Вам.

258

МИСС ЭМИЛИ ГОТШАЛК

Бродстэрс, Кент,
среда, 16 июля 1851 г.

Дорогая мисс Готшалк!

Вчера, на несколько часов наведавшись в Лондон — лето я провожу здесь, на побережье,— я отослал Вам экземпляр «Дэвида Копперфилда», подписанный еще восьмого числа прошлого месяца. Я написал на книге Ваше имя; надеюсь, Вы ее получите, и она сможет выразить Вам, при всей ее безгласности, мои самые лучшие пожелания и то чувство глубочайшей симпатии к Вам, с которым я ее дарю.

Мой милый юный друг, право, я не знаю, как ответить на Ваш вопрос, столь сложный, что он ставил в тупик и сталкивал между собой лучшие умы всех времен. Я бы не меньше Вас хотел иметь ясность в этом отношении. Если бы я самонадеянно взялся сделать это за Вас, то все равно не смог бы решить его в душе, а стало быть, не смог бы избавиться от сознания, что я просто жалкий легкомыс-

ленный поводырь, ведущий других по пути, который неведом ему самому.

Мой Вам совет — ради Вашего собственного покоя и счастья, отрешитесь от слишком отвлеченных размышлений и делайте добро. Не важно, что именно мы называем злом, раз мы знаем, что это зло. Почему Вас должен занимать вопрос об определении зла? Великие заповеди нашего Спасителя ясны и определенны, они содержат в себе, как он сам поведал, все законы и правила. Ваш житейский путь будет вполне ясным и прямым, когда Вы решитесь с легким сердцем и без колебания управлять своей жизнью с их помощью. Думаю, что это все, что нужно для такого юного и чистого существа, как Вы. А поступая так, Вы сможете быть более сострадательной и доброй, сможете лучше понимать и прощать тех, кто сбился с пути в пустыне житейских бедствий и взывает к Вашему милосердию.

Для каждого из нас наступит день, когда станет ясен смысл жизни. А покамест один верный свет озаряет нам единственный путь — путь служения долгу. И я уверен, что он не скрыт от Вас. Тот, кто следует этим путем, дорогая мисс Готшалк, увлекает на него и других. Надеюсь, он будет для Вас не тягостным, а длительным и светлым. Вы слишком рано останавливаетесь у обочины, предаваясь размышлениям. Возможно, ответ на пугающие Вас вопросы станет для Вас ясен по мере того, как Вы будете идти дальше по этому пути. Будьте смелы и дерзайте.

Ваш верный друг.

254

ДЖОРДЖУ ПАТНЭМУ

Бродстэрс, Кент,
четверг, 24 июля 1851 г.

Дорогой мистер Патнэм!

Я был очень обрадован Вашим письмом, так как мне чрезвычайно приятно получить еще один знак Вашего дружеского ко мне расположения и напоминание (хотя в нем, право же, нет надобности) о Вашей давней преданности и усердии. Я часто мысленно путешествовал по суше и воде Америки, и вновь и вновь вспоминал, как Вы

входите под вечер с кувшинчиком одного горячительного снадобья, предназначенного для моей крохотной каюты. Порою (например, в этом году) мне казалось, что Вы приедете в Англию, и я даже не был бы удивлен, увидев, как Вы входите в мой кабинет.

Так ли мы выглядим, как прежде, я, право, затрудняюсь сказать. Я теперь куда краснее и смуглее, чем в те времена,— поздоровел, но подурнел, полысел, стал более солидным и постарел. Но я много занимаюсь гимнастикой и очень силен. Миссис Диккенс пополнела, но чувствует себя не так, как хотелось бы. Энн, которая была с нами в Италии и Швейцарии, все еще у нас и выглядит (на мой взгляд) все так же. Обе они просят передать Вам привет. Весть о замужестве Вашей дочери произвела на них чрезвычайно сильное впечатление и была встречена с безграничным удовлетворением.

Я пишу Вам с побережья — из рыбацкой деревушки (она же маленький морской курорт), куда мы обычно выезжаем в это время года. А так мы живем в Лондоне — наша постоянная резиденция всегда там. У нас восемь детей, и было бы девять — если бы недавно скоропостижно не скончалась младшая дочь. Портрет четверых наших детей, который мы брали с собой в Америку, висит у нас в столовой. Теперь он оправлен в хорошенькую круглую раму, и я уже забыл за эти годы покатую крышку ящичка, который Вы извлекали, чтобы поставить на столик в каждой из 24 тысяч гостиниц, где мы останавливались. Интересно, помните ли Вы гостиницу в Хартфорде, где собравшиеся на «прием» никак не хотели расходиться; или в Нью-Хейвене, где посетители от нетерпения топали на лестнице; или в Колумбусе, где гости под руку, попарно, явились около полуночи; или в Сент-Луисе, где у нас, помнится, был бал; или в Питтсбурге, где я запомнил человека с громадными пуговицами на жилете (его зажали за створкой двери, и он никак не мог оттуда выбраться); или в Филадельфии, где нас принимал низенький торговец шляпами с черными усами? Я бы, право, с удовольствием вновь посетил эти города — я даже согласен снова трястись по дорогам и снова сидеть за длинным столом на борту «Мессенджера», где, собственно, есть было нечего.

Здесь, в Лондоне, я встречаю многих американцев,—

все это жизнерадостные, добродушные люди. Мы никогда не ссоримся, а (как бы Вы сказали) «ладим» ко взаимному удовольствию. Если мне случается столкнуться с кем-нибудь из американских путешественников, я — в память об оказанном мне когда-то гостеприимстве — стараюсь сделать все, чтобы он чувствовал себя как дома. Сначала некоторые склонны принимать меня за чудовище, но вскоре осваиваются. Следующую страницу я хочу оставить для автографов, которые Вы просили. Поэтому ограничусь тем, что попрошу Вас передать мой сердечный привет Вашей супруге (теперь она, очевидно, уже почтенная дама, по сравнению с тем временем, когда я виделся с нею в Тремонт-хаус) и поцелуй дочке, а также прошу считать меня своим верным другом.

Преданный Вам.

255

ДЖОНУ ХИЛЛСУ

Бродстэрс, Кент,
9 августа 1851 г.

Сэр,

Я прочел статью о лечении умалишенных.

Она суха для «Домашнего чтения» и чересчур специальна и длинна. К тому же я не уверен, хорошо ли давать такому правительству, как наше, монополию в столь важной области, и не могу допустить, чтобы высказанное в ней предложение исходило от меня. Однако в статье есть немало важных мыслей, очень хорошо изложенных, и я не стал бы отвергать ее, если бы автор разрешил мне некоторые редакторские вольности.

Вы, кажется, говорили мисс Хогарт, что автор подумывает напечатать эту статью в виде отдельной брошюры и, следовательно, может не согласиться на изменения, поэтому я не сделаю их, пока Вы не получите разрешения на эту правку. Если он хочет, чтобы статья была напечатана в «Домашнем чтении» без всяких переделок, я буду вынужден с сожалением отклонить ее и вернуть ее вместе с моей благодарностью автору.

Искренне Ваш.

256

УИЛСУ

Бродстэрс, Кент,
пятница, 22 августа 1851 г.

Дорогой Уилс!

Посылаю Вам поправку, которую нужно внести в статью «Труды во вселенной» *.

Вступление к «Солдатским женам» * необходимо полностью переписать; в нем должно быть ясное и решительное обличение явной непристойности. Пожалуйста, выкиньте из раздела писем нашего корреспондента фразу насчет «содрогания от запаха джина», которая заставила меня содрогаться своей невыразимой уродливостью. «Праздник на троицу» до того слезлив и водянист, что с ним ничего нельзя поделать.

Я хочу сделать большую статью о награждении титулами и званиями в Англии. Чрезвычайно любопытно взять полный список палаты лордов, список баронетов и рыцарей и (не указывая имен) разбить самые последние титулы и звания на группы и выяснить, за что они были даны. Сколько среди них представлено химиков, сколько ученых, сколько писателей, сколько олдерменов.

Как представлена научная мысль.

Как — творческое воображение.

Как — эрудиция.

Как отражается прогресс всей страны в целом: строительство железных дорог, открытие электрического телеграфа, усовершенствование машин и другие дела на благо человечества. Как — армия. Как — законодательство.

Мне кажется, что если статью сделать хорошо, то она произведет огромное впечатление. И если Вы сможете подобрать всю эту груду фактов, немедленно представить мне, и я сам напишу эту статью — не сомневаюсь, что с большой пользой для нас и для существа вопроса.

Какой адрес Брауна? Кто он — коммодор или нечто в этом роде? Сообщите мне, и я напишу ему.

Ваш.

257

УИЛСУ

Бродстэрс,
27 сентября 1851 г.

Мой дорогой Уилс!

Посылаю это с Топпингом, который отправляется в город частично по делам «Д. Ч.», а частично по моим, так что расходы и издержки я делю между нами пополам.

Я уже закончил работу над рукописью Сейла, много выбросил из нее, сделав ее более сжатой и живой. Я попросил бы Вас встретиться с ним и сказать ему, что я старался сделать так, чтобы содержание как можно более отвечало теме статьи — и не потому, что выпущенные куски плохи (они, напротив, очень хороши), а потому что рассматривают уже известные стороны этого вопроса. Хорошо бы пустить статью в следующем номере *.

У нас нет никого, кто мог бы быть использован с этой целью более успешно, чем этот молодой человек. Было бы очень желательно подсказать ему определенные темы. Постараюсь придумать для него кое-что. Предложите ему описать субботний вечер в Лондоне или на одном из лондонских базаров — Ньюпорт-Маркет, Тоттенхэм-Корт-роуд, Уайтчепел-роуд (где в субботний вечер собирается самый необычный люд вокруг субъектов, горланящих о достоинствах мозольного пластыря, где продаются самые невероятные вещи); около Уайтчепельского работного дома (диковинные зрелища — самые разбитные бродячие торговцы), Нью-Кат и т. д. и т. д. Думаю, что он смог бы сделать из этого великолепный очерк.

Предлагаю занятную заметку для «Альманаха» Питера Каннингэма. А также записку и газетную вырезку от Джеролда. Вам бы надо разыскать этого человека. Мистер Сейла отлично справится с этим материалом. Скотт из «Эдвертайзера» даст Вам все сведения, которыми он располагает, если Вы обратитесь к нему от моего имени.

Мне нужна рукопись миссис Джусбери *. Я должен прочитать ее сам и написать ей.

Топпинг вернется завтра рано утром. Если он не застанет Вас, когда доставит это письмо, то сообщит Кэллагану, что зайдет в редакцию за тем, что Вы оставите, завтра утром в восемь часов.

Я еще ничего не придумал, но надеюсь выжать из себя что-нибудь.

Всегда преданный.

258

ТОМАСУ БИРДУ

Бродстэрс, Кент,
понедельник, 6 октября 1851 г.

Дорогой Бирд!

Я начинаю всерьез о Вас тревожиться. У меня дурное предчувствие, что мне придется уехать отсюда двадцатого, чтобы присмотреть за отделкой нашего нового дома (мне не терпится сесть за новый роман, но я не могу это сделать, пока все не будет устроено) и любоваться тем, как всевозможные рабочие строгают, долбят, скребут, пилят, красят, штукатурят, лязгают, стучат и лазают по лестницам без всякого, по-видимому, толка и с единственной целью торчать там каждый день до обеда.

Здесь Хорн * побывал (с гитарой), купаясь у «Дамблгепа», розовощекий бука всех старых дев. Здесь Форстер побывал и вновь уехал, снисходительно и любезно поставив на место все население Бродстэрса и внушив Тому Коллинзу неколебимую уверенность, что он (Ф.) делает океану величайшее снисхождение, когда благоволит купаться. Здесь также побывала миссис Хорн, блистая красотой, а также Уилс с синим носом и никуда не годной душевой будочкой. А кроме того — но зачем перечислять тех, кто побывал здесь, когда Вы сюда не казали глаз, так что Кэтрин уже решила, что вы присутствовали на одной свадьбе и схватили простуду!

Когда же Вы все-таки приедете?

Любящий Вас.

259

ИИЛСУ

Редакция «Домашнего чтения»,
среда вечером, 22 октября 1851 г.

Любезный мистер Иилс!

Посылаю список заглавий, который я составил для корешков *. Пожалуйста, начните ряд с «Истории самого короткого процесса в суде канцлера» и заключите его «Каталогом статуй герцога Веллингтона». Если названий не хватит, напишите, сколько Вам еще может понадобиться, и я их пришлю.

Искренне Ваш.

Список названий для фальшивых переплетов:

Пять минут в Китае — 3 тома
Послеобеденный сон у пирамид — 2 тома
Абернети о конституции — 2 тома
Жизнь дикаря капитана Кука — 2 тома
Универсальный письмовник Тутса — 2 тома
Хороший тон Орсона
История средненьких веков — 6 томов
Записки Ионы о ките
Свойства подмороженной смолы капитана Пэрри
Древние фокусы Канта — 10 томов
Гавгавканье — поэма
Грубиянское обозрение — 4 тома
Искусство прорезывания зубов
Колыбельные песни Мэтьюса — 2 тома
Касательно использования Меркурия древними поэтами
Воспоминания ни о чем Драузи — 3 тома
Разговоры без собеседника Хэвисайда — 3 тома
Ворчиология Брюзгера с приложением — 4 тома
Книги Моисея и Сыновей — 2 тома
Берк (из Эдинбурга) о Возвышенном и Прекрасном
Комментарий Саркастера
Апология христианских добродетелей короля Генриха VIII — 5 томов
Мисс Биффин о ссылке
Путь пилюль Моррисона — 2 тома

Леди Годива и лошадь
Новейшие чудеса Мюнхаузена — 4 тома
Средство от бессонницы Хэнсарда — столько томов, сколько возможно.

260

УИЛСУ

Тэвисток-хаус,
8 декабря 1851 г.

Дорогой Уилс!

Никак не могу начать рождественскую статью и после тщетных усилий отправляюсь прогуляться.

Посылаю Вам рукописи, находящиеся у меня, и книгу от Уиллиса (Вы за нее заплатили?), по которой, по-моему, Морли может сделать хорошую статью о науке во времена наших предков. Не согласен с Вами относительно статьи Лоу. Прочитав ее сегодня утром, прежде чем возвратить, я пришел к заключению, что она разумна, полезна и совсем в нашем духе. Посылаю ее Вам для набора под новым названием.

Мне кажется, что для рождественского номера существенны не столько конкретные частности, сколько мягкая игра воображения, которая найдет отклик у многих читателей. Вот над чем я и тружусь. Если это мне удастся, то статья не будет длинной.

Очень обязан Вам за информацию из суда лорда-канцлера. Я, по-видимому каким-то чутьем, определил число стряпчих, но скромно ограничил мои издержки сорока — пятьюдесятью тысячами фунтов.

Я не получил корректуру статьи Сиднея без купюр. Пришлите мне ее.

Преданный Вам.

261

СЭРУ ЭДВАРДУ БУЛЬВЕР-ЛИТТОНУ

Тэвисток-хаус,
воскресенье ночью, 15 февраля 1852 г.

Дорогой Бульвер!

Я уехал из Ливерпуля сегодня в четыре утра и так ослеплен всеобщим возбуждением, газовым светом, развевающимися носовыми платками и шляпами, что еле вижу

написанное, и все же не могу лечь спать, не рассказав Вам о нашем триумфе. Даже принимая во внимание всевозможные крупные издержки и расходы, я считаю, что мы можем заприходовать не менее тысячи фунтов только за это турне. Более того, необычайный интерес, проявленный «славным народом Англии» к самой затее «Гильдии» в этих гигантских муравейниках, и восторженное одобрение, высказанное там, убеждает меня, что мы можем добиться своего, если только будем верны и преданны своему детищу. Общественное признание нашей идеи таково, что я не могу этого передать Вам в полной мере. Я твердо верю, что мы ухватили удачу за хвост и она еще вознесет нас очень высоко. Я говорю не о себе одном, а обо всех нас и в первую очередь о Форстере, который был ошеломлен поразительным воодушевлением в этих больших городах.

Говорить Вам (особенно после Вашего милого письма), что́ бы я дал, лишь бы видеть Вас здесь, ни к чему. Но я вполне серьезно могу сказать, что все зрелища мира блекнут в моих глазах перед картиной трехтысячной толпы, охваченной единым желанием и все же не знающей, как бы еще выразить свое одобрение, сказать тебе, насколько ты прав, поддержать тебя в твоем начинании. Пьесу понимают (играли ее гораздо лучше, чем в тот раз, когда Вы смотрели) так же хорошо, как Вы сами. Ничего от них не ускользнуло. Когда представление окончилось, все встали, учинив от восхищения целую бурю оваций, а манчестерцы послали за нами в Ливерпуль приглашение, в котором уведомляют, что если мы вернемся к ним в мае, когда будем играть в Бирмингеме (что мы, конечно, сделаем), то они с восторгом заполнят вновь Фритрейд-холл. Прием, оказанный ливерпульскими тори, был в равной мере восторженный. Мы играли два вечера подряд, в зале, набитом до потолка,— я могу сравнить его только с оперой в Генуе или Милане. Затем нам дали пышный обед в ратуше, и он не отличался по выражению чувств от предыдущего приема. Я рассказал о том, что мы решили делать (когда был провозглашен тост за «Гильдию!»), и это было встречено столь благородным и великодушным стремлением ободрить и поддержать нас, что мне останется только сгореть со стыда, если я когда-нибудь хоть на миг усомнюсь в нашем деле.

Я ручаюсь за Бирмингем — за любой крупный промышленный город, какой бы мы ни избрали. Мы завоевали такую поддержку нашей идее, какой не смогли бы завоевать за долгие годы упорного труда. Что касается материальной поддержки, то всего за неделю мы собрали столько средств, сколько едва ли можно было собрать за пятьдесят лет. Не могу передать Вам, что чувствовал Форстер (который не был в Ливерпуле, и потому в ушах его не звенят сейчас бурные овации) с той минуты, как прибыл в Манчестер. Поверьте мне, мы можем совершить блестящую поездку по всей северной Англии и Шотландии, если понадобится — не только ради сборов, но чтобы завоевать всеобщую симпатию.

Я так счастлив, что, начиная со вторника, еле сдерживаю слезы. Могу поручиться, что вся наша труппа готова отправиться со мной хоть на Северный полюс, если я приведу для этого веские доводы.

Я настоятельно прошу разрешить вопрос — стоит ли нам сейчас устанавливать срок, когда прервать нашу работу. Я еще буду думать над этим до нашей встречи в субботу, но уже сейчас склонен объявить труппе, что мы *должны* продолжать турне, теперь, когда большие города открыты для нас.

Надеюсь, я не настолько утомлен, чтобы Вы не могли разобрать это письмо. Я занят почти непрерывно и днем и ночью целую неделю, и боюсь, что почерк мой оставляет желать лучшего. Но во всех прочих отношениях я чувствую себя великаном, спрыснутым живой водой.

Вся труппа собирается обедать со мной в понедельник, 1 марта, в четверть седьмого. Я не пригласил Вас, опасаясь, что Вы еще неважно себя чувствуете.

Так помните, мы встречаемся в субботу.

До субботы и впредь преданный Вам.

262

УИЛСУ

Тэвисток-хаус,
28 февраля 1852 г.

Дорогой Уилс!

...Что касается моей кандидатуры в парламент, то для меня при работе над новой книгой это просто невозможно.

Будь я занят только «Домашним чтением», я, возможно, решился бы, но сейчас одна мысль об этом повергает меня в трепет. И, право, по-моему, намного полезнее (и куда приятнее) оставаться в своей сфере деятельности, чем быть среди горланов и скучных говорунов св. Стефана *.

Всегда преданный Вам.

263

ДЖОНУ ХИЛЛСУ

Тэвисток-хаус,
28 февраля 1852 г.

Дорогой сэр!

Я отложил рукопись о лечении душевнобольных до того времени, когда наконец смог освободиться от огромного количества уже набранного материала для «Домашнего чтения», который было совершенно необходимо разобрать, чтобы получить возможность ознакомиться с нею обстоятельно.

Теперь я внимательно прочитал статью. Мои пометки относятся не к общим достоинствам или недостаткам этой статьи, а лишь к соображениям о ее пригодности для помещения в моем журнале.

По изложению самого материала рукопись слишком длинна. Если бы мы стали разрабатывать каждый вопрос таким образом, то не смогли бы даже сверстать номер. Статья слишком дидактична, и изложение местами ведется вокруг да около, вместо того чтобы прямо подойти к существу дела. Напечатанная в таком виде, она сможет заинтересовать лишь немногих из очень большого числа читателей и наверняка скажется отрицательно на номере, в котором появится. Я считаю, что ее можно сократить по крайней мере на треть, и тогда она послужит своей цели гораздо лучше, чем в несокращенном виде.

Я был бы рад принять ее и сократить, не нанеся ущерба никаким принципиальным положениям автора, если бы имел на то его санкцию. Но поскольку ее нет и помня, что автор был не вполне удовлетворен в аналогичном случае, имевшем место ранее, я предпочитаю не прикасаться к ней и предоставить ему возможность забрать ее в нетронутом виде, если он этого пожелает. Вступать

в дискуссию по таким частным вопросам совершенно невозможно — это поглотило бы у меня всю жизнь, даже если бы я не занимался ничем другим. Я могу ответить на доверие автора лишь искренним желанием полностью оправдать его, если он предоставит мне полную свободу действий. Если же нет, я предпочту без всякого конфликта отклонить ее, хотя я и очень заинтересован в таком материале и вполне понимаю требование автора считаться с ним.

Преданный Вам.

264

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

17 марта 1852 г.

...Вы увидите из посылаемого мной письма, что Проктер придерживается того же мнения, что и я. И все же я сегодня перечитаю все места, где описан этот персонаж, и смягчу отдельные слова и выражения...

265

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

18 марта 1852 г.

...Я снова тщательно просмотрел все касающееся этого образа и, по-моему, значительно уменьшил сходство *. К тому же я изменил имя Леонард на Гарольд. Я не вправе причинять Ханту боль и настолько полон решимости не делать этого, что прошу Вас еще раз прочитать эти гранки и отметить то место, где сходство, по-вашему, особенно заметно. После этого я внесу поправки...

266

Р. Х. ХОРНУ

Тэвисток-хаус,
6 апреля 1852 г.

Дорогой Хорн!

Уилс своевременно сообщил мне относительно «Бедного художника». Я только рад возможности выразить свое мнение о такой прекрасной книге.

Улитки восхитительны! Горю желанием просветиться насчет этого примечательного создания. Я же ничего не знаю об улитке, кроме того, что желал бы ей быть посуше, и мне не очень нравится оставляемый ею след — нечто вроде насморочного напоминания о пройденном ею пути. Кроме того, я просто не хочу получать подобную скользкую информацию о направлении ее следования. Вот и все.

Миссис Хорн уже, должно быть, передала Вам, что я предлагаю пятницу. Но надеюсь, Вы будете обедать не ради меня.

Предисловие я прочитал очень внимательно. Полностью разделяю Ваши правила и считаю их абсолютно здравыми, неизбежными в такое время. Но более чем сомневаюсь в необходимости предисловия. Я бы сократил его на пять шестых теперешнего объема. Даже у разбирающейся части публики существует прочное убеждение, что человек оказывает себе дурную услугу, берясь за перо лишь для того, чтобы объяснить вышедшее из-под его пера. Творение должно говорить само за себя, основываться твердо и непоколебимо на собственном понимании самого себя и выражать все задачи и цели, которые в нем содержатся. Если оно не может удовлетворить этим требованиям, то это считается — и, думаю, не без основания — недостатком. Я бы ни в коем случае не давал никакого комментария к «Ориону» и к «Мечтателю и рабочему». Абсолютно уверен, что он не будет правильно понят и Вы наживете противников и сами причините себе колоссальный вред.

Я бы выразил свое мнение так: нужно оставить этот интересный и красивый отрывок о Вашем пути,— но только под страхом пытки (будь я на Вашем месте) печатать остальное. Я вовсе не ожидаю, что Вы последуете моему совету, но даю его с беспредельной и непоколебимой убежденностью. Я вполне — абсолютно — уверен, что Ваше предисловие схватит за горло книжку и удушит ее.

Всегда преданный Вам.

267

МИСС КУТС

Воскресенье, 18 апреля 1852 г.

...Очень хорошая мысль — дать несколько проектов домов *, но для меня лично (после долгого размышления по этому поводу) ясно, что большие дома лучше. В маленьких Вы никогда не сможете за те же деньги дать те же удобства. И вовсе не следует поощрять какого-нибудь плотника или каменщика, сколотившего несколько фунтов, вкладывать деньги в строительство маленьких домиков. Если бы это внушили им давно, Лондон был бы теперь несравненно более благоустроенным и здоровым городом, каким его можно будет сделать лишь за десятки лет. Если Вы отправитесь сейчас на любую окраину и увидите наступающие полчища кирпича и известки, опустошающие поля и луга и отравляющие воздух, Вы невольно будете охвачены мыслью о том, что если бы для рабочего люда возводили большие здания, вместо нелепых и дорогих скорлупок, в которых они живут, Лондон занимал бы только треть теперешнего пространства, и для любой семьи загородная прогулка была бы ближе на несколько миль. Кроме того, мужчинам было бы куда ближе до места работы — не пришлось бы обедать в разных заведениях,— были бы гораздо толще стены отдельных квартир и лучше условия, обеспечивающие уединение, чем те, что можно (по безумным ценам) предоставить в маленьких жилищах. Там было бы газовое освещение, водопровод, канализация и множество других удобств, обеспечивающих человеческий образ жизни, удобств, которые нельзя дать в маленьких домах. К тому же в маленьких домах не может быть крепкого фундамента. Строительство больших домов во всех отношениях (подразумевая, что они воздвигаются в таком большом городе, как Лондон) представляется мне гораздо более целесообразным, чем строительство маленьких домишек. А преимущества, которые Вы дадите их обитателям, в огромной мере восполнят тот недостаток, что дома эти в определенные часы дня будут погружать улицу в тень.

В Манчестере и в большинстве подобных ему городов я знаю всех. Но мне кажется, что тут больше нужны люди, связанные со строительством железных дорог, проходящих через дальние пустоши Йоркшира, где им пришлось строить школы и церкви и устанавливать среди полного беспорядка упорядоченную систему, как, например, в Йоркшире, где уже несколько лет строят туннель. Или крупные фабриканты железных изделий — среди них есть несколько примечательных личностей,— которые действовали по собственной инициативе и с помощью своих рабочих сделали чудеса. Есть в отдаленных районах и другие фабриканты, которые в один прекрасный день поняли, что очутились среди массы рабочих, которых стремительный поток мчит к неминуемой гибели. Они преградили путь этому потоку, направили его в иное русло, выстроили сносные жилища, школы, сберегательные кассы, небольшие библиотеки. В моей памяти встает ряд таких примеров, когда я пишу эти строки, и я не сомневаюсь, что мы можем использовать опыт подобных начинаний, просто запросив о них...

268

Де СЭРЖА

Лондон, Тэвисток-хаус,
Тэвисток-сквер,
суббота, 8 мая 1852 г.

Дорогой Сэржа,

Ваше второе милое письмо было бы для меня настоящим укором, если бы я так часто не пытался ответить на первое (которое явилось одним из самых приятных рождественских воспоминаний) и так часто не терпел неудачи в этом начинании за всеми моими писаниями. Мне уже порою казалось, что Вы обладаете месмерическим видением того, что я писал Вам — в своей душе, невидимыми чернилами на незримой бумаге — почти каждый день моей жизни.

Не могу передать, как я был обрадован Вашим сообщением о нашем замечательном друге. Мы с Уотсонами говорили и о нем и о всех вас только на днях и я был несказанно рад получить все эти сведения. Слава богу, что

он по-прежнему может оставаться самим собой. А это все, что ему нужно для того, чтобы оставаться одним из самых обаятельных людей в мире. Мне бы ничего так не хотелось, как вновь поспорить с ним хотя бы полчаса!

Мы тут составили заговор (мы — это я и Уотсоны), махнуть в середине лета в Лозанну, оставить там наших дам на неделю, похитить Вас в горы и устраивать оттуда великолепные вылазки! Боюсь, что заговор этот под угрозой, в связи с выборными проектами Уотсона и еще другими помехами, о которых г-жа Уотсон туманно упомянула в письме позавчера. Но меня еще не покидает бледная тень надежды, и я не оставлю ее, пока могу держаться за эту последнюю ниточку. Сейчас я, как Вы можете себе представить, очень занят; но думаю, что все-таки смогу осуществить наш замысел, как-то сведя концы с концами. В следующую среду мы устраиваем торжественный совет в Бирмингеме. Моя любительская труппа выступает там в ратуше, и Уотсоны тоже приедут, чтобы посмотреть спектакль. Видит бог, как я хочу, чтобы и Вы с миссис Сэржа могли приехать! Это будет очаровательное зрелище; декорации выполнены очень изящно, костюмы богатые и красивые, освещение великолепное, и все в целом — чудесная картина времен Георга II. Но я уклонился от рассказа о совещании, на котором решится (насколько я понял миссис Уотсон), должен ли наш замысел занять место в ряду свершившихся или несвершившихся деяний этого предприимчивого мира.

Моя жена уже поправилась после того, как наградила меня (я мог бы обойтись без этой награды) номером десять. Нашего предпоследнего ребенка мы назвали Дорой, в память о Копперфилде, но имя это оказалось злополучным, и малютка последовала за своей предшественницей в Страну теней.

Надеюсь, что «Холодный дом» в последних выпусках понравится Вам еще больше. Успех его необычен; весь престиж «Копперфилда» (а он был очень велик) распространился на него, и спрос на роман больше, чем на другие мои книги. Я очень увлечен ею. Только что закончил очередной, четвертый выпуск и предвкушаю много интересного в дальнейшем, для чего ныне закладывается основа.

Здесь все по-прежнему. В области политики — все взбудоражены всеобщими выборами, предстоящими между сенокосом и жатвой. Из новостей музыкальных — чудесная итальянская опера в Ковентгардене и перепалка (о чем, как видно, Вы осведомлены лучше меня) между конкурирующими импресарио из-за немецкой певицы. Из новостей художественных — выставка, а на ней несколько (совсем немного) хороших картин. Недавно перед ее открытием я видел герцога Веллингтона на званом обеде. Вы не представляете, до чего он стар на вид (ему уже исполнилось 83 года) и с каким трудом он судорожно выталкивал из себя (как цепочку военных команд!) коротенькую речь. Роджерс * (на пять лет старше) из-за несчастного случая охромел и жизнь свою проводит в кресле, которое ставят в экипаж и извлекают оттуда, подкатывают к столу, втаскивают вместе с ним по лестнице, если он выбирается куда-нибудь (что бывает очень редко); надо думать, даже в постель Роджерса укладывают вместе с этим креслом. Во всем остальном он точно такой же. Довольно говорливый и довольно сварливый — рассказывает одни и те же истории одним и тем же людям, в тех же самых словах по двадцать раз в день, и устраивает небольшие званые обеды на четверых, во время которых приходит в ярость, если кто-нибудь не беседует с ним. Том Мур оставил для публикации очень любопытные дневники лорду Джону, который показал мне их недавно. Они чрезвычайно хороши как небольшие, непринужденно рассказанные картинки о людях его времени; я считаю их лучшими дневниками после Пеписа. Миссис Остин пишет биографию Сиднея Смита, которая, я уверен, получится очень интересной,— это был такой благородный ум, а она такая умная женщина.

Вот Вам, дорогой Сэржа, скучный перечень разных событий, но я не в силах оживить его. Я пишу эти строки и вижу, как мы с Вами, покуривая, под вечер прогуливаемся у отеля Мартиньи, а наши дамы играют и поют в гостиной, помните? Кстати о них, я видел леди Вирджинию Тайлор позавчера вечером — она выглядит просто старой, если Вы можете представить такое сверхъестественное превращение. Боюсь (точно не знаю, но подозреваю), что леди Мэри лишилась рассудка. Джорджина еще

не вышла замуж (переходя к дамам) и пока что отнюдь не собирается. Она необычайно разборчива. Она посылает миссис Сэржа, всему Вашему семейству и Вам лично заверения в самой нежной любви. Миссис Диккенс от всей души присоединяется к ней. И я также. Передайте, пожалуйста, от всех нас самые нежные пожелания Холдимэнду. Прошу верить, дорогой Сэржа, что я с глубоким уважением остаюсь Вашим преданным другом.

269

МИССИС ГАСКЕЛЛ

Тэвисток-хаус,
вторник, 29 июня 1852 г.

Дорогая миссис Гаскелл!

Я прочитал эти рукописи со смешанным чувством: в них очень много ценного, но много и совершенно непригодного, такого, что явно способствует воспитанию лицемеров. Не скажу, чтобы рукопись в целом произвела на меня благоприятное впечатление. Вряд ли мистер Гаскелл согласился бы учить детей по такому методу. Зато Вы совершенно убедили меня в вопросе о повторной постановке комедии Бульвера в Манчестере, что я решил не играть ее. Мы дадим «Обессиленный», «Карл Двенадцатый» и «Дневник мистера Найтингела». Две первые пьески очаровательны, в особенности первая. Это, безусловно, лучшее из всего, что мы ставили. Она из французской жизни, по замыслу она восхитительна.

Всегда преданный Вам.

270

НЕИЗВЕСТНОМУ

Тэвисток-хаус, Тэвисток-сквер,
9 июля 1852 г.

Сэр!

Я получил Ваше письмо, помеченное вчерашним числом, и позволю себе ограничиться довольно кратким ответом.

Продолжительное время благотворительные общества тратили огромные суммы денег на миссионерство за границей, даже не задумываясь, есть ли в самой Англии такая вещь, как бесплатные школы для бедных детей, и в дальнейшем эти общества не предпринимали никаких совместных усилий проникнуть в ужасающие трущобы, в которых эти школы ютятся ныне, и где они, насколько мне известно, не были ни размещены, ни обнаружены «Обществом распространения слова божия в чужих странах».

Если Вы находите, что в расходовании средств на благотворительность внутри страны и за границей соблюдена справедливая пропорция, то я этого не нахожу.

Не стану приводить поражающие сравнения, которые можно было бы провести между суммами, которые расходуются в наши дни на то, чтобы рассеять самое темное невежество и нищету и отогнать их от нашего порога, ибо я нахожу известное оправдание ошибкам, порожденным искренним желанием творить добро. Но я даю общее представление о все еще существующей аномалии (в том самом абзаце, который оскорбил Ваши чувства), надеясь побудить некоторых людей задуматься над этой проблемой и установить более справедливое соотношение затрат. Я твердо уверен, что два вида работы миссий — внутри страны и за ее пределами — проводятся не на равной основе и что нужды внутри страны куда острее и насущнее, нежели за ее пределами.

Более того, я самым серьезным образом сомневаюсь, может ли могучая торговая держава, имеющая связь со всеми странами мира, наилучшим образом христианизировать пребывающие в духовной тьме области вселенной иначе, чем отдавая свои богатства и энергию делу воспитания добрых христиан у себя дома, а также стремлению оградить безнадзорных, невежественных детей от влияния улицы. А именно об этом и нужно думать, прежде чем отправляться в другие страны. Ибо если такая страна будет упорно продолжать работу в этом направлении, неуклонно опускаясь к низам общества, то и любого рода посланцы, которых она направляет за границу, будут добродетельными миссионерами по сути своей, а не губителями того, что могли бы принести миссионеры профессиональные.

Таковы мои взгляды, сложившиеся, я полагаю, на основе знания фактов и наблюдений. И если бы страх перед столь легко расточаемыми эпитетами, как «антихристианский» и «антирелигиозный», заставил меня отказаться от моих взглядов, то я бы заслужил подобные обвинения в их истинном значении. Я тщетно искал на странице 312 «Домашнего чтения» издевку, на которую Вы обращаете мое внимание, и смею заверить, что у меня нет ни малейшего представления, в каком месте ее можно отыскать.

Остаюсь, сэр, Вашим покорным слугой.

271

ЧАРЛЬЗУ МЭЙНУ ЯНГУ

Редакция «Домашнего чтения»,
Веллингтон-стрит, 16, Стрэнд,
в среду вечером, 21 июля 1852 г.

Дорогой Янг!

Я внимательно прочитал все рукописи, которые прилагаю, но, к прискорбию моему, вынужден сказать, что не могу их использовать. Они не обладают ни одним качеством, необходимым для «Домашнего чтения». Написаны они весьма неплохо, не без дамского изящества, но нет в них ни оригинальных наблюдений, ни обаяния формы, ни четкой целеустремленности, ни выразительной краткости, которые отличали бы их от сотен и сотен подобного рода опусов, постоянно наводняющих редакцию. Рассказ «Лев и спаниель» вовсе не нов, как полагает автор, и с успехом мог бы быть изложен на двух страницах вместо десяти. (К тому же, конечный вывод предполагает, как нечто несомненное, что лев чрезвычайно смелое животное, тогда как современные ученые имеют все основания это оспаривать.) «Цапля» — самый заурядный очерк, в котором читателю не сообщается ничего нового. Он мог бы быть принят, если бы тема была изложена красочно и оригинально.

Те же возражения, почти в равной степени, вызывают «Победы любви». «Сельский дом» и «Брат и сестра» — рассказы для детей и ни в коей мере не подходят для нашего издания, предназначенного для столь широкого круга

читателей,— издания, неуклонно стремящегося подавать каждый материал таким образом, чтобы он одновременио представлял интерес для разных категорий читателей с разными умонастроениями.

Я подробно останавливаюсь на всех этих скучных мелочах потому лишь, что Вы, заинтересовавшись рукописями, как-то выделяете их из обычной категории, и еще потому, что заинтересовали меня рассказом об их авторе. Я думал о том, какой журнал мог бы их использовать, но не могу предложить ни одного издательства (имеющего возможность и желающего заплатить за них), которое бы их приняло. Сочтут ли возможным использовать их такие издатели, как Дартон и К° на Холборн-хилл или Гаррис в Сент-Полс Черчъярд — весьма сомневаюсь и, честно говоря, не могу надеяться на лучшее. Быть может, я ошибаюсь, и тогда буду весьма рад узнать, что это так.

Если бы Вы видели корзину моего помощника, набитую подобными произведениями, поступившими в редакцию всего за одну неделю, вы бы не удивлялись — если удивляетесь теперь,— почему я испытываю тяжкое чувство ответственности, поощряя писателя, не имеющего достаточных данных для литературного поприща.

Ваш, дорогой Янг, преданный и верный друг.

P. S. Если эта дама пожелает послать мне еще что-нибудь через Вас, я прочту материал с готовностью и искренним желанием принять его (так же, как и эти рукописи), если это будет возможно.

272

МИСС МЭРИ БОЙЛЬ

Дувр, Кэмден-кресчент, 10,
22 июля 1852 г.

Дорогая Мэри!

Поистине чудесное письмо от Вас. Описание семейства просто изумительно. Я должен ответить тем же, чтобы доказать, как оно мне понравилось.

Второго сентября собираюсь поставить «Обессиленного» в Манчестере. Подумайте только! С другой Мэри!!!

Как я произнесу: «Дорогой Джо, если вам так угодно!» Голос может солгать, но сердце... сердце, мистер Вурцель, останется безучастным.

Дорогая Мэри, в отношении Дувра Вы не совсем справедливы. Правда, город не слишком в моем вкусе, чересчур шумливый и до приторности светский. Но зато прекрасное море и очаровательные прогулки. К Фолкстону ведут две дороги — обе поразительно хороши. А какие повсюду холмы и долины, и проселочные дороги, и множество всего прочего.

Скажу Вам по секрету: не вполне уверен, нравилась ли мне прежде и понравится ли в будущем какая-либо книга так, как «Копперфилд». Но тем не менее я предвижу несколько очень хороших мест в «Холодном доме».

Уотсон, когда я видел его в последний раз, ухватился за рождественские спектакли, как за якорь спасения. И тогда! О восторг! Но успокойся, мое трепещущее сердце.

Сегодня один из моих, как я их называю, бродяжьих дней, перед тем как погрузиться в работу. В такие дни я всегда словно бы ищу то, чего не нашел в жизни и, быть может, найду только через несколько тысячелетий в каких-то других краях совсем другой планеты. Кто знает? Но я не хочу этим настраивать Вашу пасторальную свирель на грустный лад. Я отправляюсь на поиски по Кентерберийской дороге, среди хмельников и фруктовых садов.

Всегда преданный друг Ваш
Джо.

273

МИСС КУТС

Ливерпуль, отель «Адельфи»,
2 сентября 1852 г.

...Если бы Вы только видели сегодня открытие Бесплатной Библиотеки в Манчестере! Столь благородное начинание, осуществленное с таким умом и скромностью, столь поразительно рассчитанное на то, чтобы создать гармонию между одной частью этой ужасной машины — огромного рабочего города и другой его частью. Вчера вечером мы выступали... перед четырехтысячной аудиторией...

274

ДЖОНУ УОТКИНСУ

Понедельник,
11 октября 1852 г.

Сэр!

По возвращении из города я нашел письмо, которое Вы любезно адресовали мне, как полагаю,— дата на нем не указана,— несколько дней назад.

Я отношусь к памяти Гуда с той же глубокой нежностью, какую испытывал к нему самому. Однако я не слишком одобряю посмертные почести в виде памятников, и мне было бы чрезвычайно неприятно увидеть опубликованным задуманное Вами обращение, особенно когда я вспоминаю встретившее отклик другое обращение, опубликованное после смерти Гуда. Полагаю, что я лучше выполню свой долг перед покойным другом и лучше выражу ту любовь и уважение, с которыми я его вспоминаю, если откажусь поддерживать какие-либо начинания, которые Вы (несомненно, с самыми благородными целями и побуждениями) предлагаете. Мне доставит горестное удовлетворение внести свою лепту на сооружение простого надгробия над прахом большого писателя, которое должно быть столь же скромным, сколь скромен был усопший, и я считаю ошибкой сооружение иного вида памятников на месте его земного упокоения.

Остаюсь, сэр, Вашим покорным слугой.

275

УИЛСУ

Булонь, Отель де Бэн,
четверг, 12 октября 1852 г.

Дорогой Уилс!

Я еще не получил номера, о котором Вы упоминаете в Вашем письме, датированном вчерашним днем. Я просмотрю его, как только получу.

О рождественском номере я размышлял, но не слишком успешно, потому что постоянно был занят (и занят до сих пор) «Холодным домом». Предполагаю вернуться домой в воскресенье или в понедельник,— как позволит работа,— после чего мы сразу же устроим в редакции обед и побеседуем о номере,— с тем чтобы Вы уже могли распределить задания.

Недостаток поэмы Принса *, помимо ее литературного убожества, заключается еще и в том, что она чересчур громко подпевает одной весьма удобной идее (изрядно докучавшей нам со времен беспорядков на континенте), внушая нам, что человеку надлежит кротко и смиренно сидеть в своем углу, как бы с ним ни обращались. Поэме не хватает страстного призыва ко всем правителям предоставить людям возможность сохранять спокойствие, хотя бы тем, чтобы эти правители справедливо и хорошо ими управляли. А здесь мы видим нечто иное, как образец политического морализирования. И не думайте, что следует подлаживаться под вкусы какой-то особой группы наших читателей. Я всегда считал такую тактику величайшей ошибкой.

Передайте Томасу, что я считаю его статью о хмеле отличной *. Он сумел уловить нужный нам тон, и уловил его очень тонко.

Что касается темы о Мосте, то, я думаю, следует зайти в Темзенскую полицию. Смутное чувство подсказывает мне, что из этого может получиться отменный материал. Пожалуйста, займитесь и этой ветвью нашего древа среди всех прочих ветвей.

О Гильдии

Я надеюсь, Гай * не дал Вам нанять Ковент-гарден, потому что наш просцениум будет там выглядеть настолько смехотворным, что Пика засмеют наши же плотники.

О себе

Чепмену я напишу. Пожалуй, я не соглашусь подписаться на проектируемый памятник Гуду, потому что не одобряю такого рода посмертных почестей.

276

УИЛСУ

Булонь, Отель де Бэн,
среда вечером, 13 октября 1852 г.

Дорогой Уилс!

Я получил номер после обеда, когда мое письмо уже было отправлено, и прочитал его.

Я пришел в полное уныние — до того он плох. Если у Вас есть какая-нибудь замена, то, пожалуйста, не открывайте номер статьей Сейла (по теме в этом номере нет ничего более походящего для передовой статьи, но уж очень она плоха). Ошибочно воспринимать ее как статью, открывающую номер. Да и сама статья в основе своей ошибочна. Прежде всего, подходить к этой теме нужно с большим тактом и осторожностью. Во-вторых, она в корне неправильна и противоречива. Кто может хоть на миг предположить, что «спортивные» развлечения — достояние простого народа! А ведь цель лучшей части очерка показать, что спорт — развлечение определенного и немногочисленного класса людей. Большая часть описанных видов спорта малопопулярна (за исключением скачек, о чем уже было написано достаточно в «Д. Ч.»), и нет никакого смысла их восхвалять. Я попытался исправить кое-какие места, вызывающие у меня возражения (и мне кажется, сделал это), но по сути своей и общей направленности она как нельзя более далека от того, какой должна быть первая статья в номере...

277

МИССИС ГАСКЕЛЛ

Тэвисток-хаус,
6 ноября 1852 г.

Дорогая миссис Гаскелл!

Рассказ с привидениями очень хорош. Отличный язык, мастерское развитие сюжета.

Но мне пришло в голову (под свежим впечатлением от первого чтения), что было бы очень оригинально и жутко,

если бы в том месте, где рассказчица спускается в гостиную, она бы спускалась со спящим малюткой на руках; если бы ребенок проснулся, когда послышался шум; если бы остальные только слышали шум, но лишь один ребенок видел другие призрачные фигуры, а взрослые видели бы только призрак ребенка. Пусть живая девочка рассказывает то, что она видит, а призрак ребенка пусть показывает ей, как все произошло на самом деле, и тут пусть мисс Фернивал разобьет паралич. Это была бы потрясающая концовка.

Что Вы на это скажете? Если Вы не одобряете моего предложения целиком и полностью, то пусть все остается без изменения. Если же Вы целиком и полностью одобряете его, то кому сделать необходимые изменения в двух последних страницах рукописи? Сделать ли их мне или Вы сделаете это сами?

Рассказ великолепный, как раз то, что нужно для рождественского номера.

В большой спешке,

всегда преданный Вам.

Живая девочка пусть все время рвется к призраку, а няня пусть ее удерживает.

278

МИССИС ГАСКЕЛЛ

Тэвисток-хаус,
вторник, 9 ноября 1852 г.

Дорогая миссис Гаскелл!

Я понимаю, что Вы имеете в виду. Но мне думается, можно внести разительное изменение того же характера, что я предлагал, и все же сохранить то, что Вы желаете. Я тщательно все продумал и чувствую, однако, что (конечно, если Вы со мной согласитесь) сюжетный ход явно ослаблен тем, что все присутствующие видят призрачные фигуры.

Я бы предложил оставить Вашу повесть как она есть деньков на десять, после чего я вернусь к ней, сам переделаю ее и пришлю Вам корректуру, как и Вашу рукопись или, по крайней мере, измененную ее часть. Так что если

Вы предпочтете свой первоначальный вариант моей редакции — полностью или частично, Вы сможете расправиться с моей правкой по собственному усмотрению.

Преданный Вам.

Делаю Вам это предложение, так как точно знаю, чего хочу, хотя и не могу объяснить все как следует.

279

МИССИС УОТСОН

«Атенеум», понедельник,
22 ноября 1852 г.

Дорогая миссис Уотсон!

Только что закончив на некоторое время работу, я забрел сюда после прогулки под дождем ради удовольствия написать Вам несколько строк. Если бы правая рука моя не была столь обременена подобного рода занятиями, я бы скоро наскучил Вам своими частыми письмами.

Вы спрашивали Кэтрин о «Холодном доме». Продажа его в полтора раза превысила продажу «Копперфилда». Как раз сейчас я подошел к месту, до которого добирался терпеливо и постепенно, и я надеюсь, Вы найдете его интересным и волнующим. В отношении «Хижины дяди Тома» я отчасти, хотя и не полностью, согласен с мистером Джеймсом. Несомненно, для воплощения подобной темы в литературном произведении требуется меньше мастерства, чем для странствования по океану воображения без столь надежного судна. Однако многое в книге сделано прекрасно. Так, в образе Сен-Клера, джентльмена из Нового Орлеана, сказывается большая сила и органичность замысла. Если бы не «греческий профиль», который уже надоел мне еще с раннего детства, я счел бы его приемлемым...... У Сен-Клера имеется сестра, незамужняя особа из Новой Англии. В ее образе очень яркими красками, с отменной правдивостью и большой смелостью изобличаются все пороки и предрассудки аболяционистов в негритянском вопросе. Она (я имею в виду миссис Стоу), по правде сказать, «чуть-чуть» неразборчива в

отношении заимствований. Я часто вижу, как сквозь тонкую бумагу проглядывает некий писатель, с которым я весьма близок и которым никто не может восхищаться более пылко, чем я. Далее, я различаю призрак Мэри Бартон и весьма явственный мираж одной сцены из «Детей мглы». И все же, несмотря на вышесказанное, я убежден, что это прекрасная книга, служащая великой и благородной цели, книга достойная своей репутации.

Для следующего выпуска «Домашнего чтения» я написал статью о торжественных похоронах, в которой излагаю, по какой причине я нахожу неправильным проведение подобных церемоний и почему против них следует протестовать сдержанно, но настойчиво. Статья эта наверняка вызовет великое негодование многих любителей церемоний. Зато на ее стороне будут разум и справедливость.

В Дувре у меня с Чарли был долгий разговор по поводу его намерения стать военным. Я счел необходимым прямо и открыто изложить мои возражения против подобной карьеры, так же как и все ее преимущества. После этого он совсем по-мужски попросил дать ему срок подумать. Я назначил ему день в начале текущего месяца, в который я намеревался приехать в Итон * для продолжения разговора. И мы возобновили его в Уайт Харте, в Виндзоре. Он пришел к заключению, что хотел бы стать коммерсантом и основать какой-нибудь солидный торговый дом, в котором со временем, быть может, найдет место для младших братьев и, оставшись на родине, возглавит длинную процессию младших отпрысков. Я остался им очень и очень доволен. Во всей этой истории он проявил благородство ума и чувств. Мы решили, что после рождественских каникул он не вернется в Итон, а поедет в Германию совершенствоваться в языке, столь необходимом для профессии, которую он намерен избрать. Вот Вам и все мои новости. Мы всегда вспоминаем о Вас дома. Недавно у нас на обеде была Мэри Бойль. Я думаю, Вы сегодня смотрите на потоки воды за окном. Когда я возвращался из Виндзора, мне показалось, что я по ошибке сел не в поезд, а на корабль.

Дорогая миссис Уотсон, с самыми искренними пожеланиями от всего сердца всегда любящий Вас друг.

280

ДЖЕЙМСУ УАЙТУ*

Редакция «Домашнего чтения»,
понедельник, 22 ноября 1852 г.

Дорогой Уайт!

Первое и главное: нет ни малейшего сомнения в том, что Ваш рассказ годится для «Домашнего чтения». Этот, действительно очень хороший, рассказ может быть напечатан в любое время. Но именно поэтому я не вполне убежден, что он подойдет для рождественского номера. Вы же знаете специфику рождественских номеров. Когда я предлагал написать рассказ о разбойнике с большой дороги, я имел в виду приключенческую фабулу, связанную с обличением несправедливости, рисующую строй общества, ныне уже не существующий, рассказ о котором приятно услышать из уст старика. Ну, а Ваш разбойник, по сути, вовсе и не разбойник, а потому в рассказе нет того рождественского колорита, который я имел в виду. Вы меня понимаете? В обычном номере рассказ может идти без каких-либо возражений. Если для рассказа старика Вам придет в голову другая идея, более подходящая для рождественского номера, и если Вы найдете время воплотить ее за короткий срок, оставшийся до конца месяца, я буду чрезвычайно рад. Как бы то ни было, Ваш рассказ тут же сдается в набор.

Надеюсь, Вам понравится следующее продолжение «Холодного дома». Пишу кратко, потому что тружусь в поте лица.

Всегда сердечно Ваш.

281

ДЖЕЙМСУ ВЕРРИ СТЕЙПЛСУ

Тэвисток-хаус, Тэвисток-сквер,
5 января 1853 г.

Дорогой сэр!

В ответ на Ваше содержательное письмо я хотел бы пояснить Вам, что умышленно разгрузил «Историю для детей» от обилия дат (хотя, по-моему, там указано больше

дат, чем Вы предполагаете), чтобы сделать книгу романтичнее и увлекательнее. Я полагаю, что интересная и увлекательная форма изложения исторических событий вызовет у юных читателей интерес к ним и будет способствовать более глубокому изучению истории.

Именно по этой причине я не мог включить в Краткую историю большего количества дат, не отступив тем самым от моего основного принципа. Если мне удастся каким-нибудь интересным образом дать хронологический указатель наиболее значительных исторических событий в последней книге, я не премину это сделать.

Искренне Ваш.

282

У. МАКРИДИ

Тэвисток-хаус,
пятница вечером, 14 января 1853 г.

Дорогой Макриди!

Меня глубоко тронуло Ваше чудесное, заботливое письмо. Я же знаю, какие волнения Вы сейчас переживаете, и ценю Ваше внимание всем сердцем. Вы и Ваши близкие всегда с нами. Для Вас уже не ново играть важную роль во многих эпизодах моей жизни. Редкий день проходит без того, чтобы мы, беседуя, не устремлялись мысленно к Вам в Шерборн. И мы так часто обитаем там, что я даже не могу передать, до чего отчетливо Вы предстаете перед моим взором, когда я пишу эти строки.

Я знаю, какое глубокое сочувствие и одобрение выразили бы Вы, находись Вы тогда в Бирмингеме, и какую поддержку встретила бы с Вашей стороны основная мысль, которой я придерживался, касаясь вопроса об извечных обязанностях искусства и литературы перед народом. Я взял на себя смелость совершенно обойти вопрос о дворе и всем прочим, с этим связанным, и говорил лишь об искусстве и народе. Чем больше созерцаем мы жизнь и ее быстротечность, чем больше наблюдаем мир и его многообразие, тем яснее сознаем, что сколько бы мы ни пытались проявить свои способности в любом виде искусства, единственно служение ему ради великого океана человечества, в котором мы лишь малые капли (отнюдь не

ради захолустных прудов, к тому же всегда затхлых), дает и всегда будет давать основание для чувства удовлетворенности, когда окидываешь взглядом проделанное тобой. Разве не так? Уж Вы-то, дорогой друг, более чем кто-либо другой располагаете самыми достоверными сведениями на этот счет.

Дорогой Макриди, не могу удержаться, чтобы не сказать в заключение, что еще надеюсь встретиться с Вами, как мы встречались, бывало,— я имею в виду Вашу прежнюю жизнерадостность и энергию. И мне кажется, никогда я еще не радовался так, как при виде залога этой надежды в Вашем письме.

Ваши старые друзья в Бирмингеме очень Вами интересуются и спрашивают о Вас.

А я — где бы я ни был, в одиночестве или на людях,— я, дорогой мой Макриди, остаюсь неизменно

Вашим любящим и глубоко преданным другом.

283

ДОКТОРУ ЭЛЛИОТСОНУ

Тэвисток-хаус,
7 февраля 1853 г.

Дорогой Эллиотсон!

Искренне благодарен Вам за то, что Вы предоставили в мое распоряжение Вашу замечательную и глубоко научную «Лекцию о самовоспламенении», и весьма доволен тем, что заручился столь высоким авторитетом. Прежде чем приступить к этой главе «Холодного дома», я ознакомился со всеми наиболее известными случаями, которые приводятся в Вашей лекции (о чем Вы, по всей видимости, догадались, читая этот отрывок), но три или четыре случая, на которые Вы ссылаетесь мимоходом,— два из них имели место в 1820 году,— были мне неизвестны. Вы объясняете их происхождение с такой изумительной ясностью, что мне хочется перечитать эти места по нескольку раз, прежде чем я приступлю к последнему выпуску и предисловию.

Нельзя ли мне располагать Вашей рукописью до лета? Могу поручиться, что я весьма надежен во всем, имеющем

отношение к сохранности рукописей, и что она все время будет у меня под рукой. Или, может быть, вернуть ее Вам, предварительно переписав, чего я не хотел бы делать без Вашего разрешения?

Просто не могу уразуметь, как это люди берутся оспаривать очевидные доказательства, подкрепленные таким глубоким знанием фактов и такими убедительными примерами. По-моему, все дело в том, что эти люди просто не знают и не желают ничего знать об этом явлении.

Всегда преданный Вам.

284

МИССИС ГАСКЕЛЛ

Редакция «Домашнего чтения», понедельник, 21 февраля 1853 г.

Дорогая миссис Гаскелл!

Пользуюсь первой же возможностью ответить на Ваше письмо; в последние дни я был так занят, что лишь сегодня утром смог прочитать приложенные рукописи.

К сожалению, я должен лишить себя удовольствия их принять. В них нет ничего такого, что дало бы возможность их использовать. Между нами и отнюдь не для передачи особе, их написавшей, произведения эти до того банальны и унылы, что, даже ко всему привыкнув за время работы здесь, я не перестаю недоумевать.

Писать таким образом мог бы любой. Но как находятся люди, которые все же садятся и пишут этакое с чувством удовлетворения,— просто непостижимо. Не испытываете ли и Вы такого же недоумения? Ведь никто же не бежит в церковь играть на органе, не зная нот и не обладая хотя бы малой толикой слуха. Почему же по меньшей мере полсотни человек ежедневно приносят такие вот произведения, не обладая ни малейшими способностями для писательства, кроме физической способности водить пером по бумаге?

Уилс болен, и я сейчас увяз по горло в трясине подобных творений.

Всегда преданный Вам.

285

УИЛСУ

Брайтон, Джанкшен-пэрейд, 1,
в четверг ночью, 10 марта 1853 г.

Дорогой Уилс!

Я внимательно прочитал номер (в чем Вы убедитесь по моим пометкам; в двух-трех местах я был вынужден поставить вопросительный знак, так как не понял смысла) и пришел от этого в полное уныние.

Статья Сейла — очень слаба. Тема — одна из лучших, но подана совершенно неинтересно. Гораздо ниже его возможностей.

«Доктор морали» — в таком виде помещать невозможно. Просто дутая реклама для Хилла. Все острые грани проблемы сглажены, и многие высказывания полностью противоречат тому, что, как известно, утверждал я в своих статьях. Именно потому, что множество краж в большинстве случаев совершается профессиональными ворами, не следует, без серьезных оговорок и крайней осмотрительности, ратовать за мягкий режим в тюрьмах, так как это вызовет серьезный протест и всяческие осложнения. Эту категорию заключенных исправить нельзя. Нам следует начинать сначала: ввести обязательное обучение для плохих родителей, постоянный надзор за ними и тем самым воспрепятствовать пополнению этой категории преступников, которая постоянно растет, словно это является жизненной необходимостью. Разве в работных домах обучают ремеслам и стараются заставить их обитателей (худшего сорта) трудиться на пользу общества? Отправимся вместе в Тотхил-филдс, Брайдуэлл или Шефердс-Буш, и я Вам покажу, что такое девушка из работного дома. Или возьмите мою статью «Посещение работного дома» * (в «Домашнем чтении»), или описание жизни юношей, которых содержат буквально как волков.

Мистер Хилл полагает, что тюрьмы можно почти полностью перевести на самообеспечение. Но имеете ли Вы представление о том, как трудно найти сбыт продуктам тюремного труда? А знает ли он сам, что ступальные колеса работают впустую, не потому, что государство или городское управление возражают против конкуренции тю-

ремного и свободного труда, а потому, что нельзя найти работу?

Я никогда не смогу допустить, чтобы в «Д. Ч.» рассматривался вопрос о тюремной дисциплине, если в основу этих статей не будет положен главный выдвинутый мной принцип и если в них не будет выражен протест против того, чтобы тюрьмы рассматривались per se [1]. Любое смягчение, которое может быть предоставлено преступнику в тюрьме, в первую очередь должно быть предоставлено человеку, которого туда привела беда.

Сама по себе статья очень хороша, но в ней должны найти отражение эти два главенствующие принципа. В противном случае выйдет, что не только сам я отрекаюсь от тех взглядов, которых, как известно, придерживаюсь, но и наше издание самым смехотворным образом бросается из стороны в сторону и ведет двойную игру.

Ну, а об этой куче пустяков не стоит много говорить. «Огородные чудеса» лучше сделать отдельной статьей и назвать ее «Семена папоротника», кстати, изречение Фальстафа.

Австралийскую статью, по-моему, лучше назвать «Пропажа и находка на золотых приисках». Она тоже очень слаба.

Что касается La Galite *, то она производит впечатление прескверного перевода с прескверного оригинала, и больше мне об этом сказать нечего. Но обратите внимание на ужасающую нелепость на 89 странице, где говорится о работорговце — и это после всего шума, который был поднят из-за чертова африканца, который мирно носил свои цепи, дьявол бы его побрал. «Издание газеты в Индии» — очень забавная статья, для нас с вами. Но в ней множество вещей, совершенно непонятных и неинтересных для читателей. Все эти боргес, петит, миньон, нонпарель, корпус, марашки, макеты, оттиски и зажимы очень далеки от них, и подобный профессиональный жаргон совершенно им неинтересен.

Когда Вы получите всю сверку, пришлите ее мне, и если можете чем-нибудь улучшить номер — сделайте это. Я привожу все замечания, которые мне приходят в голову

---

[1] Сами по себе *(лат.)*.

по мере чтения, не потому, что считаю возможным все исправить (за исключением статьи о тюрьмах), а для того лишь, что если возьму за правило делать так всегда, то во время моего «побега в Италию» Вы будете судить о материале с большей решимостью, одновременно и за себя и за меня, как «единый и неделимый».

О Вас:

Как Ваши глаза?

Обо мне:

Я трудился целый день.

Всегда преданный Вам.

286

МИСС ЭМИЛИ ГОТШАЛК

Лондон, Тэвисток-хаус,
2 мая 1853 г.

Дорогая мисс Готшалк!

Я бы уже давно Вам написал, так как молчание мое объяснялось вовсе не тем, что я исчерпал весь свой запас советов для человека в Вашем положении и сказал все, что можно сказать, чтобы успокоить Вас и вселить в Вас бодрость. Случайности и превратности в этом мире всех нас лишают друзей, отнимают у всех нас много надежд и привязанностей, которые мы питали, создают зияющие провалы и пустоты, срывают листья и ветви с каждого дерева, под которым мы так любили сидеть.

Но путь наш неизменно ведет вперед, и мы должны им следовать, иначе мы недостойны нашего места на земле. Будет ли путь Ваш счастливым или несчастливым — зависит, мне кажется, более всего от Вас самой.

Я никогда Вас не забуду и всегда буду Вами интересоваться. Но мы живем в деятельном мире, и у каждого из нас есть свой долг, каждый наделен своей ролью. И, дорогая моя девочка, если Вы будете сидеть у дороги, предаваясь скорбным размышлениям, те, кто Вам дорог, пройдут мимо, следуя по своему, более счастливому пути, пока не скроются из виду и не исчезнут. И в старости для Вас будет плохим утешением мысль о том, что Вы могли бы составить им компанию и принести им пользу. Ведь из

малых детей вырастают великаны, а из желудей — могучие дубы.

Маленькая фигурка Гебы, которую Вы мне прислали и которая стоит у меня на столе, всегда будет мне напоминать о Вас, и я всегда буду интересоваться Вашей жизнью.

Всегда преданный Вам.

287

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Булонь, 26 июня 1853 г.

...О, этот дождь, который шел здесь вчера! С моря огромными клубами наплывал туман, дул сильный ветер, а дождь хлестал потоками с утра до вечера... Дом стоит на склоне большого холма, поросшего молодым лесом. Сразу перед ним Отвиль, крепостной вал и недостроенный собор — это самое внушительное строение возвышается прямо напротив наших окон. На противоположном склоне, круто спускаясь вправо, в живописном беспорядке раскинулась Булонь. Вид прелестный. На горизонте картину замыкают гряды вздымающихся холмов. От нашего порога десять минут ходьбы до почты и четверть часа до моря. Сад разбит террасами, поднимающимися к вершине холма на манер итальянских садов. Верхние его аллеи пролегли в упомянутом выше лесу. Самая красивая часть сада расположена на одном уровне с домом, а дальше сад футов на двести поднимается по склону. Сейчас вокруг дома цветут тысячи роз и бесконечное множество других цветов. В саду стоят пять больших летних дач и — по-моему — пятнадцать фонтанов, ни один из которых (согласно неизменному обычаю французов) не бьет. Мы живем в кукольном домике с множеством комнат. Высотой он не более одноэтажного, и к крыльцу его, как на трибуну, вверх и вниз ведут тридцать восемь ступенек — одно из самых красивых проявлений французского вкуса, какое мне когда-либо доводилось видеть. Дом делится на две половины, но оттого, что на его фасаде всего четыре окна, не считая крошечного окошка голубятни, можно подумать, что в нем только четыре комнаты. Дом построен на склоне

холма, и поэтому верхний этаж на задней половине — там два этажа — выходит в другой сад. На нижнем этаже очень красивый холл, почти сплошь застекленный, маленькая столовая — она выходит в прелестную оранжерею, которой можно любоваться и через прозрачное стекло, вставленное в раму от зеркала над камином, в точности как в комнате Пакстона в Чатсворте; там находится еще запасная спальня, две маленькие смежные гостиные, спальни для семьи, ванная комната, застекленный коридор, дворик, нечто вроде кухни с целой системой печей и котлов. Наверху восемь крошечных спаленок, и все выходят в огромную комнату под самой крышей, которая по первоначальному замыслу предназначалась для биллиардной. Внизу великолепная кухня со всевозможными приспособлениями и утварью, хороший подвал, отличная людская и кладовая, каретник, сарай для угля, дровяной сарай. В саду есть также павильон с чудесной запасной спальней на нижнем этаже. Отделку всех этих построек — все эти зеркала, часы, печурки, всяческие украшения — нужно видеть собственными глазами, чтобы оценить их по достоинству. Оранжерея утопает в редких цветах и совершенно прелестна...

Что касается хозяина — мсье Бокура — то он изумителен! Здесь у всех по две фамилии (не могу уразуметь почему), и, стало быть, мсье Бокур, как его здесь обычно называют, полностью именуется — мсье Бокур-Мютюэль. Это почтенного вида жизнерадостный малый с хорошим, открытым лицом. Живет он на холме сзади нас, как раз за верхней аллеей нашего сада. Он был торговцем полотна, и в городе у него как будто еще есть магазин, но, по слухам, заложенный. По-видимому, мсье Бокур пребывает в стесненных обстоятельствах — и все из-за этого владения, которое он своими руками засадил, которое деньденьской совершенствует и которое при каждой возможности величает только «имением». В городе он пользуется огромной популярностью (в лавках все неизменно расцветают, когда мы упоминаем его имя, и поздравляют с таким хозяином) и действительно ее заслуживает. Он до того щедр, что мне совестно с чем-нибудь к нему обращаться, он немедленно доставляет все, о чем бы вы ни заикнулись. Я просто краснею при мысли о том, что́ он предпринимал

по части невероятных кроватей и умывальников. На днях я усмотрел в одном из боковых садиков — по обе стороны тоже имеются садики! — одно место, с которого Потешный Соотечественник непременно должен был свалиться и проделать спуск в какую-нибудь дюжину футов. «Мсье Бокур,— сказал я тогда, и он тут же сорвал с головы шляпу,— возле коровника лежат ненужные доски, если вы будете столь любезны и велите загородить это место одной из них, я думаю, будет безопасней».— «O mon dieu, сэр! — отвечал мсье Бокур,— здесь нужен только чугун! Это не та часть имения, где приятно видеть доски».— «Но ведь чугун — это очень дорого,— возразил я,— и, право же, не стоит того...» Он сказал: «Сэр, тысячу извинений! Это будет чугун! Непременно, окончательно — только чугун».— «В таком случае,— сказал я,— я был бы рад оплатить половину расходов».— «Сэр,— сказал мсье Бокур,— никогда!» Затем, чтобы перейти на другую тему, он изменил свой непреклонно-торжественный тон на светски непринужденный и произнес: «Вчера, при лунном свете, казалось, что все цветы в имении — о всемогущий! — купаются в небе! Вам нравится имение?» — «Мсье Бокур,— сказал я,— я им очарован. Я всем здесь более чем доволен».— «И я, сэр,— ответил мсье Бокур, прижав к груди шляпу и поцеловав свою руку,— и я, сэр, равным образом!» Вчера явились два кузнеца и поставили внушительную чугунную ограду, вмуровав ее в каменный парапет... Если необычайное устройство внутри дома трудно даже описать, то уж чудеса в его садах не мог бы измыслить никто, кроме француза, одержимого своей идеей. Помимо картины, изображающей этот дом, которая висит в столовой, в холле красуется план имения. Величиной с Ирландию. И каждая из достопримечательностей помечена в указателе пышным названием. Там насчитывается пятьдесят два названия, включая «Домик мальчика с пальчик», «Аустерлицкий мост», «Иенский мост», «Эрмитаж», «Беседка старого гренадера», «Лабиринт» (не имею ни малейшего понятия, какое название к какому месту относится), и к каждой комнате указан путь, словно дом такой невероятной величины, что без подобного путеводителя вы непременно заблудитесь и, чего доброго, умрете с голоду, застряв между двумя спальнями...

288

МАРКУ ЛЕМОНУ*

Булонь
<1853 г.>

Дорогой Марк!

...У меня имеется для Вас кое-что новое, касающееся охоты, с чем я столкнулся во время моего путешествия по Италии, а именно:

В течение всего путешествия, во время которого я бывал в самых разных местах и спал с самыми неожиданными компаньонами (преимущественно мулами и курами), я то и дело натыкался на компании, которые меня страшно интриговали, а встречал я их повсюду — от Неаполя до Рима. Это была группа охотников, обычно численностью до шести особ самой кровожадной и устрашающей внешности — чудовищные усы, страшные бороды, черные как смоль шевелюры, потрясающие сапоги, вгоняющие в трепет сомбреро и нечто вроде английских охотничьих курток с отворотами на манер рукавиц. У них были огромные патронташи, через одно плечо чудовищный ягдташ, через другое — огромная двустволка, и на каждого в среднем приходилось по пять фунтов пороха. Они всегда поглощали обильные обеды в маленьких сельских трактирах, звонко чокались стаканами, сидели, расставив ноги так широко, как только позволяла им природа, и услаждали себя беседой о прелестях la caccia (охоты).

В этих-то сельских трактирах я неизменно встречал их и никак не мог понять, на какую дичь они охотятся. Я ни разу не видел ни одного крылатого существа (драконы уже перевелись до меня) достаточно подходящих размеров для такого охотничьего снаряжения. Львы, насколько я знаю, в Италии не водятся; никогда не слыхал я и о какой-нибудь особо вдохновляющей породе медведей. Эти размышления уже начали угнетать меня, и как только я натыкался на этих охотников, как всегда рассуждающих о la caccia, я разглядывал двор, улочку и вино-

градник, чтобы обнаружить там хотя бы скелет убитой дичи, но так никогда и не мог его найти. С неделю тому назад прихожу я в грязную маленькую таверну, в десятке миль от Сонпера, и вновь застаю этих самых людей. На этот раз их было шестеро, амуниция была более чем внушительная, на лицах ни малейшего следа пощады, весь облик говорил о неизбежной гибели живого на их пути, и они опять звенели стаканами и рассуждали о la caccia. Но прежде чем я вошел в этот дом, я вдруг увидел неподалеку от него чрезвычайно сонного крестьянина под виноградной лозой, прислонившего к стене высокий шест. На верхушке этого шеста сидела привязанная к нему унылая сова, которую приткнули головой к стенке, совершенно не считаясь с тем, что она живая, причем один ее огромный глаз самым прискорбным и трагичным образом запорошило известкой; всем своим видом она напоминала английского судью в полном облачении, пьяного, кающегося, поникшего. Еще проходя мимо этого сонного крестьянина и его унылой совы, я подумал, какого черта им тут надо. Но, войдя и усевшись среди спортсменов, я вдруг по наитию сообразил, что между этими явлениями есть какая-то связь. Я вынес стакан вина, слишком слабого, чтобы о нем стоило упоминать, поднес его крестьянину и побеседовал с ним. И тут я узнал, что la caccia происходит так: вся компания торжественнейшим образом отправляется на охоту в сопровождении крестьянина и совы. Когда крестьянин доходит до того места, где водятся разные мелкие пичужки, он водружает шест с совой. Глупые пичужки немедленно слетаются отовсюду, чтобы дразнить сову. Тогда охотники по возможности быстрее поднимают пальбу, разнося в клочья крохотных глупцов, а при случае и самое сову. Если где-нибудь обнаруживаются крохотные останки птицы, пригодные для вертела, их соответственно общипывают и съедают. Сова обычно простужается и, кажется, быстро подыхает.

Вот я и подумал, а почему бы Вам не ввести у себя в Сассексе новый вид охоты, для чего и посылаю это описание.

289
ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Булонь, 24 июля 1853 г.

...Могу еще сообщить Вам, что великий Бокур каждодневно изменяет наименование своего владения. Теперь он остановился на нижеследующем, написав над входом в сад: «Entrée particulière de la Villa des Moulineaux» [1]. На второй калитке, повыше первой, он велел сделать надпись: «Entrée des Ecuries de la Villa des Moulineaux» [2]. На третьей чуть пониже первой (она ведет к одному из бесчисленных строений в саду) — «Entrée du Tom Pouce» [3]. На калитке, что выше всех остальных и ведет к его жилищу,— «Entrée du Château Napoléonienne» [4]. Все приведенные надписи, черным по белому, Вы прочитаете сами, когда приедете к нам. Я сейчас редко вижусь с мсье Бокуром, поскольку все уже «bien arrangées» [5], и он из деликатности мне не докучает. Вот уже три недели как его супруга в отъезде, тогда как он (это он сам доложил мне, держа шляпу в руке) должен оставаться дома, чтобы всегда быть к услугам арендатора имения. Для наиболее успешного выполнения этого долга он каждый день дает шумные обеды на пятнадцать персон, и старушка коровница, взбираясь в гору, всякий раз кряхтит под тяжелой ношей с шампанским.

Вчера мы отправились в театр посмотреть «Сон в летнюю ночь» в постановке «Опера Комик». Теперь это чудесный маленький театр с очень хорошей труппой. И надо сказать, весь этот забавный пустячок поставлен с поразительным вкусом. Вилли Эм Шейкес Пиир, Сиржон Фоль Стаф, Лор Латтимиир и эта знаменитая придворная дама королевы Елизаветы, Миис Олиивия — главные действующие лица.

Сейчас за старым городом целая армия рабочих сооружает (вот уже целую неделю) огромное строение. Я было думал, что это форт, или монастырь, или казармы, или

---

[1] Вход только для обитателей Виллы де Мулино.
[2] Вход в конюшни Виллы де Мулино.
[3] Вход к мальчику с пальчик.
[4] Вход в Наполеоновский замок.
[5] Хорошо устроены.

уж что-то такое, чему надлежит стоять века. Оказывается, это постройка для ежегодной ярмарки, которая начинается пятого августа и длится две недели. Почти каждое воскресенье устраивается fête[1] с танцами на открытом воздухе и с тем, что мы, островитяне, называем каруселью. Дюжие бородачи часами катаются на деревянных лошадках . . . . Но их добродушие и веселый нрав просто восхитительны. Помимо прочих достопримечательностей, каждую субботу можно видеть свиной рынок, совершенно поражающий своей гротескностью. Взволнованный французский крестьянин или крестьянка вместе с упрямым поросенком — самое уморительное зрелище. На прошлой неделе мне довелось видеть небольшую пьеску, великолепную по своему комизму. Действующие лица: 1. Хорошенькая молодая крестьянка в короткой юбочке и красивых голубых чулках верхом на осле, с двумя корзинками, в каждой из которых по поросенку. 2. Старик крестьянин в блузе огромным хлыстом погоняет четверку свиней — это его упряжка,— и каждая из них заставляет его наезжать то на стену, то на табачную лавку. 3. Тележка, из которой выглядывает старая свинья (пребывающая в узах), устрашающая своим оглушительным хрюканьем шестьсот пятьдесят поросят рынка. 4. Сборщик налогов в высоченной треуголке посреди потока поросят, денно и нощно снующих между его солдатских сапог и начисто лишающих его возможности вести расчеты. 5. Неподражаемый, наткнувшийся на целый круг престарелых свиней, привязанных за одну ногу к колышку, находящемуся в самом центре его. 6. Джон Эдмунд Рид, поэт, выражающий вечную преданность Лэндеру и свое восхищение им и не замечающий приближения удравшей из тележки свиньи. 7. Святые отцы, крестьяне, солдаты и пр. и пр.

Лич говорит, что, когда он сошел с корабля после бурного плаванья, собравшиеся зрители наградили его довольно громкими рукоплесканьями за его непередаваемо жалкий вид, выразительностью которого он сумел значительно превзойти всех, кто появлялся ранее. Взрыв смеха был оглушительным, и Лич желает уведомить своих друзей, что в общем пользовался потрясающим успехом...

---

[1] Празднество *(франц.)*.

290

У. МАКРИДИ

Булонь, Шато де Мулино,
воскресенье, 24 июля 1853 г.

Дорогой мой Макриди!

Из-за какой-то непредвиденной задержки посылка с приложенным к ней Вашим письмом была получена мною только через неделю. Я немедленно сообщил мисс Кутс, которая писала Вам, и надеюсь, это принесет свою пользу. Если же нет, то уже не по ее вине. Я с большим огорчением прочитал то, что Вы сообщаете о миссис Уорнер, и то, что она с такой простотой и скромностью пишет о себе. Прошу заверить ее в моем глубоком сочувствии и желании сделать все, что в моих силах, чтобы как-то утешить ее.

Мы живем в прелестном загородном доме, где я все время усердно трудился и теперь, после недельного отдыха, вновь собираюсь приняться за работу, чтобы закончить «Холодный дом». Кэт и Джорджина, право же, с нетерпением предвкушают свой визит в Шерборн, в то время как я, одинокий скиталец, отправлюсь через Альпы в Италию. Вчера вечером я видел «Сон в летнюю ночь» в постановке «Опера Комик» (очень хорошей). То, как поэт Вилли Эм Шейкес Пиир напивается в обществе сэра Джон Фоль Стафа, затем сражается с благородным рыцарем Лор Латимииром (который влюблен в уже известную Вам из истории придворную даму по имени Миис Олиивия) и как только замечает признаки любви к нему у английской королевы, дает обещание впредь так не делать,— чем производит чрезвычайно сильное впечатление. Или взять хотя бы королеву Елизавету, которая в непроницаемой маске из черного бархата — два дюйма в ширину и три в длину — ходит за ним по кабачкам, а то и еще худшим местам, и осведомляется у лиц сомнительной репутации о «дивном Вильяме» — все это невыразимо смешно. И все же вся эта чепуха поставлена с поразительным вкусом.

Мне очень понравилась присланная Вами книга. Это одна из самых мудрых, мужественных и крайне полезных книг, какие я читал. Я перечитываю ее вновь с огромным удовольствием и восхищением.

Всегда любящий Вас, дорогой Макриди,
Ваш...

291

МИССИС РИЧАРД УОТСОН

Тэвисток-хаус,
пятница, 13 января 1854 г.

Дорогая миссис Уотсон,

Я узнал, что Вы в Брайтоне, в тот самый день, когда послал Вам рождественский номер в Рокингем. Я послал бы Вам еще один экземпляр в Брайтон, но меня остановило опасение, что я создаю вокруг этого дела слишком много шума. И когда я подумал о том, что рокингемский экземпляр могут отослать в Брайтон, и представил себе, как два объемистых конверта одновременно появляются за завтраком в Джанкшен-хаус, мною овладела какая-то комичная застенчивость. Я в восторге от бирмингемской аудитории, которая оказалась исключительно чуткой. Мне — да думаю, что и никому — в жизни не приходилось видеть ничего интереснее, чем этот вечер для рабочих. Их было две с половиной тысячи, и более тонких и внимательных слушателей невозможно себе представить. Они ловили каждое мое слово, все поняли так, как нужно, смеялись и плакали с самой восхитительной искренностью и так воодушевили меня, что мне показалось, будто я живым возношусь на небо вместе со всеми своими слушателями.

Зал, где проходили чтения, чрезмерно велик для этой цели; но я тщательно все обдумал и, по-моему, добился того, что даже сидевшие в самых дальних рядах слышали все так же ясно, как если бы я читал для них в своей собственной комнате. Накануне первого вечера я несколько опасался, что мне не удастся сделать незаметными необходимые для этого усилия, но я очень скоро с удовольствием обнаружил, что это мне удалось и что, судя по всему, мы уже на первой странице так славно спелись, как будто сидели все вместе у камина.

Немногое из того, что я видел за границей, так поразило мое воображение, как электрический телеграф, подобно солнечному лучу насквозь пронзивший жестокое, древнее сердце римского Колизея. Даже на вершинах

Альп, среди вечных снегов и льдов, я увидел столбы, защищенные несколькими подпорками от ярости горного ветра. Я уж не говорю о том, что он проходит и по морскому дну, о чем я вспомнил, переезжая через Ла-Манш.

Всегда преданный Вам, моя дорогая
миссис Уотсоп.

292

РОБЕРТУ РОУЛИНСОНУ

Тэвисток-хаус,
25 января 1854 г.

Дорогой сэр.

Поверьте, все мы в высшей степени тронуты тем, что Вы столь любезно вспомнили о нас, и очень обязаны Вам за приглашение; но, будучи лояльными в разумных пределах, мы мало интересуемся подобными зрелищами и потому считаем, что Вам следовало бы передать места, столь любезно нам предложенные, каким-нибудь более достойным лицам. Последней церемонией такого рода, на которой мне довелось присутствовать, была коронация королевы, и она показалась мне гораздо более скучной, чем моя обычная загородная прогулка. Что касается парламента, то там так много говорят и так мало делают, что из всех связанных с ним церемоний, самой интересной показалась мне та, которую (безо всякой помпы) выполнил один-единственный человек и которая заключалась в том, что он прибрал помещение, запер дверь и положил в карман ключи...

293

МИССИС МАРИАННЕ ЯНГ

Тэвисток-хаус,
16 февраля 1854 г.

...Вопрос о нерадивом отправлении правосудия в Индии и о жестоких вымогательствах, которым подвергается местное население, затрагивался уже в «Домашнем чтении», в сенсационном отчете из зала суда и еще в одной статье, которая называлась «Бал у индийской смоковницы»...

294

ПИТЕРУ КАННИНГЕМУ*

Тэвисток-хаус,
суббота, 11 марта 1854 г.

Мой дорогой Каннингем,

Вчера, будучи в Дувре, я случайно увидел на столе «Иллюстрированные лондонские новости», где обнаружил упоминание о моей новой книге, если не ошибаюсь, принадлежащее Вашему перу.

Не знаю, откуда Вы почерпнули Ваши сведения, но уверяю Вас, что они совершенно не соответствуют истине. Название книги было придумано уже несколько месяцев тому назад, и все эти главы написаны до того, как я ездил в Престон, и до того, как я что-либо узнал о происходящей стачке.

Заявления, подобные Вашему, приносят двойной вред. Во-первых, они вбивают в голову нашей публике нелепое представление о том, будто все книги создаются с этакой невероятной скоропалительностью и бойкостью (вспомните выдумку бедняги Ньютона о том, что сложнейшие чертежи он делал, задремав за своим письменным столом, в невменяемом состоянии); а во-вторых (я говорю о данном случае), Ваши слова влекут за собой еще одно последствие: они ограничивают (для читателей Вашей статьи) место действия романа, повествующего, по замыслу автора, о рабочих всей Англии; и, как я знаю по своему предыдущему опыту, приведут к тому, что персонажи романа будут отождествляться с какими-то лицами, которых я никогда в жизни не видел и о которых не имею ни малейшего представления.

Я не думаю, что сейчас, когда Ваше ошибочное заявление уже сделано, Вы можете как-нибудь его исправить; да я и не хочу этого. Однако, если когда-нибудь в будущем перед тем, как о чем-нибудь сообщить, Вы спросите меня, так ли это было, я отвечу Вам так искренне и охотно, как только может друг ответить на вопрос друга.

Всегда преданный Вам.

295

ЧАРЛЬЗУ НАЙТУ

Тэвисток-хаус,
17 марта 1854 г.

Мой дорогой Найт,

С большим интересом прочел Вашу статью. Она написана очень добросовестно и содержит множество любопытных сведений, обилие которых просто поразительно для такой маленькой статьи.

Кое-где я сделал небольшие пометки мягким карандашом, и Вы легко можете стереть их резинкой.

Настоятельно прошу Вас обратить внимание на мысль, высказанную мною в шутливой форме на предпоследней странице (когда я писал «Тяжелые времена», я неделями раздумывал над нею). Мне кажется, что ни одному из живущих на земле народов не досталось на долю такого тяжкого труда, как англичанам. Будьте же довольны, если в редкие минуты своего досуга они забавляются чтением, а не чем-нибудь похуже. Они рождаются прикованными цепью, как на плавучей каторге, живут и умирают с этой цепью. Боже милостивый, чего же мы требуем от них?

Всегда любящий Вас.

296

Ф. СТОУНУ

30 мая 1854 г.

...«Гэмфри Клинкер» — несомненно лучшее из того, что написано Смоллеттом. Я не совсем уверен, отдать ли предпочтение «Перегрину Пиклю» или «Родерику Рэндому»,— оба необыкновенно хороши в своей лишенной сентиментальности манере; Вам, однако, придется прочесть и того и другого, причем первым я посылаю «Перегрина», который более ярок.

297

ТОМАСУ КАРЛЕЙЛЮ

Булонь, Вилла дю Кан де Друат,
четверг вечером, 13 июля 1854 г.

Мой дорогой Карлейль,

В будущем месяце я хочу опубликовать отдельным изданием роман, который печатается сейчас в «Домашнем чтении». Он называется «Тяжелые времена». Я работал над ним весьма тщательно, имея в виду выпустить его в свет целиком в одном дешевом компактном томе. Всей душой надеюсь, что книга эта заставит кое-кого призадуматься над одной ужасной ошибкой наших дней. Я знаю, что в моей книге нет ничего, в чем бы Вы не были согласны со мной, ибо никто не знаком с Вашими книгами лучше, чем я. Я хочу, чтобы на первой странице стояло посвящение Томасу Карлейлю. Вы разрешаете?

Еще одно. Мы живем сейчас в причудливом, изящном и уединенном французском домике, стоящем на вершине открытого ветрам холма, далеко в стороне от всех охотников за знаменитостями любого сорта; добавьте к этому, что в семи часах езды от Лондонского моста Вам не найти второго столь же цветущего и безыскусственного уголка.

Можете ли Вы чем-нибудь подкрепить свое скупое обещание (вдохнувшее в меня столь огромную надежду) погостить у нас недельку в сентябре, вместе с миссис Карлейль? Если да, то миссис Карлейль и миссис Диккенс образуют совет, дабы договориться об остальном. На этом примите мой сердечный привет вам обоим.

Любящий Вас.

P. S. Я не стал бы так распространяться, но такова уж моя натура.

298

МИСС ДЖОРДЖИНЕ ХОГАРТ

Редакция «Домашнего чтения»,
суббота, 22 июля 1854 г.

Моя дорогая Джорджина,

Я ожидал Вас, да и сейчас все еще надеюсь, что Вы приедете с завтрашним вечерним пароходом. Право же,

я считаю, что если Ваша мать не восстает самым решительным образом против этой поездки (а насколько я понимаю, она этого не делает), Вам в любом случае лучше всего приехать и покончить с этим делом. Если Вы приедете, я откажусь от своего намерения ехать в Фолкстон в понедельник вечером и побываю там тогда, когда буду провожать Вас. Единственное, что от Вас требуется (как я полагаю), это Ваша подпись. Как только документ будет оформлен, Вас там больше не задержат.

Мне никогда не случалось видеть ничего глупее письма Вашей матушки. Ума не приложу, что, по ее мнению, может случиться — или должно случиться,— если она застрахует свою жизнь. Любопытно, как она думает осуществить на практике свое намерение, к какому страховому обществу предполагает обратиться и во сколько, по ее мнению, ей это обойдется в ее возрасте и при ее состоянии здоровья.

В понедельник я пробуду в Тэвисток-хаусе все утро, так как условился с Уордом *, что буду позировать ему в этот день в своей комнате.

Но поскольку мне хотелось бы заранее предупредить Коллинза в случае, если наша поездка в Фолкстон не состоится, я полагаю, Вам следовало бы сообщить мне с обратной почтой, приедете Вы или нет. Хорошо? Ваше письмо в любом случае опередит Вас часом или двумя. И если окажется, что по Вашей милости я должен буду переночевать в понедельник в Тэвисток-хаусе, я смог бы тогда отправить Купера в Ганновер-террас.

Ни Вы, ни Кэтрин не оценили по заслугам книгу Коллинза. На мой взгляд, это, несомненно, самая умная из всех книг, когда-либо написанных молодым автором. Она гораздо лучше романов миссис Гаскелл и в некоторых отношениях просто превосходна. Валентайн Блит совершенно как живой и сделан мастерски. Сцена, где он показывает свои картины, полна восхитительного юмора. Не замечаю я и чрезмерного подражания моей манере. Старый Мэт — вот персонаж, в котором я больше всего узнаю свое влияние, но он написан блестяще. Короче говоря, я нахожу эту книгу замечательной и совершенно потрясен ее огромными достоинствами.

Передайте Кэт привет от меня и скажите, что завтра она получит пакет со всей корректурой «Тяжелых времен». Корректура еще не выправлена, но там все довольно понятно. Сейчас я ее заканчиваю и отправлю Кэт. Скажите ей также (она любит такие новости), что Альберт совершенно конфиденциально сообщил мне в Гаррик-клубе о помолвке Марион Эли с неким молодым адвокатом. Свадьба на время откладывается из-за денежных затруднений.

Позавчера вечером я смотрел Гризи в «Лукреции Борджиа», она была хороша, как никогда. Вчера ночью я до рассвета пил джин-слинг, и не с кем иным, как с Бакстоном, который, увидев меня в то время, когда я смотрел испанские танцы, навязался мне в товарищи. Мы устроили лихой кутеж, и я, кажется, добился того, что вышиб из головы всякое воспоминание о работе.

Сердечный привет всем дорогим крошкам, начиная с Плорниша * и выше. Лондон гораздо жарче Неаполя.

Всегда любящий Вас.

Да! Вот что еще для Кэтрин! Она описана в книге миссис Стоу: на что Форстер «счел своим долгом», как он уведомил меня вчера с этаким расслабленным видом ревматическо-подагрическо-несварительно-слабительно - икающе-врачебной таинственности, «обрушиться самым беспощадным образом». Миссис Стоу полагает, что она показала себя «женщиной широких взглядов». Воображаю!

299

ПРЕПОДОБНОМУ УИЛЬЯМУ ГАРНЕССУ*

Булонь, Вилла дю Кан де Друат,
суббота, 19 августа 1854 г.

Мой дорогой Гарнесс,

Вы не ошиблись. Книга от меня. Я не смог написать это на титульном листе, так как нахожусь сейчас здесь.

От души рад, что она понравилась Вам. Я знаю, какое место Вы имеете в виду, но мне самому оно кажется

отнюдь не убедительным. Меня гнетет опасение, что во многих случаях (и среди прочих именно в этом) мы слишком многих приносим в жертву нашему спокойствию и нашему удовольствию, и я думаю, что мы должны отказать себе кое в чем ради этих несчастных.

Передайте мой сердечный привет Вашей сестре и мое восхищение (если мне будет это позволено) другой Вашей родственнице.

Всегда искренне преданный Вам.

300

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Булонь
<август, 1854 г.>

...У меня возникла идея время от времени давать в «Домашнем чтении» очерки, посвященные «члену палаты от Ниоткуда». Они будут содержать отчет о его взглядах, речах и мнениях по разным вопросам, которые ставятся на голосование в парламенте; думаю начать с его речей о воскресном отдыхе. Он, разумеется, министр. Едва лишь его обнаружили в палате, как все почувствовали, что такого человека необходимо протащить в кабинет (в крайнем случае — насильно)...

301

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Булонь
<сентябрь, 1854 г.>

Я неохотно расстаюсь с этой идеей [1], а заодно и с надеждой передать всем живущим в Англии хотя бы частицу того презрения, которое я испытываю к палате общин. Пока это чувство не разделят все англичане, мы ничего не сможем добиться...

---

[1] См. предыдущее письмо.

302

МИСС КУТС

Тэвисток-хаус,
26 октября 1854 г.

...Мне очень жаль, что статья «К рабочим людям», написанная одним из Ваших друзей, вызвала Ваше недоумение. Суть ее в том, что рабочим ни за что не удастся оградить своих детей от той ужасающей и противоестественной смертности, которая царит среди них сейчас (смертности столь жестокой, что о ней невыносимо даже думать), а самих себя — от болезней и безвременной кончины, пока им не будут предоставлены такие блага, как дешевая чистая вода в неограниченном количестве, свежий воздух, канализация, и пока не будет изменен закон о строительстве, с тем чтобы в наиболее скученных районах сохранялись незастроенные участки, а там, где таких участков нет, они создавались бы специально, и пока мелких землевладельцев, наподобие наших вестминстерских друзей, не обяжут под страхом жесточайшего наказания содержать свои владения в порядке. Суть статьи также в том, что наше никчемное правительство, боящееся каждой крохотной группки и трясущееся за голос любого мусорного подрядчика, не даст им этих благ и не проявит к их судьбе ни капли искреннего участия до тех пор, пока все требования рабочих не станут частью предвыборной программы, а рабочие не объединятся для того, чтобы выразить свою решимость добиться этих благ или всеми возможными средствами не допустить в парламент ни одного из тех, кто поворачивается спиной к их самым насущным нуждам. Сейчас как никогда важно разъяснить им всю необходимость социальных реформ, ибо для меня совершенно очевидно, что правительство не замедлит использовать войну как оправдание своей нерадивости и пальцем о палец не ударит в случае новой вспышки холеры. А ведь одна-две острые вспышки эпидемии — и в этой стране произойдет такая встряска, какой мир не видывал с тех пор, как Самсон обрушил храм на свою голову, и Народ с каждым днем все яснее понимает, что, честно говоря, эту болезнь так же возможно предотвратить, как и сыпной тиф.

Мне хотелось бы, чтобы в следующем выпуске «Домашнего чтения» Вы прочли статью «Наш французский курорт» (с портретом моего булонского хозяина) и стихотворение, которое называется «Мораль этого года».

303

МИССИС РИЧАРД УОТСОН

Тэвисток-хаус,
среда, 1 ноября 1854 г.

Дорогая миссис Уотсон.

«Прогулка» написана не мною. Это лишь очень удачная подделка под меня. Никак не могу понять, почему меня так измучила работа над «Тяжелыми временами». Возможно, потому, что я не собирался приниматься за что-либо подобное в течение года, когда мысль об этой книге внезапно свирепо вцепилась мне в горло; не говоря уже о том, что стремление писать сжато и как можно более насыщенно (что совершенно необходимо, когда книга печатается отдельными выпусками) держало меня в постоянном напряжении. Как бы то ни было, я устал не на шутку,— состояние для меня столь непривычное, что я до сих пор не могу о нем забыть. Я провел праздную осень в очаровательной местности и стал весьма толст и черен.

Если Вы решите осуществить эту блестящую идею относительно Кройдона, рассчитывайте на то, что мы с готовностью присоединимся к Вам, но известите меня об этом за несколько дней, и, если Вы почувствуете себя в силах созерцать усы (только что подстриженные), мы с радостью приедем повидаться с Вами, невзирая даже на убийственную скуку Хрустального дворца *. Сам по себе он, разумеется, весьма замечателен, но когда тебя то и дело потчуют этакой махинищей и посещение ее объявляют одной из священных обязанностей человека, то даже мне, при всем моем благодушии, начинает казаться, что это немного больше того, что можно вынести.

Вы всегда хотите знать, что я собираюсь делать, а потому разрешите сообщить Вам, что 19 декабря я намерен

читать «Песнь» в Рединге, где после смерти нашего бедного Тальфура я стал председателем Литературного общества. Затем с этой же целью я еду в Шерборн в Дорсетшире по приглашению другой организации (одна из немногих радостей, оставшихся в жизни Макриди). Потом возвращаюсь домой к рождеству. После этого мне, очевидно, придется поехать в Брэдфорд в Йоркшире, чтобы и там почитать что-нибудь у камелька для маленькой компании всего в четыре тысячи слушателей. Затем я снова отправляюсь домой, чтобы поставить новый вариант «Детей в лесу» (к слову сказать, еще не написанный), который дети будут исполнять в день рождения Чарли.

Война вызывает у меня самые противоречивые чувства: восхищение нашими доблестными солдатами, страстное желание перерезать горло русскому императору и нечто вроде отчаяния при виде того, как пороховой дым и кровавый туман снова заслонили собой притеснение народа и его страдания у нас дома. Когда я думаю о Патриотическом фонде, с одной стороны, а с другой — о той нищете и тех бедствиях, которые породила у нас холера, в одном лишь Лондоне жестоко и бессмысленно уничтожившая неизмеримо больше англичан, чем может погибнуть за все время войны с Россией, мне кажется, что какая-то сила отбросила мир на целых пять столетий назад.

Если Вы читаете сейчас новые книги, я думаю, Вас заинтересует полемика между Уивэллом и Брустером по поводу того, существует ли жизнь на окружающих нас небесных светилах. Книга Уивэлла называется «О множественности миров»; книга Брустера — «Иные миры». Вполне вероятно, что Вы о них уже все знаете. Там содержится бездна интереснейших фактов из области естествознания и весьма любопытные рассуждения обоих авторов; что до самой проблемы, то она почти не сдвинулась с места.

При выезде из Булони мы попали в милейшую переделку. Барометр в честь нашего отъезда за какие-то несколько часов упал почти на фут, наступила ужасная ночь с неистовым ветром и небольшим потопом. Пароконная повозка с нашим багажом (как Вы, вероятно, догадываетесь, довольно громоздким) застряла в выбоине посреди поля —

я ни с места. Наш слуга, которого эти удручающие обстоятельства совершенно лишили рассудка, кинулся в город в надежде раздобыть там еще пару лошадей на подмогу и спустя некоторое время вернулся с этими лошадьми и возчиком Б., обладателем самой лучезарной улыбки, какую только можно себе представить. Тут возчик А., который все это время простоял у своего недвижимого экипажа, узнал в возчике Б. своего злейшего врага, выпряг обеих принадлежащих ему лошадей и увел их. В результате наши пожитки остались на всю ночь в поле, мы же — тринадцать индивидуумов, обладателей одной гребенки и одного носового платка,— направились в город. От всех этих приключений у меня просто голова шла кругом.

КОММЕНТАРИИ

ПЕРЕПИСКА Ч. ДИККЕНСА

Переписка Диккенса — ценнейший источник для изучения великого английского писателя — публикуется в русском переводе впервые. В дореволюционные издания собраний сочинений Диккенса письма не включались. После 1917 года издание их не предпринималось. Вместе с тем, значение такого издания очень велико.

Один из крупнейших реалистов, классик мировой литературы, Диккенс одновременно один из наиболее противоречивых художников XIX века. Все его творчество проникнуто гуманизмом, огромной симпатией к простым людям, неподдельным уважением к труженику. Лучшие из его произведений представляют собой обвинительный приговор несправедливым общественным отношениям капиталистического мира, пронизаны критикой корыстных и жестоких, бесчеловечных и лицемерных представителей господствующих классов. И в то же время Диккенс не только никогда не был революционером, но никогда не скрывал своего недоверия к активности народных масс, неодобрительно относился к освободительному движению, вспыхнувшему в Англии в конце 30-х годов прошлого столетия,— чартизму.

Скованный предрассудками той среды, которая его воспитала, Диккенс надеялся устранить социальное зло путем воздействия на совесть угнетателей простого народа, проповедовал классовый мир.

Переписка Диккенса с большой полнотой отражает как сильные, так и слабые стороны мировосприятия писателя. Она помогает лучше понять и миросозерцание Диккенса в целом, и

его общественные, политические и эстетические взгляды. Она же проливает яркий свет на те эстетические принципы, на основе которых строилось творчество автора «Записок Пиквикского клуба», рождественских повестей, «Домби и сына», «Тяжелых времен»...

Круг людей, с которыми Диккенс переписывался, очень широк. Среди адресатов Диккенса писатели и художники, актеры и драматурги, ученые и общественные деятели викторианской Англии. Многие из них широко известны, другие играли значительную роль в культурной и политической жизни Англии тех времен, когда жил Диккенс. Немало сохранилось и таких писем, которые адресованы родным и близким писателя, его друзьям и приятелям, имена которых освещены лишь «отраженным светом» того, с кем они переписывались.

Не все письма, сохранившиеся после смерти Диккенса, представляют одинаковый интерес. Среди них много и таких, которые посвящены будничным темам, вопросам и заботам личной и семейной жизни каждого дня. Но больше таких, в которых так или иначе, прямо или косвенно выражены мысли и чувства писателя, тревоги и сомнения, которые порой владели им, таких, в которых Диккенс высказывал интереснейшие суждения о литературной и общественной жизни своего времени, о своих современниках и их творениях.

В 1882 году, то есть через двенадцать лет после смерти Диккенса, его дочь и свояченица — Джорджина Хогарт — опубликовали первый свод его переписки[1]. Письма эти в свое время представляли большой интерес, так как были первыми живыми документами Диккенса, увидевшими свет. Но свод переписки, изданный в 1882 году, отбирался более чем тенденциозно, что не могло не отразиться на характере публикации. Оставшаяся после Диккенса переписка подверглась основательной «чистке». Дочь и свояченица не пожелали печатать все то, что противоречило их представлениям о «приличном» как в частной, так и в общественной жизни писателя. Ценнейшие письма, проливающие свет на личность Диккенса, не были включены в издание.

Переписка Диккенса, публикуемая в нашем издании, переводилась с наиболее полного на сегодняшний день трехтомного

---

[1] The Letters of Charles Dickens Edited by His Sister in Law and Eldest Daughter, London, 1882.

свода писем, появившегося в 1938 году в издании Нансач (The Nonesuch Edition of the Works of Charles Dickens in 24 volumes, London, 1938). Предлагаемые вниманию советского читателя письма Диккенса не представляют перевода всего трехтомного свода, изданного в 1938 году. Опустив те письма Диккенса, которые имеют лишь временный и местный интерес (повседневную переписку писателя с близкими и родными по незначительным вопросам), издательство публикует все те его письма, в которых нашли отражение литературные, философские и общественно-политические воззрения писателя и его отношение к наиболее значительным из современников.

В. ИВАШЕВА

Стр. 7. *Эрл* Ричард — личный секретарь министра по делам Ирландии Эдварда Стенли (впоследствии графа Дерби). На письме Диккенса резолюция: «Сейчас, кажется, вакансий нет, но если откроется, обязательно рекомендовать».

Кавендиш-сквер, Бентик-стрит. — Смена адресов, которыми помечены письма Диккенса, весьма симптоматична. По мере роста известности писателя и его материального благополучия, а также по мере увеличения его семьи Диккенс переселяется в более просторную квартиру, в лучшей части Лондона.

Стр. 8. *Колле* Генри — владелец текстильной фабрики, женившийся в 1834 г. на Анне Биднелл, старшей сестре Марии Биднелл — первой любви Диккенса.

Стр. 9. *...я вернулся от дядюшки из Норвуда...* — имеется в виду младший брат матери Диккенса Томас Каллифорд Барроу (1793—1857).

Редакция «Вора» оказала мне честь... — Ровно через неделю после опубликования в «Мансли мэгезин» первого очерка Диккенса «Обед на Поплар-Уок», в начале 1834 г., журнал «Вор», переименованный к тому времени в «Ежемесячник», перепечатал его, по своему обыкновению, без разрешения автора и издателя.

...когда речь заходит о презренном металле. — Редакция журнала «Ежемесячник» предпочитала иметь дело с начинающими авторами, которые довольствовались тем, что их произведения появлялись в печати, и не настаивали на получении гонорара. Диккенс поместил в этом журнале несколько очерков.

Стр. 10. *Хогарт* Кэтрин (1815—1879) — дочь Джорджа Хогарта, литератора и музыкального критика, редактора «Ивнинг кроникл», со 2 апреля 1836 г.— жена Диккенса.

Посылаю с Джорджем... вместо Фреда...— Джордж Хогарт (1821—1841) — брат Кэтрин Хогарт; Фред (Фредерик Уильям, 1820—1868) — младший брат Диккенса.

Сэведж Ричард (ок. 1697—1743) — английский поэт и драматург. Его бурной жизни и творчеству посвящена большая часть первого тома «Биографий английских поэтов» знаменитого английского литератора Сэмюэла Джонсона (1709—1784).

Я написал Макроуну...— Джон Макроун — издатель, выпустивший первую книгу Диккенса «Очерки Боза».

«Руквуд» (1834) — роман английского писателя Уильяма Гаррисона Эйнсворта (1805—1882), романы которого, преимущественно из жизни преступников, пользовались большим успехом в 30—40-х годах прошлого века.

Стр. 11. *Хулла* Дж. П. (1812—1884) — композитор, органист и музыкальный педагог. Соученик старшей сестры Диккенса Фанни по Королевской музыкальной академии. Написал музыку на либретто Диккенса «Деревенские кокетки» (1835—1836).

Стр. 12. *Крукшенк* Джордж (1792—1878) — английский карикатурист и иллюстратор. Оставил свыше четырех тысяч рисунков и карикатур, большинство которых хранится в Британском национальном музее. Друг Диккенса. Иллюстрировал его «Очерки Боза» и роман «Оливер Твист».

Фрай Элизабет (1780—1845) — член секты квакеров, общественная деятельница, принимавшая активное участие в борьбе за смягчение режима в английских тюрьмах.

Честертон — директор Образцовой тюрьмы Пентонвиль, построенной в 1842 г. и рассчитанной на «исправление» уголовных преступников строгим режимом одиночного заключения и принудительными работами.

Стр. 14. *Бирд* Томас — один из друзей юности Диккенса, работавший вместе с ним парламентским репортером и порекомендовавший его в редакцию «Морнинг кроникл». Из этого письма видно, что Диккенс организовал коллективный протест сотрудников редакции «Морнинг кроникл» против посягательств издателя на их права. Репортеры пригрозили последнему уходом и добились удовлетворения своих требований. Каковы были эти требования, биографам Диккенса установить не удалось.

Истхоп Джон (1784—1865) — судья, член парламента, издатель большой либеральной газеты «Морнинг кроникл» с 1834 по 1847 г.

«Адельфи» — лондонский театр, где во времена Диккенса ставились преимущественно водевили (фарсы), пантомимы и музыкальные комедии.

Чепмен и *Холл* — по предложению которых Диккенс приступил к работе над «Посмертными записками Пиквикского клуба», издавали произведения Диккенса с 1836 по 1845 г., когда он передал право издания Брэдбери и Эвансу. В 1859 г. он порвал с ними и вновь договорился с Чепменом и Холлом, которые продолжали издавать сочинения Диккенса и после его смерти.

Стр. 15. *...во всем величии и блеске своей славы.*— Тираж «Посмертных записок Пиквикского клуба» к концу публикации осенью 1837 г. превысил 40 тыс. экземпляров, вместо 400—600 экземпляров первых выпусков. Роман завоевал всенародное признание.

«Чудак» — комедия Диккенса «The Strange Gentleman» в двух действиях, поставленная в первый раз на сцене в 1836 г., вышла отдельным изданием в 1837 г.

Огромный успех моей книги...— Речь идет об «Очерках Боза», вышедших в начале февраля 1836 г. и получивших одобрительные отзывы в печати.

Стр. 17. *Сеймур* Роберт (1796—1836) — английский художник, сделавший иллюстрации к первым выпускам «Записок Пиквикского клуба».

«Рассказ странствующего актера» — «Записки Пиквикского клуба», глава третья.

Стр. 18. *Холланд* — капитан в отставке, редактор журнала «Ежемесячник», в котором был опубликован первый очерк Диккенса.

Стр. 22. *Кольер* Джон Пейн — сослуживец Диккенса по газете «Морнинг кроникл».

Стр. 23. *«Альманах»* — литературный ежемесячник, издававшийся Ричардом Бентли (1794—1871).

Джердан Уильям (1782—1869) — английский журналист, редактор «Сатирика», газеты «Сан» и «Литературной газеты» в период с 1817 по 1850 г. Участвовал в создании Королевского общества литераторов в 1821 г. Сотрудничал в журналах Диккенса.

Посылаю Вам корректуру «Джона Ричардсона»...— Речь идет о статье, посвященной незадолго перед тем умершему актеру-клоуну, владельцу популярных в то время дешевых театров-балаганов, дававших представления в разных городах Англии, преимущественно во время ярмарок.

Стр. 24. *Томпсон* Джордж (1757—1851) — дед жены Диккенса, был другом Бернса, издал шесть сборников шотландских народных песен.

Стр. 25. *Форстер* Джон (1812—1876) — самый близкий друг семьи Диккенса с 1837 г., неизменный советчик Диккенса и его душеприказчик. Получил юридическое образование, но всецело посвятил себя литературе. Был в дружеских отношениях со многими видными литераторами своего времени, особенно с Браунингом, Бульвер-Литтоном, Карлейлем. Написал трехтомную «Жизнь Чарльза Диккенса» (1872—1874). Текстологические исследования литературного наследства Диккенса свидетельствуют о том, что Форстер постоянно старался смягчить и приглушить социальный протест и «плебейские» тенденции в творчестве Диккенса и сделать его более «респектабельным». Будучи душеприказчиком Диккенса, Форстер передал для опубликования ряд писем Диккенса с сокращениями. Купюры в письмах отмечены в данном издании многоточием.

Стр. 26. *«Экзаминер».*— В статье Форстера, помещенной в еженедельной прогрессивной газете «Экзаминер» от 2 июня 1837 г., была дана высокая оценка «Запискам Пиквикского клуба».

Корнуэл Барри (псевдоним Брайана Уоллера Проктера. 1787—1874) — английский поэт и публицист. Служил в судебном ведомстве.

Стр. 27. *Браун* Хэблот Найт (1815—1882) — английский карикатурист, известный под псевдонимом «Физ», в 1836 г. проиллюстрировавший «Записки Пиквикского клуба», а затем «Николаса Никльби», «Мартина Чезлвита», «Дэвида Копперфилда».

...копию нашего договора...— Речь идет о договоре на редактирование Диккенсом «Альманаха» Бентли, включавшем обязательство написать для этого издания роман. Договор был заключен позже.

Стр. 28. *Уилс* Уильям Генри (1810—1880) — английский литератор, правая рука Диккенса — помощник главного редактора в обоих диккенсовских журналах — «Домашнее чтение» (1850—1859) и «Круглый год» (1859—1870). Друг Диккенса.

Стр. 29. *...в связи с тремя разными книгами одновременно.*—

С февраля 1837 г. в «Альманахе» печатался «Оливер Твист». Одновременно заканчивалось печатание «Записок Пиквикского клуба» (последний выпуск появился в ноябре 1837 г.). Таким образом, новое издание «Очерков Боза» было бы третьей книгой, подготовлявшейся к выпуску.

Стр. 30. *Хейнс* Томас — служащий лондонского муниципалитета, выдававший журналистам разрешение присутствовать на судебных процессах в качестве репортеров.

Стр. 31. *Биднелл* Джордж — лондонский банкир, в доме которого бывал Диккенс.

Стр. 33. *Тальфур* Томас Нун (1795—1854) — видный судебный и общественный деятель. Литератор и критик, сразу же отметивший талант Диккенса, который посвятил ему свои «Записки Пиквикского клуба».

Марри Джеймс — заведующий иностранным отделом газеты «Таймс», автор многих передовиц.

«Квортерли» — «Квортерли ревью», общественно-политический и литературно-критический журнал, издававшийся с 1809 г. при участии поэта Роберта Саути консерваторами в противовес либеральному «Эдинбургскому обозрению».

Хейуорд Эбрахэм (1801—1884) — адвокат и литературный критик. Дал в общем благоприятный отзыв на первые 17 выпусков «Записок Пиквикского клуба» в октябрьском номере влиятельного консервативного журнала «Квортерли ревью» за 1837 г. Хейуорд отметил, что «мистер Диккенс пишет слишком быстро и слишком много» и что, «взвившись вверх подобно ракете, он может шлепнуться на землю как бревно».

Стр. 34. *Кин* Чарльз (1811—1868) — английский актер и режиссер, сын знаменитого трагика Эдмунда Кина. Один из создателей театральной режиссуры.

Стр. 35. *Боюсь, что восемь пенсов покажется Вам чрезмерно большой ценой за такое письмо.* — До почтовой реформы 1840 г. письма оплачивались получателем.

Стр. 37. *Гримальди* Джозеф (1779—1837) — известный актер английской пантомимы, мемуары которого Диккенс редактировал в 1838 г.

Стр. 38. *..меня позвали к Кэт.* — Жена Диккенса 6 марта 1838 г. родила дочь Мэри Анджелу.

Кюнцель — редактор немецкой энциклопедии «Брокгауз Конверсацион Лексикон», в которой была помещена биография Диккенса.

Стр. 41. *Макриди* Уильям Чарльз (1793—1873) — выдающийся английский актер и режиссер. Выступал на английской сцене с 1816 по 1851 г. Завоевал репутацию замечательного исполнителя шекспировских ролей. Большой друг Диккенса.

Стр. 42. *Йетс* Фредерик (1797—1842) — актер и директор театра «Адельфи», поставивший в 1836 г. сценическую переделку «Николаса Никльби» еще до выхода романа в свет полностью и сделавший по предложению Диккенса сценический вариант «Оливера Твиста». С большим успехом выступал в ролях Манталини, Феджина, Квилпа.

Стр. 43. *Миссис С. К. Холл* — детская писательница, жена писателя и редактора Сэмюэла Картера Холла. С супругами Холл Диккенс поддерживал приятельские отношения.

Стр. 45. *Блэнчард* Сэмюэл Лэмен (1804—1845) — журналист и редактор. В 1832—1836 гг. был редактором газеты «Тру сан», в которой в 1832 г. работал репортером Диккенс.

Стр. 47. *Я бы не должен сожалеть о Вашем уходе...* — В 1839 г. Макриди ушел из Ковентгарденского театра, так как, будучи директором, не смог вывести театр из тяжелого финансового положения.

Кеттермол Джордж (1800—1868) — английский художник и иллюстратор; рано выдвинулся, его картины выставлялись в Королевской академии с 1819 г. Много писал на библейские сюжеты. Был в близких отношениях с семьей Диккенса, участвовал в организуемых им любительских спектаклях.

«Певерил» — «Певерил Пик» — исторический роман Вальтера Скотта (1823).

Стр. 48. *Хант* Ли Джеймс Генри (1784—1859) — английский поэт и литератор. С 1808 г. редактор «Экзаминера». В 1811 г. был привлечен к судебной ответственности за статью против порки в английской армии, но оправдан. В 1812 г. был заключен на два года в тюрьму за «непочтительные выражения» по адресу принца-регента (будущего Георга IV), но продолжал редактировать газету в тюрьме, где его посещали Байрон, Томас Мур, Чарльз Лэм, Бентам. Популяризировал творчество Шелли и Китса. Диккенс относился к нему с большим уважением, но невольно отразил некоторые неприятные ему черты характера Ханта в образе Гарольда Скимпола («Холодный дом»).

Гуд Томас (1799—1845) — выдающийся английский поэт, автор широко известной «Песни о рубашке» и «Моста вздохов»,

повествующих о тяжелой доле бедняков и рабочего класса Англии. Был также талантливым сатириком и карикатуристом.

Стр. 49. *«Болтун», «Спектейтор»* — сатирические нравоописательные журналы английских просветителей Стиля и Аддисона, издававшиеся в начале XVIII в.

«Пчела» — сатирический журнал, издававшийся в 1758 г. Оливером Гольдсмитом. Вышло всего восемь номеров.

Стр. 50. *«Гражданин мира»* — сатирическое произведение Гольдсмита, навеянное «Персидскими письмами» Монтескье. Полное название: «Гражданин мира, или Письма китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на Востоке» (1762).

Ирвинг Вашингтон (1783—1859) — наиболее популярный из американских писателей начала XIX в. Стал известен после опубликования в 1809 г. «Истории Нью-Йорка, написанной Дитрихом Никкербоккером».

Стр. 53. *Оверс* Джон — столяр, выпустивший при содействии Диккенса сборник стихов «Вечерний досуг рабочего» с предисловием Диккенса.

Стр. 54. *Ноулс* Шеридан (1784—1862) — английский драматург. Участвовал в любительских спектаклях Диккенса.

...или сэром Эдвардом Бульвером... — Эдвард Бульвер-Литтон (1803—1873) — английский писатель и драматург, автор исторических и психологических романов. Был в приятельских отношениях с Диккенсом, который ставил его пьесы в любительских спектаклях и печатал его произведения в своих журналах «Домашнее чтение» и «Круглый год».

Стр. 55. *Наконец-то я получил книгу, всю книгу, и только книгу...* — Диккенс пародирует слова присяги: «Клянусь говорить правду, всю правду, и только правду».

...Ваше участие к Бернету... — Генри Бернет — муж старшей сестры Диккенса Фанни, умершей от чахотки в 1848 г.

Стр. 56. *Сегодня утром я увидел процессию...* — Имеется в виду кортеж, сопровождавший королеву Викторию и ее жениха, принца Альберта, перед их бракосочетанием.

Стр. 59. *Маклиз* Дэниэл (1811—1870) — английский художник, портретист и иллюстратор. С 1840 г. член Королевской академии. Один из близких друзей Диккенса. Его кисти принадлежит широко известный портрет Диккенса (1838).

Стр. 62. *Харфорд С.* — псевдоним молодого клерка Р. С. Хо-

релла, который привлек своими первыми литературными опытами внимание Диккенса.

Стр. 64. *«...и во всем — добро».*— Слова Старого герцога из комедии Шекспира «Как вам это понравится», акт II, сц. I.

Стр. 67. *Позвольте поблагодарить Вас за комедию.*— Речь идет о комедии Бульвер-Литтона «Деньги», поставленной Макриди в театре Хаймаркет 8 декабря 1840 г.

«Добродушный человек» — комедия Гольдсмита, написанная в 1768 г.

Стр. 68. *«Атэнеум»* — клуб, учрежденный в 1826 г. видными деятелями науки и искусства, а также покровительствующей им знатью. Быть членом этого клуба считалось большой честью. Диккенс был принят в этот клуб в 1838 г.

Стр. 70. *Тайлер* Уот — вождь крестьянского восстания 1381 г.

Стр. 75. *Холл* Бэзил (1788—1844) — морской капитан. Автор нескольких книг о путешествиях.

Стр. 77. *...леди де Ланси...*— сестра Бэзила Холла, была замужем за полковником сэром Уильямом Хоу де Ланси, смертельно раненным в сражении при Ватерлоо.

Стр. 82. *«Блеквудс мэгезин»* — ежемесячный журнал консервативного направления, основанный шотландским журналистом Уильямом Блеквудом в 1817 г. в противовес либеральному «Эдинбургскому обозрению».

Стр. 85. *Гордон* Джордж (1751—1793) — возглавил антикатолический бунт в Лондоне в 1780 г. Оправданный по суду, был заключен в тюрьму в 1787 г. за оскорбление в печати французской королевы Марии-Антуанетты, где и умер.

Стр. 87. *...перо Неподражаемого...*— Диккенс так именует себя, возможно, потому, что на табакерке, которую он получил в подарок от посетившего его Уильяма Джайлса, у которого он учился в Чатаме в 1820—1821 гг., была надпись «Неподражаемому Бозу».

Стр. 94. *Эллиотсон* Джон (1791—1868) — врач, профессор медицины в Лондонском университете с 1831 по 1838 г. Основатель Френологического общества и первой клиники для лечения гипнозом. Друг Диккенса.

Стр. 99. *Энн* — Энн Браун, горничная жены Диккенса.

Стр. 102. *Дейна* Ричард Генри (1815—1882) — американский юрист и писатель.

Стр. 103. *Фелтон* Корнелий Конвей (1807—1862) — профессор латинского и греческого языков в Гарвардском университете.

Ректор этого университета в 1860 г. Переписывался с Диккенсом на протяжении 15 лет.

Спаркс Джаред (1779—1866) — американский историк.

Тикнор Джордж (1791—1871) — американский писатель, специалист по испанской литературе.

Банкрофт Джордж (1800—1891) — американский историк.

Чаннинг Уильям Эллери (1780—1842) — американский писатель; писал на религиозные темы.

Самнер Чарльз (1811—1874) — американский оратор и политический деятель.

Стр. 109. ...*мистер К*...— Этой буквой Форстер заменил в письмах Диккенса фамилию американского секретаря Диккенса — Джорджа Патнэма, оставив ее лишь в письме от 3 мая 1842 г.

Стр. 113. *Прескотт* Уильям Хиклинг (1796—1859) — американский историк.

Хоффман Чарльз Фенно (1806—1884) — американский поэт, романист и публицист.

Брайант Уильям Каллен (1794—1878) — американский поэт и журналист.

Халлек Фитц-Грин (1790—1867) — американский поэт.

Оллстон Вашингтон (1779—1843) — американский художник.

Стр. 115. *Клей* Генри (1777—1852) — государственный деятель США, выдающийся оратор.

Стр. 119. *Эшбертон* Александр Беринг, барон (1774—1848) — сын Френсиса Беринга, в банкирском доме которого служил старший сын Диккенса Чарльз.

Стр. 123. *Адамс* Джон Куинси (1767—1848) — президент Соединенных Штатов Америки с 1825 по 1829 г.

Престон Джон — бостонский журналист.

Келхаун Джон Колдуэл (1782—1850) — американский государственный деятель.

...*настоящие Крайтоны*...— Крайтон Джеймс (1560—1585), шотландский ученый и путешественник, прославившийся умом, ученостью и нравственным совершенством. Его имя стало в английском языке нарицательным (The Admirable Crichton — замечательный Крайтон).

Уэбстер Дэниэл (1782—1852) — американский государственный деятель.

Стр. 124. *Государство... с отцовской заботливостью наблюдает за всеми бедными детьми, роженицами, больными и рабами.*— Это заблуждение Диккенса длилось очень недолго. Уже из сле-

дующих писем видно, что Диккенс быстро понял цену подлинной американской свободы и демократии. В письмах друзьям он отмечает как наиболее характерные черты социальных условий в Соединенных Штатах неограниченную власть чистогана, продажность печати, безнаказанность расистов и линчевателей негров. Своему ближайшему другу Макриди он пишет, что ни за какие блага в мире не согласился бы жить в Америке.

Стр. 125. *Кеннеди* Джон Педлтон (1795—1870) — американский писатель, член конгресса от Балтимора.

Стр. 129. *Мартино* Хариет (1802—1876) — английская писательница, публицистка и общественная деятельница. Ее ранние произведения посвящены рабочему вопросу. В дальнейшем она перешла на реформистские позиции. Сотрудничала в журнале Диккенса «Домашнее чтение».

...виги-тайлеристы... — члены оппозиционной партии вигов в конгрессе, сторонники президента Джона Тайлера (1841—1844), ставленника демократической партии. Тайлер, под давлением промышленных кругов, противился распространению рабовладения на новые штаты — Орегон и Техас, вступавшие в Союз Штатов в сороковых годах.

Стр. 132. *Ши* Мартин Арчер (1769—1850) — английский художник-портретист, президент Королевской академии с 1830 г.

Я плюю на Трафальгар-сквер... — на Трафальгар-сквер помещалась Королевская академия художеств.

Стр. 135. *Ирландцы, разумеется, несли портрет отца Метью.* — Метью Теобальд (1790—1856) — ирландский священник, прозванный «Апостолом воздержания»; с 1838 г. организовал грандиозную массовую кампанию против пьянства, в которую вовлек сотни тысяч людей в Ирландии и Англии. В 1849—1851 гг. с неменьшим успехом продолжал свою деятельность в Соединенных Штатах.

Стр. 136. *П. Э.* — знаменитый американский поэт и писатель Эдгар Аллан По (1809—1849). Очевидно, в это время Диккенс был знаком лишь с публицистикой По, который послал ему сборник своих новелл.

Стр. 141. *...румяный этюд Кетлина...* — Джордж Кетлин (1796—1872) — американский художник и путешественник.

Стр. 150. *Остин* Генри — муж сестры Диккенса Летиции, архитектор.

Стр. 152. *«Криди»* — так называл в детстве один из сыновей Диккенса его друга Макриди.

Стр. 154. *Кили* Роберт (1793—1869) — английский комический актер. Выступал в роли миссис Гэмп в сценической переделке «Мартина Чезлвита».

Стр. 157. *Мы будем играть... «Роланд вместо Оливера», «Два часа утра» и «Глухой как пробка».*— Этими спектаклями в Канаде началась многолетняя актерская деятельность Диккенса, организовавшего впоследствии коллектив театралов-любителей из своих ближайших друзей и членов семьи.

Стр. 160. *Бен Эллен* и *Боб Сойер* — студенты-медики, неразлучные друзья («Записки Пиквикского клуба»).

Стр. 161. *...подделанное ими письмо с моей подписью...*— Вскоре после отъезда Диккенса из США в нескольких американских газетах появилось поддельное письмо за его подписью, якобы перепечатанное из английской «Морнинг кроникл», с резкими нападками на Америку и американцев.

Хоун Филип (1781—1851) — американский коммерсант, основатель общества публичных платных библиотек, мэр Нью-Йорка в 1825—1826 гг.

Стр. 162. *Мариет* Фредерик (1792—1848) — английский писатель, автор приключенческих романов, морской капитан.

Стэнфилд Уильям Кларксон (1793—1867) — английский художник-маринист и пейзажист. Член Королевской академии с 1835 г. Работал декоратором в театре Друри-Лейн. Друг Диккенса. Участвовал в иллюстрировании его «Колоколов», «Сверчка за очагом», «Битвы жизни».

Стр. 164. *Кембриджский профессор Лонгфелло...*— Знаменитый американский поэт Генри Уодсворт Лонгфелло (1807—1882) был в то время профессором новых языков в Гарвардском университете.

Стр. 165. *Смит* Томас Саутвуд (1788—1861) — один из первых английских врачей, работавших в области санитарного просвещения. Добивался законодательного ограничения рабочего дня. По его инициативе в 1833 г. был запрещен ночной труд подростков.

Мисс Кутс.— Анджела Джорджина Бердет-Кутс (1814—1906) — миллионерша-благотворительница. Была в дружеских отношениях с Диккенсом, помогавшим ей в осуществлении ее многочисленных филантропических начинаний.

Стр. 166. *...Пьеса Браунинга...*— Речь идет о пьесе английского поэта Роберта Браунинга (1812—1889) «Запятнанный

щит», которая была показана Диккенсу Форстером в рукописи в 1842 г. Поставлена Макриди в 1843 г. в театре Друри-Лейн.

Стр. 169. *Элстон* Вашингтон (1779—1843) — американский художник.

Стр. 173. *Хоун* Уильям (1780—1842) — английский книгоиздатель, автор популярных справочников-альманахов.

Стр. 175. *Синяя Книга* — периодически издаваемые документы английского правительства по вопросам внутренней политики.

Стр. 176. *Теннисон* Альфред, лорд (1809—1892) — английский поэт, один из любимых поэтов Диккенса, который назвал в его честь одного из своих сыновей.

Баббедж Чарльз (1792—1871) — английский математик, профессор Кембриджского университета с 1828 по 1839 г. В 1820 г. основал Астрономическое общество. Посвятил 37 лет своей жизни созданию счетной машины, но не смог осуществить свой проект за недостатком средств.

Я же решительно против этой идеи — против создания литературного общества, объединяющего писателей и издателей.

Перефразируя Теннисона, я могу сказать, что даже если бы это было самым превосходным обществом на свете, грубость отдельных его членов помешала бы ему воспарить. — Диккенс имеет в виду строки из поэмы Теннисона «Локслей Холл» (1842):

Жизнь связала ты с мужланом, что ж, по мужу и жена,
Груб он нравом, неизбежно огрубеет и она.

Перевод Е. Скибицкой

Стр. 177. *Нэпир* Мекви (1776—1874) — редактор «Эдинбургского обозрения» с 1829 по 1847 г. Диккенс так и не написал статьи, о которой идет речь в письме.

Стр. 180. *Топпинг* — кучер Диккенса.

Стр. 181. *Мы уже обсудили, как быть с малышом...* — то есть со вторым сыном Диккенса.

Стр. 184. *Рэдли С.* — содержатель гостиницы «Адельфи» в Ливерпуле.

Бруммагем — простонародное название Бирмингема.

«Сэр Роджер» — старинный английский танец.

Стр. 185. *Уэлер* Кристиана — пианистка, выступавшая на вечере в Политехнической школе в Ливерпуле 24 февраля 1844 г., на котором произнес речь Диккенс. Впоследствии — жена друга Диккенса Т. Дж. Томпсона.

Стр. 186. *Стейплс* Джеймс — школьный учитель в Бостоне.

Джонс Эбинизер (1820—1860) — английский поэт.

Стр. 187. *Этти* Уильям (1787—1849) — английский художник. Писал большей частью претенциозные картины на мифологические и аллегорические темы.

Ландсир Эдвин (1802—1873) — известный английский художник-анималист и скульптор. Член Королевской академии с 1831 г. Друг Диккенса.

Сэр Мартин — Мартин Арчер Ши (см. коммент. к стр. 132).

Стр. 188. *Найт* Чарльз (1791—1873) — английский литератор и издатель. Приобрел известность как инициатор выпуска дешевых, общедоступных изданий английских классиков.

Стр. 191. *...самую длинную из четырех частей.*— Речь идет о рождественской повести «Колокола».

Стр. 195. *Стэнни и другой Мак* — друзья Диккенса. Стэнни — художник Стэнфилд, Мак — Маклиз (в других случаях Диккенс называет Маком Макриди).

Стр. 197. *Рош* Луи — француз из Авиньона, которого Диккенс, отправившись в путешествие по Италии и Швейцарии в 1844 г., нанял курьером. Диккенс пользовался его услугами и в последующие годы, а когда в 1848 г. Рош тяжело заболел, поместил его в больницу и заботился о нем до самой его смерти в 1849 г.

Стр. 199. *Джеролд* Дуглас Уильям (1803—1857) — английский литератор и драматург, сотрудник журнала «Панч». Друг Диккенса.

Стр. 200. *«Жизнь Белла»* — имеется в виду альманах «Жизнь Белла в Лондоне», в котором Диккенс помещал с осени 1835 г. по январь 1836 г. свои «Сцены и характеры» под псевдонимом «Тиббс».

Вы знаете, что этот город некогда славился скрипками.— В Кремоне в XVI—XVIII столетиях жили и работали прославленные мастера скрипок — Амати, Гварнери, Страдивари.

Стр. 206. *Мэтьюс* Чарльз Джеймс (1803—1878) — английский актер и драматург.

«Горбун» — пьеса Шеридана Ноулса.

Стр. 207. *...нечто вроде гамильтоновской системы...*— Гамильтон Джеймс (1769—1831) — английский педагог, автор системы изучения иностранных языков без грамматики с помощью подстрочников к литературным текстам.

Стр. 210. *Судите сами, какое страшное впечатление произ-*

вело на меня случившееся...— В начале ноября 1845 г. в связи с банкротством банкирского дома в лондонском Сити издательство Брэдбери и Эванс потеряло значительную сумму своих вложений.

Стр. 211. *Пакстон* Джозеф (1801—1865) — английский архитектор. В 1846 г. субсидировал газету «Дейли ньюс», основанную Диккенсом.

Стр. 215. *Келли* Франсес Мария (1790—1882) — английская актриса.

Джеффри Френсис (1773—1850) — шотландский судья и литературный критик, основатель «Эдинбургского обозрения», которое он редактировал с 1803 по 1829 г. Один из первых критиков, оценивших талант Диккенса. Диккенс посвятил ему «Сверчка за очагом» и назвал в его честь своего третьего сына.

...сумел перенести все эти «сине-желтые» дрязги...— Синежелтыми дрязгами Диккенс называет предвыборную кампанию вообще, используя собственное описание предвыборной борьбы Синих и Желтых в Итенсуилле («Записки Пиквикского клуба»).

Стр. 217. *...«систему отметок» капитана Макконохи...*— Эта исправительно-трудовая система применялась в 40-х годах XIX века в Пентонвильской тюрьме. За хорошее поведение и выполнение принудительных работ заключенному засчитывалось определенное количество очков, дающее право на досрочное освобождение.

Стр. 226. *Клотен* — персонаж из комедии Шекспира «Цимбелин».

Лорд Джон — Джон Рассел (1792—1878) — один из ведущих деятелей партии вигов. Неоднократный глава кабинета.

Стр. 227. *...излишнее население непременно должно голодать...*— Здесь Диккенс издевается над «закономерностью» обнищания трудового народа, провозглашенной мальтузианцами.

Стр. 228. *Холдимэнд* Уильям (1784 — ?) — английский банкир и филантроп. В 1828 г. переехал в Швейцарию и основал в Лозанне больницу для слепых.

Стр. 231. *...весьма часто упоминает лорда Гобдена.*— Речь идет о Ричарде Кобдене, который не был лордом.

...повесть обещает быть весьма недурной...— Имеется в виду «Битва жизни».

Стр. 233. *... о революции в Женеве.*— В действительности это была смена правительства, сопровождаемая уличными демон-

страциями. К власти пришло правительство из представителей либеральной буржуазии.

Стр. 235. ... *неплохо читаю Майора...*— эпизод, когда майор Бэгсток знакомит мистера Домби с его будущей второй женой.

Стр. 238. *Что же касается «Шуточной истории Англии» и подобных же бурлесков (включая и «Снобов»)...*— Диккенс крайне неодобрительно относился к едкой сатире Теккерея; особенно его возмущали пародии на Вальтера Скотта, Бульвер-Литтона, Чарльза Левера и других писателей-современников.

Бекет Гильберт Эббот (ум. в 1856 г.) — судья при полиции в Лондоне. Постоянный сотрудник «Панча», автор многочисленных комических рассказов и пьес. Сотрудничал в журналах Диккенса.

«Галиньяни» — ежедневная политико-экономическая и литературная газета на английском языке, издававшаяся в Париже для укрепления англо-французских связей. Основана братьями Галиньяни.

Стр. 239. *Тюссо* Мари (1760—1850) — владелица музея восковых фигур в Лондоне, существующего и поныне.

Стр. 241. *Уордн* — персонаж из «Битвы жизни».

Графиня Блессингтон — хозяйка светского салона, где она принимала многих выдающихся деятелей того времени. Автор «Разговоров с лордом Байроном» и интересных мемуаров.

Стр. 243. *Тэгарт* Эдвард — священник унитариатской церкви, которую посещала семья Диккенса. С семьей Тэгарта у Диккенса и его жены завязались приятельские отношения.

Стр. 246. ... *рождественский рассказ оставил далеко позади своих предшественников.*— Речь идет о том, что «Битва жизни» разошлась в большем количестве экземпляров, чем предыдущие рождественские рассказы Диккенса.

Стр. 249. *Доктор Ходжсон* — директор Ливерпульского института и Чарльстонской средней школы в Манчестере.

Стр. 250. *«Всяк в своем нраве»* — комедия Бена Джонсона. Диккенс исполнял роль хвастливого труса капитана Бобадила.

Стр. 251. ... *и будет считать инцидент исчерпанным.*— Форстер, так же как и Диккенс, относился неодобрительно к пародиям Теккерея на современных английских писателей, помещенным в «Панче». Увидев карикатуру, нарисованную на него Теккереем, которую ему показал молодой журналист Тэйлор, Форстер обиделся и назвал Теккерея «насквозь фальшивым».

Когда Теккерей узнал об этом, он, встретившись в доме Проктера с Форстером, не подал ему руки.

Стр. 254. ... *встретиться с датчанином* — с Гансом Христианом Андерсеном.

Ван Амбург — знаменитый укротитель львов.

Стр. 255. ... *Как Вам понравится такая идея?* — Диккенс задумал написать комическую эпопею «Путь паломника», где главной героиней была бы миссис Гэмп (из романа «Мартин Чезлвит»). Не удовлетворенный работой иллюстраторов, он вскоре оставил эту затею, написав лишь несколько страниц.

Стоун Фрэнк (1800—1859) — английский художник, член Королевской академии с 1851 г. Его сын, Маркус Стоун, иллюстрировал последние романы Диккенса.

Фелпс Сэмюэл (1804—1878) — английский актер. В 1844 г. основал театр «Седлерс-Уэллс», где в течение двадцати лет ставил шекспировские пьесы. В последние годы жизни играл преимущественно в Друри-Лейн.

Стр. 257. ... *у Лондонского моста им предстоит попасть в объятия Блимбера.* — Диккенс называет школьного учителя своих старших сыновей именем персонажа из романа «Домби и сын».

Стр. 258. *«Древний Парр»* — англичанин, который якобы прожил более 150 лет: с 1483 по 1635 г.

Стр. 260. Письмо от 24 февраля 1848 г. написано по-французски.

Стр. 261. *Ламартин* Альфонс Мари де (1790—1864) — французский поэт, историк и политический деятель. Стоял во главе временного правительства Второй республики после революции 1848 г.

Стр. 264. *Я сегодня не принимал участия в деятельности добровольной милиции...* — 10 апреля 1848 г. английское правительство, напуганное мирной демонстрацией чартистов, собравшихся для подачи петиции в парламент, мобилизовало около 150 тысяч добровольных констеблей и заняло войсками все стратегические пункты Лондона.

Босуэл Джеймс (1740—1795) — друг Сэмюэла Джонсона и автор его подробнейшей биографии.

Стр. 265. *Рейнолдс* Джошуа (1723—1792) — знаменитый английский художник-портретист.

Стр. 266. *«Покинутая деревня»* — стихотворение Гольдсмита.

Стр. 267. *Мойр* Дэвид Макбет (1798—1851) — шотландский

врач, писатель. Автор «Истории медицины с древнейших времен». Практиковал в небольшом шотландском городке Масселберге.

Стр. 271. ... *Если бы Вы только слышали проклятия и вопли этой пары!* — Через несколько дней после приезда Диккенса в Брайтон, хозяин квартиры, в которой поселился Диккенс с семьей, и дочь хозяина сошли с ума.

Стр. 275. *Уотсон* Ричард (1800—1852) — английский помещик, владелец замка Рокингем в Нортгемптоншире. С ним и его женой Диккенс познакомился в 1846 г. в Лозанне.

Стр. 276. *Честерфилдство.*— Граф Филип Честерфилд (1694—1773) вошел в историю английской литературы своими письмами к побочному сыну, которому он преподал целый кодекс циничной аристократической морали.

Стр. 278. *Оллиф* Джозеф — врач при британском посольстве в Париже.

... *который он испытывает...*— Далее помещена шутливая афиша, в которой Диккенс, превосходно владевший искусством показывать фокусы, излагает их содержание.

Стр. 280. *Таухниц* Бернгард — лейпцигский книгоиздатель, заключивший с Диккенсом соглашение о выпуске его сочинений в немецких переводах.

Стр. 286. ... *некая мисс Бойль...*— кузина миссис Уотсон, принимала деятельное участие в любительских спектаклях Диккенса, с которым поддерживала длительную переписку.

Стр. 287. *Вы не можете себе представить, что творилось при повешении Маннингов.*— Супруги Маннинг были казнены 13 ноября 1849 г. за убийство своего постояльца.

Письма мои по этому вопросу произвели большой шум.— Речь идет о трех письмах, опубликованных в марте 1846 г. в газете «Дейли ньюс» (см. статью «О смертной казни», том 28 наст. Собр. соч.).

... *некая юная особа... весьма разборчива.*— Невестка Диккенса, Джорджина Хогарт (1827—1917) жила в доме Диккенса с 1843 г., заботилась о воспитании его детей и была преданным другом и помощницей в его редакционных делах.

Стр. 292. *Полностью согласен со всем, что Вы так красноречиво высказали об этом несправедливом, неумном и непомерном налоге.*— Чарльз Найт написал брошюру против налога на бумагу, удорожавшего печатные издания и ложившегося тяжелым бременем на потребителя.

Стр. 294. *Мне прислали сегодня предполагаемый № 2...*— журнал Диккенса «Домашнее чтение».

Стр. 295. *Фарадей* Майкл (1791—1867) — знаменитый английский физик.

Стр. 299. ... *«Копперфилд», как Вы знаете,— Ваша книга...*— Диккенс посвятил «Дэвида Копперфилда» миссис Уотсон.

Стр. 300. *Кинкель* Готфрид (1815—1882) — профессор университета в Бонне, заключенный прусским правительством в тюрьму за политическую деятельность. Бежав из тюрьмы, Кинкель поселился в Лондоне, где читал лекции по искусству.

Стр. 304. *Ведь к Форстеру я прибыл с комедией в руках.*— Комедия Бульвер-Литтона «Не так плохи, как кажемся». Впервые поставлена в Девоншир-хаус 16 мая 1851 г. в присутствии королевы Виктории.

Стр. 305. *Эгг* Огастес (1816—1863) — английский художник и иллюстратор, автор многих картин на исторические и литературные темы в сентиментальном духе. Постоянный участник любительских спектаклей Диккенса.

Стр. 307. *Такер* — владелец магазина на Стрэнде, оборудовавший освещение для сцены под руководством Диккенса.

Стр. 312. *Капитан Бофор* (1775—1857) — военный моряк, гидрограф, получивший ранение в 1812 г.

Стр. 313. ... *если наши взгляды совпадают, это можно будет сделать в пределах одной статьи.*— Статья доктора Стоуна о сновидениях, помещенная в VII томе «Домашнего чтения» от 8 марта 1851 г., содержит много мыслей Диккенса.

Стр. 316. ... *герцог свалил на нас выбор и приглашение зрителей...*— Герцог Девонширский, который предоставил свой дом в распоряжение Диккенса для постановки любительских спектаклей.

Стр. 317. *Все, что могу сделать для кебов, сделаю завтра.*— В «Домашнем чтении» за 1851 г., том VII, стр. 121—131 была помещена статья о городском транспорте в Лондоне, Париже, Риме, Гамбурге, Вене и Петербурге. По свидетельству сотрудника Диккенса Перси Фицджеральда, статья написана Уилсом совместно с Диккенсом.

Стр. 318. ... *я так утомлен моими печальными делами и предшествовавшими им обстоятельствами...*— Диккенс говорит о болезни и смерти отца после тяжелой операции.

Стр. 321. *«Гильдия»* — «Гильдия литературы и искусства» — фонд помощи престарелым писателям и художникам, созданный

по инициативе Диккенса, Бульвер-Литтона и других деятелей искусств. Хотя были собраны большие средства и Бульвер-Литтоном предоставлен участок для строительства дома «Гильдии», организация вскоре распалась.

Помимо комедии, во вторник будет представлен еще и фарс, в коем некий выдающийся актер-любитель выведет целую галерею характерных ролей...— Кроме комедии Бульвер-Литтона «Не так плохи, как кажемся», был поставлен фарс (водевиль) «Дневник мистера Найтингела» Марка Лемона, в переделке Диккенса, в котором Диккенс играл шесть ролей: адвоката, лакея, прохожего, ипохондрика, глухого пономаря и старухи.

Стр. 326. *Мумбо-Юмбо.*— У Карлейля в «Истории французской революции» Мумбо-Юмбо — символ фетишизации введенного Робеспьером «Верховного существа», призванного заменить христианскую религию.

«Алая буква» — роман американского писателя Натаниеля Готорна (1804—1864).

Стр. 327. *Ханней* Джеймс (1827—1873) — английский романист и очеркист.

«Во имя пророка Смита» — статья Уилса и Ханнея в «Домашнем чтении» (19. VII. 1851 г.). Смит Джозеф (1804—1844) — основатель секты мормонов в штате Юта (США).

Стр. 330. *Я обессилен выставкой.*— Речь идет о «Всемирной выставке промышленного прогресса», открывшейся 1 мая 1851 г. в Гайд-парке.

Стр. 335. *«Труды во вселенной»* — статья Генри Морли, помещена в «Домашнем чтении» 13 сентября 1851 г.

«Солдатские жены» — заметка, помещенная в «Домашнем чтении» 6 сентября 1851 г.

Стр. 336. *Хорошо бы пустить статью в следующем номере.*— Речь идет о статье Джорджа Огестеса Сейла «Нашествие иностранцев», помещенной в «Домашнем чтении» 11 октября 1851 г.

Мне нужна рукопись миссис Джусбери.— Джеральдина Эндзор Джусбери (1812—1880) — литератор, критик. Речь идет о ее статье «Любопытная страница семейной истории», опубликованной в «Домашнем чтении» 6 декабря 1851 г.

Стр. 337. *Хорн* Ричард Генгист (1803—1884) — английский литератор, постоянный сотрудник диккенсовских журналов.

Стр. 338. *Посылаю список заглавий, который я составил для корешков.*— При переезде в Тэвисток-хаус Диккенс заказал

около семидесяти макетов книг с юмористическими названиями на корешках. Так, на корешке самого тощего из томов значилось: «Добродетели наших предков».

Стр. 342. *...по-моему, намного полезнее... оставаться в своей сфере деятельности, чем быть среди горланов и скучных говорунов св. Стефана* — то есть членов палаты общин, которая одно время помещалась в церкви св. Стефана.

Стр. 343. ... *значительно уменьшил сходство.*— Друзья обратили внимание Диккенса на то, что его Гарольд Скимпол в «Холодном доме» многими чертами (в том числе своим легкомысленным отношением к денежным делам) сильно напоминает Ли Ханта. Диккенс не только постарался ослабить сходство, но и написал Ханту письмо, в котором объяснил ему, что «портретность» персонажей — это особенность его творческого метода, с которой ему трудно бороться.

Стр. 345. *...Очень хорошая мысль — дать несколько проектов домов...*— Диккенс говорит о проекте мисс Кутс построить в лондонском Ист-Энде, на Колумбиа-сквер, дома с дешевыми квартирами на тысячу человек.

Стр. 348. *Роджерс* Сэмюэл (1763—1855) — английский поэт и банкир.

Стр. 355. *Недостаток поэмы Принса...*— Джон Кричли Принс (1808—1866) — поэт-самоучка. В 1840 г. опубликовал сборник стихов «Час с музами».

Передайте Томасу, что я считаю его статью о хмеле отличной.— Мой Томас Уильям (1828—1910) — английский журналист. Штатный сотрудник журнала «Атэнеум». С 1851 г. писал в журналах Диккенса.

Гай Фредерик — директор Ковентгарденского театра.

Стр. 359. *Итон* — наиболее аристократический из колледжей. В Итоне учился старший сын Диккенса Чарльз, принятый туда по рекомендации мисс Кутс.

Стр. 360. *Уайт* Джеймс (1803—1862) — священник, писатель и драматург. Сотрудничал в «Домашнем чтении».

Стр. 364. *Или возьмите мою статью «Посещение работного дома»...*— Статья появилась в «Домашнем чтении» 27 апреля 1850 г. под названием «Узники-баловни» (см. том 28 наст. Собр. соч.).

Стр. 365. *La Galite* — «Остров отшельников», статья Хепворта Уильяма Диксона (1821—1879), историка и путешественника, помещена в «Домашнем чтении» 26 марта 1853 г.

Стр. 370. *Лемон* Марк (1809—1870) — близкий друг Диккенса и его семьи. Основатель и бессменный редактор журнала «Панч» (1841—1870), автор многочисленных комедий, мелодрам и фарсов.

Стр. 377. *Каннингем* Питер (1816—1869) — писатель и критик. Казначей Шекспировского общества.

Стр. 380. *Уорд* Мэтью (1816—1879) — английский художник-портретист и автор картин на исторические и литературные темы. Член Королевской академии.

Стр. 381. *Плорниш* — прозвище младшего сына Диккенса.

Гарнесс Уильям (1790—1869) — священник, настоятель бромптонской церкви.

Стр. 384. ... *невзирая даже на убийственную скуку Хрустального дворца.*— Размещенная в Хрустальном дворце Всемирная выставка промышленного прогресса оставила у Диккенса чувство неудовлетворенности, что уже было видно из статьи об этом дворце, помещенной в «Домашнем чтении» в 1851 г., вскоре после открытия выставки.

Я. РЕЦКЕР

СОДЕРЖАНИЕ

ПИСЬМА 1833—1854

ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС

Собр. соч., т. 29

Редактор А. Мурик
Художник Н. Семпер
Художественный редактор
Л. Калитовская
Технический редактор Г. Каунина
Корректор М. Муромцева

Сдано в набор 1/VIII 1962 г.
Подписано к печати 16/XI 1962 г.
Бумага $84 \times 108^{1}/_{32}$ — 13,25 печ. л. = 21,7.
усл. печ. л. 20,4 уч.-изд. л.
Тираж 403 000 экз. (300 001—403 000).
Заказ № 1200. Цена 56 коп.

Гослитиздат
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

Типография «Красный пролетарий»
Госполитиздата
Министерства культуры СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16.